Н. П. Дружининъ.

ПРАВО и ЛИЧНОСТЬ КРЕСТЬЯНИНА.

Того же автора.

1. Юридическое положеніе крестьянъ. Спб. 1897 г. Изд. юридич. книжнаго магазина Мартынова. 2 р.

2. Очерки крестьянской общественной жизни. Изд. книжн. склада „Право". 1906 г. 1 р. 50 к.

3. Новое сельское общество. М. Изд. 3. 1905 г. 50 к.

4. Сельскій староста. Изд. 4-ое. 10 к.

5. Волостное правленіе и волостной старшина. Изд. 4-ое. 20 коп.

6. Волостной сходъ. 1904 г. 25 к.

7. Крестьяне-граждане. 1905 г. 20 к.

8. Общепонятное законовѣдѣніе. Научно-практическое пособіе съ приложеніемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ бумагъ. Изд. 3-е. 1 р.

9. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Изд. 3-е. 60 к.

10. Обновленіе одного города. 10 к.

11. Избиратели и народные представители. Общедоступный очеркъ конституціоннаго права. 1906 г. 1 р.

12. Права человѣка и гражданина. 1906 г. 10 к.

13. Формы правленія. 1906 г. 8 к.

14. Избраніе народныхъ представителей. 1906 г. 10 к.

15. Палаты народныхъ представителей. 1906 г. 12 к.

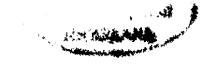
16. Лестеръ. Къ свободѣ и порядку! Переводъ съ англійскаго Н. П. Дружинина. 1908 г. 45 к.

17. Ралэ. Элементарная политика. Переводъ съ англійскаго 1906 г. 40 к. Н. П. Дружинина.

Въ редакцію
Русскаго Труда
отъ автора

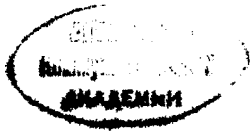
Н. М. Дружининъ.

ПРАВО и ЛИЧНОСТЬ КРЕСТЬЯНИНА.



1912.

бк



404
36

Ярославль. Тип. К. Ф. Некрасова.

Оглавленіе.

Стран

Предисловіе О взаимоотношеніи правового и экономическаго положенія крестьянъ и о литературѣ юридической стороны ихъ положенія . . . . . I—XVI

Отдѣленіе первое.

Законъ и обычай въ историческихъ судьбахъ русскаго крестьянства.

I. Обычай, рабство и крѣпостная зависимость 1
II. Развитіе крѣпостной зависимости 17
III. Условія смягченія и отмѣны крѣпостной зависимости 31
IV. Законъ и обычай въ отношеніи государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ 50

Отдѣленіе второе.

Обычай, какъ дѣйствующая правовая норма среди крестьянъ.

I. Объ объемѣ дѣйствія, изслѣдованіи и изученіи народныхъ юридическихъ обычаевъ 65
II. Обычное государственное право 93
III. Обычное полицейское право 125
IV. Обычное финансовое право 134
V. Обычное гражданское право 142
VI. Обычное уголовное право 183
VII. Обычное процессуальное право 203

Отдѣленіе третье.

Закономъ или обычаемъ должно опредѣляться положеніе крестьянъ.

I. Основныя задачи государства 213
II. Послѣдствія допущенія дѣйствія обычаевъ . . . 219
III. О существѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ . . . 238
IV. Объ основаніяхъ, приводимыхъ въ пользу сохраненія юридическаго значенія за народными обычаями 243

Приложенія.

Приложеніе I.

Программа мѣстнаго изслѣдованія юридическаго положенія крестьянъ.

I. Нѣкоторые общіе вопросы 263
II. Государственное право 264
III. Полицейское право 280
IV Финансовое право 281
V. Гражданское право 285
VI. Уголовное право 287
VII. Судоустройство и судопроизводство 288

Приложеніе II.

Краткій перечень литературы крестьянскаго вопроса (преимущественно касающейся правового положенія крестьянъ). 293

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О взаимоотношеніи экономическаго и правового положенія крестьянъ и о литературѣ юридической стороны ихъ положенія.

I.

Въ сравнительно очень недавнее время стало у насъ обращать на себя вниманіе не одно экономическое положеніе крестьянъ, разсматриваемое безотносительно, само по себѣ. Мы имѣли уже случаи указать на это. *) Все же, однако, и съ тѣхъ поръ многими,—помимо чисто экономическихъ,—поистинѣ животрепещущими для крестьянъ вопросами литература наша занималась, по крайней мѣрѣ, до самаго послѣдняго времени, слишкомъ—необычайно—мало... Экономическіе вопросы, касающіеся крестьянства, продолжали почти исключительно интересовать русское общество. Этимъ же отчасти объясняется и то крайне малое оживленіе, которое внесъ въ обсужденіе литературою и періодическою печатью пересмотръ законовъ о крестьянахъ, начатый въ свое время, въ 1894 г. Пересмотръ засталъ наше общество какъ бы врасплохъ: поставлены были на очередь вопросы юридическаго быта крестьянъ,—но именно къ вопросамъ этого рода оно оказалось почти неподготовленнымъ, и оттого, въ сущности, не представляющимъ себѣ съ надлежещею ясностію экономическаго положенія крестьянъ со всѣми причинами его разстройства, которое наблюдалось. Такимъ же образомъ прошли почти безслѣдно для литературы и производившіяся въ 1894 году работы

*) „Юридическое положеніе крестьянъ“, 1897 г., предисловіе; „Очерки крестьянской общественной жизни“, 1906 г., предисловіе.

мѣстныхъ совѣщаній—правда, чисто бюрократическаго состава—давшія въ результатѣ весьма важный, вышедшій въ 1897 г., „Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ".

Очень характерно встрѣченъ былъ всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ (С. Ю. Витте) по поводу государственной росписи на 1899 г., получившій большое отношеніе къ крестьянскому дѣлу. Министръ финансовъ указывалъ здѣсь и на то, что причину неудовлетворительнаго экономическаго положенія крестьянъ „слѣдовало бы искать въ неопредѣленности имущественныхъ и общественныхъ отношеній крестьянъ", и на „неполноту" дѣйствующаго законодательства о сельскихъ обывателяхъ, и на его „недостаточное соотвѣтствіе потребности населенія въ прочномъ порядкѣ", и на то, наконецъ, что „неполнота и недостатки узаконеній о крестьянахъ не могутъ быть устранены частичными измѣненіями, а требуютъ разрѣшенія общихъ вопросовъ сельскаго устройства, отъ того или иного направленія которыхъ зависитъ весь ходъ дальнѣйшаго законодательства"... Не переставая доказывать тѣ же самыя положенія съ 1889 г. (когда—въ февральской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника"—появилась наша первая работа—„Юридическое положеніе крестьянъ"—продолжавшаяся и продолжаемая въ томъ же направленіи въ цѣломъ рядѣ статей, печатавшихся въ различныхъ журналахъ и вошедшихъ въ настоящую книгу, которая была раздѣлена на части для удобнѣйшаго помѣщенія въ разныхъ мѣсячныхъ журналахъ),—мы съ тѣмъ большимъ удовлетвореніемъ видѣли подтвержденіе и повтореніе этихъ положеній въ докладѣ, что теперь оффиціально выраженныя и признанныя подобныя азбучныя—на нашъ взглядъ—истины вдругъ получили широкое признаніе, были отмѣчены, подкрѣплены, развиты, популяризированы съ рѣдкимъ единодушіемъ всею періодическою печатью... Желаемаго оживленія въ литературѣ вопросовъ юридическаго положенія крестьянъ, однако, не произошло и послѣ этого. Печать наша ограничилась лишь общими замѣчаніями о докладѣ С. Ю. Витте, и не приняла

бальшаго, чѣмъ наблюдалось до тѣхъ поръ, участія въ разработкѣ самыхъ этихъ вопросовъ, касающихся вопіющихъ нуждъ деревни...

Нужно было общественное движеніе второй половины 1904 г., для того чтобы эти вопросы стали на очередь. Только тутъ заговорила жизнь, —между прочимъ, устами знаменитаго земскаго съѣзда 6—8 ноября 1904 г., который вынесъ въ числѣ прочихъ своихъ пунктовъ одинъ, спеціально относившійся къ крестьянамъ: „Самодѣятельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической жизни страны. Такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ *прежде всего* поставить это послѣднее въ положеніе, благопріятствующее развитію въ немъ самодѣятельности и энергіи, а это достижимо только путемъ коренного измѣненія нынѣшняго *неполноправнаго и приниженнаго положенія крестьянъ* (курсивъ нашъ). Въ этихъ видахъ необходимо: а) уравнять крестьянство въ личныхъ правахъ съ другими сословіями, б) освободить отъ административной опеки во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и в) оградить его правильной формой суда". Съ 1904—1905 г.г. возникаетъ уже цѣлая литература, посвященная правовому положенію крестьянъ, — литература чрезвычайно бѣдная и до сихъ поръ по сравненію съ громадностью, сложностью и важностью предмета, но уже богатая по сравненію съ недавнимъ прошлымъ. *)

---

*) Въ глубоко прочувствованной статьѣ о Сергѣѣ Андреевичѣ Муромцевѣ, напечатанной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" въ день первой годовщины со времени кончины перваго предсѣдателя Государственной Думы—4 октября 1911 г.—Г. Ѳ. Кокошкинъ передаетъ:

Недавно, въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, стоящимъ внѣ политики и партій,—крупнымъ художникомъ, вышедшимъ изъ народа и сохранившимъ живую связь съ нимъ, – мнѣ пришлось услышать одну интересную мысль. Мой собесѣдникъ утверждалъ, что выставленныя въ эпоху освободительнаго движенія экономическія требованія и касавшіяся ихъ различія партійныхъ программъ не играли въ глазахъ народныхъ массъ той исключительной роли, которая имъ обыкновенно приписывается. „Они были важны, но они не были тѣмъ самымъ главнымъ, что побудило народъ пойти за интеллигенціей. Самое глав-

Съ особою силою сказалась именно сама жизнь въ отношеніи къ вопросамъ юридическаго быта крестьянъ въ мѣстныхъ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности и въ самомъ особомъ совѣщаніи объ этихъ нуждахъ. Значеніе условій юридическаго положенія крестьянъ для ихъ экономическаго положенія стало здѣсь во весь свой ростъ и было заявлено съ особою категоричностью въ трудахъ, давшихъ громадный толчокъ для разработки въ литературѣ крестьянскаго вопроса въ болѣе широкомъ его смыслѣ.

Вопросы правового быта не стояли въ программѣ особаго совѣщанія и мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Программа эта имѣла въ виду единственно вопросы экономическаго быта сельскаго населенія. Но эти вопросы возникли здѣсь силою, такъ сказать, естественной необходимости, по неотразимому вліянію со стороны самой жизни, поскольку она могла выразиться въ голосахъ членовъ мѣстныхъ комитетовъ. И вотъ какъ отозвались на нихъ мѣстные комитеты:

„По мнѣнію значительнаго большинства членовъ мѣстныхъ комитетовъ—говоритъ А. А. Риттихъ, характеризуя дѣятельность комитетовъ съ этой стороны въ своемъ трудѣ „Крестьянскій правопорядокъ“ (стр. 321)—правовыя стѣсненія, характеризующія крестьянскую обособленность, являются столь сильнымъ препятствіемъ для хозяйственной предпріимчивости,

---

ное, это была накопленная вѣками безправія и произвола страстная жажда *правды*, справедливости, жажда новаго праваго закона“.

„Эта мысль—заключаетъ свой разсказъ г. Кокошкинъ—кажется мнѣ глубоко вѣрной“.

Къ сожалѣнію—прибавимъ отъ себя—мысль эта была просмотрѣна въ знаменательную эпоху. А между тѣмъ, она вовсе не была нова. У народа всегда была та „жажда новаго праваго закона“, о которой говорилъ собесѣдникъ автора. Въ самомъ дѣйствующемъ законѣ, народъ, не зная его, былъ склоненъ видѣть такой законъ, какъ воплощеніе правды и справедливости. Между тѣмъ, каковъ былъ этотъ дѣйствующій законъ и какое правовое положеніе онъ на самомъ дѣлѣ давалъ народу,—это сравнительно мало заинтересовало наше общество и въ освободительный періодъ, и теперь опять погружается въ тѣнь...

что безъ устраненія ихъ нельзя и думать о развитіи экономической самодѣятельности въ средѣ нашего земледѣльческаго населенія, состоящаго, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ. Постоянно указывается, что самое удачное разрѣшеніе вопросовъ программы особаго совѣщанія, касающихся техники и экономики сельскаго хозяйства, самыя широкія въ этихъ видахъ жертвы правительства принесутъ весьма скромную пользу, если не будетъ обращено главное вниманіе на измѣненіе условій, препятствующихъ развитію личной энергіи и предпріимчивости въ хозяйственномъ дѣлѣ: *безъ устраненія правовыхъ ограничений нашего крестьянства, наилучшіе инструкторы, испытательныя поля, сельскохозяйственныя школы и т. п., по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже мѣры къ общему подъему народнаго просвѣщенія,—все это окажется палліативомъ, малопроизводительной затратой средствъ, взятыхъ съ того же крестьянскаго населенія; напротивъ того, съ прекращеніемъ стѣсненій, связывающихъ трудовую энергію народа, сельскохозяйственная промышленность разовьется самопроизвольно, безъ какихъ либо чрезвычайныхъ мѣропріятій, едва ли посильныхъ странѣ, при современномъ экономическомъ положеніи ея*“ (курсивъ нашъ).

Такимъ образомъ, крестьянскій вопросъ съ его юридической стороны получилъ здѣсь такое—вполнѣ заслуженное имъ—значеніе, что предсѣдатель особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, гр. С. Ю. Витте, нашелъ умѣстнымъ составить особую—представляющую весьма существенный интересъ—„Записку по крестьянскому дѣлу“, а самое совѣщаніе сочло необходимымъ предпринять цѣлый рядъ спеціальныхъ—посвященныхъ настоящему вопросу съ юридической его стороны—засѣданій, оставившихъ свой слѣдъ въ чрезвычайно интересномъ изданіи, входящемъ въ составъ „Трудовъ“ особаго совѣщанія и мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности,—„Протоколы по крестьянскому дѣлу“,—и приходится тѣмъ болѣе пожалѣть о неожиданномъ упраздненіи 30 марта 1905 г. этого особаго

совѣщанія, что оно далеко не закончило сужденій по крестьянскому вопросу, обѣщавшихъ развиваться шире и шире, и что образованное вмѣсто него новое особое совѣщаніе имѣло уже въ виду лишь мѣры „по укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія".

Нѣсколько позднѣе, проф. Вормсъ, говоря о причинахъ экономическаго оскудѣнія крестьянства и перечисляя нѣкоторыя причины этого рода, коренящіяся въ условіяхъ хозяйственной дѣятельности крестьянъ,—въ очень интересной статьѣ, напечатанной въ первой книжкѣ журнала „Вопросы права" (1909 г.) подъ заглавіемъ „Реформа крестьянскаго землевладѣнія и гражданское право",—указываетъ (стр. 82 и 83) на одну, получившую признаніе въ его лицѣ и въ ученой средѣ: „Издавна дѣйствуетъ и понынѣ остается въ силѣ—говоритъ онъ—еще одна причина, которая, въ отличіе отъ только что перечисленныхъ, не привлекала къ себѣ въ достаточной мѣрѣ вниманія русскаго общества... Между тѣмъ, по нашимъ наблюденіямъ, по тому впечатлѣнію, которое мы вынесли изъ ознакомленія съ многими случаями упадка или разстройства отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, эта причина играетъ крупную роль... Мы говоримъ о полной правовой необезпеченности крестьянскаго хозяйства, объ отсутствіи сколько нибудь точныхъ нормъ гражданскаго права для крестьянскаго быта, о совершенно недостаточной защитѣ даже для тѣхъ правъ, которыя признаются за крестьяниномъ. Эта скудость нормъ, эта шаткость гражданскихъ субъективныхъ правъ крестьянъ достигаетъ размѣровъ прямо таки непостижимыхъ для того, кто не освоился ближе съ юридическимъ укладомъ современной деревни. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что наша деревня многія поколѣнія сряду испытываетъ нѣчто вродѣ постояннаго землетрясенія, а кто испыталъ послѣднее, знаетъ, какое тягостное настроеніе, какую растерянность вызываетъ послѣднее у людей"...

Чрезвычайно желательно было—и можно было надѣяться —что чествованіе въ 1911 г. 50-лѣтія со дня освобожденія

крѣпостныхъ крестьянъ дастъ, съ своей стороны, сильный толчокъ изученію крестьянскаго вопроса въ настоящей, болѣе широкой, его постановкѣ, имѣвшему и имѣющему у насъ *всеобъемлющее значеніе* *). Самое это изученіе явилось бы, безъ сомнѣнія, лучшею формою чествованія историческаго дня и его увѣковѣченія **). Важность ***) же и необходимость его для выработки надлежащей реформы—несомнѣнны.

Къ сожалѣнію, ожиданія, соединявшіяся съ юбилеемъ реформы, не оправдались въ желаемой мѣрѣ. Юбилей не вызвалъ ни одного цѣльнаго, систематическаго труда и далъ лишь три сборника: „Великая Реформа“ (изд. Сытина), „Освобо-

---

*) „Преобладающій въ Россіи общественный интересъ въ настоящее время и надолго еще впереди—это устройство крестьянъ,—высказалъ К. Д. Кавелинъ.—Къ этому важнѣйшему дѣлу должны быть направлены всѣ усилія правительства и общества“ („Крестьянскій вопросъ“, изд. 1882 г., стр. 32).

**) На правильный путь и встало въ этомъ смыслѣ вольно-экономическое общество, объявившее конкурсъ на работы по крестьянскому вопросу. Къ сожалѣнію, примѣру его послѣдовали только: московское общество грамотности, учредившее преміи за составленіе популярныхъ брошюръ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ и общество благотворенія въ память 19 февраля 1861 г, объявившее конкурсъ на составленіе краткаго очерка исторіи освобожденія крестьянъ, причемъ особый интересъ должны были представлять брошюры, которыя могли явиться въ результатѣ конкурса общества грамотности: объявленіе конкурса обществомъ сопровождалось прекрасной, широкой программой, выполненіе которой дало бы именно брошюры съ изображеніемъ нынѣшняго правового положенія крестьянъ. (Къ сожалѣнію, только конкурсъ не далъ результатовъ въ 1911 года и отложенъ до марта 1912 г.). Для того, чтобы изученіе крестьянскаго вопроса могло идти дальше съ возможнымъ успѣхомъ и быстротою, необходимо, въ виду животрепещущаго его значенія, чтобы на юридическихъ факультетахъ открыты были курсы крестьянскаго законодательства (нынѣ курсъ крестьянскаго законодательства читается только: въ Спб. политехникумѣ А. А. Леонтьевымъ и въ училищѣ правовѣдѣнія Д. И. Пестржецкимъ), чтобы темы изъ области крестьянскаго права предлагались возможно чаще для студенческихъ сочиненій и избирались для магистерскихъ и докторскихъ диссертацій,—и чтобы, наконецъ, образовано было всероссійское общество изученія крестьянскаго вопроса, съ правомъ открытія филіальныхъ отдѣленій въ провинціи, на мѣстахъ, съ привлеченіемъ къ этому дѣлу всѣхъ живыхъ силъ населенія.

***) См. объ этомъ у А. А. Леонтьева, въ его книгѣ „Крестьянское право“ (введеніе), и у Д. И. Пестржецкаго, въ его брошюрѣ „О преподаваніи узаконеній о крестьянахъ“.

жденіе крестьянъ. Дѣятели реформы" (изд. „Научнаго Слова") и „Освобожденіе крестьянъ" (изд. журнала „Жизнь для Всѣхъ"). При этомъ вопросу правового положенія крестьянъ—какъ это ни было странно и неожиданно послѣ 1904—1906 гг.—въ названныхъ сборникахъ не оказано достаточнаго вниманія. Второй сборникъ имѣлъ, впрочемъ, спеціальное назначеніе—дать характеристику дѣятелей реформы—и лишь косвенно излагалъ матерьялы, не лишенные существеннаго значенія для юридической стороны реформы. Сборникъ „Жизни для Всѣхъ" заключалъ въ себѣ лишь небольшую, хотя и очень яркую, статью проф. Посникова, касавшуюся правовой стороны положенія крестьянъ. Что же касается до перваго—обширнаго, шеститомнаго,—то редакторы его (гг. Дживелеговъ, Мельгуновъ и Пичета) нашли возможнымъ сказать даже въ предисловіи, будто вопросъ объ юридическомъ положеніи крестьянъ „въ настоящее время изученъ съ исчерпывающей полнотой". Очевидно, что какъ-бы независимо отъ нихъ, подъ вліяніемъ запросовъ жизни, въ сборникѣ оказалось, однако, нѣсколько, хотя разрозненныхъ, но очень интересныхъ, прямо или косвенно относящихся сюда, статей, каковы статьи гг. Вормса, Шаховского, Боголюбова, Леонтьева, Корнилова, Мануйлова и друг.

Такимъ-же образомъ, открывавшаяся и далеко не заполненная область изслѣдованія и изученія чрезвычайно широка,—передъ изслѣдователями обширное поле съ дѣвственною почвою. Здѣсь возникаетъ множество капитальныхъ вопросовъ, требующихъ, наконецъ, отвѣта,—темныхъ мѣстъ, которыя необходимо освѣтить полнымъ свѣтомъ...

II.

Вслѣдствіе отсутствія разработки вопросовъ юридическаго положенія крестьянъ, у насъ существовало успокоительное убѣжденіе, что права *личности крестьянина* опредѣлены достаточно точно, ясно и полно законодательствомъ 19 февраля

1861 г. Извѣстныя изреченія въ этомъ смыслѣ были весьма употребительны. Они брались частію изъ того же манифеста „Свободный трудъ", „свободный крестьянинъ", „конецъ рабству", „крестьянинъ, ставшій гражданиномъ", „благослови свободный трудъ" и пр. Это были общія мѣста, приводившіяся безъ особыхъ поясненій. И возможенъ былъ даже, въ свое время, переводъ государственныхъ крестьянъ въ положеніе бывшихъ крѣпостныхъ, безъ оказанія вниманія тому обстоятельству, что онъ сопровождался умаленіемъ правъ личности этихъ—всегда свободныхъ крестьянъ,—правъ и безъ того далеко неполныхъ,—и возможнымъ оказалось отсутствіе до сихъ поръ правильной оцѣнки этого акта, какъ и многихъ другихъ явленій въ настоящей области...

„Какъ уцѣлѣлар озга въ волостномъ судѣ?"—поставилъ любопытный вопросъ Г. А. Джаншіевъ въ своей книгѣ „Эпоха великихъ реформъ". Какъ уцѣлѣла розга здѣсь въ знаменательный день общей отмѣны тѣлесныхъ наказаній—17 апрѣля 1863 г.—именно разумѣлъ покойный публицистъ. И давно нужно было поставить этотъ вопросъ, оцѣнивъ предварительно тѣ условія и соображенія, при которыхъ розга оказалась въ самомъ законодательствѣ 19 февраля 1861 г... Давно можно было бы дать на этотъ вопросъ и тотъ отвѣтъ, который предложенъ былъ Г. А. Джаншіевымъ, и который можно было примѣнить ко многимъ другимъ вопросамъ, касающимся 19 февраля 1861 года и созданнаго имъ положенія для крестьянъ: „Причина этого грустнаго и на первый взглядъ непонятнаго явленія—говорилъ онъ—кроется, какъ это ни кажется страннымъ,—въ чрезмѣрномъ благоговѣніи, доходившемъ до фетишизма, передъ положеніями 19 февраля"...*) На нашъ взглядъ,

*) „Эпоха великихъ реформъ", изд. шестое, стр. 217.—Г. А. Джаншіевъ нашелъ для этого и объясненіе, и оправданіе,—но съ мотивами послѣдняго трудно согласиться. „Если—говорилъ онъ—ужъ такой безпринципный оппортунистъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, старался ловко обходить неудобныя для него постановленія положеній 19 февраля 1861 г. въ административномъ порядкѣ, не рѣшаясь требовать отмѣны ихъ въ законодательномъ порядкѣ то почитатели освободительной хартіи считали ее просто неприкос-

это совершенно вѣрно. Но спрашивается,—если это произошло съ тѣлеснымъ наказаніемъ, нашедшимъ себѣ мѣсто въ законодательствѣ 19 февраля, съ явленіемъ, дѣйствовавшимъ на чувства, бившимъ въ глаза и рѣзавшимъ ухо,—то не произошло ли то же самое и съ нѣкоторыми другими явленіями, сохраненными или видоизмѣненными этимъ законодательствомъ для освобожденнаго крестьянина? Слова Джаншіева должны были тѣмъ болѣе наводить на размышленія, и размышленія эти тѣмъ обязательнѣе, что тотъ трудъ его, въ которомъ они выражены и который встрѣтилъ заслуженный пріемъ со стороны русскаго общества, очень живо рисуетъ какъ условія, при которыхъ состоялись положенія 19 февраля 1861 г., такъ и ту реакцію, которая постигала каждое освободительное въ широкомъ смыслѣ слова мѣропріятіе знаменательной эпохи, и въ частности, съ особою силою (благодаря указываемой причинѣ), коснулась крестьянскаго дѣла... Что же, такъ сказать, было и что стало

новенною. Исходя изъ этого почтеннаго, но нѣсколько утрированнаго чувства,—впрочемъ, достаточно оправдываемаго политическими обстоятельствами того времени,—комитетъ, разсматривавшій вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, не желая колебать только что объявленное положеніе 19 февраля, призналъ неудобнымъ отмѣнять тѣлесныя наказанія въ волостномъ судѣ".—Никакими, однако, обстоятельствами не можетъ быть оправдано то самомнѣніе, которое постоянно до сихъ поръ проявляется у насъ относительно законодательства 19 февраля 1861 г. Совсѣмъ наоборотъ, оно вредно при всякихъ обстоятельствахъ,—и это достаточно ярко подтверждается фактами изъ исторіи крестьянскаго вопроса. Если о законодательствѣ 19 февраля 1861 г. говорилось и отчасти говорится какъ о неоставляющемъ желать ничего болѣе, если съ нимъ осуществились самыя пламенныя и далеко направлявшіяся желанія, если имъ разрѣшена вполнѣ задача освобожденія, то само собою разумѣется, очень естественно, при первыхъ благопріятныхъ для противной стороны политическихъ обстоятельствахъ, сократить его полеты, возстановить интересы, имъ „попранные" и никогда не перестающіе объ этомъ заявлять, указывая тоже на „радикализмъ" акта, съ опорою, находимою въ словахъ его почитателей... Представители губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, 36 членовъ второго приглашенія, упрекали редакціонныя комиссіи въ томъ, что онѣ какъ бы обобрали помѣщика, „учредили десять тысячъ какихъ-то республикъ съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ", „организовали постоянную коалицію работниковъ", и пр. („Первое изданіе матерьяловъ редакціонныхъ комиссій", часть XII, доклады по отзывамъ на работы административнаго отдѣленія). Тутъ уже полная невозможность развитія осво-

съ крестьянскимъ дѣломъ, какъ съ дѣломъ *освобожденія личности* доброй половины сельскаго населенія Россіи? Развѣ это, въ самомъ дѣлѣ, не обширное поле,—и развѣ мало можетъ быть на немъ интересныхъ насажденій?

„Ни одинъ изъ способовъ, употребленныхъ въ Европѣ при измѣненіи быта крестьянъ, не можетъ быть принятъ за образецъ въ Россіи,—высказалъ Я. И. Ростовцевъ.—Тамъ—поясниль онъ—заботились не объ освобожденіи крестьянъ, а о надѣленіи ихъ поземельною собственностью; Россіи же предлежатъ къ разрѣшенію двѣ задачи: первая—собственно освобожденіе; вторая—надѣленіе крестьянъ землею." *) Слова эти, принадлежащія первому предсѣдателю редакціонныхъ комиссій, не шире и не дальше стремленій котораго разрѣшилось и самое дѣло освобожденія крѣпостныхъ, закончившееся послѣ его смерти,—требуютъ, очевидно, настоящихъ поясненій, обширныхъ примѣчаній, возбуждаютъ весьма интересные и суще-

---

бодительнаго законодательства въ томъ же направленіи, невозможность даже противостоять извѣстнымъ вожделѣніямъ. Тутъ—необходимость признать извѣстныя жалобы основательными и подлежащими удовлетворенію... И развѣ всего этого не было со времени 19 февраля въ различныхъ формахъ?—Положеніе вещей совершенно мѣняется, если данное законодательство оцѣнивается совершенно свободно, по достоинству, по его внутреннему содержанію, не взирая ни на какія побочныя обстоятельства,—если въ немъ указываются и дѣйствительно имѣющіеся недостатки. Недостатки эти могутъ быть и восполнены тогда при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Исправленіе ихъ необходимо будетъ признано неотложнымъ, настоятельнымъ. При принятомъ же отношеніи къ законодательству 19 февраля 1861 г., оно могло оказаться неприкосновеннымъ и для общаго мѣропріятія объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія,—неприкосновеннымъ съ точки зрѣнія какъ почитателей, такъ и противниковъ... Указавъ въ текстѣ на мотивы этой неприкосновенности съ съ точки зрѣнія почитателей законодательства 19 февраля 1861 г., Джаншіевъ, въ примѣчаніи, и приводитъ соображенія крѣпостника, отстаивавшаго неприкосновенность этого законодательства въ томъ же отношеніи... Хороша неприкосновенность! А она сказалась не разъ и потомъ, при болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ для измѣненій въ положеніи крестьянъ. Нѣтъ, истина не должна ни мѣняться, ни скрываться ни при какихъ обстоятельствахъ. Она и наука, которая ее отыскиваетъ, должны быть всегда одинаково священны, нелицепріятны, ясны, прямы, въ своихъ выраженіяхъ, въ своихъ заключеніяхъ и приговорахъ.

*) „Матерьялы редакціонныхъ комиссій", изд. 2, т. I, кн. I, 224.

ственные вопросы. Что же такое, въ самомъ дѣлѣ, совершила Европа „при измѣненіи быта крестьянъ“ и что сдѣлано въ этомъ смыслѣ у насъ, сравнительно съ нею?—какъ Европа только надѣляла крестьянъ землею, а Россія и освобождала ихъ, и обезпечивала земельнымъ владѣніемъ?

„Общинное устройство теперь, въ настоящую минуту, для Россіи необходимо,—говорилъ Ростовцевъ: народу нужна еще сильная власть, которая замѣнила бы власть помѣщика Безъ міра помѣщикъ не собралъ бы своихъ доходовъ ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство—своихъ податей и сборовъ“. *) Такое значеніе придавалось „міру“: онъ выставлялся даровымъ органомъ и помѣщичьяго, частнаго, хозяйства, и хозяйства государственнаго... Но это являлось необходимымъ только на первое время, „въ настоящую минуту.“ Въ дальнѣйшемъ—предполагалось все же—личность будетъ въ извѣстной степени освобождена и отъ этой „сильной власти“, не въ интересахъ личности водружавшейся... Чрезвычайно сильная власть въ лицѣ міра и избираемыхъ имъ должностныхъ лицъ, попадавшихъ подъ еще болѣе сильное вліяніе помѣщика и ближайшаго сословнаго начальства,—и была создана для освобожденнаго крестьянина. Но осуществились ли дальнѣйшія предположенія объ ослабленіи потомъ этой власти? Не усилена ли она была потомъ еще болѣе, несмотря на то, что оброки были превращены въ выкупные платежи, а самые платежи понижены (пока, послѣ полнаго сложенія 3 ноября 1905 г., власть эта не была ослаблена временнымъ провизорнымъ закономъ 5 октября 1906 г.)? Интересы личности получили ли нѣкоторое признаніе послѣ того, какъ „міръ“ удовлетворилъ интересамъ постороннихъ лицъ? Не суть ли это тоже весьма важные вопросы?

„При освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости—высказалъ А. А. Боровиковскій—имъ дарована *гражданская вольность*—наслѣдовать по мѣстнымъ обычаямъ.“ **) Но по-

*) „Матерьялы“, изд. 2, т. 1, кн. 1-я, стр. 250.

**) „Отчетъ судьи“, томъ III, вып. VII, „Дѣла мужичьи“, 54.

мѣщичьимъ крестьянамъ предоставлено было при освобожденіи руководствоваться обычаями не въ отношеніи наслѣдованія только. Обычаи должны были довольно широко дѣйствовать и по выходѣ на волю на различныя ихъ отношенія не только частнаго, но и публичнаго свойства (что очень слабо сознается у насъ). Въ этомъ существеннѣйшая сторона юридическаго положенія крестьянъ, и притомъ не однихъ бывшихъ крѣпостныхъ, а въ значительной степени и всѣхъ прочихъ разрядовъ сельскихъ обывателей, въ виду распространенія на все сельское (и въ томъ числѣ на инородческое) населеніе законоположеній 19 февраля 1861 г. во многихъ его частяхъ. Какже слѣдуетъ разсматривать вообще подобное право освобожденныхъ крестьянъ? Оно представляется столь исключительнымъ,—ставитъ крестьянъ въ такое „привилегированное“ положеніе съ точки зрѣнія подобнаго замѣчанія, весьма характернаго... Не слѣдуетъ ли желать распространенія этой „привилегіи“, этой „гражданской вольности“ и на высшіе классы населенія? А можетъ быть, эту „привилегію“ необходимо отмѣнить и для крестьянъ?..

...„Это пишется на пять, на десять лѣтъ,—а тамъ видны будутъ потребности,—сказалъ, въ одномъ изъ общихъ собраній редакціонныхъ комиссій, кн. В. А. Черкасскій.—Правительство вынуждено будетъ сдѣлать во всемъ реформы.“ *) Не пора ли же отвѣтить самымъ категорическимъ образомъ, въ какихъ реформахъ нуждалось дѣло съ самаго начала, какія въ немъ были произведены и какія проектированы измѣненія, и какія необходимо требуютъ скорѣйшаго осуществленія хотя теперь, для того чтобы возможно было улучшеніе того ужаснаго экономическаго положенія, въ которомъ находится крестьянство по общему признанію?..

Да, въ крестьянскомъ дѣлѣ много важнѣйшихъ вопросовъ, много предметовъ даже незатронутыхъ... Давно настало время приняться за нихъ основательно. Нѣкоторые вопросы этого рода поставлены на очередь и переживаютъ критическій мо-

*) Н. П. Семеновъ—«Освобожденіе крестьянъ», т. II, 487.

ментъ, другіе громко заявляютъ о себѣ, требуютъ не меньшаго вниманія, иные разрѣшаются жизнію по-своему, всѣ нуждаются въ извѣстномъ освѣщеніи теоріею, наукою и въ живомъ къ нимъ отношеніи, которое можетъ проявиться лучше всего при широкомъ изученіи крестьянскаго вопроса и при мѣстномъ изслѣдованіи правового положенія крестьянъ.

III.

Въ настоящемъ своемъ трудѣ, посвящаемомъ правовому положенію крестьянъ и выпускаемомъ въ цѣльномъ видѣ, съ надлежащей переработкой и дополненіями, послѣ того какъ онъ уже предлагался вниманію читателей въ отдѣльныхъ частяхъ, главахъ, превращенныхъ въ отдѣльныя статьи,—мы стремимся показать, въ какой мѣрѣ оказался забытымъ крестьянинъ, *какъ человѣкъ и гражданинъ*, какъ членъ государства, какимъ образомъ *обособлялось* исторически положеніе крѣпостного крестьянина, до какой степени была *умалена,* благодаря этому, его личность,—какъ было *сохранено затѣмъ обособленное положеніе помѣщичьяго крестьянина и по освобожденіи*,—въ какой мѣрѣ еще онъ оказался и послѣ того уединеннымъ отъ закона,—какъ болѣе или менѣе правильно, хотя бы при прежнихъ, до-конституціонныхъ условіяхъ,—вырабатываемой формѣ права, единственно могущей дать личности опредѣленное и твердое рѣшеніе,—въ какой степени освобожденіе. 19 февраля 1861 г. было условно для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ,—и какъ съ этого времени стало постепенно дѣлаться свободнымъ лишь въ гораздо болѣе условномъ смыслѣ, чѣмъ прежде, положеніе и считавшихся всегда свободными сельскихъ обывателей въ лицѣ государственныхъ крестьянъ...

Историческія судьбы русскаго крестьянства, насколько намъ удалось прослѣдить ихъ въ краткомъ очеркѣ перваго отдѣленія книги, показываютъ, какое значеніе имѣлъ въ закрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ *обычай* и въ раскрѣпощеніи

ихъ *законъ*,—и почему въ значительной степени оказалась условною—анализируемая во второмъ отдѣленіи книги—свобода бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ и всегда считавшихся свободными прочихъ разрядовъ сельскихъ обывателей послѣ 19 февраля 1861 г.

Теоретическій вопросъ о томъ, закономъ или обычаемъ должно опредѣляться положеніе крестьянъ вообще,—подробно разсматривается въ третьемъ отдѣленіи книги, какъ вопросъ, имѣющій чрезвычайно важное значеніе по условіямъ, созданнымъ для крѣпостныхъ крестьянъ, возбуждающійся постоянно практически и неизбѣжный для ближайшаго изученія при первой серьезной и достаточно широкой постановкѣ на очередь крестьянскаго дѣла при новыхъ условіяхъ обсужденія и разрѣшенія, созданныхъ съ учрежденіемъ народнаго представительства *).

---

*) Въ Государственной Думѣ третьяго созыва вопросъ объ обычаѣ и возникъ уже по одному изъ многихъ поводовъ, которые будутъ часто выдвигать его,—и вызвалъ очень интересныя замѣчанія, свидѣтельствующія о томъ, какъ дѣйствительно важенъ этотъ вопросъ, и какъ далеко могутъ расходиться по этому вопросу дѣятели, казалось бы, достаточно освѣдомленные (и обязанные отдавать себѣ въ немъ ясный отчетъ).

Настоящій вопросъ возникъ именно при разсмотрѣніи законопроекта о мѣстномъ судѣ.

Министерство юстиціи предлагало взамѣнъ ст. 130 устава гражданскаго судопроизводства статьи 101 и 102 своего проекта, въ которыхъ предлагалось во-первыхъ, обязать и общія судебныя мѣста рѣшать въ подлежащихъ случаяхъ дѣла на основаніи обычаевъ (что, впрочемъ, вытекало и изъ дѣйствующаго права), и во-вторыхъ,—что самое главное,—обязать судъ рѣшать дѣла по обычаю въ подлежащихъ случаяхъ и безъ ссылки сторонъ. Возражая товарищу министра юстиціи Гасману, поддерживавшему проектъ въ этихъ статьяхъ, изъ которыхъ вторая была исключена думскою комиссіею, членъ Думы Шубинскій очень выразительно указалъ, что можетъ преподносить по вопросу о дѣйствіи закона и обычая въ крестьянской средѣ бюрократія „Мы желали—говорилъ Шубинскій (стенографическій отчетъ, изд. „Россіею", засѣданіе 1 февраля 1910 г., стр. 1651)—сдѣлать хозяиномъ всякаго судебнаго дѣла по вопросамъ объ обычаѣ самыя стороны, какъ имъ угодно разбираться, по закону или по обычаю, ибо можно замѣтить—констатировалъ онъ—колоссальное теченіе въ народной жизни разрѣшать дѣла, даже наслѣдственныя дѣла, на основаніи закона, все болѣе и болѣе признавая справедливость его примѣненія Г. товарищъ министра юстиціи желаетъ другого. чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, по наслѣдо-

Затѣмъ въ первомъ приложеніи къ книгѣ дается программа для выясненія на мѣстахъ того положенія, въ которомъ дѣйствительно находится личность крестьянина, причемъ предполагается, что изслѣдованіе это должно дать живой матерьялъ для правильнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса во всей его сложности,—разрѣшенія, которымъ не можетъ замедлить народное представительство).

Наконецъ, въ видахъ поддержанія интереса къ крестьянскому дѣлу и содѣйствія возможно широкому его изученію и разработкѣ,—во второмъ приложеніи помѣщенъ краткій перечень литературы крестьянскаго вопроса, преимущественно же касающейся правовой стороны положенія крестьянъ.

И если бы настоящій трудъ хоть сколько нибудь поспособствовалъ разработкѣ и изученію юридическаго положенія крестьянъ,—авторъ нашелъ бы въ этомъ для себя наибольшее удовлетвореніе и въ чужихъ трудахъ по этому вопросу усмотрѣлъ бы для себя лучшую награду.

Н. Д.

ванію у крестьянъ, на судебныя учрежденія возлагалась обязанность разрѣшать непремѣнно эти дѣла по обычаю, и идетъ до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, которые совершенно затормозятъ дѣло, что обязываетъ судью самого въ порядкѣ крестьянскаго дѣла заняться изысканіемъ обычая, гдѣ, я даже не знаю".

Дума отвергла ст. 102—въ редакціи министерскаго проекта.

*) Давая въ своей книгѣ опытъ разработки имѣющагося, давно собираемаго, но вовсе неразрабатываемаго громаднаго матерьяла (указаннаго въ четырехъ выпускахъ „Обычнаго права" Е. И. Якушкина), касающагося народныхъ обычаевъ, и разсмотрѣвъ существующія программы для собиранія юридическихъ обычаевъ,—мы именно нашли необходимымъ (и не безъ основанія, какъ увидитъ читатель) составить—вытекающую изъ всей нашей книги, въ ней обосновываемую,—особую программу для собиранія только уже не обычаевъ вообще, но именно юридическихъ, *строго—юридическихъ обычаевъ* и вообще дѣйствующихъ среди крестьянъ *нормъ права*.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Законъ и обычай въ историческихъ судьбахъ русскаго крестьянства.

I. Обычай, рабство и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.

Существуетъ теорія, прирадлежащая германскому ученому Пухта, по которой обычай составляетъ проявленіе *народнаго убѣжденія о правѣ*, выраженіе *отвлеченнаго* понятія о справедливости, господствующаго въ населеніи. Теорія эта, въ свое время, имѣла большое распространеніе и до сихъ поръ не лишена послѣдователей. Но она съ успѣхомъ и оспаривается нынѣ. Такимъ образомъ, достойной памяти, проф. В. И. Сергѣевичъ, возражая противъ этой теоріи, высказываетъ, съ своей стороны, то воззрѣніе, что обычное право, а слѣдовательно, и первое право, возникшее въ исторіи (такъ какъ обычай является его первоначальною формою),—нужно, напротивъ того, выводить не изъ общаго, а изъ *индивидуальнаго* убѣжденія, проявляющагося въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ. Первоначально человѣкъ руководствуется, такъ сказать, мѣрою физической и фактической возможности. При единствѣ интересовъ и сходствѣ условій жизни,—на первыхъ порахъ единообразной и простой,—разные лиди могутъ дѣйствовать одинаково при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ. Образуется послѣдовательный рядъ одинаковыхъ дѣйствій. Индивидуальная воля юридически еще вполнѣ свободна; но каждый отдѣльный человѣкъ, разъ поступивъ извѣстнымъ образомъ, получаетъ склонность поступать точно также и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Положивъ однажды основаніе извѣстной привычкѣ, онъ обнаруживаетъ желаніе оставаться вѣрнымъ самому себѣ. Съ другой стороны, на него дѣйствуютъ примѣры другихъ. Человѣку свойственно нежеланіе выдѣляться своими дѣйствіями изъ ряда себѣ подобныхъ. Какъ другіе, такъ и онъ! Такимъ

образомъ, *личный интересъ,* личное усмотрѣніе о томъ, что должно быть при данныхъ условіяхъ, а не отвлеченная идея справедливости,—какъ она понимается въ данное время населеніемъ,—составляютъ первое основаніе для самоопредѣленія. Вторымъ основаніемъ является инертная сила обыкновенія. Образъ дѣйствія, избранный нѣкоторыми, становится общею нормою, благодаря тому, что и другіе пріобрѣтаютъ привычку дѣйствовать также. Первоначально ограниченная практика переходитъ въ *повальный обычай,* болѣе или менѣе строго обязательный, юридическій. Въ основѣ его лежитъ слагающееся, вслѣдствіе *пассивнаго* подражанія, механическое сознаніе необходимости поступать всегда такъ, а не иначе. Отсюда—обычное право должно возникать не въ народѣ и даже не въ племени, а въ отдѣльныхъ кружкахъ людей, ведущихъ одинаковый образъ жизни и, въ силу этого, могущихъ успѣшно вліять другъ на друга своими дѣйствіями. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. „Что городъ, то норовъ,—что деревня, то обычай"—говоритъ пословица.—„У Сидора обычай, а у Карпа свой"...

Если—дѣлаетъ проф. Сергѣевичъ существенное заключеніе изъ своихъ разсужденій—обычай идетъ отъ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, то понятно, что первыми дѣятелями обычнаго права были люди энергическіе и сильные, а *первоначальное обычное право—правомъ сильнаго.* При отсутствіи общественныхъ учрежденій, которыя опредѣляли бы права частныхъ лицъ и охраняли ихъ, опредѣленіе и охраненіе правъ въ началѣ исторіи было дѣломъ частнаго усмотрѣнія. Въ то время, какъ слабый человѣкъ долженъ былъ поневолѣ уступать сильному,—сильный мстилъ за нанесенную ему обиду и обращалъ слабаго врага въ рабство. Такъ возникли два общечеловѣческія учрежденія—*месть* и *рабство.* Это—институты древнѣйшаго права, но это есть *право сильнаго и безправіе слабаго.* Кто отъ природы былъ поставленъ въ наименѣе благопріятныя условія, для того, чтобы отстоять свою личность,—тотъ имѣлъ право лишь настолько, насколько это нравилось сильному. Въ связи съ этимъ, во всѣхъ первоначальныхъ обществахъ, стоитъ зависимое положеніе женщинъ и почти безправное положеніе малолѣтнихъ дѣтей. Отъ воли отца зависѣло признать за новорожденнымъ право на существованіе или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ могъ оставить его на произволъ судьбы и даже убить. Почему? Такъ ему нравилось при данныхъ условіяхъ, и—это было его право"... (Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права", изд. 1883 г., 76)

Правильность всѣхъ этихъ общихъ соображеній покойнаго ученаго относительно обычая, какъ „права“ человѣка сильнаго, богатаго, вліятельнаго, самостоятельно, своею одностороннею волею, опредѣляющаго отношенія къ слабому, бѣдному и подчиненному,—вполнѣ подтверждается, на нашъ взглядъ, конкретными условіями происхожденія и развитія рабства и крѣпостной зависимости въ Россіи.

„Русская Правда“, какъ сборникъ обычаевъ XI—XII в.в., объемлетъ собой, въ наиболѣе развитомъ состояніи, именно обычаи, относящіеся до рабства. „Ни одинъ институтъ—говоритъ проф. Сергѣевичъ (тамъ же, стр. 190)—не разработанъ въ „Русской Правдѣ“ такъ ясно, точно, послѣдовательно, какъ рабство.“ Почему? Безъ сомнѣнія, потому, что въ жизни это было установленіе вполнѣ сложившееся, потому, что эта часть обычнаго права—древнѣйшая, и составители названнаго памятника были наименѣе затруднены въ изложеніи опредѣлявшихся обычаемъ отношеній между рабами и ихъ владѣльцами.

Древнѣйшимъ способомъ установленія рабства служитъ превращеніе плѣнныхъ въ рабовъ. *) Затѣмъ, въ древней Руси рабство устанавливается: рожденіемъ (дѣти раба слѣдуютъ состоянію отца), добровольною продажею себя въ рабство; бракомъ,—причемъ не только свободная женщина, вышедшая замужъ за раба, сама дѣлается рабою, но и свободный мужчина, женившійся на женщинѣ-рабѣ, безъ особаго договора съ ея господиномъ, также превращается въ раба и пр. **)

Вліяніе сильнаго обусловливало весьма послѣдовательно положеніе раба. Жена и дѣти раба, родившіяся до и послѣ потери имъ свободы, составляютъ собственность господина, подобно тому, какъ и самъ рабъ, составляющій не болѣе какъ „вещь“ своего господина, ничто иное, какъ часть его имущества. У раба нѣтъ никакихъ правъ,—ни личныхъ, ни имущественныхъ. Господину принадлежитъ „право“ надъ самой его жизнью и смертью. Убійство раба даже и постороннимъ человѣкомъ не подвергается наказанію; убійца долженъ только

---

*) Въ нѣкоторыхъ странахъ рабство и образовалось, главнѣйшимъ образомъ, на почвѣ завоеванія: побѣжденное населеніе превращено было въ рабовъ,—побѣдители стали господами.

**) Отсюда правило древняго обычнаго права: „По рабѣ холопъ и по холопу раба“. Этому русскому правилу соотвѣтствуетъ нѣмецкое изреченіе: trittst du meine Henne so wirst du mein Hahn—„Женишься на моей курицѣ, такъ будешь моимъ пѣтухомъ“.

заплатить извѣстное вознагражденіе владѣльцу своей жертвы,—покрыть убытки, ему причиненные. *)

Право сильнаго также ярко опредѣляетъ и положеніе собственно зависимаго человѣка,—человѣка, не подпавшаго еще полной и безусловной власти господина. Ужъ одно это состояніе зависимости отъ сильнаго, богатаго, вліятельнаго человѣка—существенно измѣняетъ положеніе свободнаго человѣка-бѣдняка. Заемъ, обработка чужой земли, полученіе отъ землевладѣльца какой-либо подмоги—превращаютъ его въ человѣка подневольнаго,—„закупа“, „изорника“, „серебряника“. Непосредственное же зависимое отношеніе закупа къ господину влечетъ за собою для перваго цѣлый рядъ ограниченій въ правахъ. Господинъ можетъ бить закупа, хотя только „про дѣло“. Закупъ, при такихъ условіяхъ, легко превращается въ раба. Неудачная попытка убѣжать, уклониться самовольно отъ слишкомъ тяжкихъ обязательствъ, налагаемыхъ почти одностороннею волею, равно совершеніе кражи,—лишаютъ его остатковъ свободы.

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ исторической жизни Россіи существовали у насъ вполнѣ опредѣлившіеся и довольно многочисленные разряды рабовъ и зависимыхъ. Образовались они *вслѣдствіе господства частной воли и слабости зарождавшейся государственной власти.* Послѣдняя укрѣплялась весьма медленно. Бывали моменты, когда она подвергалась всевозможнымъ вліяніямъ и сильно колебалась. Еще медленнѣе складывалось сознаніе государственной властью ея задачъ,

---

*) Невозможно, однако, признать, чтобы формулировка рабства въ XII вѣкѣ представляла такія теоретическія основы, какія усматриваетъ въ ней Бѣляевъ въ статьѣ „Законы и акты о крѣпостномъ состояніи въ Россіи“ („Архивъ“ Калачева, кн. 2 за 1859 г.). „Русское общество, признавши за каждымъ своимъ членомъ свободу распоряжаться своею личностью,—говоритъ онъ,—естественно должно было признать и полное рабство. Свободный человѣкъ, по собственному избранію признавшій за лучшее быть рабомъ, признавался таковымъ и отъ общества. Общество, чтобы не посягнуть на свободу своего члена, естественно не могло останавливать его и въ продажѣ этой свободы, если не видѣло стѣсненія ея независящими отъ человѣка обстоятельствами, ибо, въ противномъ случаѣ, не признавая произвольнаго рабства, оно тѣмъ самымъ уничтожило бы свободу своихъ членовъ и обратило бы ихъ въ рабовъ общества...“ Такое предположеніе, конечно, болѣе парадоксально, чѣмъ основательно. Подобной, хотя и весьма незатѣйливой, кривобокой, теоріи свободы, приводящей къ рабству, не могло существовать въ то время на Руси. Тогдашніе юридическіе памятники формулируютъ не постановле-

правильное пониманіе своихъ правъ и обязанностей. Долгое время всесильнымъ оставался обычай. Частная воля не скоро могла быть поставлена въ предѣлы, которыми ограничивался бы просторъ ея дѣйствій какими-либо высшими отвлеченными началами или государственными интересами. Одни лица могли весьма далеко простирать свое господство надъ другими; послѣднія же волею-неволею утрачивали, вполнѣ или частію, свою свободу въ пользу первыхъ. Общественная власть не вступалась въ ихъ отношенія, и—частная воля могла дѣйствовать свободно, безъ всякихъ соображеній объ общихъ интересахъ.

По этой причинѣ, не было обезпечено и положеніе довольно обширнаго разряда свободныхъ лицъ, существовавшаго рядомъ съ указанными разрядами населенія,—земледѣльцевъ, сидѣвшихъ на своей, общинной, или на частновладѣльческой землѣ. Это были смерды, ролейные закупы, сироты, земяне,—впослѣдствіи крестьяне. Какая судьба должна была ихъ постигнуть? Указанными выше условіями судьба эта опредѣлялась заранѣе. Это были условія естественныя, притомъ не единственныя, способныя дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи; къ нимъ впослѣдствіи присоединялись постепенно и нѣкоторыя другія.

Прежде всего, лица, сидѣвшія на чужой землѣ, съ теченіемъ времени, могли все болѣе и болѣе одолжаться у землевладѣльца, брать у него по разнымъ обстоятельствамъ то или иное воспособленіе, подмогу, или,—какъ она весьма характерно называлась,—„покруту“. Это же неминуемо влекло за собою ограниченіе свободы, какъ единственнаго въ то время

нія, логически вытекающія изъ какихъ либо общихъ, отвлеченныхъ, сознательно принятыхъ основаній по этому предмету, а именно излагаютъ обычаи, возникающіе подъ вліяніемъ частной воли, никакихъ теоретическихъ цѣлей не преслѣдующей и имѣющей въ виду лишь свои собственные интересы. Не рабъ диктовалъ свои условія господину, выяснивъ себѣ признаваемое обществомъ „право лишаться свободы“, а господинъ подчинялъ раба выгоднымъ для себя условіямъ, не справляясь ни съ какими отвлеченными воззрѣніями, господствующими въ обществѣ. Притомъ же большая часть способовъ установленія рабства исключала и тѣнь свободы самоопредѣленія для раба. Если же въ древне-русскихъ правилахъ обычнаго права замѣчается значительная стройность и довольно строгая послѣдовательность, то это значитъ только, что и у сильнаго человѣка была своя логика. И во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, логика эта именно обнаруживаетъ свою принадлежность человѣку сильному, отмѣчена его вожделѣніями ..

обезпеченія обязательствъ, такъ сказать, при безразличномъ отношеніи государственной власти къ праву индивидуальной свободы гражданина. Непосредственныя отношенія къ сильному человѣку могли сами собою незамѣтно переходить въ извѣстную зависимость отъ него. Личность не была достаточно ограждена во всѣхъ отношеніяхъ. Далѣе, слабость власти, отсутствіе развитого управленія и отсюда полнѣйшая общая необезпеченность должны были заставлять многихъ искать защиты у людей сильныхъ, вліятельныхъ,—что создавало, взамѣнъ, подчиненныя отношенія къ послѣднимъ. Наконецъ, складывавшаяся княжеская и затѣмъ царская власть, образовывая классъ служилыхъ людей, формируя мало по малу постоянное войско и присваивая себѣ право свободнаго распоряженія всею государственною территоріею,—отводила представителямъ служилаго класса, а также церквамъ и монастырямъ, земли не только свободныя, но и заселенныя, обработанныя. Свободное населеніе подпадало такимъ путемъ вліянію частнаго права со стороны отдѣльныхъ физическихъ и юридическихъ лицъ. Послѣднія пріобрѣтали иногда право суда и расправы надъ населеніемъ, сидѣвшимъ на ихъ землѣ, отчего и зависимость могла усиливаться. Землевладѣльцами нерѣдко являлись притомъ лица, пользовавшіяся уже значительною долею власти и вліянія,—члены княжескихъ семействъ, вдовствующія княгини, удѣльные князья, поступавшіе на службу къ московскому государю, постепенно возвышавшемуся надъ всѣми многочисленными русскими владѣтельными князьями. Лишаясь верховной власти, подчиненные князья не превращались въ частныхъ лицъ въ области своихъ владѣній, и—отношеніе ихъ къ населенію дѣлалось еще болѣе непосредственнымъ, нежели отношеніе другихъ владѣльцевъ.

Первоначально крестьяне могли свободно переходить отъ одного владѣльца къ другому. Для этого нужно было только выполнить передъ нимъ свои обязательства. Сѣть этихъ обязательствъ, правда, дѣлалась болѣе и болѣе сложной. Выпутываться изъ нея было не легко. Но — такъ или иначе — переходъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, не ограничивался никакими узаконеніями. Право такого перехода сознавалось крестьянами и признавалось за ними самими владѣльцами.

Крестьяне и пользовались нерѣдко этимъ правомъ, какъ правомъ,—они отходили отъ владѣльца; иногда же бѣжали отъ него. По какимъ причинамъ и побужденіямъ? Что могло принуждать ихъ оставлять насиженныя мѣста, нагрѣтые углы? Безъ сомнѣнія, одна, и только одна причина: тяжесть условій

проживанія у даннаго владѣльца, его притѣсненія и посягательства на личность земледѣльца. Невозможно предположить склонности къ бродяжничеству у всего земледѣльческаго населенія. Самое существованіе въ XII вѣкѣ на Руси крестьянъ, живущихъ на чужой землѣ, „ролейныхъ закуповъ", И. Д. Бѣляевъ объясняетъ, между прочимъ, именно „расположеніемъ къ земледѣлію" тогдашняго населенія („Крестьяне на Руси", стр. 17).

Чуть-чуть сносныя условія привязывали крестьянина къ землѣ связью неразрывною, коренившеюся въ его природѣ, нравахъ, въ образѣ жизни. Право перехода служило для земледѣльца только выходомъ изъ невыносимо-тяжелаго положенія. Въ свою очередь, право это служило для землевладѣльца побужденіемъ—держаться въ извѣстныхъ границахъ по отношенію къ крестьянину,—не доводить послѣдняго до необходимости оставить его. Слѣдовательно, для землевладѣльца оно было невыгодно, стѣснительно,—мѣшая установленію постоянной личной зависимости отъ него. Совершенно естественно было для него—стремиться ограничить для крестьянина право перехода, а затѣмъ и вовсе лишить его этого права.

Попытки къ этому должны были возникнуть довольно рано. Проф. Сергѣевичъ предполагаетъ, между прочимъ, существованіе нѣкоторыхъ частныхъ мѣръ въ этомъ направленіи еще въ XIII вѣкѣ. Нечего и говорить, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, вполнѣ сложившееся въ XVII вѣкѣ, образовалось не вдругъ. Въ этомъ отношеніи Погодинъ идетъ такъ далеко, что отвергаетъ самое предположеніе объ изданіи особаго указа, узаконявшаго прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ („Русская Бесѣда", книга IV за 1858 г.). По его мнѣнію, прикрѣпленіе и въ окончательномъ своемъ видѣ сложилось единственно путемъ практики. Однако, отрицать извѣстныя общія мѣропріятія по этому поводу нѣтъ достаточныхъ основаній. Равнымъ образомъ, нѣтъ основаній—сводить дѣло къ какимъ-либо указамъ, круто создавшимъ поворотъ въ положеніи крестьянъ. Почти всѣ изслѣдователи согласны между собою въ томъ, что „значеніе крестьянъ измѣнялось не вдругъ, и переходы ихъ изъ одного положенія въ другое, при всей видимой рѣзкости, подготовлялись въ жизни постепенно, незамѣтно, такъ что, большею частію, прежде нежели законъ утверждалъ то или иное значеніе крестьянства, это новое значеніе болѣе или менѣе уже подготовлялось практикою, и законъ своимъ авторитетомъ освящалъ только то, что жизнь общества уже приняла прежде

появленія закона" (Бѣляевъ: „Крестьяне на Руси", стр. 7). „Юридическіе акты XV вѣка,—говоритъ, въ своей извѣстной запискѣ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи, А. П. Заблоцкій-Десятковскій („Графъ Киселевъ и его время", томъ IV, стр. 272),—свидѣтельствуютъ несомнѣнно, что уже были, гораздо ранѣе общаго закона о крѣпостныхъ, *крестьяне, обычаемъ прикрѣпленные къ землѣ* *).

Слѣдовательно, понятіе въ народѣ о крѣпостномъ состояніи существовало. Переходъ обычая въ законъ не былъ случайностью. Нужны были только требованія. Такимъ образомъ, сначала установились частные сроки для перехода крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому,—перехода, до тѣхъ поръ не стѣсненнаго никакими сроками; затѣмъ, съ возвышеніемъ размѣровъ „пожилаго", которое долженъ былъ платить крестьянинъ, оставляя землевладѣльца, установленъ былъ срокомъ „юрьевъ день осенній" (время за недѣлю и спустя недѣлю), и, наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ недостаточно твердыхъ предшествовавшихъ мѣропріятій,—крестьяне оказались прикрѣпленными къ землѣ окончательно въ серединѣ XVII столѣтія.

По какимъ соображеніямъ и началамъ состоялось прикрѣпленіе крестьянъ? Вопросъ весьма существенный, такъ какъ имъ до извѣстной степени опредѣляется и послѣдующая многострадальная доля крестьянскаго сословія.

Прежде всего, самый періодъ въ который прикрѣпленіе крестьянъ состоялось окончательно, очень охотно характеризуютъ у насъ *преобладаніемъ государственнаго начала.* Такъ, проф. Сергѣевичъ, въ первой части своихъ „Лекцій и изслѣдованій", опредѣляя первый періодъ исторіи русскаго права, какъ періодъ преобладанія частной воли и слабости начала государственнаго,—о второмъ періодѣ, въ которомъ образовалось московское государство, говоритъ именно, какъ о періодѣ подчиненія государственной волѣ воли частной, преобладанія интересовъ цѣлаго. Съ такой характеристикой, однако, нельзя согласиться. Подобные періоды не отличаются необходимою соразмѣрностью. Да и едва-ли XV, XVI и XVII сто-

*) Подъ этой запиской,—одной изъ немногихъ оффиціальныхъ рисовавшихъ ужасы крѣпостного состоянія и получившихъ огласку,—выставлены лишь инициалы. А. П. З—ій-Д—ій. Но какъ это явствуетъ и изъ всего упомянутаго сочиненія А. П. Заблоцкаго-Десятковскаго,—именно его называетъ Д. А. Корсаковъ авторомъ названной любопытной записки, имѣющей немаловажное значеніе въ дѣлѣ отмѣны крѣпостной зависимости („Русск. Старина" № 2 за 1887 г.).

лѣтія заключали въ себѣ условія, при которыхъ можно было предположить существованіе достаточно яснаго сознанія „интересовъ цѣлаго“. Такое сознаніе можетъ быть лишь результатомъ значительнаго развитія власти и населенія, слѣдствіемъ совершенно опредѣлившагося государственнаго устройства, строго выработанной системы управленія и образованія органовъ и средствъ, какъ для выясненія интересовъ цѣлаго, такъ и для твердаго проведенія въ жизнь мѣропріятій, согласныхъ съ этими интересами. Ничего подобнаго не было въ московской Руси. Самъ покойный историкъ, во второй части своихъ „Лекцій и изслѣдованій“ (стр. 592), замѣчаетъ. „Московское государство управлялось *не законами* въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а *усмотрѣніемъ*· не уставы и уложенія предшествуютъ практикѣ, а практика—уставамъ“. Но это—условія, при которыхъ частный интересъ именно чаще всего и можетъ получать преобладаніе. Онъ можетъ при этомъ облекаться въ другую форму и всетаки сохранять свою сущность. Такъ какъ государство достигло уже нѣкотораго успѣха въ дѣлѣ организаціи и созданія средствъ для собственной дѣятельности, то частная воля, частный интересъ не могутъ дѣйствовать теперь въ каждомъ данномъ случаѣ прямо и единственно на свой страхъ, полагаясь на свои силы. Но зато они могутъ найти признаніе въ государственной организаціи, облечься въ ея форму, надѣть маску интересовъ цѣлаго и дѣйствовать на чужой счетъ, въ свою пользу, съ немалымъ успѣхомъ. Это легко можетъ случиться, особенно въ тяжелыя времена,—въ періоды кризисовъ, постигающихъ государственную власть. До извѣстной степени это облегчается тѣмъ, что въ XIV столѣтіи государственное устройство принимаетъ аристократическій характеръ.

Разсмотрѣнный пріемъ—характеризовать „государственнымъ началомъ“ мѣропріятія московской Руси—особенно широко и наименѣе правильно примѣняется изслѣдователями именно къ разрѣшенію вопроса о прикрѣпленіи крестьянъ. „Государственный порядокъ—замѣчаетъ, напримѣръ, К. П. Побѣдоносцевъ („Историческія статьи и изслѣдованія“, стр. 14)—требовалъ, чтобы крестьянинъ былъ подвластенъ кому-нибудь, къ кому-нибудь тянулъ, кого-нибудь слушалъ“. Прикрѣпленіе крестьянъ было, по его словамъ, и въ интересѣ владѣльца, и въ интересѣ правительства. Съ своей стороны, И. Д. Бѣляевъ усматриваетъ въ прикрѣпленіи также цѣль государственную,—именно финансовую („Крестьяне на Руси“, 97—105). Точно

также, проф. Романовичъ-Славатинскій („Дворянство въ Россіи", 277) замѣчаетъ: „Мотивъ укрѣпленія крестьянъ былъ государственный,—доставить служилому классу постоянныхъ работниковъ, чтобъ было съ чего царскую службу служить". Проф. Сергѣевичъ, не касающійся прямо настоящаго вопроса, повидимому, также склоненъ раздѣлять это общее воззрѣніе, въ виду той, разсмотрѣнной выше, характеристики, которую онъ придаетъ смутному періоду нашей исторической жизни, когда совершилось прикрѣпленіе крестьянъ.

Но такъ ли это? Можно сильно сомнѣваться въ справедливости этого мнѣнія, какъ по изложеннымъ выше соображеніямъ относительно основного характера московской Руси и господства въ ней обычая, такъ и въ виду тѣхъ условій, при которыхъ состоялось прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, насколько эти условія представляются изслѣдованными. Каково-бы ни было пониманіе государственнаго интереса въ XVI вѣкѣ, онъ не могъ сознательно проявиться въ мѣропріятіи, которымъ значительная часть населенія лишалась существеннаго права и въ извѣстной степени отдѣлялась отъ государства и его органовъ. *Ставить земледѣльца между населеніемъ и правительствомъ, очевидно, значило принимать мѣру, явно несоотвѣтствующую государственному началу, интересамъ цѣлаго.* Послѣдствія такого отдѣленія гражданъ отъ государства легко было предвидѣть. Притомъ прикрѣплялись крестьяне не къ землевладѣльцамъ собственно служилаго класса, а ко всѣмъ землевладѣльцамъ вообще. Слушаться-же крестьянамъ было кого и такъ. Съ прикрѣпленіемъ ихъ, не были упразднены органы мѣстнаго правительственнаго управленія. Да цѣль подчиненія крестьянъ помѣщику, какъ органу мѣстнаго управленія, и не была выражена прямо, и личное подчиненіе сложилось потомъ, само собою, какъ необходимое слѣдствіе прикрѣпленія. Среди свободнаго крестьянства весьма развита была уже въ то время община въ широкомъ смыслѣ этого слова,—въ смыслѣ значительной полноты самоуправленія, а не въ смыслѣ только землепользованія, какъ обыкновенно она разсматривается и многихъ удовлетворяетъ нынѣ. Услугами общины довольно широко пользовалось правительство не только до, но и послѣ прикрѣпленія (хотя, правда, чаще всего лишь какъ даровымъ органомъ финансоваго управленія). Объ этомъ подробно говоритъ Бѣляевъ. Значительныя услуги оказывались общиною и самимъ помѣщикамъ даже въ то время, когда вполнѣ развилась крѣпостная зависимость со всѣмъ ея

произволомъ. Она съ большимъ успѣхомъ служила для нихъ *даровымъ органомъ вотчиннаго управленія,* имѣвшимъ цѣлію безпощадное и вѣрное взысканіе оброковъ. На это даетъ многочисленныя указанія В. И. Семевскій въ своихъ изслѣдованіяхъ о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ. *Государственные виды скорѣе всего требовали содѣйствія развитію общинныхъ правъ и порядковъ.* Прикрѣпляя крестьянъ, правительство не могло не видѣть, что ему придется значительно усилить борьбу противъ побѣговъ крестьянъ, что самое дѣло возвращенія и закрѣпленія бѣглыхъ отниметъ у него весьма много силъ и средствъ,—что и случилось. Побѣги-же, какъ результатъ стѣснительнаго положенія зависимыхъ людей, были явленіемъ старымъ и весьма развитымъ въ эпоху прикрѣпленія. О бѣглыхъ рабахъ и возвращеніи ихъ владѣльцамъ упоминаетъ уже древнѣйшій памятникъ русскаго права,—договоръ Олега съ греками. „Русская Правда“ также считается съ подобнымъ явленіемъ въ различныхъ его видахъ. Обращаются къ побѣгамъ сначала лица совсѣмъ лишенныя свободы; по мѣрѣ же ограниченія свободы крестьянъ, обращаются къ побѣгу и послѣдніе. Побѣги имѣются въ виду обоими Судебниками. Окончательное прикрѣпленіе крестьянъ должно было неизбѣжно привести къ усиленію этого явленія. Романовичъ-Славатинскій говоритъ прямо („Дворянство въ Россіи“, стр. 358), что крѣпостная зависимость „содѣйствовала развитію бродяжническихъ инстинктовъ населенія“, хотя—замѣтимъ—опять едва-ли такіе инстинкты были въ русскомъ населеніи. *) Если бы, затѣмъ, въ прикрѣпленіи крестьянъ, дѣйствительно, заключался государственный интересъ, то оно было бы соединено съ точнымъ опредѣленіемъ отношеній между крестьянами и землевладѣльцами. Но такихъ опредѣленій сдѣлано не было, и всѣ изслѣдователи,—какъ мы увидимъ ниже,—согласны между собою въ томъ, что эти отношенія *развились сами собою, совершенно произвольно, по обычаю,*—причемъ государство, характеризуемое преобладаніемъ въ немъ интересовъ цѣлаго, началъ общихъ, не принимаетъ никакихъ мѣръ, чтобы устранить нарушеніе его несомнѣнныхъ интересовъ, и допускаетъ

*) Самъ авторъ, въ другомъ мѣстѣ того же изслѣдованія (стр. 355), говоритъ: „Причина побѣговъ заключалась, конечно, не въ бродяжнической натурѣ русскаго мужика, а въ условіяхъ, лежащихъ въ крѣпостной средѣ, въ томъ гнетѣ, которому подвергались крѣпостные крестьяне и отъ котораго такъ естественно было желаніе освободиться“.

полное и совершенное отдѣленіе массы населенія отъ лица общей власти. Могло ли же бы это быть, если бы ясны были интересы цѣлаго? Наконецъ, если прикрѣпленіе XVI и XVII вѣковъ состоялось по соображеніямъ государственнымъ, то тѣмъ ярче должно было бы быть окрашено началомъ государственности прикрѣпленіе „посполитыхъ“ въ Малороссіи въ 1783 г., когда, конечно, частный интересъ былъ гораздо слабѣе, а государственный—тверже. Но такого воззрѣнія на указъ 3 мая 1783 г., однако, не высказывается. Проф. Сергѣевичъ („Лекціи и изслѣдованія“, 621), говоря объ устройствѣ Малороссіи до присоединенія ея къ Россіи и о злоупотребленіяхъ, творившихся выборными казацкими властями, замѣчаетъ: „Такъ, напримѣръ, вошло въ обычай,—полковниковъ и сотниковъ, которые первоначально получали денежное жалованье, награждать деревнями, то есть, отдавать посполитыхъ какъ бы въ крѣпостную зависимость выборнымъ чинамъ, хотя первоначально на время ихъ службы.“ Значитъ, и указъ 1783 г., послѣдовавшій со стороны иной власти, которой, казалось бы, было вполнѣ свойственно, доступно и своевременно ясное сознаніе интересовъ цѣлаго, видовъ истинно-государственныхъ,—только узаконилъ *обычай,* какъ проявленіе злоупотребленій, какъ выраженіе своекорыстной частной воли, существовавшихъ задолго до этого указа. Тѣмъ легче и полнѣе могла проявиться въ этомъ смыслѣ частная воля раньше, во времена признанной слабости государственной власти...

Какой же собственно государственный интересъ заключался въ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, какія выгоды пріобрѣтало отъ него правительство? Гдѣ въ немъ интересы цѣлаго?—Изъ всѣхъ нашихъ изслѣдователей одинъ Бѣляевъ дѣлаетъ попытку объяснить выставленный имъ государственный характеръ прикрѣпленія. Но эта часть его труда („Крестьяне на Руси“, стр. 97—105) представляется наименѣе убѣдительной. Она полна крайнихъ противорѣчій, и доказываетъ не то, что имѣлъ въ виду покойный ученый, а нѣчто обратное. Упомянувъ односложно о крайнемъ финансовомъ разстройствѣ государства и отягощеніи народа, обнаружившихся съ особенною силою въ концѣ XVI вѣка, и указавъ на уловки землевладѣльцевъ и общинъ показывать какъ можно больше пустующихъ земель въ ущербъ казнѣ и въ отягощеніе сосѣдей, Бѣляевъ говоритъ, что все это именно понудило правительство къ новой рѣшительной мѣрѣ,—къ полному прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ. Значитъ, прикрѣпленіе было какъ бы въ интересахъ казны и

плательщиковъ? Но за ненахожденіемъ первоначальнаго и важнѣйшаго указа о прикрѣпленіи, существованіе котораго Бѣляевъ предполагаетъ вмѣстѣ съ большинствомъ изслѣдователей,—ближайшій указъ, имъ приводимый и относящійся къ 1597 г., предписываетъ „сыскивати накрѣпко всякими сыски“ крестьянъ, бѣжавшихъ отъ бояръ и другихъ владѣльцевъ, и возвращать ихъ на мѣста. Гдѣ же тутъ интересы, если не населенія, то хотя бы казны? Подобное сыскиваніе стоило извѣстнаго финансоваго напряженія, а прегражденіе естественнаго движенія населенія и насильственныя переселенія могли только истощать платежныя силы народа. Новый порядокъ явно могъ быть полезенъ только однимъ владѣльцамъ, устраняя то ограниченіе ихъ произвола, которое заключалось въ правѣ крестьянскаго перехода. Бѣляевъ говоритъ, однако, что въ первые годы новый порядокъ „нравился казнѣ“. При этомъ, по его словамъ, онъ не нравился не только крестьянамъ, но даже и владѣльцамъ. Но—по тогдашнимъ предполагаемымъ понятіямъ, должно было бы оказываться достаточнымъ, если новый порядокъ нравился казнѣ. Правительство шло къ опредѣленной цѣли, избрало для нея вѣрное средство, и—должно было бы оставаться довольнымъ. Между тѣмъ, уже въ указѣ отъ 24 ноября того же 1597 г. и въ указахъ 1601 и 1602 гг. выразилось колебаніе правительства—„поддерживать ли новый порядокъ, ненавистный обществу, или обратиться къ старому и, на основаніи Судебниковъ, допустить свободный переходъ крестьянъ.“ Бѣляевъ предполагаетъ даже, что если бы не смуты самозванщины и междуцарствія, то не мудрено, что „старый порядокъ, можетъ быть, и одержалъ бы верхъ надъ новымъ“,—какъ будто междуцарствіе, самозванщина и смуты могли мѣшать проведенію того, что было выгодно боярамъ и землевладѣльцамъ и невыгодно народу! Не ясно ли, что новый порядокъ долженъ былъ лишь укрѣпиться при этихъ условіяхъ,—какъ они, по крайней мѣрѣ, развернулись у насъ въ смутное время? Вслѣдствіе опечатки, остается неяснымъ смыслъ приводимаго Бѣляевымъ указа отъ 24 ноября 1597 г. Что же касается до указовъ 1601 и 1602 гг., то ими возстановленъ былъ „юрьевъ день“ и дозволенъ переходъ крестьянъ, но только между мелкими владѣльцами. При этомъ именно подтверждалось воспрещеніе перехода отъ крупныхъ владѣльцевъ и, вообще, перехода въ московской округѣ. Но, вѣдь, если бы прикрѣпленіе дѣйствительно причиняло неудовольствіе владѣльцамъ, то, конечно, крупные владѣльцы и были бы удовлетворены прежде всего.

Изслѣдователь предполагаетъ, впрочемъ, что именно это и имѣлъ въ виду новый, вскорѣ изданный указъ. Однако, предположеніе это не доказывается имъ съ достаточною убѣдительностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ, что около того же времени, съ наступленіемъ самозванщины, „московскіе бояре и землевладѣльцы, сблизившись съ польскими панами, пріѣхавшими къ Самозванцу, измѣнили свое мнѣніе о прикрѣпленіи крестьянъ,—и стали на сторонѣ новаго порядка.“ Но не странна ли подобная перемѣна во мнѣніи бояръ, изъ которыхъ, конечно, далеко не всѣ еще сблизились съ польскими панами? Не менѣе странно и то, что польскіе паны занялись разъясненіемъ нашимъ боярамъ ихъ собственныхъ, якобы не сознанныхъ ими, выгодъ, и успѣли сдѣлать это такъ хорошо въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ царствованія Самозванца! .. Не естественнѣе-ли предположить (и предположеніе это дѣлаетъ также П. Д. Калмыковъ, въ статьѣ: „Обозрѣніе постепеннаго образованія разныхъ классовъ сельскихъ обывателей“, напечатанной въ 3-ьей книжкѣ „Архива“ Калачова за 1860 —1861 гг.), что и всѣ предыдущія частныя мѣры прикрѣпленія крестьянъ были приняты въ ясно сознанномъ интересѣ бояръ и землевладѣльцевъ; что принятію этихъ мѣръ благопріятствовала слабость царя Феодора Іоанновича; что властвовавшему при немъ временщику Борису Годунову могла легко прійти въ голову мысль—подкупить въ свою пользу этою мѣрою сильныхъ людей, въ чаяніи избранія на царство; что, по тому же самому, исходя изъ такого своекорыстнаго источника, прикрѣпленіе было прямо противно интересамъ правительства и крестьянъ; что, вслѣдствіе этого, колебанія, замѣчающіяся въ указахъ 1601 и 1602 гг., означаютъ, что Годуновъ, ставъ царемъ, созналъ необходимость слѣдовать именно правильнымъ интересамъ государства и путемъ возвращенія „юрьева дня“—подкупить въ свою пользу народъ, среди котораго росло неудовольствіе.—Все это подтверждаютъ вполнѣ быстро слѣдовавшія затѣмъ мѣропріятія и полное забвеніе „юрьева дня“. Настаетъ междуцарствіе, самозванщина, семибоярщина... И вотъ: указъ Самозванца отъ 1 февраля 1606 г. вновь установляетъ сыскиваніе крестьянъ, бѣжавшихъ за пять лѣтъ назадъ, оставляя на новыхъ мѣстахъ только тѣхъ изъ нихъ, которые ушли отъ владѣльцевъ въ голодные годы и потому, что владѣльцы ихъ не кормили; указъ Шуйскаго отъ 9 марта 1607 г. установляетъ даже штрафы за принятіе бѣглыхъ крестьянъ; предполагаемый Бѣляевымъ указъ, вышедшій въ 1615 г., почти въ

самомъ началѣ царствованія Михаила Феодоровича, назначаетъ уже десятилѣтній срокъ, по истеченіи котораго только нельзя было возвращать бѣглыхъ крестьянъ. Наконецъ, указъ 9 марта 1640 г. говоритъ о пятнадцатилѣтнемъ срокѣ. „Послѣ царя Бориса (то есть, послѣ 1605 г.)—замѣчаетъ Бѣляевъ (стр. 105)—ни въ одномъ указѣ, ни въ одной грамотѣ не встрѣчаемъ и помина о свободномъ переходѣ крестьянъ, и всѣ заботы правительства были только о томъ, чтобы поддержать прикрѣпленіе, которымъ уже тяготились крестьяне". Мыслимы-ли, спрашивается, подобные перевороты въ теченіе какихъ-нибудь семи—восьми лѣтъ въ мнѣніяхъ и народа, и правительства по вопросу о прикрѣпленіи крестьянъ? Не была-ли совершенно очевидна частновладѣльческая польза отъ прикрѣпленія съ самаго начала? Не сознавалъ-ли народъ вредъ прикрѣпленія для себя, и не лишено-ли было оно государственнаго характера?

Замѣтимъ въ заключеніе, что изслѣдователь, мимоходомъ высказавшійся за государственный характеръ прикрѣпленія, К. П. Побѣдоносцевъ, самъ приписываетъ помѣщикамъ совершенно сознательное стремленіе къ прикрѣпленію крестьянъ. То, что стало развиваться съ прикрѣпленіемъ—личная зависимость крестьянъ отъ помѣщика—было, по его словамъ, въ зачаткѣ и ранѣе. „Новостью было лишь рѣшительное воспрещеніе перехода". Съ этимъ воспрещеніемъ возникала уже „полная свобода расширять и развивать власть, пріобрѣтенную помѣщикомъ". „Вотъ—указываетъ Побѣдоносцевъ (стр. 8)—цѣль, для которой помѣщики такъ *усиленно* заботятся сначала объ уничтоженіи права крестьянскаго перехода, потомъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, объ усиленіи взысканій за передержательство, о сысканіи бѣглыхъ розыскомъ отъ лица правительства". Этотъ частный интересъ, очевидно, не совпадалъ съ интересомъ государственнымъ; индивидуальная воля, стремившаяся передъ тѣмъ создать прикрѣпленіе крестьянъ по обычаю, лишь восторжествовала, добившись мѣры общегосударственной. А въ XVI столѣтіи не могло представлять особыхъ затрудненій добиться того, что оказалось возможнымъ даже въ концѣ XVIII столѣтія по отношенію къ „посполитымъ" Малороссіи. О прикрѣпленіи же послѣднихъ, послѣ ряда попытокъ основать его на обычаѣ, предпринимавшихся высшимъ сословіемъ,—другой изслѣдователь, также высказавшійся за государственный характеръ прикрѣпленія крестьянъ, Романовичъ-Славатинскій, въ томъ же сочиненіи (стр. 539), приводитъ слѣдующія данныя: „Причиной частныхъ переходовъ подсосѣдковъ отъ

одного „державца“ къ другому, какъ вѣрно замѣчаетъ г. Лазаревскій („Записки черниговскаго губернскаго статистическаго комитета“, кн. 1-я, стр. 114),.. были державскія насилія—угнетеніе посполитства малороссійской старшиной, въ интересахъ которой было сказать и малороссамъ: „вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день!“.

Вотъ что также писалъ въ 1831 г. малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Рѣпнинъ, глубоко изучившій этотъ край, Императору Николаю. „...въ 1783 г., малороссійскіе земледѣльцы порабощены были происками тогдашнихъ царедворцевъ, клевретовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ счастіемъ родины для собственной корысти“.

Нѣкоторые изслѣдователи сопоставляютъ крѣпостную зависимость крестьянъ съ обязательною государственною службою дворянства, и этою службою до извѣстной степени объясняютъ прикрѣпленіе крестьянства къ землѣ. Подобное сопоставленіе не оправдывается, однако, достаточными основаніями. Во-первыхъ, зависимость крестьянъ развивалась вначалѣ по отношенію не къ высшему сословію только, а по отношенію ко всему вообще землевладѣльческому классу, и лишь въ серединѣ XVIII столѣтія стала пріурочиваться къ дворянству, причемъ владѣніе крѣпостными крестьянами сдѣлалось его сословною привилегіею; во-вторыхъ, обязательная служба была, въ концѣ концовъ, выгодна и также постепенно дѣлалась привилегіею высшаго сословія; въ-третьихъ, служилые люди надѣлялись въ опредѣленной мѣрѣ землею, которая всегда имѣла цѣну и въ этой мѣрѣ могла поддерживать существованіе служилаго человѣка и въ то время, когда трудъ его не оплачивался еще жалованьемъ; въ-четвертыхъ, служилый человѣкъ всегда пользовался и „кормленіемъ“; въ-пятыхъ, довольно рано, еще Иванъ Грозный, какъ указываетъ проф. Сергѣевичъ („Лекціи и изслѣдованія“, 856), въ виду жалобъ на злоупотребленія, отмѣнилъ „намѣстничъ и волостелинъ кормъ“, перевелъ всѣ эти повинности на деньги и приказалъ взыскивать въ казну; отсюда стала развиваться оплата жалованьемъ государственныхъ должностей—и установилась вполнѣ тогда именно, когда окончательно сложилась и крѣпостная зависимость крестьянъ,—такъ что государственная служба, ставшая уже привилегіею дворянства, оплачивалась и помѣстьями, и крестьянскою зависимостью, и жалованьемъ, и „кормленіемъ“, сохранившимся, какъ обычай. Это усиленное обезпеченіе дво-

Комитетъ Академіи

рянства давало значительной части его возможность состоять на придворной службѣ, которая не приравнивалась къ государственной въ XVIII столѣтіи, никогда не имѣла характера обязательности, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія вызывала (по предложеніямъ Сперанскаго) нѣкоторыя мѣры противъ излишняго ея развитія въ прямой ущербъ государственной службѣ. Съ освобожденіемъ дворянъ отъ обязательной службы въ 1762 г., отмѣны крѣпостной зависимости не послѣдовало,—напротивъ, зависимость эта еще усилилась, стала тяжелѣе для крестьянъ,—и этимъ лучше всего опровергаются замѣчанія, которыя такъ часто повторяются у насъ, будто именно отсюда, изъ этого „освобожденія дворянства“ и вслѣдствіе „государственнаго“ характера прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и къ личности владѣльца,—должно было логически послѣдовать раскрѣпощеніе крестьянъ. Прикрѣпленіе „посполитыхъ“ въ Малороссіи произошло, наконецъ, уже двадцать лѣтъ спустя послѣ отмѣны обязательной службы дворянства. Ясно, что между обязательной службой дворянства и крестьянской неволей—нѣтъ ничего общаго.

II. Развитіе крѣпостной зависимости.

Итакъ, *не* государственный интересъ требовалъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, и *не* по государственнымъ соображеніямъ оно произошло. Вполнѣ ясно доказываютъ это и условія развитія зависимости. Оно совершалось подъ воздѣйствіемъ частной воли, чуждой всякимъ отвлеченнымъ соображеніямъ. Всѣ изслѣдователи признаютъ это единогласно, и въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ. Это воззрѣніе они притомъ основательно доказываютъ,—и вступая въ противорѣчіе съ тѣмъ, что говорятъ сами о мотивахъ и, характерѣ прикрѣпленія крестьянъ,—дѣлаютъ тѣмъ болѣе бездоказательными свои замѣчанія о государственномъ характерѣ послѣдняго. „Прикрѣпленіе,—замѣчаетъ, напримѣръ, Бѣляевъ („Крестьяне на Руси“, стр. 181),—незамѣтно подало средства къ злоупотребленіямъ землевладѣльческой власти надъ крестьянами, каковыя злоупотребленія мало по малу *вошли въ обычай, а изъ обычая пробрались, какъ требованія жизни, и въ положительное законодательство*“... Поэтому изслѣдователь разсматриваетъ положеніе крестьянъ въ различные періоды: „по закону“, „на практикѣ“, „по обычаю“, и, послѣдовательно доказывая при-

ведённое воззрѣніе, не одинъ разъ повторяетъ его. „Крѣпостное право,—высказалъ также Побѣдоносцевъ („Историческія статьи и изслѣдованія“, стр. 185),—образовалось и сложилось у насъ подъ вліяніемъ *факта,* а не юридическаго начала, и было послѣдствіемъ отношенія, въ силу котораго землевладѣлецъ получилъ возможность установить и расширить свою власть надъ земледѣльцемъ; богатый и сильный—надъ бѣднымъ и слабымъ; начальникъ—надъ подчиненнымъ“. „Дальнѣйшее развитіе крѣпостной зависимости—замѣтилъ, въ свою очередь, Романовичъ-Славатинскій („Дворянство въ Россіи“, стр. 278)—совершалось подъ преобладающимъ вліяніемъ – *чисто-частныхъ интересовъ землевладѣльцевъ*“. „Изъ первоначальнаго прикрѣпленія—говоритъ Троицкій („Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-ой народной переписи“, стр. 3)—мало по малу образовалось въ Россіи крѣпостное состояніе, переходя черезъ различныя видоизмѣненія, причемъ всегда почти *обычай,* а нерѣдко и злоупотребленія предшествовали закону, который утверждалъ только то, что слагалось само собою въ народной жизни.“ „Указъ Екатерины Великой 1785 г.—говоритъ Н. П. Семеновъ (Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“, томъ I, введеніе, 70)—въ формѣ грамоты, дарованной россійскому дворянству, узаконилъ владѣніе помѣщиковъ крестьянами *на обычномъ правѣ,* сложившемся историческимъ ходомъ народной жизни“.)

Словомъ, развитіе крѣпостной зависимости было преимущественно дѣломъ обычая, выраженіемъ частной воли. Государственное начало выражалось всего менѣе въ этомъ отвратительномъ явленіи русской исторіи, навсегда отдѣлившемъ низшій слой населенія отъ высшаго, положившемъ между ними непроходимую пропасть недовѣрія и непріязни. Изъ одного этого уже слѣдуетъ, что интересы цѣлаго вовсе не были такъ развиты въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, какъ нерѣдко думаютъ. Весьма быстро *складывавшіеся обычаи крѣпостныхъ отношеній служили прямымъ отрицаніемъ государственнаго порядка.* Но этотъ порядокъ былъ еще такъ слабъ, что оказывался не въ силахъ отстаивать себя даже въ основныхъ началахъ. Мало того, давая развиваться противозаконнымъ обычаямъ,

---

*) Такое впечатлѣніе производятъ и болѣе новыя изысканія проф. Дьяконова („Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ Государствѣ“, 1898 г). Въ новѣйшее же время объ этомъ говорятъ и авторы статей о прикрѣпленіи крестьянъ въ юбилейномъ изданіи „Великая Реформа“.

государственная власть, подъ давленіемъ частныхъ интересовъ, освящала подобные обычаи, придавая имъ обще-обязательное значеніе, силу закона,—соглашалась на мѣры, въ которыхъ выражалось прямое отрицаніе государства. Интересы цѣлаго, очевидно, не такъ легко уловить и сознать, какъ интересы личные и сословные. Еще труднѣе, сознавъ ихъ, осуществить на практикѣ. Слова. „государево дѣло", „государство", и пр.— довольно употребительны въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Но это, однако, не значитъ, что они были ясны и что въ нихъ заключалось совершенно опредѣленное содержаніе. Еще менѣе говоритъ это объ ихъ осуществленіи въ жизни. Да и гдѣ могли бы найтись у насъ органы, защищающіе интересы цѣлаго, государства, которые бы съ успѣхомъ дѣйствовали въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в.в.? Земскіе соборы въ это время уже прекращаются, и интересы „земли", поскольку они выражались ими, не представляются болѣе съ тою же непосредственностью.) По временамъ, государственная власть переживаетъ серьезныя испытанія. Нерѣдко она является предметомъ домогательствъ различныхъ партій, и возлагается ими на то или иное лицо безъ всякаго соображенія съ государственными интересами. Царствуютъ малолѣтніе, регенты, временщики, женщины, не выдающіяся никакими особыми способностями Если же въ самомъ центрѣ государства интересы цѣлаго оказываются нерѣдко въ весьма шаткомъ положеніи, то на мѣстахъ частная воля человѣка сильнаго, богатаго, вліятельнаго почти не имѣетъ удержу съ того момента, какъ крестьянинъ сталъ окончательно крѣпокъ *землѣ*.

Весьма важнымъ фактомъ, повліявшимъ на развитіе помѣщичьей власти надъ прикрѣпленными къ землѣ крестьянами, было *рабство*. Древнѣйшее обычное явленіе это существовало еще во время прикрѣпленія крестьянъ, хотя и въ нѣсколько смягченныхъ формахъ. Рабъ, превратившійся къ этому времени въ холопа, не былъ, по Уложенію 1649 г., въ такой же мѣрѣ вещью, безличнымъ существомъ, въ какой былъ по „Рус-

*) Самое прекращеніе земскихъ сборовъ,—какъ объясняетъ его проф. Сергѣевичъ („Лекціи и изслѣдованія", стр. 752),—можно привести въ извѣстную связь съ послѣдовавшимъ полнымъ закрѣпощеніемъ крестьянъ. „Для борьбы съ боярами—говоритъ онъ—были созваны соборы въ первый разъ На злоупотребленія бояръ указываютъ они при Алексѣѣ Михайловичѣ Но борьба эта велась не одинаковымъ оружіемъ и не при равныхъ условіяхъ. Бояре были ближе къ царю и успѣли, наконецъ, удалить отъ лица его представителей земли"...

ской Правдѣ". Безусловная власть человѣка надъ подобными себѣ нѣсколько смягчалась уже подъ вліяніемъ развивавшагося до извѣстной степени государственнаго начала. Но эта частная власть, всетаки, была еще слишкомъ сильна въ силу своей неопредѣленности и почти ничѣмъ не сдерживалась. Число способовъ установленія холопства, въ разсматриваемое время, было сокращено. Полное холопство установлялось только рожденіемъ. Но болѣе мягкое холопство, кабальное, могло развиваться тѣмъ шире, что, благодаря прикрѣпленію крестьянъ, войнамъ и обремененію оставшагося свободнымъ населенія всевозможными налогами,—происходило замѣтное обѣднѣніе народа и сокращеніе у него средствъ существованія. Займы, въ силу тогдашняго обычнаго гражданскаго права, обезпечивались личною свободою. Заемщикъ обязывался служить заимодавцу лично за ростъ, или же поступалъ къ нему на службу въ случаѣ несостоятельности. Онъ могъ выкупиться. Но—какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Побѣдоносцевъ („Истор. статьи", стр. 30)—для того, чтобы сдѣлать выкупъ невозможнымъ, заимодавцы нерѣдко писали кабалы на большую сумму. Между тѣмъ, заплатить и малую сумму холопу было крайне затруднительно. Очень естественно, что на дѣлѣ кабальные холопы сближались съ холопами „полными", „изстаринными", „докладными". Если же кабальный холопъ, крѣпкій лицу господина лишь при его жизни, подпадалъ почти такой же власти господина (кромѣ права продавать его), какъ холопъ полный,—то тѣмъ легче могло происходить на дѣлѣ, въ жизни, уравненіе съ холопомъ крестьянина, ставшаго навсегда крѣпкимъ землѣ этого господина. Извѣстныя права, которыя обыкновенно не прямо предоставлялись закономъ крестьянамъ, а могли быть лишь косвенно выводимы изъ разныхъ его постановленій, безъ особаго труда допускали поглощеніе ихъ обычаемъ. И очень существенно, что эти права именно можно было лишь выводить изъ разныхъ постановленій закона, такъ какъ, по недостатку кодификаціи, они не были выражены точно и ясно. Весьма искусно дѣлаетъ такіе выводы Бѣляевъ, оттѣняя разрушительное вліяніе, производившееся на нихъ со стороны обычая. Ни власть, ни крестьянинъ, ни землевладѣлецъ не въ силахъ были дѣлать такіе же строго логическіе выводы и опираться на нихъ или находить въ нихъ ограниченія. По справедливому замѣчанію Побѣдоносцева (стр. 56),—„личность холопа столь же мало обезпечивалась закономъ, какъ и личность крестьянина"—и наоборотъ. Притомъ самыя крестьян-

скія права покоились, частью, даже не на неопредѣленныхъ и неясныхъ постановленіяхъ, а на тѣхъ же обычаяхъ. Послѣдніе же, какъ уже всегда недостаточно опредѣленные по существу и не требующіе даже особаго порядка отмѣны, еще легче, чѣмъ прямые законы, замѣнить другими противоположными обычаями,—обычаями крестьянскаго безправія. Государственная власть развилась настолько, чтобы не формулировать въ законѣ слишкомъ строгой и тяжкой зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ, возникавшей въ жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ она еще не достигла того развитія, при которомъ могла бы въ достаточной мѣрѣ ограждать личность отъ обычая, посягавшаго на ея свободу. Охрана личности тѣмъ менѣе могла оказаться тогда по силамъ государственной власти, что и въ послѣдующее время подобная простѣйшая задача легко забывается и замѣняется болѣе сложными, но охотнѣе выдвигаемыми полицейскими цѣлями. Не полицейское государство слѣдуетъ въ исторіи за юридическимъ, какъ надлежало бы, въ виду меньшей притязательности второго сравнительно съ первымъ, а наоборотъ,—правовое, юридическое государство является результатомъ реакціи противъ государства полицейскаго.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій прикрѣпленія было право помѣщиковъ лишать крестьянъ ихъ участковъ земли и переводить „во дворъ“. Уже въ эпоху весьма близкую къ изданію Уложенія 1649 г. укоренился, по выраженію Побѣдоносцева (стр. 77), этотъ обычай переводить земледѣльцевъ-крестьянъ въ дворовые. „Это было не право въ настоящемъ смыслѣ слова: обычай этотъ былъ послѣдствіемъ власти, которую помѣщикъ получилъ надъ своими крестьянами“,—говоритъ изслѣдователь. Но въ 1690 г. *самъ законъ уравниваетъ съ кабальными людьми крестьянскихъ дѣтей, взятыхъ во дворъ по обычаю, произвольно.* Фактическое же положеніе холоповъ и дворовыхъ крестьянъ, съ одной стороны, и крестьянъ, оставшихся на землѣ, съ другой,— было, разумѣется, весьма различно. Одни были всегда передъ глазами господина, въ непосредственной ближайшей зависимости отъ него, получая отъ господина и свое ежедневное содержаніе; другіе же были свободны въ извѣстной области, несли болѣе опредѣленныя обязанности, могли имѣть свое имущество, съ вѣдома или безъ вѣдома господина. Если же могъ укорениться обычай перевода пашенныхъ крестьянъ во дворъ, то тѣмъ легче долженъ былъ развиться, замѣчавшійся еще въ XVI вѣкѣ, обычай поселенія наряду съ крестьянами, на пашенныхъ жре-

бiяхъ, „дѣловыхъ“ или „задворныхъ“—преимущественно кабальныхъ людей.

Обычай этотъ развивается весьма широко во второй половинѣ XVII вѣка, представляя тѣ выгоды для землевладѣльца, что дворы „дѣловыхъ“ людей не подлежали обложенiю, и всѣ произведенiя труда этихъ земледѣльцевъ шли всецѣло въ пользу помѣщика, безъ всякаго участiя государственной казны. Отсюда же, естественно, возникала и возможность расширенiя помѣщичьей власти собственно надъ крестьянами. Оба разряда лицъ смѣшивались,—и такимъ образомъ власть относительно одного могла быть легко переносима на другой. Отправляясь отъ факта, созданнаго описываемымъ обычаемъ, законъ долженъ былъ еще въ концѣ XVII вѣка привлечь къ несенiю государственныхъ податей и повинностей „дѣловыхъ“ людей наряду съ пашенными крестьянами. Смѣшенiе усилилось. *Крестьяне еще болѣе сблизились съ холопами* по своему положенiю и отношенiю къ господину. Особенно ярко выразилось это смѣшенiе въ томъ, что *крестьяне сдѣлались предметомъ частныхъ сдѣлокъ*,—мѣны, продажи, даренiя. Подобное совершенно незаконное явленiе стало обнаруживаться, пока еще какъ обычай, во второй половинѣ XVII столѣтiя. Затѣмъ оно стало усиливаться, въ особенности подъ влiянiемъ одновременно происходившаго смѣшенiя *помѣстiй* съ *вотчинами*. Чѣмъ больше правъ прiобрѣталъ помѣщикъ на землю, тѣмъ въ большую зависимость отъ него подпадали крестьяне, на ней поселенные и къ ней прикрѣпленные. Въ началѣ XVIII вѣка, помѣстья отъ вотчинъ уже почти не отличаются, и—Петръ I, въ указѣ отъ 15 апрѣля 1721 г., свидѣтельствуетъ о слѣдующихъ размѣрахъ упоминаемаго явленiя: „Обычай былъ въ Россiи,—говоритъ онъ,- который и нынѣ есть: что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто захочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отчего не малый вопль бываетъ“. Слѣдовательно, въ первой четверти XVIII вѣка существовало уже полное смѣшенiе крестьянъ даже не съ кабальными, а съ полными, вѣчными холопами. Крайняя зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ была явленiемъ сложившимся, обыденнымъ ко времени производства первой народной переписи, создавшей въ качествѣ податной единицы *душу* вмѣсто *двора*. И если ревизiя дала новый толчокъ раз-

витію этой зависимости, то лишь косвенно—въ примѣненіи, въ порядкѣ исполненія.

Въ одномъ изъ указовъ, опредѣлявшихъ перепись, отъ 5 февраля 1720 г., предписывалось:—„чтобъ всѣхъ помѣщики писали своихъ подданныхъ, какого они званія ни есть, также и причетниковъ церковныхъ“... Запись производилась по усмотрѣнію самого помѣщика. Помѣщики сами могли установлять признаки „подданства“, какъ явленія, опредѣлявшагося не закономъ, а обычаемъ, и конечно, весьма широко этимъ пользовались. Мѣра эта имѣла по виду чисто фискальное значеніе, и записываемые „подданные“ не могли сразу понять то значеніе, которое она могла получить для нихъ и съ которымъ она, смѣшавъ крестьянъ съ холопами, стала довольно скоро представляться помѣщикамъ. По выраженію Побѣдоносцева, записываемые были притомъ „въ беззащитномъ положеніи“ и относительно чиновниковъ, производившихъ перепись, и относительно помѣщиковъ, подававшихъ ревизскія сказки. „Удобнѣе чѣмъ когда-либо стало укрѣпить за собою вольнаго человѣка, не только по желанію его, но и независимо отъ его желанія“ (143).

Дальнѣйшее чисто финансовое мѣропріятіе, въ свою очередь, приблизило крестьянъ къ помѣщику, отдаливъ ихъ отъ государства. Указомъ 5 февраля 1722 г. уплата *подушной подати*, слѣдовавшей съ крестьянъ, была возложена на помѣщиковъ, и крестьяне были разобщены отъ непосредственнаго отношенія къ правительству въ дѣлѣ отправленія государственной подати. Помѣщикъ самъ сталъ и собирать ее. Новое „подданство“ получило нѣкоторое внѣшнее выраженіе. Манифестъ же 25 ноября 1741 г. о вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны, составленный партіею, возведшею ее на престолъ и низложившей Анну Леопольдовну, — манифестъ этотъ *логически исключилъ крестьянъ отъ присяги на вѣрность подданства верховной власти.* Недоставало только присяги на вѣрность помѣщикамъ... Но случаи подобной присяги тѣмъ чаще могли встрѣчаться въ XVIII вѣкѣ, что они наблюдались и въ XIX столѣтіи. Такъ, Романовичъ-Славатинскій указываетъ, что, при усмиреніи крестьянъ помѣщицы Мусиной-Пушкиной въ костромской губ. въ 1826 г., они были приведены всѣ поголовно къ присягѣ въ полномъ послушаніи и повиновеніи помѣщицѣ и поставленнымъ надъ ними властямъ; въ сквирскомъ же уѣздномъ судѣ, не далѣе какъ въ 1857 г., производилось дѣло о приводѣ помѣщицею Хаецкой

крестьянъ своихъ къ присягѣ на вѣрность службы („Дворянство въ Россіи", 538). Въ XVIII вѣкѣ подобные акты не приводили даже къ возбужденію какихъ-либо дѣлъ о нихъ Злоупотребленія, совершавшіяся при ревизіяхъ, входили болѣе и болѣе въ обычай, становились признанными фактами. Сначала возможность, а затѣмъ и самое право доказывать незаконность записей „подданныхъ"—были устранены Именно въ 1743 г. права доказывать незаконность записи были лишены всѣ вошедшіе въ сказки первой и второй ревизіи. Господство временщиковъ было особенно удобно для такихъ постановленій. Очень естественно, что самыя ревизіи быстро слѣдуютъ одна за другою (ихъ было пять—съ 1719 по 1794 г.). То, что представлялось столь затруднительнымъ и отдаляло перепись для нашего времени, при развитомъ управленіи, оказывалось дѣломъ легкимъ въ прошломъ столѣтіи. Частный интересъ, котораго недостаетъ нынѣ, облегчалъ тогда это дѣло. Большее и большее число лицъ привлекалось къ новому „подданству". Новоявленнымъ же „государямъ" (наименованіе старое, получавшее лишь болѣе и болѣе безусловный смыслъ) стало тѣмъ легче расширять власть надъ крестьянами, что владѣніе послѣдними постепенно пріурочивалось исключительно къ служилому дворянскому сословію, дѣлалось его сословною привилегіею. Въ случаѣ притѣсненій, крестьяне должны были искать защиты у представителей государственной власти; но помѣщики, владѣльцы ихъ, и были именно этими представителями. Имъ принадлежало и мѣстное, и центральное управленіе. Отъ подчиненнаго управленія надлежащей защиты крестьянамъ и не оказывается. Оставалось обращаться имъ непосредственно къ самой верховной власти. Но вотъ сенатскій указъ отъ 22 августа 1767 г. грозитъ жестокимъ наказаніемъ за такія жалобы, объявляя ихъ незаконными, и очень характерно, что этотъ указъ, несообразный съ закономъ, оказывается настолько сообразнымъ съ частнымъ интересомъ, что очень долго сохраняетъ значеніе, не подвергаясь сомнѣніямъ. *) Извѣстная „Салтычиха", обвинявшаяся въ причиненіи смерти, путемъ истязаній и мученій, *ста* своимъ крѣпостнымъ и обвиненная окончательно въ томъ, что *„сорока пяти* человѣкамъ отъ безчеловѣчныхъ ея побой смерть послѣдовала", говорила тѣмъ, кто рѣшался на нее жаловаться: „Мнѣ ничего не сдѣ-

*) См. разборъ этого указа въ книгѣ моей—„Юридическое положеніе крестьянъ", глава VI.

лаете. Сколько вамъ ни доносить, мнѣ они ничего не сдѣлаютъ и меня на васъ не промѣняютъ". И, дѣйствительно, по изысканіямъ В. И. Семевскаго, *двадцать одинъ разъ* начиналось объ ней дѣло и каждый разъ кончалось безъ всякихъ для нея послѣдствій. Только въ двадцать второй разъ, протянувшись съ 1762 по 1768 г., оно окончилось обвинительнымъ приговоромъ, причемъ нѣкоторые изъ жалобщиковъ, за обращеніе непосредственно къ императрицѣ въ теченіе производства дѣла, были подведены подъ указъ отъ 22 августа 1767 г. и жестоко наказаны („Крестьяне въ царствованіе Екатерины II", 201). Біографъ Сперанскаго, баронъ М. А. Корфъ, разсказываетъ, что, назначенный пензенскимъ губернаторомъ въ 1816 г., Сперанскій окончилъ тянувшееся десять лѣтъ передъ тѣмъ дѣло объ одной помѣщицѣ, истыкавшей своего несовершеннолѣтняго дворового перочиннымъ ножемъ до смерти за то, что онъ не досмотрѣлъ за ея кроликомъ („Жизнь графа М. М. Сперанскаго", ч. II, 127.).

Въ половинѣ XVIII вѣка, несмотря на сдѣланное Петромъ I-мъ возраженіе, торговля крѣпостными людьми,—въ составъ которыхъ, уже безъ всякаго различія между собою, входили бывшіе холопы, крестьяне, дѣловые и дворовые люди,—происходитъ въ широкихъ размѣрахъ, пріобрѣтаетъ постыдный характеръ. Людей продаютъ порознь, безъ земли, цѣлыми деревнями, на свозъ, на ярмаркахъ, вмѣстѣ съ баранами и прочими домашними животными; ихъ проигрываютъ иногда въ карты, даютъ въ видѣ взятокъ, мѣняютъ на собакъ; продается иногда именно женское тѣло,—красивыя дѣвушки, „видныя собою дѣвки", какъ объявляется въ газетахъ; подобный „товаръ" обращается внутри и идетъ за границу, въ Турцію и Персію, въ гаремы (Семевскій—„Крестьяне при Екатеринѣ", стр. 148—158; Романовичъ-Славатинскій—„Дворянство въ Россіи", стр. 337—344). Никакой законъ не уполномочивалъ помѣщиковъ на продажу людей. Но—законъ и не воспрещалъ этого, а тогдашніе нравы и обычаи вполнѣ это допускали. „Обычай продавать людей—замѣчаетъ извѣстный Болтинъ (Романовичъ, стр. 299)—сначала бывъ терпимъ, послабляемъ, превратно толкуемъ,—обратился, наконецъ, черезъ долгое употребленіе въ законъ". Такимъ образомъ, на дѣлѣ, *по обычаю*, власть помѣщика надъ крѣпостными могла простираться до превращенія человѣка въ товаръ, вещь, имущество... Тѣмъ шире долженъ былъ опредѣлять обычай всѣ прочія отношенія крѣпостного человѣка къ господину.

Допустивъ полное смѣшеніе крестьянъ съ холопами, государство XVII и XVIII вв. не могло, конечно, признать за помѣщикомъ относительно крестьянина то „право“ жизни и смерти, которое „Русская Правда“, какъ кодифицированный обычай XII вѣка, предоставляла господину надъ рабомъ. Уложеніе 1649 г., въ ст. 92 гл XX, предписываетъ, чтобы помѣщикъ возвращаемаго ему бѣглаго холопа „до смерти не убилъ и не изувѣчилъ, и голодомъ не уморилъ“. Но эти предѣлы помѣщичьей власти, опредѣлявшіеся закономъ, были все же весьма широки, и въ нихъ могло развиваться совершенно свободно право наказанія крестьянъ помѣщикомъ, когда они были смѣшаны съ холопами. Предѣлы эти могли раздвигаться тѣмъ шире, что никакой опредѣленной кары помѣщику за причиненіе не только увѣчья, но и самой смерти холопу не было указано ни Уложеніемъ 1649 г., ни послѣдующими узаконеніями). Помѣщичьи наказанія естественно получаютъ широкое развитіе, принимаютъ самыя безобразныя формы (Семевскій, стр 159—212; Романовичъ, стр. 308—321; Побѣдоносцевъ—„Историч. статьи“, стр. 83). „Не регулируемыя закономъ, наказанія эти —замѣчаетъ Романовичъ-Славатинскій — тѣмъ съ большимъ разнообразіемъ ихъ рода и жестокостью ихъ мѣры развиваются на практикѣ. Родъ наказанія изобрѣтается фантазіей помѣщика, мѣра его всегда опредѣляется его благоусмотрѣніемъ“.

Частныя картины помѣщичьей расправы съ крѣпостными, рисуемыя изслѣдователями, положительно ужасны **)...

Коль скоро власть помѣщика надъ личностью крестьянина могла простираться такъ далеко, коль скоро помѣщикъ могъ продавать крѣпостного человѣка и наказывать его почти безъ всякихъ ограниченій,—то не можетъ быть и рѣчи о какихъ

---

*) Указываемый недостатокъ къ законахъ чувствовался очень долго и былъ восполненъ собственно только уложеніемъ о наказаніяхъ 1845 г.

**) Изъ приложеній къ XVIII тому „Исторіи“ Соловьева, г. Романовичъ-Славатинскій приводитъ слѣдующую челобитную крѣпостныхъ людей Петру I („Дворянство въ Россіи“, 310) „Просимъ, и молимъ, и умильно вопіемъ—писали крестьяне—да тя на милость преклонимъ *о свободствѣ*, дабы намъ изъ Содому и Гоморы отраднѣе было. На семъ нашемъ приношеніи къ тебѣ, великому государю, сановніи твои бояре и князи тебѣ великому государю станутъ возбранять, чтобъ намъ у нихъ, яко въ Содомъ и Гоморѣ, мучиться,—яко львы челюстями своими пожираютъ, и яко же зміи ехидные разсвирѣпся напрасно попираютъ, и якоже волци свирѣпіи бютъ насъ, яко немилостивіи пилаты. великій государь, смилуйся, пожалуй“...

либо опредѣленныхъ имущественныхъ и вообще гражданскихъ правахъ закрѣпощеннаго крестьянина. Помѣщикъ нерѣдко посягалъ и на свободу брачнаго союза, и на самыя супружескія права крестьянина. И у свободныхъ крестьянъ гражданскія права умалялись въ XVIII вѣкѣ,—въ эту эпоху развитія привилегій дворянскаго сословія. Свободные крестьяне были лишены, между прочимъ, права пріобрѣтенія земель Не имѣя защиты въ существеннѣйшихъ личныхъ правахъ, помѣщичій крестьянинъ тѣмъ менѣе могъ пользоваться какою либо защитою въ дѣлахъ и отношеніяхъ имущественныхъ. Не могло быть и рѣчи о судебной защитѣ имущественныхъ правъ крестьянина противъ его помѣщика. Имущественныя дѣла крѣпостныхъ крестьянъ разбирались помѣщикомъ безъ всякаго участія государственной судебной власти. Словомъ, „обычное гражданское право крѣпостныхъ крестьянъ“ находилось въ самомъ жалкомъ положеніи.

На почвѣ полнаго гражданскаго безправія крѣпостныхъ крестьянъ не могло, въ свою очередь, развиться сколько нибудь правильное обложеніе ихъ въ пользу помѣщика и казны. Не касаясь болѣе важныхъ отношеній, законъ совсѣмъ не интересовался крестьянскими повинностями. Было, правда, различіе между крестьянами издѣльными, отправлявшими барщину, и оброчными; но самое различіе это всецѣло зависѣло отъ усмотрѣнія помѣщика. Оброчные крестьяне могли быть произвольно переводимы въ положеніе барщинныхъ и обратно; могла быть установляема смѣшанная, оброчно-барщинная, повинность. Положеніе оброчныхъ крестьянъ крайне отягощалось непомѣрными требованіями. Здѣсь все опредѣлялось обычаемъ, и начала возникавшаго при такихъ условіяхъ, такъ сказать, „обычнаго финансоваго права“ охарактеризованы Посошковымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ („О скудости и богатствѣ“, 182): „И многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его, яко овцу, до-гола, и, тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у инаго и козы не оставляютъ“. Слова эти принадлежатъ современнику Петра I и, слѣдовательно, относятся къ тому времени, когда крѣпостная зависимость еще только складывалась окончательно. Легко понять, какое развитіе получило это „обычное финансовое право“ въ остальныя три четверти XVIII вѣка.

Управленіе всѣми дѣлами по помѣщичьему имѣнію, судъ, расправа и надзоръ надъ крестьянами—требовали извѣстныхъ органовъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ самъ

жилъ въ деревнѣ. Органы эти въ особенности необходимы были тогда, когда помѣщикъ самъ жилъ внѣ имѣнія, а въ послѣднемъ утверждалась барщина. „Обычное государственное право", отсюда возникавшее, также установлялось вполнѣ произволомъ помѣщика. Имѣніе отдавалось иногда въ аренду съ широкимъ правомъ арендатора учреждать въ немъ тѣ или иные порядки, или же передавалось въ завѣдываніе управляющаго, снабжаемаго болѣе или менѣе полною довѣренностью. Усмотрѣніе помѣщика могло замѣняться, такимъ образомъ, усмотрѣніемъ постороннихъ лицъ, руководившихся своекорыстными и ничѣмъ не сдерживаемыми побужденіями. Въ большинствѣ случаевъ, извѣстное значеніе получалъ крестьянскій сходъ, „*міръ*". Отводилось нѣкоторое мѣсто крестьянскому самоуправленію, ибо оно было *даровымъ* органомъ вотчиннаго управленія. Притомъ, по началамъ „обычнаго финансоваго права", на крестьянъ возлагалась *круговая порука* въ отношеніи исправнаго отправленія повинностей,—и это необходимо предполагало распредѣленіе самыхъ повинностей при участіи міра. Однако, въ столь узкихъ предѣлахъ, крестьянское „самоуправленіе" не могло быть названо этимъ именемъ, такъ какъ оно всецѣло зависѣло отъ произвола помѣщика и лицъ, его замѣнявшихъ, и имѣло въ виду лишь его интересы).

Нечего и говорить о томъ, что помѣщикъ имѣлъ полную, ничѣмъ неограничиваемую, свободу устанавливать въ своемъ имѣніи тѣ мѣры и тѣ порядки, которые могутъ быть отнесены къ „обычному полицейскому праву". Особенно выгоднымъ для него было,—держать крестьянъ въ невѣжествѣ... Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не существовало никакихъ способовъ къ обученію грамотѣ. По словамъ А. П Заблоцкаго-Десятовскаго

---

*) Чрезвычайно странно читать въ такомъ серьезномъ трудѣ, какъ „Великая Реформа", непродуманныя замѣчанія по этому предмету одного изъ редакторовъ, г. Пичета, въ статьѣ „Помѣщичьи крестьяне въ Великороссіи въ XVIII вѣкѣ" (томъ II) „Крѣпостное право и въ XVIII вѣкѣ —говоритъ онъ—не убило крестьянскаго самоуправленія и не уничтожило старинной формы землепользованія". Характеризуя же, въ чемъ состояло это самоуправленіе,—перечисляя предметы его вѣдѣнія,—г. Пичета не видитъ, что оно имѣло въ виду исключительно интересы помѣщика и было лишено всякой самостоятельности. Какое же это самоуправленіе? Что же общаго между этимъ „самоуправленіемъ" и тѣмъ, которое въ древнее время принадлежало крестьянской общинѣ? Въ концѣ статьи г. Пичета и самъ косвенно признаетъ и за общиннымъ землевладѣніемъ и крестьянской общиной единственно подсобное, служебное—имѣющее въ виду интересы помѣщика —значеніе.

(„Гр. Киселевъ“, т. IV, 314),—„большая часть помѣщиковъ были убѣждены, что ученіе не только не приноситъ пользы крестьянамъ, но даже вредно для нихъ, что они употребляютъ его во зло, дѣлаются мошенниками, составителями фальшивыхъ паспортовъ и пр.“. Даже заботы со стороны относительно обученія крестьянъ встрѣчали непреодолимыя препятствія въ большинствѣ помѣщиковъ. „Были примѣры—разсказываетъ Заблоцкій (тамъ же)—что архіереи хотѣли сдѣлаться распространителями просвѣщенія; поручали приходскимъ священникамъ брать въ ученіе господскихъ мальчиковъ; понуждали ихъ къ этому выговорами. Священники старались, но тщетно: помѣщики не соглашались, мысля, что „племени хамову не подобаетъ учиться...) При безграмотности же и невѣжествѣ, крѣпостные крестьяне поневолѣ долгое время оставались инертной и забитой массой.

Такимъ образомъ, крѣпостные крестьяне стояли внѣ общихъ государственныхъ законовъ. Можно сказать даже, что каждое помѣщичье имѣніе представлялось, въ нѣкоторомъ родѣ, особымъ *самостоятельнымъ государствомъ, управлявшимся по обычному праву*... Наряду съ этимъ должно было существовать и своего рода „обычное международное право“, завершающее изложенную систему и замыкающее полный циклъ отраслей „обычнаго права“... Начала „обычнаго международнаго права“—можно думать—и излагаетъ Побѣдоносцевъ на стр. 160 своихъ „Историч. статей и изслѣдованій“:

„Помѣщичье село—говоритъ онъ—представляется какъ будто *маленькимъ государствомъ посреди большаго*. Нельзя не замѣтить, какихъ усилій и трудовъ стоитъ центральной государственной власти проникнуть въ это маленькое государство, утвердить тамъ свою силу, исполнить тамъ свое рѣшеніе. Сплошь да рядомъ, мы видимъ, что помѣщикъ въ своемъ имѣніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безнаказанно упорствуетъ въ исполненіи всѣхъ требованій правительства, господствуетъ съ полнымъ произволомъ надъ своими крестьянами и—даже, съ помощью этого господства, открыто возстаетъ противъ общественной власти. Явленія этого рода *такъ часто* встрѣчаются въ памятникахъ, изданныхъ уже во всеобщее свѣдѣніе, что едва-ли нужно приводить примѣры. Но въ памятникахъ еще

---

*) Извѣстно, какое наслѣдіе оставила крѣпостная зависимость земству, и какую жестокую борьбу пришлось выдержать послѣднему съ поголовною безграмотностью бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

неизданныхъ такихъ примѣровъ встрѣчается *еще болѣе*. Напримѣръ, изъ судебныхъ производствъ XVII и XVIII вѣковъ, видно, какъ трудно было въ то время бѣдному обиженному помѣщику, не говоримъ уже—получить управу на сильнаго обидчика, но и просто вызвать его въ судъ, потребовать къ отвѣту. Достигнувъ даже управы въ приказѣ или у воеводы, оправданный истецъ по годамъ и по десяткамъ лѣтъ напрасно добивался исполненія, такъ что нерѣдко долженъ былъ вовсе бросить дѣло. Сильный помѣщикъ всѣхъ посыльныхъ отъ суда встрѣчалъ такъ, какъ домохозяинъ встрѣчаетъ шайки грабителей· съ бранью и ругательствомъ, съ дубьемъ и оружіемъ „собрався со своими крестьяны“. Подьячему, который пріѣзжалъ со служилыми людьми во дворъ помѣщиковъ, объявлялось прямо,—„ступай—де вонъ, никого вамъ не дадутъ, а коли поѣдете за людьми въ село, будете побиты до смерти“. Случалось даже, что пріѣхавшаго подьячаго помѣщикъ приказывалъ бить, сажалъ на цѣпь, и освобождалъ только по усиленнымъ его просьбамъ. Послѣ нѣсколькихъ посылокъ, отвѣтчикъ переѣзжалъ въ другую вотчину, гдѣ повторялись такія же продѣлки. Большею частію, онъ, если былъ силенъ, оставался безъ всякаго наказанія за ослушаніе. Нерѣдко случалось, что помѣщикъ, вооруживъ поголовно крестьянъ своихъ, отправлялся съ ними разорять и грабить сосѣднее имѣніе менѣе сильнаго владѣльца; ограбленный и избитый съ семьей ѣхалъ въ Москву искать управы, давалъ осматривать „бой“ и раны, начиналъ искъ. Но отвѣтчика иногда по цѣлымъ годамъ нельзя было вызвать изъ имѣнія; посланные приводили одного за другимъ людей и крестьянъ его, и дѣло нерѣдко кончалось ничѣмъ. Приказы московскіе наполнены были подобными дѣлами, потому что у воеводы нечего было и надѣяться на управу: воевода, если бы и хотѣлъ, рѣдко въ состояніи былъ справиться съ ослушникомъ, потому что у воеводы часто недоставало солдатъ, кого бы послать съ приставомъ, „за разсылками по другимъ дѣламъ“; а у буйнаго ослушника въ распоряженіи бывала цѣлая вооруженная толпа собственныхъ людей и крестьянъ. Въ сыщическихъ дѣлахъ XVII и XVIII столѣтій часто встрѣчаются цѣлыя шайки разбойниковъ и грабителей изъ крестьянъ, разъѣзжавшія по дорогамъ подъ предводительствомъ своего помѣщика“.

Къ этой выразительной картинѣ Романовичъ-Славатинскій прибавляетъ разсказъ, о томъ, что въ царствованіе Екатерины II богатый воронежскій помѣщикъ графъ Девьеръ пере-

стрѣлялъ изъ пушекъ весь ѣхавшій къ нему земскій судъ... Такъ могла расходиться частная воля, вооруженная крестьянскою неволею, даже по отношенію къ государственной власти и ея органамъ... Таковыми представлялись нерѣдко „внѣшнія“ отношенія „маленькаго государства“. Тѣмъ шире была его свобода развивать внутри своеобразные обычные порядки...

Какой-же государственный интересъ могло имѣть, послѣ этого, первоначальное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ,—это сѣмя, принесшее столь горькіе плоды?... *)

III. Условія смягченія и отмѣны крѣпостной зависимости.

Такимъ образомъ, крѣпостная зависимость не только возникла, но и складывалась, опредѣлялась въ общихъ своихъ чертахъ и въ подробностяхъ *обычаемъ*, какъ результатомъ дѣйствія именно *частной* воли, руководимой *частными* интересами. Отсюда и *противогосударственный* характеръ, ею полученный. Она была несогласна съ основными началами порядка,—обезличивая значительную массу населенія, лишая ее необходимѣйшихъ правъ, отдаляя отъ государственной власти, приводя къ матеріальному разоренію и нравственному развращенію. Въ средѣ самихъ владѣльцевъ „крещеной собственности“ развивались привычки и нравы, не соотвѣтствовавшіе необходимымъ условіямъ правильнаго государственнаго быта.

---

*) Скажутъ, можетъ быть, что краски, которыми обрисовано состояніе крѣпостной зависимости, слишкомъ густы. Но мы брали основныя черты этого состоянія, показывали господствовавшее *примѣненіе обычая въ области крѣпостныхъ отношеній*. Примѣры помѣщиковъ, уважавшихъ въ крестьянахъ ихъ человѣческую личность, были весьма рѣдки и совсѣмъ не мѣняли общій характеръ картины.

Блестящую характеристику дореформенному положенію крѣпостныхъ крестьянъ, дающую массу фактическаго матерьяла, подтверждающаго изложенныя нами начала, на которыхъ покоилось это положеніе,—начала безправія, произвола и обычая, какъ права сильнаго, —даетъ г-жа И И. Игнатовичъ въ прекрасной книжкѣ своей „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“, второе изданіе которой удостоено Вольно-Экономическимъ Обществомъ преміи въ пятьсотъ руб —Весьма цѣнною съ точки зрѣнія этой характеристики является также ст. г. Мельгунова „Дворянинъ и рабъ на рубежѣ XIX столѣтія“ въ I томѣ „Великой Реформы“.

Словомъ, страдали обѣ стороны.) Съ теченіемъ времени, крѣпостное право являлось уже прямой и опасной язвой на государственномъ тѣлѣ,—язвой, не только дѣлавшей невозможнымъ дальнѣйшее развитіе, но угрожавшей гибелью всему организму...)

Очень естественно, что *не отъ обычая* должны были послѣдовать существенное смягченіе и самая отмѣна крѣпостной зависимости. Своекорыстная частная воля сильнаго человѣка не могла измѣнить къ ней добровольно своего отношенія, не могла придать ей иной видъ и значеніе, чѣмъ тотъ, какой имѣла крѣпостная зависимость по своему существу. Воля эта требовала принудительнаго воздѣйствія на нее—*со стороны закона.* Условіями смягченія и отмѣны крѣпостной зависимости крестьянъ должны были послужить и послужили. *развитіе отвлеченныхъ понятій о правѣ и справедливости, а съ тѣмъ вмѣстѣ выясненіе истинныхъ задачъ управленія, развитіе самаго законодательства; созданіе печати и общественнаго мнѣнія, до извѣстой степени проникнутыхъ отвлеченными понятіями о правѣ и справедливости, способныхъ контролировать частную волю и содѣйствовать государственной власти въ борьбѣ съ своекорыстнымъ частнымъ интересомъ, развитіе сознанія собственнаго достоинства въ средѣ самихъ крѣпостныхъ крестьянъ, подвигавшаго ихъ на прямую борьбу противъ угнетателей.* Эти условія, изъ которыхъ каждое послѣдовательно давало себя чувствовать болѣе или менѣе ясно, складывались медленно, и не всегда были въ наличности;

---

*) Благодаря рабству,—дѣлаетъ Летурно общее замѣчаніе („Эволюція рабства", пер. Журавской, изд. Сытина, 41)—притупляется, атрофируется чувство справедливости и у рабовъ, и у господъ. Даже за предѣлами собственно рабства, нравственное вырожденіе повсюду является результатомъ долговременнаго гнета и насильственнаго подчиненія.

**) „При существованіи крѣпостного права—замѣчаетъ Романовичъ-Славатинскій („Дворянство въ Россіи", 369)—нашъ общественный строй стоялъ, можно сказать, на пороховой почвѣ: достаточно было малѣйшей искорки, для того чтобы произвести въ немъ взрывъ. То помѣщики истязали наказаніями и обирали поборами своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, то крѣпостные крестьяне убѣгали въ одиночку и массами отъ своихъ помѣщиковъ, бунтовали и избивали ихъ". Любопытныя замѣчанія присоединяетъ къ этому кн. Н. Волконскій относительно времени передъ реформою, совпавшаго съ особо рѣзко обозначившимся и переходомъ натуральнаго помѣщичьяго хозяйства въ денежное· „Нападенія крѣпостныхъ на своихъ помѣщиковъ—говоритъ онъ („Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ", 42)—доходившія до суда лишь въ тѣхъ относительно рѣдкихъ случаяхъ,

между тѣмъ, и крѣпостная зависимость, съ своей стороны, пріобрѣла большую силу, и заинтересованныя въ ея существованіи лица организовали значительныя средства для ея поддержанія. Борьба государственнаго интереса съ частнымъ не могла быть легка и непродолжительна. Государственное начало должно было побѣдить, и—побѣдило Но побѣда эта досталась ему съ большимъ трудомъ и потребовала для себя много времени. Сообразно съ существомъ дѣла, общій характеръ этой борьбы долженъ былъ состоять въ стремленіи государственной власти—*измѣнять и отмѣнять обычаи крѣпостныхъ отношеній, ограничивать помѣщичью власть и распространять на крѣпостыхъ крестьянъ общіе законы; обезпечивать ихъ имущественныя, личныя и общественныя права; сравнивать крѣпостыхъ крестьянъ съ прочими гражданами.* Въ свою очередь, *частная воля должна была противопоставлять государственной власти вѣковые обычаи, мѣшать созданію ограничительныхъ законовъ и стремиться обходить ихъ, превращать въ мертвую букву,*

Именно всѣ эти явленія, какъ результатъ взаимодѣйствія указанныхъ силъ и условій, мы и замѣчаемъ весьма ясно въ дѣйствительности въ новѣйшей исторіи крестьянскаго дѣла.

Петръ I олицетворялъ собою болѣе или менѣе твердую государственную власть и, несомнѣнно, преслѣдовалъ государственные интересы въ своей дѣятельности. Онъ могъ бы, поэтому, преградить развитіе крѣпостной зависимости или, по

когда, дѣйствительно—происходило замышлявшееся преступленіе, всего же чаще остававшіяся скрытыми, безъ огласки,—стали въ эти годы явленіями довольно заурядными. Когда по поводу одного изъ такихъ нападеній, моимъ покойнымъ отцомъ, княземъ Сергѣемъ Васильевичемъ Волконскимъ, были однажды приглашены для обсужденія этого вопроса нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ, во второй уже половинѣ 50-ыхъ годовъ,—то изъ объясненій съѣхавшихся оказалось, что изъ собравшихся рѣдко кто избѣжалъ нападенія со стороны крестьянъ или дворовыхъ, а на нѣкоторыхъ такія покушенія прямо на жизнь были произведены даже не одинъ разъ; но большинство считало нужнымъ молчать, видя въ оглашеніи такихъ случаевъ не только что то позорящее для того, на кого оно было произведено, но и опасное для сохраненія помѣщичьяго авторитета". „Удивительно—прибавляетъ авторъ къ этому новому указанію, имѣющему значеніе, конечно, не для одной рязанской губерніи, которой оно собственно касается,—какъ все это быстро забыто, и какъ въ настоящее время можно найти не мало лицъ, повторяющихъ, правда, обыкновенно не отдавая себѣ хорошенько отчета въ томъ, что они говорятъ,—довольно распространенную мысль, будто крѣпостное право было отмѣнено слишкомъ рано"!

крайней мѣрѣ, поставить ее въ извѣстные предѣлы. Но эта зависимость только что опредѣлилась, стала фактомъ въ его время. Трудно было Петру тогда же оцѣнить подобный фактъ и сознать все его значеніе. Нелѣпость его во всемъ ея объемѣ—не поражала умственнаго взора великаго царя. Вниманіе Петра могло быть остановлено развѣ отдѣльными безсмысленными проявленіями крѣпостного права. Дѣятельность его была притомъ слишкомъ широка и всеобъемлюща,—и онъ не имѣлъ ни времени, ни возможности сосредоточиться на фактѣ усиливавшейся крѣпостной зависимости Кромѣ того, геній Петра отчасти увлекался подражательностью. Желая воспроизвести въ отечествѣ европейскіе порядки, онъ, естественно, обращалъ преимущественное вниманіе на внѣшность. Процвѣтаніе промышленности и торговли представлялось ему яснѣе, чѣмъ свобода личности, какъ необходимая основа государственнаго преуспѣванія. Идеалы „полицейскаго государства“, которые преслѣдовалъ Петръ, не вяжутся со свободою и развитіемъ правъ личности, даже требуютъ подчасъ принесенія себѣ въ жертву этихъ правъ. Въ самой Западной Европѣ права личности не получили еще тогда надлежащей оцѣнки; политическая философія только что зарождалась. Тѣмъ не менѣе, Петру I принадлежатъ нѣкоторыя ограничительныя мѣры по отношенію къ крѣпостной зависимости).

Какъ мы видѣли уже, онъ обратилъ вниманіе на развившійся въ его время *обычай* продавать людей. Обычай богатыхъ помѣщиковъ, за которыми тянулись и бѣдные,—держать при себѣ большое количество крѣпостныхъ для домашней услуги и блеска,—также сбратилъ на себя вниманіе Петра. Въ его время, вслѣдствіе развитія роскоши среди помѣщиковъ и впаденія ихъ въ долги, широко развился „правежъ“ помѣщичьихъ долговъ на крестьянахъ. *Обычай* этотъ—по выраженію Побѣдоносцева („Историч. статьи и изслѣдованія“, стр. 168)—былъ „жестокъ и несправедливъ“, и онъ былъ отмѣненъ еще въ 1711 г. указомъ, который изслѣдователь и при-

---

*) Описанное выше усиленіе крѣпостной зависимости было до извѣстной степени результатомъ не первой—предпринятой Петромъ—народной переписи, а послѣдующихъ. Это усиленіе отнюдь не предполагалось имъ. Извѣстное вліяніе первой ревизіи обнаружилось достаточно ясно лишь послѣ смерти Петра. Само по себѣ, вліяніе петровскихъ переписей не представляло собою чего либо совершенно новаго и исключительнаго; отчасти такое вліяніе имѣло и составленіе писцовыхъ книгъ.

водитъ впервые. *) Петръ установилъ, затѣмъ, извѣстный контроль надъ помѣщиками, предписавъ въ 1719 г. отдачу „подъ началъ“ тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ становилось извѣстно, что они мучатъ своихъ крестьянъ и приводятъ ихъ въ разоренiе. Принадлежащее Петру осуществленiе, въ извѣстной мѣрѣ, *законности* въ управленiи также, безъ сомнѣнiя, имѣло косвенное вліянiе на крѣпостную зависимость,—ставя ей, какъ проявленію незаконнаго обычая, нѣкоторыя предѣлы и замедляя ея поступательный ходъ.

При болѣе продолжительномъ царствованiи, быть можетъ, Петру удалось-бы сдѣлать еще болѣе въ дѣлѣ насажденiя государственнаго порядка. Онъ былъ въ состоянiи понять, что основою этого порядка служитъ свобода личности, а не процвѣтанiе торговли и промышленности. Но нельзя было разсчитывать на освободительныя мѣры при ближайшихъ слабыхъ преемникахъ Петра. Крѣпостная зависимость при нихъ больше усиливалась, нежели ослаблялась. Однако, обнаружившееся въ межевой инструкціи 1754 г., рѣшительное намѣренiе правительства пріурочить владѣнiе крѣпостными къ потомственному дворянству, будучи направляемо интересами господствующаго сословія, можетъ почитаться во всякомъ случаѣ косвенною мѣрою, враждебною крѣпостной зависимости. Цѣлый рядъ мѣропріятій въ этомъ направленіи, предпринятыхъ впослѣдствіи, уже совершенно ясно носитъ такой характеръ, создавая новые способы прекращенiя этой зависимости. Крестьяне, пріобрѣтаемые лицами, неимѣющими права владѣть крѣпостными, или достающіеся такимъ лицамъ по наслѣдству,—получаютъ свободу.

Екатерина II, при своемъ умѣ и громадныхъ государственныхъ способностяхъ, при своихъ непосредственныхъ сношенiяхъ съ представителями тогдашней политической философіи, представляла извѣстныя данныя, которыми могло бы обусловливаться значительное ослабленiе крѣпостной зависимости. И, дѣйствительно, существуетъ множество указанiй на то, что она

---

*) Упоминаемый обычай, получившій, впрочемъ, нѣкоторое выраженiе въ самомъ законѣ, именно въ Уложенiи 1649 г., состоялъ, по описанію проф. Сергѣевича („Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“, 981), въ слѣдующемъ Должника выводили передъ приказную избу, за нѣсколько времени до открытія засѣданія, обнажали ему ноги и били по нимъ палками; и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока судьи сидѣли въ судѣ; за каждые сто рублей должникъ подвергался „правежу» въ продолженiе не болѣе мѣсяца.

серьезно помышляла объ устраненіи этого зла. „Новое уложеніе“, которое должна была сочинить созванная ею знаменитая комиссія 1767 г., несомнѣнно, призвано было поставить крѣпостную зависимость въ болѣе тѣсные предѣлы. Въ комиссіи этой и поднятъ былъ довольно рѣзко вопросъ о крѣпостныхъ крестьянахъ. *) Но императрица встрѣтила сильнѣйшее противодѣйствіе по этому предмету со стороны своихъ приближенныхъ. **) Борьба со зломъ, размѣры котораго она

---

*) Предположенія объ облегченіи участи крѣпостныхъ крестьянъ, соединенныя съ созваніемъ комиссіи 1767 г и возникшія въ ея собственной средѣ, быть можетъ, и послужили одною изъ причинъ относительной безплодности этой комиссіи, а также и невозобновленія ея засѣданій, послѣ закрытія подъ предлогомъ войны.—Неуспѣхъ многочисленныхъ комиссій по пересмотру и переработкѣ законовъ, комиссій, образовывавшихся съ начала прошлаго столѣтія вплоть до Сперанскаго,—можно вообще объяснить отчасти тѣмъ, что кодификація права была противна существу крѣпостной зависимости, угрожая интересамъ господствовавшаго помѣщичьяго класса, и встрѣчала противодѣйствіе съ его стороны.. Въ самомъ дѣлѣ, *всякій систематическій трудъ въ области кодификаціи права неизбѣжно сталкивался съ вопросомъ объ опредѣленіи закономъ правъ и обязанностей крѣпостныхъ крестьянъ и отношеній ихъ къ помѣщикамъ.* Законъ же, какъ ни были неудовлетворительны условія его созданія, не могъ бы, безъ сомнѣнія, *систематически* подтвердить то угнетеніе крестьянъ, которое допускали обычаи и, отчасти, отдѣльно изданныя постановленія, онъ могъ дѣлать это—и дѣлалъ---только по частнымъ поводамъ и случаямъ. Такимъ образомъ, кодификаціонныя комиссіи, дѣйствовавшія до Сперанскаго, не сдѣлали почти ничего. Затѣмъ и Сперанскій могъ только собрать законы и составить сводъ дѣйствующихъ постановленій. Опыты собственной кодификаціи права, систематической переработки его на новыхъ началахъ, не удались и ему... Между прочимъ, характерно нападеніе, сдѣланное на великаго кодификатора по поводу составленнаго имъ проекта новаго гражданскаго уложенія. Сперанскаго обвинили въ заимствованіяхъ изъ французскаго гражданскаго кодекса (Корфъ—„Жизнь гр. Сперанскаго“). Французскій же кодексъ былъ, дѣйствительно, страшенъ для помѣщичьей власти. Послѣ окончательнаго раздѣла Польши въ 1796 г., введенный Наполеономъ I въ великомъ герцогствѣ варшавскомъ (нынѣшнія губерніи Царства Польскаго), кодексъ этотъ само собою получилъ освободительное значеніе для польскихъ крестьянъ, такъ какъ онъ распространилъ на все населеніе герцогства общія гражданскія права (Карновичъ—„О крѣпостномъ правѣ въ Польшѣ“, „Современникъ“ за 1858 г.).

**) По замѣчанію г. Полетаева („Журналъ Юрид. Общества“, декабрь 1895 г, статья „Наказъ императрицы Екатерины II“),—Наказъ, составленный Екатериною въ руководство комиссіи, былъ совершенно передѣланъ ею подъ вліяніемъ ея приближенныхъ цензоровъ — Онъ касался шире настоящаго вопроса въ первоначальной редакціи и урѣзанъ былъ по настоянію приближенныхъ, награждавшихся крѣ-

вполнѣ сознавала, представлялась слишкомъ тяжелою и опасною для нея самой. *) Тѣмъ не менѣе, и теоретическое вліяніе ея Наказа названной комиссіи, въ которомъ нашла себѣ извѣстное выраженіе западно-европейская политическая философія, было значительно. Въ немъ говорилось, между прочимъ, *о равенствѣ передъ закономъ*,—не о внѣшнемъ только равенствѣ (объ общеобязательной силѣ закона), но и *внутреннемъ* (по содержанію) равенствѣ закона для всѣхъ: „Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому особо гражданину; сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ, и никого, кромѣ законовъ, не боялись; сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространялось между людьми". Всѣ подобнаго рода идеи, получившія чрезъ Наказъ весьма широкое распространеніе въ странѣ, не могли не сказаться на дѣлѣ, хотя впослѣдствіи. Прямымъ выраженіемъ этихъ идей и можно считать состоявшіяся еще при Екатеринѣ: запрещеніе записываться въ крѣпость, несмотря на собственное желаніе; отмѣна обычнаго правила: „по рабѣ холопъ и по холопу раба"; изгнаніе изъ употребленія названія „рабъ"; нѣкоторыя мѣры по устройству казенныхъ крестьянъ, и пр. Усовершенствованіе системы управленія, достигнутое Екатериною, также должно было имѣть свое вліяніе, опять таки, хотя впослѣдствіи.

Увеличеніе числа крѣпостныхъ крестьянъ путемъ пожалованія населенныхъ имѣній не было опредѣлено какими либо правилами и имѣло всѣ признаки обычая. Это явствуетъ, напримѣръ, изъ тѣхъ условій, при которыхъ былъ награжденъ Каннабихъ, впослѣдствіи прославившійся неслыханными жестокостями совершенными имъ надъ крестьянами. „Однажды на парадѣ, Павелъ I передалъ Каннабиху какое-то словесное приказаніе, и Каннабихъ стремглавъ полетѣлъ исполнять его, причемъ у него свалилась съ головы треуголка.—Голова тутъ, в. и. в.!—отвѣчалъ, продолжая скакать, какъ сумасшедшій, Каннабихъ.—Дать ему тысячу душъ крестьянъ!—воскликнулъ императоръ". („Русская Старина", апрѣль 1870 г.). По ука-

---

постными и нежелавшихъ разставаться съ ними,—какъ объ этомъ также говорятъ въ „Великой Реформѣ"—томъ I—гг. Лаппо-Данилевскій и Пресняковъ.

*) „Всякая рѣшительная мѣра по отношенію къ освобожденію крестьянъ могла быть принята несочувственно дворянами, въ поддержкѣ которыхъ Екатерина нуждалась",—замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ („Лекціи и Изслѣдованія", 643).

заніямъ К. П. Побѣдоносцева, бывали пожалованія даже „для увеселенія“; такъ, напримѣръ, было пожаловано Екатериною II пять тысячъ душъ Румянцеву („Истор. статьи“, 229). Подобныя распоряженія облекались, такимъ образомъ, въ форму словесно объявляемыхъ высочайшихъ повелѣній, ибо и въ то время, при всей упрощенности управленія и при слабости общественнаго мнѣнія, они не могли бы получить форму „законодательныхъ актовъ“, въ виду ихъ явной несообразности съ правомъ и закономъ. *Обычай раздачи населенныхъ имѣній былъ и отмѣненъ, какъ обычай.* Императоръ Александръ I-й, съ перваго же года своего царствованія, просто прекратилъ пожалованіе населенныхъ имѣній, безъ всенароднаго объявленія объ этомъ, и указываемый обычай болѣе не возобновлялся.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія было также выражено особенно твердо то существенное теоретическое начало, въ силу котораго лица, однажды воспользовавшіяся свободою, не могутъ уже быть возвращены вновь въ крѣпостное состояніе; согласно этому началу, было постановлено тогда, что даже лицо, составившее подложный актъ и по немъ воспользовавшееся свободою, должно подвергаться установленному наказанію за подлогъ, но не можетъ уже быть возвращено помѣщику (ст. 1118 тома IX Свода Законовъ, изд. 1857 г.). Сюда же относятся состоявшіеся въ XIX столѣтіи законы, въ силу которыхъ, съ одной стороны, десятилѣтняя давность не дѣлала законнымъ неправильнаго укрѣпленія вольнаго человѣка,—съ другой стороны же, теченіе ея не лишало права иска о свободѣ (тамъ же, стат. 13 и 1014).

Извѣстныя проявленія „обычнаго финансоваго права“ помѣщиковъ, приводившія къ разоренію крестьянъ и къ несостоятельности ихъ въ уплатѣ государственныхъ податей и повинностей, должны были довольно рано обратить на себя вниманіе правительства, затрагивая непосредственно его ближайшіе интересы. Петръ I предписывалъ уже, какъ мы видѣли, брать помѣщиковъ „подъ началъ“, между прочимъ, и по поводу такихъ нарушеній финансовыхъ интересовъ государства. Современникъ его, Посошковъ, предлагаетъ: „помѣщикамъ учинить расположеніе указное, по чему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать“. „Если бы всякій изъ владѣльцевъ извѣстенъ былъ,—говорилъ депутатъ Коробьинъ въ комиссіи 1767 г.,—что не болѣе отъ своего земледѣльца потребовать можетъ, какъ только то, что законами предписано, то

симъ бы образомъ могли бы пресѣчься злоупотребленія, происходящія отъ непосредственной власти помѣщиковъ надъ своими крестьянами". (Сергѣевичъ—„Лекціи и изслѣд.", 646). Такимъ же образомъ Панинъ совѣтовалъ Екатеринѣ опредѣлить въ секретномъ предписаніи крестьянскія повинности *). Извѣстное ограниченіе было внесено въ разсматриваемую область лишь въ 1797 году, когда установлено было, чтобы помѣщики не принуждали крестьянъ къ работѣ по праздникамъ, да и въ будни пользовались бы только трехдневною работою въ недѣлю, другіе же три дня оставляли крестьянамъ для ихъ собственныхъ работъ (ст. 1046, т. IX, изд. 1857 г.). Ближайшій же отсюда шагъ—обезпеченіе крестьянъ землею—сдѣланъ былъ только въ 1827 г.,—когда явилось правило о томъ, что коль скоро у помѣщика на каждую ревизскую душу будетъ приходиться менѣе четырехъ съ половиною десятинъ земли, то имѣніе должно быть отбираемо въ казну и крѣпостные крестьяне переводимы въ составъ государственныхъ (ст. 1107, т. IX, изд. 1857 г.). „Ограничить власть помѣщиковъ инвентарями" предлагалъ въ 1842 г. князь Голицынъ (Заблоцкій-Десятовскій „Гр. Киселевъ", т. II, 258), а по словамъ Ф. П. Еленева, польскіе помѣщики потому собственно не изъявляли въ 1856 г. „удивленія" и „непритворнаго страха", подобно прочимъ помѣщикамъ, передъ предвареніями о необходимости реформы, что, разсчитывая на освобожденіе безъ земли,—„желали цѣною личнаго освобожденія навсегда отстранить отъ себя опасность введенія такихъ инвентарей, какіе были введены Бибиковымъ въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ и едва не упали на головы и литовско-бѣлорусскихъ помѣщиковъ" („Первые шаги освобожденія крестьянъ", 26).

Обычай содержать большую дворню, какъ крайне вредный во всѣхъ отношеніяхъ и обративший на себя еще вниманіе Петра I-го, естественно, вызываетъ противъ себя извѣстныя мѣропріятія и впослѣдствіи. Въ XIX вѣкѣ, Киселевъ, касаясь крѣпостныхъ крестьянъ, указываетъ на этотъ, по его выраженію, „вѣковой обычай", прежде всего. Составляются предположенія начать именно съ дворовыхъ людей систематическія улучшенія въ бытѣ крѣпостныхъ, путемъ изданія новыхъ за-

*) „Могла ли,—замѣчаетъ по этому поводу Романовичъ-Славатинскій („Дворянство въ Россіи", 32—3.),—Екатерина II, возведенная на престолъ дворянствомъ, издать такое предписаніе, хотя бы и секретно"?...

коновъ. Но такъ какъ этотъ обычай былъ именно „вѣковымъ“, особо укоренившимся, и на дворовыхъ наиболѣе полно распространялось „обычное право помѣщиковъ“, то лишь передъ самымъ освобожденіемъ состоялось запрещеніе переводить крестьянъ въ число дворовыхъ, и—актъ 19 февраля, освободивъ и послѣднихъ, обнаружилъ наименѣе заботливости объ устройствѣ быта этого несчастнѣйшаго разряда крѣпостныхъ.

„Обычное уголовное право“, подъ дѣйствіемъ котораго жили крѣпостные крестьяне, слишкомъ тѣсно входило въ понятіе помѣщичьей власти, для того чтобы легко поддаться опредѣленію ея предѣловъ въ этомъ отношеніи со стороны закона. Но, съ усовершенствованіемъ уголовнаго законодательства, въ видѣ уложенія о наказаніяхъ 1845 г.,—объявившаго преступленіемъ лишь то, что составляетъ нарушеніе прямого закона или неисполненіе точнаго его предписанія, и вообще болѣе твердо, чѣмъ до тѣхъ поръ, поставившаго вопросъ объ отвѣтственности каждаго гражданина не иначе какъ по суду и закону,—„обычное уголовное право“ не могло остаться безъ ограниченій. Закономъ 21 января 1846 г.,—о согласованіи съ названнымъ уложеніемъ нѣкоторыхъ судопроизводственныхъ правилъ,—и предоставлено было карать крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ за нѣкоторые болѣе или менѣе опредѣленные преступленія и проступки лишь въ предѣлахъ сорока ударовъ розгами, патнадцати ударовъ палками и семи дней, а въ особо важныхъ случаяхъ,—двухъ мѣсяцевъ ареста, но „съ тѣмъ, чтобы виновный былъ содержимъ въ сельской тюрьмѣ, сообразно съ правилами, вообще для тюремнаго заключенія постановленными“ (ст. 850—851, т. XV, ч. II, изд. 1857 г.)

До уложенія 1845 г. не существовало опредѣленной уголовной отвѣтственности для помѣщиковъ за жестокое обращеніе съ крестьянами. Отсюда—въ 1762 г., по дѣлу помѣщика Нестеровскаго, замучившаго до смерти своего крестьянина,—юстицъ-коллегія затруднилась даже въ вопросѣ о какомъ-бы то ни было наказаніи для него, не считая возможнымъ примѣнить общіе законы объ истязаніяхъ, мученіяхъ и смерти. Случалось, что подобныя дѣла просто предавались забвенію; вообще же, наказанія, которымъ подвергались помѣщики за убійство своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, были разнообразны и иногда весьма снисходительны. Съ своей стороны, уложеніе установляетъ нѣкоторыя особыя наказанія за злоупотребленіе помѣ-

щичьею властью и открываетъ возможность примѣненія къ помѣщикамъ обще-уголовной отвѣтственности за причиненіе ими крестьянамъ и тѣлесныхъ поврежденій, не говоря уже о смерти. Такимъ образомъ, въ 1849 г., государственный совѣтъ, по дѣлу помѣщиковъ князей Трубецкихъ, именно примѣнилъ общую 1960-ую статью уложенія о наказаніяхъ („Сборникъ мнѣній государственнаго совѣта по уголовнымъ дѣламъ, состоявшихся съ 1846 по 1863 г.“) *) Далѣе, угрожая помѣщикамъ наказаніемъ за неисполненіе обязанностей по продовольствію крестьянъ и за доведеніе послѣднихъ до нищенства, уложеніе обезпечило тѣмъ до извѣстной степени исполненіе помѣщиками нѣкоторыхъ обязанностей, признававшихся за ними относительно крестьянъ.

Въ западныхъ губерніяхъ,—говоритъ А. П. Заблоцкій („Гр. Киселевъ“, т. II, 310)—независимо отъ произвольнаго распоряженія барщиною крестьянъ въ предѣлахъ имѣнія, существовалъ между помѣщиками *„обычай* отдавать своихъ крестьянъ въ наемъ по контрактамъ въ земляныя и другія черныя работы, а также для сплава судовъ въ заграничные порты“. Злоупотребленія такимъ „обычнымъ правомъ“ вызвали, наконецъ, въ началѣ царствованія императора Николая Павловича, стремленіе правительства ограничить это „право“ законодательными мѣрами. Рядъ такихъ мѣръ и закончился въ 1853 г. изданіемъ правилъ о наймѣ помѣщичьихъ крестьянъ съ земляныя и другія черныя работы въ западныхъ губерніяхъ. Между прочимъ, помѣщикамъ предписывалось обязательно давать письменныя инструкціи лицамъ, назначаемымъ ими на должности управителей, экономовъ, прикащиковъ и пр., —„отнюдь не дозволяя никому изъ нихъ, кромѣ управляющаго имѣніемъ, уполномо-

---

*) По собственной квалификаціи государственнаго совѣта, „поступки Трубецкихъ съ своими крестьянами, кромѣ обремененія ихъ непомѣрными тягостями, составляли непрерывный почти рядъ не обыкновенныхъ жестокостей, коихъ послѣдствіемъ была, между прочимъ, смерть крестьянина Федорова, давшая поводъ къ начатію настоящаго дѣла: онъ, хромой и съ давняго времени страдавшій удушьемъ, цѣлый мѣсяцъ ходилъ на работу въ кандалахъ, и за то, что вмѣсто отдѣлки ткацкаго станка дѣлалъ деревянную ложку, получилъ отъ самой княгини Трубецкой нѣсколько ударовъ палкою, а потомъ, по ея приказанію и въ ея присутствіи, наказанъ ременнымъ кнутомъ или плетью; наказаніе сіе, которое не было прекращено и тогда, когда кнутъ оторвался или выпалъ изъ рукъ наказывавшаго, подвергало жизнь Федорова опасности до такой степени, что онъ на четвертый день послѣ того умеръ“.

ченнаго законною довѣренностью, за проступки крестьянъ наказывать ихъ тѣлесно" (ст. 1073, т. IX, изд. 1857 г.). Въ виду же того, что отдача населенныхъ имѣній въ аренду вообще сопровождается крайними злоупотребленіями и имѣетъ своимъ послѣдствіемъ выжиманіе послѣднихъ соковъ изъ крестьянъ,—она была вовсе воспрещена закономъ въ томъ же 1853 г. (гамъ же, ст. 1087).

Наименѣе допускалось, при существованіи крѣпостной зависимости, дарованіе крестьянамъ гражданскихъ имущественныхъ правъ, и—непосредственно въ этой области произволъ помѣщика за все время почти ничѣмъ не былъ ограниченъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, крѣпостнымъ крестьянамъ было предоставлено пріобрѣтать земли и прочія недвижимыя имущества, но не иначе, какъ на имя своихъ помѣщиковъ. Только съ 1848 г. могли они дѣлать подобныя пріобрѣтенія на свое имя, но—говорилось въ новомъ законѣ—съ согласія владѣльцевъ (ст. 1138 т. IX, изд. 1857 г.). На практикѣ, однако, и послѣ того крѣпостные крестьяне покупали земли на имя помѣщиковъ, такъ какъ послѣдніе не обнаруживали склонности, съ своей стороны, предоставлять имъ гражданскія права. Затѣмъ, права иска, права судебной защиты противъ помѣщика крестьяне не получили до самаго освобожденія.) Споры между ними самими вплоть до того же времени разрѣшалъ помѣщикъ, не соображаясь ни съ какими опредѣленными правовыми основаніями,—не признавая, конечно, примѣнимости къ крестьянамъ и законовъ гражданскихъ.

Нечего и говорить о томъ, что сами крѣпостные крестьяне ожидали освобожденія единственно отъ закона. Отсюда —поводами къ волненіямъ между ними служатъ обыкновенно слухи о различныхъ указахъ, которые якобы скрываются лицами, заинтересованными въ сохраненіи крѣпостной зависимости...

Волненія эти получаютъ съ теченіемъ времени большее и большее развитіе, становятся чаще и чаще, захватываютъ болѣе и болѣе широкіе слои закрѣпощеннаго крестьянства. По-

---

*) Между тѣмъ, притязанія на имущество крѣпостныхъ крестьянъ признавались въ помѣщичьемъ быту весьма существенными, составляющими наиболѣе цѣнную часть общаго „права" на нихъ. По словамъ проф Сергѣевича („Лекціи и изслѣдованія", 647), въ законодательной комиссіи 1767 г. депутатъ угличскаго дворянства генералъ-маіоръ Опочининъ не находилъ даже полезнымъ „имѣть крѣпостныхъ и не касаться ихъ имущества".

мѣщичьи крестьяне оказываютъ большее и большее сопротивленіе угнетателямъ, борются съ ними сами болѣе и болѣе жестокими мѣрами, и чаще и чаще заставляютъ государственную власть видѣть противообщественное значеніе въ крѣпостномъ правѣ и задумываться надъ его ослабленіемъ, а затѣмъ отмѣною. И если въ такого рода волненіяхъ, вплоть до самаго освобожденія, крестьянами, возстававшими противъ помѣщиковъ, руководила вѣра въ государственную власть, въ царя, и слухи о якобы изданныхъ, но скрываемыхъ освободительныхъ указахъ,—то цѣлые бунты, настоящія возстанія закрѣпощеннаго народа поднимаются прямо самозванцами, принимающими на себя личину вѣнчанныхъ государей, какими выставляли себя и Степанъ Разинъ и Емельянъ Пугачевъ и друг. *)

Какъ ни далеки были въ сущности упоминавшіяся частныя мѣры, достигшія уже довольно крупной цифры въ XIX столѣтіи, до общаго освобожденія; какъ ни ограниченны были требованія, предъявлявшіяся помѣщикамъ; какъ ни широки были предѣлы, еще остававшіеся для произвольной власти, и съ изданіемъ упоминаемыхъ мѣръ,—тѣмъ не менѣе, онѣ вызывали сильное неудовольствіе и противодѣйствіе въ господствующемъ классѣ. Мѣрамъ, направляемымъ противъ несовмѣстныхъ съ государственными интересами обычаевъ,—противополагались обычаи вообще, какъ нѣкая, чуть не „священная“ и во всякомъ случаѣ „освященная временемъ“ *норма права*, „соотвѣтствующая состоянію самаго народа“ и требующая чрезвычайно „бережнаго“ и „осторожнаго“ къ себѣ отношенія. „Хотя, говорилъ поэтъ-крѣпостникъ Державинъ,—по древнимъ законамъ, права на рабство нѣтъ, но политическіе виды, укрѣпивъ крестьянъ землѣ, тѣмъ самымъ ввели рабство *въ обычай*. Обычай сей, утвердясь временемъ, сдѣлался *столь священнымъ*, что прикоснуться къ нему, безъ вредныхъ послѣдствій, великая потребна осторожность“ (Романовичъ,—„Двор. въ Россіи“, 381). Ельнинскій предводитель дворянства Стунѣевъ въ такихъ выраженіяхъ отклонялъ высказанную императоромъ Николаемъ рѣшимость измѣнить крѣпостное состо-

*) См. объ этомъ. въ книжкѣ Вл. Горна „Крестьянскія движенія за полтора вѣка„ (стр. 10): въ ст. И. И. Игнатовичъ „Борьба крестьянъ за свое освобожденіе“, въ сборникѣ журнала „Жизнь для Всѣхъ„—„Освобожденіе крестьянъ“; въ ст. проф. Фирсова—„Крестьянскія волненія до XIX вѣка“ во второмъ томѣ „Великой Реформы“ (стр 68).

яніе въ обязанное, по закону 1842 г., и надежду, что смоленское дворянство поможетъ ему въ этомъ· „Невѣжество крестьянъ, ихъ суевѣріе и непреодолимая привязанность къ старымъ обычаямъ дѣлаютъ ихъ неспособными къ воспріятію убѣжденія въ законоположеніяхъ и къ сознанію непреложнаго долга гражданской зависимости“... Съ точки зрѣнія этого упорнаго, постоянно наблюдавшагося въ различныхъ видахъ, стремленія опираться на *обычаи*, возражая противъ улучшеній быта крестьянъ,—въ высшей степени характерна переписка гр. Киселева,—этого энергичнѣйшаго и честнѣйшаго дѣятеля крестьянскаго освобожденія,—съ бывшимъ тогда кавказскимъ намѣстникомъ, княземъ Воронцовымъ, отнюдь не крѣпостникомъ, котораго Заблоцкій-Десятовскій называетъ даже „однимъ изъ самыхъ видныхъ поборниковъ освобожденія крестьянъ“ („Гр. Киселевъ“, т. II, 214), но который, страннымъ образомъ, занялъ нѣсколько иное положеніе въ вопросѣ объ отношеніяхъ между кавказскими помѣщиками—беками и агаларами —и земледѣльческимъ населеніемъ (то же сочиненіе, т. IV, 182—190). „Я хорошо знаю, какъ вы это замѣтили Сафонову, —признавалъ Воронцовъ,—что, поддерживая до извѣстной степени эти ограниченія, я не дѣйствую сообразно съ тѣмъ взглядомъ, который я всегда имѣлъ на этотъ предметъ, и съ тою ненавистью и отвращеніемъ, которыя я всегда питалъ къ личному рабству. Но неужели вы думаете, любезный Павелъ Дмитріевичъ, что я сталъ бы дѣйствовать и дѣлать представленіе въ смыслѣ противномъ моимъ опредѣленнымъ и хорошо извѣстнымъ чувствамъ, если бы, послѣ почти двухлѣтняго изученія вопроса, я не убѣдился вполнѣ, что сдѣлать больше, чѣмъ я предлагаю, въ пользу земледѣльцевъ противъ интересовъ землевладѣльцевъ было бы: спутать всѣ понятія, произвести смуту въ быту первыхъ и возбудить противъ насъ весь вліятельный классъ послѣднихъ“... Говоря, далѣе, о повинности поселянъ отдавать людей во дворъ землевладѣльцевъ, онъ замѣчаетъ, что повинность эта найдена въ краѣ „согласною съ нравами и обычаями населенія“... Касаясь затѣмъ „нукеровъ“, то есть, людей, которыхъ кавказскіе беки держали въ городахъ, получая отъ нихъ повинности или деньгами, или работою, Воронцовъ замѣчаетъ, что „это до того установившійся здѣсь обычай, что долго еще не будетъ возможности измѣнить въ немъ что бы то ни было“... Наконецъ, указывая на другой разрядъ людей, жившихъ въ городахъ и платящихъ повинности землевладѣльцамъ, Воронцовъ также на-

ходитъ, что „тутъ нѣтъ ничего рабскаго—это *древній обычай*“, по его словамъ.—„Что соображенія высшей политики возражалъ, между прочимъ, Киселевъ—заставили правительство возвратить земли, неблагоразумно отнятыя у агаларовъ и у другихъ,—это я понимаю; но мнѣ трудно понять, какимъ образомъ хотятъ возвратить крестьянъ, живущихъ на тѣхъ земляхъ, въ положеніе, предшествовавшее закону 1841 г., то есть, въ рабство, основанное *на обычаяхъ и понятіяхъ*, признанныхъ стѣснительными... Чтобы оправдать новый проектъ положенія, говорятъ,—продолжалъ Киселевъ,—что съ незапамятныхъ временъ эти крестьяне были подчинены тѣмъ же повинностямъ, тѣмъ же работамъ, и еще хуже. Это дѣйствительный фактъ, и я его вижу изъ донесеній всѣхъ кавказскихъ генералъ-губернаторовъ. Но, тѣмъ не менѣе, позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что *если стѣснительные обычаи могутъ, а иногда и должны быть терпимы, то это не можетъ быть допущено, какъ скоро дѣло касается законодательства новаго, которое не можетъ быть хорошо и прочно, если не основано на справедливости*“.

Крѣпостническая философія, съ ея постоянными ссылками на обычаи, не могла, впрочемъ, и сама не чувствовать полнѣйшаго безсилія своего на теоретической почвѣ. Да большинство помѣщиковъ и не было пріобщено къ какимъ-либо теоріямъ. Лучшая, образованнѣйшая часть дворянства находилась, большею частію, въ первыхъ рядахъ поборниковъ освобожденія и не могла оказывать услугъ по сколько-нибудь искусной формулировкѣ крѣпостническихъ вожделѣній. *) Крѣпостническая философія являлась по преимуществу философіею практическою. Вѣрная своей непосредственной основѣ, она старалась поддерживать существовавшій порядокъ соображеніями ча-

*) Для курьеза, можно привести—со словъ Романовича-Славатинскаго („Дворянство въ Россіи“, 385—387)—въ качествѣ теоретической попытки обоснованія помѣщичьей власти, разсужденія харьковскаго помѣщика Каразина, изложенныя имъ въ особой запискѣ, которою имѣлось въ виду отклонить императора Александра I отъ его освободительныхъ предначертаній: „Въ государствѣ монархическомъ —говорилъ онъ—всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія же, одни и тѣ же начала должны быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ сего великаго дѣла, дабы они имѣли между собою прочную связь... И, слѣдовательно, помѣщики для благоденствія селеній земледѣльческихъ почти столько же нужны, сколько монархъ для подданныхъ вообще... Помѣщика я разумѣю наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому верховная власть, давъ землю для населенія, чрезъ то ввѣрила попеченіе о людяхъ, на оной жить имѣющихъ, и за нихъ во всѣхъ

стнаго, подчасъ самаго незатѣйливаго свойства. Одинъ, по его собственному сознанію, „неграматикальный и никакихъ исторій отъ роду не читавшій“, помѣщикъ полагалъ главное основаніе крѣпостной зависимости въ томъ, что—„ежели бы поселяне, по заморскому, оть господъ не зависѣли, такъ бы у инаго помѣщика некому было и студено искрошить, а не только сдѣлать какой фрикасей, то есть поливай, или супа, то есть, похлебки, или почтета, то есть пирога; а за моремъ фрикасейскихъ мастеровъ имѣется довольное число, и не надобно тамъ ни ложки, ни плошки, понеже, какъ слышно, тамъ въ трактирахъ все сыщешь“ (Романовичъ, 375),

Широкое и вѣрное примѣненіе практическая философія крѣпостничества могла получить въ дѣлѣ обхода постепенно издававшихся ограничительныхъ постановленій закона. И, дѣйствительно, почти всѣ издававшіяся отдѣльныя освободительныя мѣропріятія частнаго свойства въ значительной степени оставались мертвою буквою, и разсмотрѣнныя выше начала „обычнаго права“ дѣйствовали весьма широко вплоть до самаго освобожденія. Въ этомъ отношеніи весьма любопытна живучесть „обычнаго уголовнаго права“ въ маленькихъ государствахъ посреди большаго, именовавшихся помѣщичьими имѣніями.

Еще въ 1764 г., Екатерина II приняла нѣкоторыя мѣры къ отмѣнѣ пытки въ порядкѣ государственнаго уголовнаго судопроизводства. Это вызвало неудовольствіе среди помѣщиковъ. Дворяне верейскіе, бѣлозерскіе, суздальскіе и нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ писали· „подлый народъ поощряется отмѣной пытокъ къ убійствамъ помѣщиковъ, зная, что не будетъ истязуемъ въ случаѣ сознанія. Ссылку же и рекрутство мужики предпочитаютъ холопству“. Пытка была, однако, по-

---

случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть *природный покровитель* сихъ людей, ихъ *гражданскій судья*, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ, что принадлежитъ къ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами,—однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству онъ ихъ *генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ*. Россійскіе помѣщики, по разуму законовъ своего отечества, ничто иное какъ *намѣстники своихъ великихъ государей*, каждый во ввѣренной ему части... Народу невозможно пребывать безъ начальниковъ, безъ руководителей. *И кому приличнѣе быть сими орудіями высшей власти, какъ не помѣщикамъ?*... Помѣщикъ, и по отличному воспитанію, и по незыблемости его власти, и по неимѣнію никакихъ видовъ соперничества съ подчиненными, и по пріятной сердцу обязаности передать свое наслѣдіе, *предметъ человѣколюбивыхъ его заботъ*, дѣтямъ своей крови,—

ложительно отмѣнена въ 1774 г., и отмѣна ея подтверждена въ 1781 г. Тѣмъ не менѣе, еще въ 1801 году обнаружился случай примѣненія пытки судебными властями въ Казани. По этому случаю состоялось тогда постановленіе объ обязательномъ спросѣ подсудимыхъ въ ревизіонныхъ инстанціяхъ о томъ, не были ли они подвергаемы въ теченіе слѣдствія какимъ либо пристрастнымъ допросамъ: „чтобы, наконецъ,—говорилось въ этомъ актѣ,—самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной“ (В. И. Сергѣевичъ, 997). При существованіи крѣпостной зависимости, сдѣлать это было, однако, не легко. Помѣщики и примѣняли пытку не только въ концѣ XVIII, но и въ XIX столѣтіи,—вплоть до самаго освобожденія крестьянъ. Изслѣдователи приводятъ многочисленныя доказательства этого (Семевскій—„Крестьяне при Екатеринѣ II“, 159—212; Заблоцкій—„Графъ Киселевъ“, т. IV, 316; Романовичъ-Славатинскій—„Дворянство въ Россіи“, 311—312; Игнатовичъ—„Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“).

Очевидно, что частныя мѣры не могли имѣть надлежащаго значенія при неизмѣнности общей системы, при сохраненіи помѣщичьимъ имѣніемъ, описаннаго выше, характера „маленькаго государства, управлявшагося по обычному праву“. Нужна была рѣшительная мѣра—распространеніе на крѣпостныхъ крестьянъ общихъ законовъ, дарованіе имъ общихъ гражданскихъ правъ, установленіе для нихъ съ помѣщиками, предположеннаго Екатериною, хотя внѣшняго „равенства передъ закономъ,“—созданіе порядка, при которомъ и крестьяне, какъ прочіе граждане, не боялись бы никого—„кромѣ законовъ“.

Общая рѣшительная мѣра эта, до извѣстной степени осуществленная для остзейскихъ губерній въ 1816, 1817 и 1818 гг.,—для всей остальной Россіи и явилась 19 фев-

---

точно представляетъ въ маломъ своемъ кругѣ лицо своего монарха... Вотъ репрезентація прилично и естественно толпы бурной черни въ закупаемомъ короною парламентѣ... Какъ всѣ государственныя части имѣютъ своихъ начальниковъ,—*да будутъ начальниками земледѣльцевъ помѣщики*. Да будутъ они *особыми государственными чиновниками*, какъ и прочіе репрезентанты великаго монарха. Подобно какъ раздѣлена имперія на губерніи и уѣзды, такъ, и съ большею еще точностью, можетъ она раздѣлиться *на помѣстья*... Помѣстья же, приведенныя въ извѣстные предѣлы,—да останутся уже недѣлимыми“...

Очевидно, это есть попытка освѣщенія „теоріею“—существовавшаго обычая... „Теорія“ весьма несложна, прозрачна, кривобока. Но „яблоко“—вполнѣ „соотвѣтствовало яблонѣ“ .

раля 1861 г. Въ день обнародованія положеній 19 февраля 1861 г., послѣдовавшаго 5 марта 1861 г., крестьяне помѣщичьи, равно и крестьяне поссессіонные (приписные къ фабрикамъ и заводамъ и находившіеся въ положеніи почти одинаковомъ съ крѣпостными) получили нѣкоторыя выраженныя въ законѣ права, болѣе или менѣе опредѣленную въ законѣ независимость, гражданскую свободу, извѣстное равенство передъ закономъ вмѣстѣ съ прочими гражданами и въ томъ числѣ со своими бывшими владѣльцами. Они стали въ извѣстныя болѣе или менѣе непосредственныя отношенія къ государственной власти, хотя съ чертами переходнаго состоянія и съ цѣлымъ рядомъ,—впрочемъ, основанныхъ уже большею частію на законѣ,—отношеній къ прежнимъ своимъ владѣльцамъ по землѣ, которую они должны были взять у послѣднихъ въ постоянное пользованіе.

Такова исторія крѣпостного сословія Россіи въ ея общихъ основныхъ чертахъ, съ преобладающею чертою почти *пятисотлѣтняго нахожденія его внѣ закона и во власти обычая и произвола.*

Все же вышеизложенное можетъ быть резюмировано нижеслѣдующими словами манифеста, которымъ сопровождался цѣлый томъ узаконеній, утвержденныхъ 19 февраля 1861 г.: „Вникая въ положеніе званій и состояній въ государствѣ,—говорилось здѣсь,—мы усмотрѣли, что государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и низшія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества,—не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частью старыми законами, частію *обычаемъ*, потомственно укрѣплены подъ власть помѣщиковъ. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностью закономъ, *мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика*“.

Въ этихъ словахъ знаменательнаго манифеста, дѣйствительно, указаны и затронуты—и происхожденіе крѣпостной зависимости, и ея послѣдовательное развитіе, и главнѣйшее начало—обычай—которымъ до сихъ поръ опредѣлялось положеніе крѣпостныхъ крестьянъ и которое было равнозначуще съ полнымъ ихъ безправіемъ.

Правда, „19-е февраля“ создало, по тогдашней законодательной мысли, не постоянное, а до нѣкоторой степени переходное состояніе для крѣпостныхъ крестьянъ. Старое начало,

опредѣлявшее ихъ положеніе и дѣлавшее ихъ безправными, было въ сильнѣйшей степени сокращено и замѣнено новымъ, но—не устранено вовсе, по крайней трудности сдѣлать это сразу и въ виду отношеній освобожденныхъ крестьянъ къ прежнимъ помѣщикамъ по землѣ. „Обычаю“ было еще предоставлено дѣйствовать попрежнему на нѣкоторыя отношенія освобожденныхъ крестьянъ. Законъ не замѣнилъ его вполнѣ,—оказался еще недостаточно развитымъ *). Однако, существо освободительнаго акта отъ этого не измѣняется, и истинное значеніе *закона и обычая* для помѣщичьихъ крестьянъ, въ свою очередь, нимало не затемняется... Совершенно ясно, что крестьяне были закрѣпощены подъ власть помѣщиковъ и содержались въ неволѣ *силою обычая*, создавшагося подъ вліяніемъ экономическихъ интересовъ дворянскаго сословія, ничѣмъ не сдерживавшихся; освобождены же—*силою закона*, который совершенствовался и становился въ тѣснѣйшую связь съ развитіемъ *общественнаго мнѣнія, науки, просвѣщенія.* **)

---

*) Объ этомъ подробныя и точныя указанія—дальше (отдѣленіе второе).

**) Въ прекрасной статьѣ—„Раскрѣпощеніе дворянъ и закрѣпощеніе крестьянъ“—въ I томѣ „Великой Реформы“, г. Сторожевъ не безъ иронiи и совершенно вѣрно разбираетъ приведенныя слова манифеста, указывая, что если обычай закрѣпощалъ крестьянъ, то законъ спѣшилъ поскорѣй стать на его мѣсто и добить ихъ, и что ко времени освобожденія крѣпостная зависимость опиралась уже на довольно стройное законодательство. Однако, что законъ и освобождалъ крѣпостныхъ крестьянъ постепенно, что обратное движеніе выражалось въ замѣнѣ закрѣпощающихъ обычаевъ освобождающими законами—тоже несомнѣнно... Относительно же вліянія гуманныхъ началъ г. Сидоровъ, въ ст. „Крѣпостные крестьяне въ русской беллетристикѣ“ въ III томѣ „Великой Реформы“, говоритъ (стр. 266): „Къ концу 50-годовъ (XIX столѣтія), ходожественной правдой изображенія народной жизни, гуманной проповѣдью любви и справедливости къ соціально-обездоленному меньшему брату „дружина писателей“ уже сдѣлала свое дѣло: навстрѣчу ея благороднымъ призывамъ, поддержаннымъ властными требованіями жизни, шло народное раскрѣпощеніе,—шло 19 февраля“.—См. также объ этомъ въ ст. Кизеветтера „Русское общество и реформа 19 февраля 1861 г“ въ IV томѣ „Великой Реформы“, и тамъ же въ ст. Анненскаго „Н. Г. Чернышевскій и крестьянская реформа“. „Несомнѣнно—говоритъ онъ—участіе „неорганизованнаго“ общественнаго элемента, общественнаго мнѣнія и его представительницы—печати, сослужило большую и важную служ-

IV. Законъ и обычай въ отношеніи удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ.

Несомнѣнно, что въ древности нѣкоторые крестьяне,—какъ оказавшіеся впослѣдствіи укрѣпленными въ частную зависимость, такъ и оставшіеся лично свободными,—имѣли свои собственныя земли. На это существуютъ многочисленныя указанія. *) Право пріобрѣтенія земельной собственности обыкновенными способами ничѣмъ и ни для кого не было тогда преграждено. Крестьяне могли имѣть къ этому и матеріальныя средства. Кромѣ того, при массѣ свободныхъ земель, могли получать въ то время широкое примѣненіе и первоначальные всѣмъ доступные способы пріобрѣтенія земельной собственности: заимка и овладѣніе. Но впослѣдствіи земли, никѣмъ не занятыя, и даже отчасти земли, занятыя уже крестьянами, какъ бы признаны были княжескою собственностью. Часть такихъ земель была раздана, затѣмъ, въ помѣстья служилымъ людямъ; часть составила позднѣе дворцовыя имущества, предназначавшіяся для содержанія царскаго дворца, а остальная часть образовала собою тяглыя земли съ крестьянами, имъ крѣпкими. Крестьяне эти въ XVII столѣтіи стали называться „государевыми“, а въ 1714 г. имъ придано было названіе „государственныхъ“. При этомъ же, изъ ихъ состава были выдѣлены крестьяне дворцовые и до извѣстной степени сравнены съ помѣщичьими. Такимъ образомъ, въ этомъ году была проведена въ самомъ законодательствѣ раздѣльная черта между свободными и прочими сельскими обывателями. **) Далѣе, въ 1724 г., къ государ-

---

бу дѣлу освобожденія. И не столько, конечно, дѣловой разработкой разныхъ подробностей переустройства крестьянскаго быта, сколько созданіемъ той *общей нравственной атмосферы* и того *идейнаго теченія въ обществѣ*, которыя явились могучей поддержкой освободительной „работы“.—Богатый матерьялъ по вопросу о вліяніи литературы, общественаго мнѣнія и демократическихъ идей на освобожденіе крестьянъ даетъ книга А. А Корнилова „Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи“.

*) Указанія этого рода дѣлаетъ, между прочимъ, Бѣляевъ („Крестьяне на Руси“). Далѣе, Сперанскій, съ своей стороны, высказалъ „Свободные крестьяне, по силѣ добровольныхъ условій, не только могли съ одной земли переходить на другую, но могли и сами покупать земли и угодья на собственное имя и пользоваться ими такъ же, какъ и прочіе владѣльцы“ („Обозрѣніе измѣненій въ правѣ поземельной собственности“,—въ кн. 2 „Архива“ К лачова 1859 г.).

**) Заблоцкій—Десятовскій—„Графъ Киселевъ и его время“, томъ II; Калмыковъ—Обозрѣніе постепеннаго образованія разныхъ классовъ сельскихъ обывателей“, въ кн. 3 „Архива“ Калачова 1859 г.; Сводъ законовъ, изд. 1822, 1842 и 1857 гг.

ственнымъ крестьянамъ отнесены были: однодворцы, татары ясачные, пашенные сибирскіе крестьяне, прежнихъ службъ низшіе служилые люди и „другіе имъ подобные“. Съ тѣхъ поръ, въ разрядъ государственныхъ крестьянъ стали входить: крестьяне, освобождавшіеся отъ владѣльческой зависимости (напр., свободные хлѣбопашцы); крестьяне, отбирающіеся отъ разныхъ установленій, въ родѣ церквей и монастырей (экономическіе), и лично свободные крестьяне постепенно присоединявшихся къ Россіи областей (цараны, сельскіе обыватели Закавказья и пр.). Такимъ же образомъ въ этомъ разрядѣ оказалась цѣлая масса лицъ сельскаго состоянія разныхъ „именованій“, одно перечисленіе которыхъ въ IX томѣ Свода Законовъ разныхъ изданій занимало четыре страницы, образно и ярко доказывающія все разнообразіе и многочисленность оттѣнковъ въ исторіи русскаго крестьянскаго сословія.

Положеніе дворцовыхъ крестьянъ (раздѣленныхъ въ 1797 г. на крестьянъ удѣльныхъ имѣній, предназначавшихся для содержанія членовъ императорскаго дома, и на крестьянъ имѣній дворцовыхъ и принадлежавшихъ, на правахъ личной собственности, государю)—всегда было лучше положенія крестьянъ помѣщичьихъ: они менѣе зависѣли отъ частнаго интереса. Когда же стала ослабляться самая крѣпостная зависимость, а нѣкоторыя гражданскія права, въ родѣ права пріобрѣтенія земельной собственности,—отнятыя въ XVIII вѣкѣ у всѣхъ свободныхъ сельскихъ обывателей,—съ конца того же вѣка и въ слѣдующемъ столѣтіи начали возвращаться крестьянамъ даорцовымъ вмѣстѣ съ государственными,—то первые до извѣстной степени вновь приблизились къ состоянію свободныхъ сельскихъ обывателей. По Своду Законовъ 1857 г., они именно и признавались свободными, въ прямую противоположность помѣщичьимъ, крѣпостнымъ, которымъ наиболѣе соотвѣтствовали въ XVIII в. Однако, управленіе дворцовыми крестьянами и въ текущемъ столѣтіи носило характеръ вотчинный, помѣщичій. *) Весьма

*) А. А. Леонтьевъ („Крестьянское право“, 251) такъ характеризуетъ до-реформенное положеніе удѣльныхъ крестьянъ: „Многія стороны жизни, связанныя съ имущественными отношеніями, были строго регламентированы управленіемъ удѣловъ. Крестьянинъ не имѣлъ права сдавать въ наемъ участокъ земли, находящійся въ его пользованіи. Даже пріобрѣтенная на личныя средства недвижимость не могла быть продана кому либо, кромѣ удѣльныхъ крестьянъ. Отлучка изъ мѣста жительства безъ разрѣшенія удѣльнаго начальства не допускалась. Выходъ въ другія сословія разрѣшался при условіи внесенія выходныхъ денегъ за всю семью. Даже женщина, выходя за-

немногія постановленія о нихъ входили въ общій сводъ законовъ. Составленный же въ этомъ столѣтіи „сводъ удѣльныхъ постановленій“ не былъ обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе, какъ-бы по отсутствію въ немъ общаго государственнаго интереса, и сдѣлался, нѣкоторымъ образомъ, секретомъ. Отсюда—характеристика положенія и удѣльныхъ крестьянъ, какъ основаннаго въ значительной степени на *обычаѣ*. Общеобязательнымъ *закономъ* положеніе ихъ не было опредѣлено точно и ясно. Въ виду этого, за 19-мъ февраля 1861 г., неизбѣжно должно было послѣдовать преобразованіе положенія крестьянъ удѣльныхъ, дворцовыхъ и государевыхъ имѣній. Оно и состоялось именно 26 іюня 1863 г., но—не въ смыслѣ перевода ихъ въ ниже-отмѣчаемое положеніе государственныхъ крестьянъ, также не въ смыслѣ распространенія на нихъ устройства, существовавшаго между послѣдними, какъ слѣдовало бы ожидать, а въ смыслѣ примѣненія къ нимъ тѣхъ же, несвооодныхъ еще отъ обычая, началъ, на которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, были устроены освобожденные крестьяне на переходное время... Такъ какъ крестьяне удѣльные считались свободными сельскими обывателями, то въ новомъ узаконеніи не пришлось говорить объ отмѣнѣ, относительно ихъ, какой либо зависимости,—какъ было сказано относительно крѣпостныхъ крестьянъ 19 февраля 1861 г. На крестьянъ имѣній удѣльныхъ, государевыхъ и дворцовыхъ распространено было собственно общественное устройство освобожденныхъ крестьянъ, а также одинаковое съ послѣдними надѣленіе землею (но съ обязательнымъ выкупомъ съ самаго начала), и они были подчинены также дѣйствію мѣстныхъ сословно-дворянскихъ учрежденій по дѣламъ освобожденныхъ крестьянъ. Что же касается до гражданскихъ правъ, то разсматриваемые крестьяне имѣли ихъ не менѣе, чѣмъ освобожденные крестьяне, и потому о нихъ и не упоминалось съ особою точностью въ законѣ 26 іюня 1863 г.

Такъ или иначе, *вопросъ о значеніи закона и обычая для*

мужъ за лицо, не принадлежащее къ удѣльнымъ крестьянамъ, должна была или уплатить выходныя деньги, или представить обязательство того учрежденія, въ вѣдѣніи котораго числился ея женихъ, уволить крестьянку своего вѣдомства въ удѣльное, съ выходомъ ея замужъ за удѣльнаго крестьянина. Семейные раздѣлы допускались съ разрѣшенія удѣльнаго начальства, которое должно было наблюдать, чтобы этимъ не разрушалась хозяйственная состоятельность раздѣлившихся“.

Довольно интересная статья посвящена удѣльнымъ крестьянамъ г. Боголюбовымъ въ сборникѣ „Великая Реформа“ (томъ 2).

крестьянъ помѣщичьихъ, освобожденныхъ 19 февраля 1861 г., получилъ точно такое-же значеніе и для крестьянъ бывшихъ удѣльныхъ,—и нижеслѣдующія главы предназначаются для выясненія предѣловъ нынѣшняго дѣйствія закона и обычая для этихъ крестьянъ вмѣстѣ и *въ равной мѣрѣ со всѣми прочими разрядами крестьянъ.*

Перейдемъ теперь къ юридическому положенію государственныхъ крестьянъ. Не говоря о входившихъ въ составъ этихъ крестьянъ различныхъ разрядахъ, самыя наименованія которыхъ проистекали отъ какихъ либо, возлагавшихся на нихъ, особыхъ повинностей, свидѣтельствовавшихъ объ ихъ полу-свободномъ состояніи (коннозаводскіе, заводскіе, засѣчные сторожа, солеломщики, солевозчики, ямщики и пр.), главнѣйшая масса собственно государственныхъ крестьянъ, вплоть до 1838 г., была свободною лишь въ томъ смыслѣ, что не была укрѣплена ни въ чью *частную* собственность. *Законъ* не опредѣлялъ ея положенія съ надлежащею твердостью и ясностью; *по обычаю же*, и она считалась принадлежащею государству на правахъ нѣкоторой *собственности*, подобно помѣщичьимъ крестьянамъ... Это были крестьяне „казенные", какъ ихъ называли иногда. Отсюда — прямая раздача государственныхъ крестьянъ частнымъ лицамъ, прекратившаяся только въ началѣ нынѣшнаго столѣтія; отсюда—состоявшееся въ текущемъ же вѣкѣ переименованіе значительнаго числа государственныхъ крестьянъ въ военные поселяне и перечисленіе около трехсотъ тысячъ—въ крестьяне удѣльные; отсюда же—взглядъ на нихъ, вообще, какъ на источникъ государственныхъ доходовъ.

Могло ли и быть иначе? Могло ли положеніе одной половины сельскаго населенія характеризоваться началомъ государственности, законности и равенства съ прочими гражданами—въ то время, какъ положеніе другой половины отмѣчено было преобладающимъ вліяніемъ частнаго интереса, обычая, произвола? Между различными сторонами государственной жизни существуетъ извѣстное взаимодѣйствіе, и крѣпостная зависимость не могла не отражаться на положеніи не только свободной части собственно сельскаго населенія, но и на положеніи всѣхъ прочихъ гражданъ, не пользовавшихся особыми привилегіями. Она стояла на пути общаго прогресса страны.

Господство частнаго интереса обусловливается и поддерживается—отсутствіемъ точно и ясно опредѣленныхъ правъ и недостаткомъ надлежащей защиты ихъ. До окончательнаго обособленія отъ другихъ сословій, съ развитіемъ послѣднихъ,

свободные крестьяне раздѣляли въ древности, вмѣстѣ съ прочими гражданами, общее положеніе неопредѣленности и беззащитности. Выгоды и невыгоды ихъ положенія были сравнительно общими. Относительно свободныхъ крестьянъ дѣйствовали—общій судъ, общее управленіе, общіе законы, общія правовыя начала. Обычай могъ развиваться среди нихъ въ такой же мѣрѣ, какъ и среди другихъ гражданъ. Но вслѣдствіе большаго обремененія государственныхъ крестьянъ налогами по основанію наиболѣе уловимому, какова земля, и отсюда вслѣдствіе большаго обѣднѣнія, равно по отдаленности ихъ отъ участія въ управленіи,—тѣмъ легче могли быть попираемы различныя права ихъ, не выраженныя ясно въ законѣ и опиравшіяся на одни обычаи; одни обычаи могли быть тѣмъ легче также замѣняемы другими, противоположными по своему юридическому содержанію. Въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху сословныхъ привилегій и гражданскаго неравенства, вмѣстѣ съ полнымъ обезличеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ, можно наблюдать и значительное умаленіе личности крестьянъ государственныхъ, переходившее изъ обычая въ законъ,—уменьшеніе ихъ общихъ гражданскихъ правъ. Земледѣльцы, по своему быту, они были лишены даже права пріобрѣтать орудіе своего главнѣйшаго, исключительнаго труда—землю...

Очень естественно, поэтому, что вмѣстѣ съ первыми предположеніями объ облегченіи участи крѣпостныхъ крестьянъ должны были явиться предположенія и объ упроченіи закономъ положенія крестьянъ государственныхъ. Со второй половины XVIII столѣтія, и дѣлаются нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи. Въ 1760 г., узаконяется положительно выборъ старостъ самими крестьянами; въ 1761 г. утверждается въ законѣ *мірской сходъ* съ нѣкоторыми правами по разрѣшенію собственныхъ дѣлъ; учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. вводитъ представителей отъ государственныхъ крестьянъ, подъ именемъ „засѣдателей“, въ составъ цѣлаго ряда мѣстныхъ установленій; въ 1779 г. издается постановленіе о томъ, что государственные крестьяне не могутъ быть наказываемы иначе, какъ по суду. Далѣе, въ 1787 г. учреждается сельское управленіе въ казенныхъ имѣніяхъ екатеринославскаго намѣстничества. Въ 1790 году установляется раздѣленіе государственныхъ крестьянъ на волости въ ярославской и вологодской губерніяхъ; въ 1797 г. создается уже повсемѣстное распредѣленіе казенныхъ имѣній по волостямъ и извѣстное внутреннее управленіе ими. За этимъ слѣдуютъ законы 1805, 1811, 1812 и

1817 гг.—о сельскомъ общественномъ управленіи, о разбирательствѣ мірскими сходами дѣлъ о маловажныхъ проступкахъ государственныхъ крестьянъ и о наложеніи на виновныхъ извѣстныхъ взысканій и пр. При всемъ томъ, Екатерина II и Александръ I имѣли въ виду упрочить положеніе государственныхъ крестьянъ *особыми грамотами*, подобно тому, какъ дарованы были грамоты дворянству, городскому сословію и пр. (Заблоцкій—т. II, 31 —33).

Всѣ состоявшіяся, такимъ образомъ, постановленія о государственныхъ крестьянахъ представлялись, однако, неполными, разрозненными. Общая юридическая идея не соединяла ихъ. Они оставляли еще весьма много мѣста произволу, обычаю. Служебное, финансовое значеніе государственныхъ крестьянъ выступало еще также весьма ярко. Среди изданныхъ постановленій были постановленія, проникнутыя исключительно фискальнымъ духомъ. Таково было, напримѣръ, постановленіе отъ 1769 г., установлявшее для государственныхъ крестьянъ круговую поруку въ платежахъ,—причемъ воспроизводился обычай, существовавшій во всей силѣ среди помѣщичьихъ крестьянъ. При круговой порукѣ, недоимки взыскивались съ безпощадною строгостью. Между тѣмъ, земельное устройство государственныхъ крестьянъ было крайне неудовлетворительно. До шестисотъ тысячъ государственныхъ крестьянъ вовсе не имѣли земли; между остальною же массою земля распредѣлялась такъ неравномѣрно, что у однихъ было по двадцати и болѣе десятинъ на душу, а у другихъ едва было и по полудесятинѣ. Платежи не находились, при этимъ, въ какомъ либо соотвѣтствіи съ доходами отъ земли или промыслами крестьянъ,—они лежали прямо на „душахъ“.

Не только иные, но и чисто финансовые результаты такого порядка вещей не могли быть удовлетворительными. Но, вмѣсто систематическаго улучшенія положенія государственныхъ крестьянъ, въ 1826 г. былъ сдѣланъ опытъ распространить порядокъ управленія удѣльными имѣніями—на казенныя селенія петербургской и псковской губерній. При этомъ имѣлись въ виду преимущественно фискальныя цѣли, которыя отчасти и достигались. Вслѣдствіе же этого, черезъ нѣсколько лѣтъ, явилось предположеніе о распространеніи указываемаго опыта еще на десять губерній... Массѣ государственныхъ крестьянъ предстояло всецѣло подпасть дѣйствію обычая,—какъ-бы частной волѣ, опредѣлявшей положеніе удѣльныхъ крестьянъ... Къ счастію, въ 1836 г. на дѣло устройства государственныхъ

крестьянъ было обращено особое вниманіе императора Николая I, и оно было возложено на одного изъ просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ дѣятелей—на П. Д. Киселева, впослѣдствіи графа.

Плодомъ трудовъ Киселева, основанныхъ какъ на глубокомъ теоретическомъ изученіи предмета, такъ равно на мѣстныхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ особо командированными лицами, и на личномъ подробномъ изслѣдованіи въ нѣсколькихъ губерніяхъ, явился въ 1838—1839 гг. замѣчательный памятникъ крестьянскаго законодательства, рѣдкій по своей ясности, стройности и согласованности многочисленныхъ его частей. Это учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ, губернскаго, окружнаго, волостного и сельскаго управленій, и рядъ различныхъ уставовъ, имѣвшихъ въ виду благоустройство крестьянъ и охраненіе ихъ юридическихъ интересовъ. Врагъ всякаго произвола, человѣкъ, одушевленный благороднѣйшими стремленіями, государственный дѣятель, убѣжденный въ томъ, что „законность—какъ онъ выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ—есть *единое* прочное основаніе всякаго порядка и благосостоянія“ (Заблоцкій—т. II, 125), и глубоко сознавшій особую необходимость оградить закономъ права именно крестьянской массы, попиравшейся существовавшими нбычаями,—Киселевъ провелъ со строжайшей послѣдовательоостью *идею законности* чрезъ всѣ свои предположенія.

Государственные крестьяне поступали изъ министерства финансовъ въ вѣдѣніе особаго министерства государственныхъ имуществъ, какъ центральнаго установленія. На мѣстахъ образовывались палаты государственныхъ имуществъ (въ губерніяхъ) и окружныя управленія (въ уѣздахъ). Рядомъ съ нимъ получало широкое развитіе и твердую постановку крестьянское самоуправленіе, волостное и сельское *). Помимо точнаго и яснаго опредѣленія правъ и обязанностей между различными установленіями и указанія порядка ихъ дѣйствій,—для каждаго учрежденія и лица составлены были особые наказы, утвержденные законодательнымъ путемъ. Министръ, какъ и сельскій писарь, поставлены были въ строгіе предѣлы точнаго и яснаго закона. Государственнымъ крестьянамъ даны были

*) По вѣрному замѣчанію Заблоцкаго-Десятовскаго („Гр. Киселевъ“,—т. II, 72),—заслуга Киселева по отношенію къ крестьянскому самоуправленію заключалась „въ устройствѣ общины на юридическихъ основаніяхъ“.

извѣстныя права—общія и особенныя. Права эти были вмѣстѣ съ тѣмъ ограждены закономъ отъ нарушенія, поскольку это было возможно при существованіи въ странѣ крѣпостной зависимости и всесильнаго помѣщичьяго вліянія. Не только упрочено было юридическое положеніе государственныхъ крестьянъ, но устроено было и экономическое ихъ положеніе. Въ губерніяхъ многоземельныхъ они были надѣлены пятнадцатью десятинами на каждую ревизскую душу мужескаго пола, а въ малоземельныхъ—восемью. Всѣ прочія казенныя земли считались запаснымъ фондомъ для тѣхъ же государственныхъ крестьянъ. Свободные участки и оброчныя статьи сдавались имъ же, безъ торговъ, за умѣренную плату. На случай же недостатка земли въ данной мѣстности, организованы были переселенія въ многоземельныя мѣстности, съ цѣлымъ рядомъ льготъ и пособій для переселяющихся. При этомъ земли были, большею частью, точно обмежеваны и оцѣнены, подати же переложены съ душъ на землю и соразмѣрены съ ея цѣнностью и доходностью. Правильному веденію хозяйства оказывалось извѣстное содѣйствіе. Государственные крестьяне перестали служить узкимъ и кратковременнымъ финансовымъ цѣлямъ,—ежегоднаго выбиранія съ нихъ возможно большихъ окладовъ. Достиженіе финансовыхъ цѣлей предполагалось лишь, какъ слѣдствіе развитія среди крестьянъ просвѣщенія, благосостоянія и юридической обезпеченности *). При такихъ же условіяхъ, общее положеніе государственныхъ крестьянъ въ короткое время сдѣлалось настолько удовлетворительнымъ, что результатомъ извѣстныхъ домогательствъ явилось дозволеніе вступать въ составъ государственныхъ крестьянъ дѣтямъ личныхъ дворянъ, имѣвшимъ право на потомственное почетное гражданство, и лицамъ, получившимъ по своему чину личное почетное гражданство (ст. 619 т. IX Свода законовъ, изд. 1857 г.). Слѣдовательно, тогда могла существовать не только *всесословная волость*, но даже *всесословное сельское общество*. Почему это было возможно? Потому, что государственные крестьяне, вмѣсто обычая, какъ до этого времени, были подчинены дѣйствію *закона*, общаго для нихъ во многихъ отношеніяхъ съ лицами прочихъ сосло-

*) Школьное дѣло получило, между прочимъ, весьма прочную организацію среди государственныхъ крестьянъ. Въ послѣдній (1856 г.) управленія министерствомъ гр. Киселевъ насчитывалъ уже въ своемъ вѣдомствѣ 2,434 училища (Заблоцкій—т. II, 194). Были особыя профессіональныя школы писарей.

вій. Какъ основанное на законѣ, положеніе ихъ было настолько прочно, что его могли раздѣлять съ ними и лица привилегированныя *).

Казалось бы, что, при указанномъ устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ и при упроченіи его во время восемнадцати-лѣтняго управленія Киселева министерствомъ государственнымъ имуществъ,—крестьяне помѣщичьи, если не при самомъ освобожденіи и вступленіи въ состояніе временно-обязанныхъ, то при переходѣ на выкупъ, должны были бы быть прямо переведены въ составъ государственныхъ крестьянъ, съ распространеніемъ на нихъ всѣхъ учрежденій и правъ послѣднихъ. Легче всего было подчинить такимъ образомъ крѣпостныхъ крестьянъ дѣйствію закона, вмѣсто обычая и произвола, до сихъ поръ ихъ угнетавшаго. Не инымъ путемъ могли быть ограждены права новаго разряда свободныхъ сельскихъ обывателей. Подобная мѣра естественнѣйшимъ образомъ представлялась даже тогда, когда не было еще устроено положеніе самихъ государственныхъ крестьянъ. Въ законодательной комиссіи 1767 г., созванной Екатериною II, такую мѣру предлагалъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ депутатъ Масловъ (Сергѣевичъ—„Лекціи и изслѣдованія“, 169). Въ 1827 г., Сперанскій доказывалъ, что „первою мѣрою“ преобразованія крѣпостной зависимости должно быть устройство государственныхъ крестьянъ,—съ тѣмъ, чтобы перевести въ него помѣщичьихъ („Архивъ“ Калачова, кн. 3 за 1859 г.). Значеніе такой „первой мѣры“ и придано было, дѣйстви-

*) Въ ряду многочисленныхъ, легомысленныхъ, вытекавшихъ изъ полнаго незнакомства съ предметомъ, отзывовъ о законодательствѣ гр. Киселева, нельзя не удивиться отзыву А. А. Леонтьева, выгодно отличающагося отъ многихъ изслѣдователей крестьянскаго вопроса близкимъ знакомствомъ съ нимъ вообще, но не давшаго себѣ труда разобраться съ тѣмъ вниманіемъ, которое требовалось для этого, въ законодательствѣ 1838 г. Г. Леонтьевъ нашелъ возможнымъ сказать объ этомъ замѣчательномъ памятникѣ слѣдующее „Законъ 1838 г.—это образецъ сухого бюрократическаго творчества съ признаками осуществленія идей государственнаго соціализма, съ признаками проявленія даже идеи націонализаціи земли, но не на основѣ права и свободы, а на основѣ принужденія и опеки. И крестьяне сохранили недобрую память о временахъ всевластія окружныхъ начальниковъ“.

Въ изданномъ „Научнымъ Словомъ“ юбилейномъ сборникѣ—«Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы“—помѣщена прекрасная статья г. Готье, посвященная гр. П. Д. Киселеву, какъ „предтечѣ дѣятелей реформы 19 февраля 1861 г.“ Авторъ замѣчаетъ въ ней между прочимъ—безъ достаточной категоричности и нѣсколько двусмысленно—относительно результатовъ дѣятельности Киселева по устрой-

тельно, устройству государственныхъ крестьянъ по проектамъ Киселева. Утрачивая надежду ввести возможно больше существенныхъ улучшеній въ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ,—вслѣдствіе крайняго противодѣйствія, встрѣченнаго со стороны дворянства,—Императоръ Николай именно выдѣлилъ изъ общаго вопроса о крестьянахъ дѣло объ устройствѣ крестьянъ государственныхъ, какъ дѣло, относительно котораго „нельзя было ожидать многосторонней и упорной оппозиціи“ (Заблоцкій,—т. II, 138). „Мало по малу,—говорилъ онъ Киселеву, собираясь вести „войну противъ рабства“,—кругъ нашего дѣйствія расширится“... Словомъ. мысль о переводѣ въ составъ государственныхъ крестьянъ всѣхъ прочихъ полусвободныхъ и закрѣпощенныхъ сельскихъ обывателей была естественною, необходимою и, имѣстѣ съ тѣмъ, очень старою.

Устройство государственныхъ крестьянъ, и по своей конечной цѣли, ни для кого не составлявшей тайны, и по непосредственному своему значенію, было—борьбою съ частными интересами. Какъ справедливо указывалъ, между прочимъ, Киселевъ,—„интересы помѣщиковъ были тѣсно связаны съ *неустройствомъ* по управленію. государственными имуществами: земли и лѣса, мало охраняемые, составляли какъ бы часть ихъ достоянія, а неуравнительность натуральныхъ повинностей между казенными и владѣльческими крестьянами сдѣлалась *обычною* и едва ли не почиталась правомъ, котораго при устройствѣ новаго управленія они должны лишиться“. Самое существованіе *свободныхъ* сельскихъ обывателей было нена-

---

ству быта государственныхъ крестьянъ, что они „оправдываютъ его вполнѣ“, и указываетъ на несправедливость нападокъ, дѣлавшихся на Киселева. Недостаточная опредѣленность и этого замѣчанія объясняется тѣмъ, что по статьѣ не видно, чтобы г. Готье изучилъ непосредственно киселевское законодательство, что необходимо для правильной его оцѣнки, и что было бы вполнѣ умѣстно для подобной статьи.

Вообще до сихъ поръ всѣ отзывы о дѣятельности Киселева въ настоящемъ отношеніи основываются не на такомъ знакомствѣ, а на другихъ, болѣе раннихъ, и также не опирающихся на подобное знакомство замѣчаніяхъ, повторяютъ чужія слова, выраженныя подчасъ хотя и благожелательными, но плохо освѣдомленными о предметѣ устами

Изучивъ это законодатепьство непосредственно, по сырымъ матерьяламъ, и готовя болѣе или менѣе обширный трудъ, ему посвященный, мы, съ своей стороны, сдѣлали пока въ печати лишь попытку охарактеризовать общественное устройство государственныхъ крестьянъ по законамъ 1838—1839 гг. сравнительно съ устройствомъ, даннымъ освобожденнымъ крестьянамъ,—въ книгѣ своей „Очерки крестьянской общественной жизни“.

вистно помѣщикамъ, напоминая о *несвободныхъ* крестьянахъ, находившихся въ зависимости отъ нихъ. Лучшее устройство этого разряда крестьянъ тѣмъ сильнѣе кололо глаза помѣщичьей власти. Власть же эта и соединенные съ нею частные интересы были еще „столь сильны и вліятельны", что въ то время, когда осуществлялась киселевская реформа,—именно въ сороковыхъ годахъ,—могли возникнуть предположенія о раздачѣ казенныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ кореннымъ русскимъ дворянамъ, въ видѣ майоратовъ, и о „нивелировкѣ" всѣхъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, путемъ учрежденія—изъ казенныхъ земель съ государственными крестьянами—особаго рода феодальныхъ имѣній для высшаго дворянства, въ видахъ упроченія аристократическаго элемента (Заблоцкій,—т. II, 138—146). Предположенія эти настолько усилились, что породили даже волненія среди государственныхъ крестьянъ (Романовичъ-Славатинскій—„Дворянство въ Россіи", 524). Киселевъ, съ его вліяніемъ и при довѣріи, которымъ онъ пользовался у государя, составлялъ непреодолимую преграду, стоявшую на дорогѣ для всѣхъ подобныхъ стремленій и частныхъ интересовъ. Онъ въ свое время мужественно возражалъ самому императору Николаю противъ перевода государственныхъ крестьянъ въ составъ удѣльныхъ и въ положеніе военныхъ поселянъ, выставляя то начало, что нужно безправнымъ давать права, а не наоборотъ. Киселевъ былъ вообще однимъ изъ самыхъ горячихъ, непреклонныхъ и послѣдовательныхъ *дѣятелей освобожденія крестьянъ*: онъ подавалъ записку по этому предмету еще императору Александру I въ 1818 г.; содѣйствовалъ освобожденію и устройству быта несвободнаго сельскаго населенія въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи во время управленія ими въ 1829—1834 гг.; принималъ живое участіе во всѣхъ, безъ исключенія, частныхъ освободительныхъ мѣропріятіяхъ, принимавшихся при императорѣ Николаѣ; былъ, между прочимъ, составителемъ проекта закона 1842 г. объ обязанныхъ крестянахъ, причинившаго огромную тревогу въ помѣщичьей средѣ, такъ какъ, по первоначальнымъ его предположеніямъ, имѣлось въ виду отпускъ крестьянъ на волю въ порядкѣ, установленномъ закономъ, сдѣлать обязательнымъ для помѣщиковъ, а не предоставлять это исключительно на ихъ добрую волю (въ какомъ смыслѣ былъ, въ концѣ концовъ, измѣненъ проектъ, вслѣдствіе встрѣченнаго противодѣйствія). И—теперь, когда явились упомянутыя стремленія къ „нивелировкѣ", Киселевъ сталъ принимать мѣры противъ

ихъ осуществленія. Такою мѣрою могло служить, по его мнѣнію, *подтвержденіе* въ какой либо формѣ правъ государственныхъ крестьянъ. Въ этихъ видахъ, всѣ узаконенія о послѣднихъ, входившія въ сводъ Законовъ, были изданы въ особомъ обширномъ трехтомномъ „Сборникѣ", который предполагалось преподать въ руководство при особомъ высочайшемъ указѣ. „Замыслы ниспровергнуть настоящее положеніе государственныхъ крестьянъ—думалъ онъ—будутъ, при торжественномъ его признаніи, невозможны или, по крайней мѣрѣ, затруднительны" (Заблоцкій—т. II, 146—147).

Очень естественно, что, при такихъ условіяхъ, и устройство государственныхъ крестьянъ, и самъ Киселевъ—сдѣлались предметомъ непримиримой ненависти для крѣпостническихъ силъ. Никакая ложь, клевета и козни не считались здѣсь непозволительными. Всѣ усилія направлялись на то, чтобы устранить Киселева отъ крестьянскихъ дѣлъ и погубить его учрежденія...

Въ 1856 г., въ началѣ царствованія императора Александра II, серьезное положеніе политическихъ дѣлъ потребовало назначенія посломъ въ Парижъ такого лица, какимъ былъ Киселевъ. Съ болью въ сердцѣ, онъ принялъ это назначеніе, подчинившись необходимости разстаться съ любимымъ дѣломъ, которое далеко не считалъ еще оконченнымъ. Преемникомъ ему, по его собственному избранію, назначенъ былъ В. А. Шереметевъ. Но послѣдній скоро умеръ. Тогда же враги Киселева добились назначенія министромъ государственныхъ имуществъ главнаго порицателя его дѣйствій, М. Н. Муравьева (впослѣдствіи извѣстнаго виленскаго генералъ-губернатора), и стройное зданіе учрежденій 1838—1839 гг. начало тотчасъ же разрушаться... Неудивительно, что и въ послѣдовавшихъ затѣмъ предположеніяхъ объ освобожденіи и устройствѣ крѣпостныхъ крестьянъ, вырабатывавшихся при существенномъ участіи помѣщиковъ, не могло быть и рѣчи о распространеніи на этихъ крестьянъ постановленій о крестьянахъ государственныхъ. Въ самомъ началѣ занятій редакціонныхъ комиссій для составленія положеній объ освобождавшихся крестьянахъ, первый предсѣдатель комиссій, Я. И Ростовцевъ, сказалъ: „Я могу здѣсь заявить, разумѣется, приватно, что вѣдомство государственныхъ имуществъ будетъ уничтожено; что хотя для улучшенія ихъ быта учреждена отдѣльная и особая комиссія, но когда мы составимъ наше Положеніе, то оно будетъ принято въ обязательное соображеніе для поста-

новленія такихъ же правилъ относительно государственныхъ крестьянъ" (Н. П. Семеновъ,—„Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II", томъ I, 215). Въ свою очередь,—и совершенно естественно, губернскіе дворянскіе комитеты и представители отъ нихъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ по составленію положеній 19 февраля 1861 г.,—далекіе отъ предположеній о распространеніи на освобождавшихся крестьянъ постановленій о крестьянахъ государственныхъ,—напротивъ того, именно опасаясь заимствованій отсюда,—дѣлали рѣзкіе нападки на киселевскія уставы и учрежденія. Непримиримое отношеніе къ послѣднимъ и не скрывалось. При томъ же, на первое время, для освобожденія крестьянъ приходилось почти неизбѣжно создавать особое переходное состояніе, со значительнымъ ограниченіемъ ихъ правъ, въ виду непрекращавшихся отношеній къ помѣщикамъ по землѣ, поступавшей въ пользованіе, а не въ собственность крестьянъ, за непринятіемъ съ самаго начала обязательнаго выкупа угодій. Вмѣсто закона, обычай долженъ былъ еще продолжать дѣйствовать на отношенія и освобожденныхъ крестьянъ... Весьма настойчиво предлагалось также возложеніе на помѣщиковъ широкихъ правъ „вотчинной полиціи" и пр. Передача освобожденныхъ крестьянъ прямо въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ не согласовалась съ этими соображеніями. Матеріальные и нравственные интересы помѣщиковъ были бы слишкомъ нарушены, и ихъ раздраженіе было бы слишкомъ велико. Прямой непосредственный переходъ отъ крѣпостной зависимости къ тому твердому и вполнѣ обезпеченному положенію, которымъ пользовались крестьяне государственные,—былъ бы слишкомъ рѣзокъ, создавалъ бы слишкомъ крутой поворотъ. Не болѣе легкимъ оказалось распространеніе киселевскихъ учрежденій и въ послѣдующее время. Вскорѣ за 19 февраля 1861 г. наступила *реакція* въ крестьянскомъ дѣлѣ. Для самихъ государственныхъ крестьянъ, еще ранѣе того колебавшіяся, упомянутыя учрежденія заколебались еще сильнѣе... И вотъ, не далѣе какъ *18 января 1866 г.* послѣдовала реформа, исключительная по своему значенію въ лѣтописяхъ крестьянскаго дѣла... Произошла, хотя и въ иномъ видѣ, та „нивелировка", которая угрожала государственнымъ крестьянамъ въ сороковыхъ годахъ и о которой говорилъ Ростовцевъ... Государственные крестьяне сами были изъяты изъ вѣдѣнія министерства государственныхъ имуществъ и подчинены сословно-дворянскимъ

учрежденіямъ, образованнымъ для завѣдыванія дѣлами освобожденныхъ крестьянъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, на нихъ было распространено общественное устройство, созданное для послѣднихъ, со всѣми условіями переходнаго времени. Государственные крестьяне вступили мѣстами въ составъ находившихся подъ вотчинно-полицейскою властью помѣщика волостей и сельскихъ обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Руководствомъ во многихъ отношеніяхъ стали служить для нихъ законы, въ которыхъ постоянно упоминалось о крѣпостныхъ крестьянахъ, помѣщикахъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ,—законы, оставлявшіе еще широкій просторъ для дѣйствія обычаю. Никакой особой обработкѣ законы эти не были подвергнуты. Доселѣ вполнѣ опредѣленное и прочное, какъ основывавшееся на законѣ, юридическое положеніе государственныхъ крестьянъ—измѣнилось разомъ... Реформа сопровождалась необходимымъ поясненіемъ, что и съ нею—„сохраняются государственнымъ крестьянамъ всѣ права, коими они доселѣ пользовались“... Но—это были слова, не оправдывавшіяся существомъ преобразованія. Содержаніе ихъ въ частныхъ случаяхъ могло затемняться. Законовъ, на которыхъ основывались эти права,—не стало. Законы эти стали почитаться отмѣненными, и не столько въ законодательномъ, сколько въ кодификаціонномъ порядкѣ, дѣйствительно, были потомъ показаны отмѣненными въ изданіяхъ и продолженіяхъ Свода Законовъ. Прямо вопреки приведенному поясненію, закономъ 31 марта 1867 г. отмѣнено было и существеннѣйшее право государственныхъ крестьянъ на увеличеніе земельныхъ надѣловъ съ возрастаніемъ населенія. „Послѣ выдачи владѣнныхъ записей—постановлялось въ этомъ законѣ—ни размноженіе въ какомъ либо обществѣ народонаселенія, ни другія обстоятельства *не могутъ дать сельскому обществу права домогаться впослѣдствіи увеличенія надѣла,* предоставленнаго оному во владѣніе“. Государственные крестьяне ставились къ казеннымъ землямъ въ такое же точно положеніе, въ какомъ стояли освобожденные крестьяне къ помѣщичьимъ землямъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, переселенія на казенныя земли,—которыя Киселевъ предполагалъ усиливать, въ видахъ лучшаго устройства государственныхъ крестьянъ,—прекратились. Государственные крестьяне сдѣлались по имени—„крестьянами-собственниками“. Но какъ права ихъ на землю, такъ и многія другія стороны ихъ положенія,—остались неустановленными закономъ, неясными, или опредѣляемыми обычаемъ...

За преобразованіемъ положенія государственныхъ крестьянъ вскорѣ послѣдовало преобразованіе, въ такихъ же точно „нивелирующихъ“ началахъ, положенія поселянъ бессарабской области, колонистовъ и пр. *Всѣ сельскіе обыватели слились въ однообразную массу „крестьянъ-собственниковъ“, съ правами, основанными въ значительной степени на законахъ, созданныхъ для бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, безъ всякой ихъ переработки, безъ всякаго приспособленія къ совершенно различнымъ экономическимъ, юридическимъ и этнографическимъ особенностямъ.*

Нижеслѣдующія главы, посвященныя изслѣдованію предѣловъ дѣйствія обычая, которому предоставлено было 19 февраля 1861 г. опредѣлять многія отношенія помѣщичьихъ крестьянъ, и по освобожденіи,—касаются, поэтому, *основаній нынѣшняго юридическаго положенія всей крестьянской массы, правъ личности крестьянина вообще.*

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Обычай, какъ дѣйствующая правовая норма среди крестьянъ.

I. Объ объемѣ дѣйствія, изслѣдованіи и изученіи народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Въ чемъ должно было состоять существеннѣйшее послѣдствіе освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1861 г.? Это совершенно ясно: законъ долженъ былъ встать на мѣсто „обычая", „преданія" и „доброй воли помѣщика", которыми, по совершенно яснымъ, признаваемымъ и установляемымъ всѣми изслѣдователями даннымъ и по справедливому замѣчанію освободительнаго манифеста, опредѣлялось до сихъ поръ положеніе закрѣпощенной части русскаго крестьянства. *) Права помѣщичьихъ крестьянъ должны были получить отнынѣ твердое основаніе въ общеобязательной формѣ права,—законѣ; точно также и обязанности должны были впредь налагаться на освобожденныхъ крестьянъ не иначе, какъ по точному указанію закона. Произволъ долженъ былъ уступить свое мѣсто строго правомѣрнымъ началамъ, въ опредѣленіи всѣхъ юридическихъ отношеній освобожденныхъ крестьянъ, отношеній другъ къ другу,

*) Выше, въ концѣ главы III, приведено весьма характерное въ настоящемъ отношеніи мѣсто изъ манифеста 19 февраля 1861 г. Для характеристики прежняго положенія и того, которое должно было наступить для крестьянъ послѣ освобожденія, нелишне привести соотвѣтствующее мѣсто изъ первоначальнаго проекта манифеста, составленнаго въ редакціонныхъ комиссіяхъ Ю. Ѳ. Самаринымъ, при содѣйствіи Н. А. Милютина (манифестъ, обнародованный и цитированный выше, написанъ митрополитомъ Филаретомъ): „Въ непрерывномъ попеченіи о благѣ Россіи—говорилось въ упоминаемомъ первоначальномъ проектѣ—Августѣйшіе Наши Предшественники даровали, въ разное время, всѣмъ состояніямъ права и учрежденія, огражденныя

къ помѣщику, власти, государству. Личность крестьянина должна была подлежать полному юридическому обезпеченію. Въ этомъ должно было заключаться *существо реформы*. Отсюда, со времени 19 февраля 1861 г., руководство „обычаемъ" „преданіемъ" и „доброю волею" (усмотрѣніемъ) властей, смѣнившихъ помѣщика, и его самого, поскольку еще сохранилось его вліяніе, какъ представителя вотчинной полиціи,—руководство отнынѣ подобными началами со стороны крестьянъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, со стороны помѣщиковъ въ отношеніяхъ къ крестьянамъ и со стороны властей, надъ крестьянами поставляемыхъ или ими избираемыхъ, могло быть допущено только *по исключенію*, въ изъятіе изъ извѣстнаго *общаго правила*, постановляемаго въ основныхъ законахъ страны, правила о законности управленія.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ, какъ въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г., такъ и въ литературѣ и практикѣ, должны были быть указываемы въ подлежащихъ случаяхъ съ точностью *предѣлы дѣйствія закона и обычая*, коль скоро послѣдній допускался, равно какъ и *взаимныя отношенія между этими двумя формами права и условія юридическаго значенія обычая*. Тѣмъ не менѣе, законоположенія 19 февраля оказались недостаточно опредѣленными въ отношеніи столь существенномъ, на литературѣ же вопроса отразилось малое знакомство у насъ съ юридическимъ положеніемъ крестьянъ и почти полное отсутствіе интереса и вниманія къ этой сторонѣ ихъ существованія; наконецъ, практика, лишенная надлежащаго руководства, и, кромѣ того, всегда склонная замѣнять законъ усмотрѣніемъ и обычаемъ, естественно представила въ этомъ отношеніи полный разбродъ и непроходимую путаницу...

Таково общее положеніе настоящаго вопроса крестьянской жизни. Какъ же оно возникло?

По отношенію собственно къ законодательству 19 февраля 1861 г., какъ основанію вопроса, объясненіе заключается, главнымъ образомъ, въ томъ широкомъ участіи, кото-

---

твердыми, охранительными законами Одни крѣпостные крестьяне и дворовые люди, исправляя государственныя повинности наравнѣ съ другими податными состояніями, не пользовались доселѣ гражданскими правами, симъ состояніямъ предоставленными, и находились въ прямой зависимости отъ ихъ владѣльцевъ, на которыхъ давній обычай и законъ возлагали отвѣтственность за ихъ благосостояніе" (Н. Семенов—„Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II", томъ III, ч. 2, приложенія, 811)

рое было предоставлено самимъ помѣщикамъ въ выработкѣ положеній для освобождавшихся крестьянъ. Необходимо именно принять во вниманіе, что какъ допущеніе дѣйствія обычая на отношенія освобождавшихся и освобожденныхъ крестьянъ, такъ и неопредѣленность сдѣланныхъ тогда постановленій по вопросу объ обычаѣ и о предѣлахъ его дѣйствія проистекли, главнымъ образомъ: 1) *изъ домогательствъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ и депутатовъ отъ нихъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ по составленію положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и* 2) *изъ той сравнительной слабости отпора, которую выказывали обыкновенно сами редакціонныя комиссіи помѣщичьимъ притязаніямъ, и изъ склонности уступать, которую онѣ обнаруживали, будучи иногда не въ силахъ противостоять крѣпостническимъ вліяніямъ, пользовавшимся въ то время всѣми возможными способами для ослабленія дѣятельности комиссій*.. При всемъ же томъ, и въ средѣ самихъ редакціонныхъ комиссій находились, большею частію, помѣщики—со всѣми особенностями ихъ міросозерцанія,—хозяева,—съ ихъ „практическими“ точками зрѣнія. Въ числѣ членовъ комиссій были и принципіальные сторонники обычаевъ, какъ представители славянофильскихъ воззрѣній, — съ ихъ идеализацією старины и всяческаго историческаго наслѣдія... Даже и либеральными представителями комиссій выражались подчасъ мнѣнія, находящія нынѣ только „исключительныхъ“ послѣдователей. Достаточно сказать, что Н. А. Милютинъ, Ю Ѳ. Самаринъ, кн. Черкасскій—стояли за тѣлесное наказаніе (Н. П. Семеновъ,—„Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“, томъ II, 474; томъ III, кн. 2, 129—130. Г.А.Джаншіевъ,—„Эпоха великихъ реформъ“, изд. 5, 210). *). Вотъ ходъ дѣла по настоящему вопросу въ общихъ чертахъ.

Юридическое отдѣленіе редакціонныхъ комиссій, оцѣнивая предположенія губернскихъ комитетовъ и замѣчанія депу-

*) Н. А. Милютинъ по этому вопросу, между прочимъ, прямо сослался на обычай: „Практика доказала—сказалъ онъ—что крестьяне сами замѣняютъ денежное взысканіе наказаніемъ,—тѣлеснымъ“ (Семеновъ,—т. III, кн. 2, 129).—Вообще, о редакціонныхъ комиссіяхъ можно съ полнымъ основаніемъ сказать то, что выразилъ проф. Иваніюковъ („Паденіе крѣпостного права въ Россіи“, 291). „Много разъ редакціонную комиссію—говоритъ онъ—обвиняли въ пристрастіи къ интересамъ крестьянъ. Это обвиненіе вѣрно лишь въ томъ ограниченномъ смыслѣ, что комиссія не стояла *цѣликомъ* на сторонѣ помѣ-

татовъ отъ нихъ на его докладъ о правахъ крестьянъ личныхъ и семейственныхъ, нашло, что „сущность“ сдѣланныхъ замѣчаній и предположеній состоитъ въ томъ, „во-первыхъ, что въ положеніи о крестьянахъ не слѣдуетъ подробно исчислять предоставляемыя крестьянамъ по Своду Законовъ личныя и семейныя права и, во-вторыхъ, что крестьянамъ надлежитъ предоставить руководствоваться въ семъ отношеніи и существующими законами, и *мѣстными обычаями* („Матеріалы редакціонныхъ комиссій для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости“, т. 1. кн. 2, изд. 2; Матеріалы, изд. I-е, ч. XII, стр. 7).

Какіе обычаи тутъ подразумѣвались? Очевидно, обычаи, дѣйствовавшіе при существованіи крѣпостной зависимости. Иныхъ обычаевъ среди освобождавшихся крестьянъ не было.

Приблизительно съ такими въ ихъ „сущности“ желаніями губернскихъ комитетовъ и депутатовъ отъ нихъ встрѣтились и другія отдѣленія редакціонныхъ комиссій,—административное и хозяйственное по предметамъ ихъ занятій, равно какъ выкупная комиссія и комиссія, занимавшаяся составленіемъ проекта положенія о мѣстныхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ.—Съ тѣмъ же вмѣстѣ, представителями губернскихъ дворянскихъ комитетовъ сдѣланы были возраженія и противъ прямого перечисленія въ новомъ положеніи объ освобождавшихся крестьянахъ всѣхъ тѣхъ статей закона, которыя предоставляли помѣщику право развивать обычные порядки въ крестьянской средѣ и которыя отмѣнялись съ освобожденіемъ. Они находили, что перечисленіе этихъ статей составило бы „упрекъ прошедшему“—и почитали достаточнымъ одно общее упоминаніе объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости и соединенныхъ съ нею правъ („Матеріалы“, ч. XII, изд. I, стр. 4)... Предполагалось точно упомянуть только о слагаемыхъ съ помѣщиковъ обязанностяхъ...

Очень понятно, что такова была „сущность“ замѣчаній со стороны представителей помѣщичьихъ интересовъ. Помѣщикамъ былъ ненавистенъ законъ и выгоденъ обычай. На обы-

---

щиковъ. И съ этой точки зрѣнія, мы снова повторяемъ однажды высказанное нами большое счастье для Россіи, что предварительное начертаніе „Положенія“ о крестьянахъ было изъято изъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу и передано редакціонной комиссіи. Но до полнаго безпристрастія въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса комиссія не возвысилась. Интересы помѣщиковъ, всетаки, были для нея ближе, чѣмъ интересы народа“.

чаѣ, путемъ обычая, главнымъ образомъ, развилась власть помѣщиковъ надъ крѣпостными крестьянами,—и имъ руководились помѣщики въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ. Законъ же, до тѣхъ поръ, съ конца прошлаго столѣтія, вносившій чаще и чаще свои ограниченія въ область примѣненія этой обычной власти,—грозилъ нынѣ и вполнѣ замѣнить ее собою для крѣпостныхъ крестьянъ. Чѣмъ точнѣе и тверже законъ отмѣнилъ бы прежнія права помѣщиковъ, тѣмъ меньше мѣста осталось бы для помѣщичьихъ притязаній впослѣдствіи, и наоборотъ; чѣмъ большее значеніе долженъ былъ получить законъ для освобожденныхъ крестьянъ и чѣмъ меньшее обычай,—тѣмъ прочнѣе должно было быть положеніе крестьянъ по освобожденіи и тѣмъ ограниченнѣе должно было сдѣлаться послѣдующее вліяніе помѣщика на крестьянскія отношенія. „Истинная сущность“ домогательствъ губернскихъ комитетовъ и депутатовъ отъ нихъ была очевидна. Она касалась, какъ видно, самыхъ *основаній дѣла*. Редакціоннымъ комиссіямъ и надлежало, поэтому, именно здѣсь дать особо рѣшительный отпоръ помѣщичьимъ притязаніямъ. Однако, возраженія, сдѣланныя комиссіями, не обнаружили достаточной силы.

Въ видѣ характеристики, можно привести возраженіе юридическаго же отдѣленія на „сущность“ упомянутыхъ замѣчаній на его докладъ. По первому пункту юридическое отдѣленіе именно высказало. „По выс. утв. 4 декабря 1858 г., журналу главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, помѣщичьимъ крестьянамъ должны быть предоставлены всѣ права свободныхъ сельскихъ обывателей, личныя, по имуществу и по праву жалобы. Посему, для точнѣйшаго опредѣленія сихъ правъ, исчислены, въ заключеніи доклада, въ видѣ справки по Своду Законовъ, личныя и семейственныя права свободныхъ сельскихъ обывателей. Но при этомъ общее присутствіе редакціонныхъ комиссій вовсе не предполагало переносить, при окончательной кодификаціи, въ Положеніе о крестьянахъ всѣ статьи Свода Законовъ о личныхъ и семейственныхъ правахъ освобождаемыхъ крестьянъ. Это, очевидно, послужило бы къ безполезному усложненію Положенія повтореніемъ въ немъ множества статей изъ томовъ IX и X Свода Законовъ. Отдѣленіе признаетъ вполнѣ достаточнымъ, изложивъ тѣ главныя права лицъ свободныхъ податныхъ сословій, которыя предоставляются крестьянамъ, выходящимъ изъ крѣпостной зависимости, подробно исчислить въ Положеніи тѣ только постано-

вленія, которыми установлены будутъ *особыя изъятія изъ общихъ законовъ, доколѣ они будутъ оставаться въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ*“—(„Матеріалы“, изд. I, часть XII, стр. 7—9). Затѣмъ, по второму пункту замѣчаній со стороны членовъ губернскихъ комитетовъ—о предоставленіи освобожденнымъ крестьянамъ руководствоваться въ области личныхъ и семейственныхъ отношеній и законами, и мѣстными обычаями,—юридическое отдѣленіе также уступчиво высказало: „Крестьяне, въ домашнемъ своемъ быту, преимущественно руководствуются мѣстными обычаями. Посему, было бы и неудобно, и безполезно безусловно отрицать обычаи и противодѣйствовать крестьянамъ руководствоваться тѣмъ обычнымъ порядкомъ, который, вслѣдствіе постояннаго примѣненія въ повседневномъ ихъ быту, получилъ юридическое значеніе въ народной жизни. На семъ основаніи, общее присутствіе редакціонныхъ комиссій во многихъ положительно случаяхъ предоставляетъ крестьянамъ руководствоваться мѣстными своими обычаями,—такъ, напримѣръ, въ дѣлахъ о наслѣдствѣ, раздѣлѣ имуществъ, объ опекахъ и пр.“ („Матеріалы“, изд. I, ч. XII, стр 7—8). Отдѣленіе упустило изъ вида, что рѣчь шла объ обычаяхъ, создавшихся при существованіи крѣпостной зависимости, каковые обычаи не могли имѣть „юридическаго значенія для народной жизни“, ибо крестьяне, если бы подобные обычаи и были благопріятны для ихъ интересовъ, не могли бы опираться на нихъ, требовать къ нимъ уваженія со стороны всѣхъ и каждаго и въ томъ числѣ со стороны помѣщика,—помѣщики же не могли желать ими руководствоваться и допускать вообще ограниченіе ихъ власти какою-либо правовою нормою (и дѣлали недѣйствительными, „мертвою буквою“ даже законы, издававшіеся, все же, время отъ времени, государственною властью, въ огражденіе крестьянъ).) „Но, съ другой стороны,—сочло, однако, нужнымъ высказать отдѣленіе, хотя односторонне, усматривая опасность съ той стороны, откуда она угрожала наименѣе (со стороны самихъ крестьянъ),—и нельзя

---

*) В. И. Семевскій дѣлаетъ, между прочимъ, любопытное указаніе, что помѣщики, жившіе въ своихъ имѣніяхъ, не любили издавать для крестьянъ даже свои собственныя инструкціи, уложенія и уставы, они предпочитали „рѣшать судьбу крестьянъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“ особо, безъ всякихъ предустановленныхъ и заранѣе извѣстныхъ ему основаній, ибо и собственныя инструкціи стѣсняли бы ихъ...(„Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“, стр. 175).

безусловно сопоставлять обычное право съ дѣйствующими законами. Обычаи не имѣютъ, да по существу своему и не могутъ имѣть обязательной силы закона,—и потому, предоставленіе крестьянамъ руководствоваться, по своему усмотрѣнію, обычаями и законами открыло бы широкій просторъ произволу подчиняться или не подчиняться дѣйствію положительныхъ и для всѣхъ членовъ государства обязательныхъ законовъ" („Матеріалы", т. II, кн. I, изд. 2, стр. 28, 57, 326, 328, 334—337 и пр.). Отдѣленіе не добавляло самаго главнаго, что подобное положеніе было бы не только противно общему государственному порядку, но существенно угрожало бы и новымъ правамъ крестьянъ, такъ какъ неопредѣленность правъ исключаетъ или, по меньшей мѣрѣ, крайне затрудняетъ возможность требовать уваженія къ нимъ со стороны всѣхъ и каждаго и защищать, въ случаѣ нарушенія, и что къ правамъ основываемымъ на обычаѣ, не имѣющемъ общеобязательной силы, именно невозможно требовать уваженія со стороны, внѣ крестьянской среды.

Но какъ ни слабо вышло это возраженіе, однако, оно совершенно ясно показываетъ (и это нужно постоянно имѣть въ виду при разрѣшеніи вопросовъ о предѣлахъ дѣйствія закона и обычая среди крестьянъ): что составлявшееся Положеніе не предназначалось для того, чтобы стать единственнымъ и исключительнымъ закономъ для освобождавшихся крестьянъ; что для нихъ въ ихъ собственной средѣ должны были получить извѣстную силу и всѣ прочіе общіе законы; что не перечислялись въ Положеніи всѣ статьи о правахъ освобождавшихся крестьянъ по томамъ IX и X Свода Законовъ не потому, что статьи эти не получали для нихъ никакого значенія, а вслѣдствіе того только, что сочтено было излишнимъ ихъ повторять, по соображеніямъ чисто-кодификаціоннаго свойства; что, согласно съ существомъ реформы, отмѣнявшей обычныя права помѣщиковъ и измѣнявшей обычное состояніе крѣпостныхъ крестьянъ на состояніе законное, огражденное закономъ, отнынѣ обычай долженъ былъ дѣйствовать на отношенія освобожденныхъ крестьянъ между собою, къ помѣщику, къ постороннимъ лицамъ, къ власти, къ государству, *не по общему правилу, а въ видѣ изъятія*, и слѣдовательно, онъ долженъ былъ дѣйствовать именно на опредѣленныя, точно указанныя закономъ, отношенія, съ подчиненіемъ всѣхъ прочихъ отношеній закону, *по общему правилу*, и что, наконецъ, и различныя изъятія изъ общихъ законовъ дѣлались, боль-

шею частію, лишь *на время нахожденія освобожденныхъ крестьянъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ* по землѣ и должны были прекращаться съ переходомъ крестьянъ на выкупъ и съ полнымъ, наступавшимъ тогда, прекращеніемъ крѣпостныхъ отношеній.—За всѣмъ же тѣмъ, въ непродолжительномъ времени по освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, предполагалось непремѣнное составленіе и изданіе общаго сельскаго устава съ болѣе точной формулировкой правъ и обязанностей крестьянъ.—Кромѣ же того, не смотря на всѣ рѣшенія эти, предсѣдатель общаго присутствія редакціонныхъ комиссій, какъ видно изъ журналовъ позднѣйшихъ засѣданій присутствія, справедливо счелъ на первое же время положительно необходимымъ: „а) изложить личныя права и обязанности выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ *въ подробности* въ особомъ положеніи... и б) составить подробный указатель всѣхъ статей закона, которыя подлежатъ отмѣнѣ съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости крестьянъ.“ („Матеріалы“, т. II, кн. 1-я, изд. 2, журналы засѣданій 12, 13 и 14 августа 1860 г.).—Нѣкоторая неопредѣленность первоначальнаго законоположенія и допущеніе обычаевъ крѣпостныхъ отношеній должны были, поэтому, получить лишь временный характеръ—согласно съ существомъ окончательной реформы; изъятіе крестьянъ отъ дѣйствія общихъ законовъ допускалось только на первый періодъ.

Но, при указанномъ первоначальномъ, недостаточно рѣшительномъ и ясномъ, разрѣшеніи вопроса объ юридическихъ основаніяхъ новаго положенія крестьянъ, общаго сельскаго устава составлено не было. Не было составлено (или, по крайней мѣрѣ, не было присоединено къ окончательному проекту Положеній) и предположенное предсѣдателемъ общаго присутствія упомянутое выше приложеніе. Въ то же время законодательство 19 февраля 1861 г., не получивъ предположеннаго для него, въ видѣ сельскаго устава, необходимаго развитія, было въ значительной степени и не всегда въ ясныхъ выраженіяхъ распространено въ 1863, 1865—1866 и послѣдующихъ годахъ на крестьянъ удѣльныхъ, государственныхъ, башкиръ, колонистовъ и пр. Быстро наступила и реакція въ крестьянскомъ дѣлѣ... Первый періодъ жизни освобожденныхъ крестьянъ не только не окончился такъ скоро, какъ предполагалось первоначально, но захватилъ и другихъ сельскихъ обывателей, всегда пользовавшихся свободою. „Изъятія изъ общихъ законовъ“, сдѣланныя только на этотъ періодъ для

крестьянъ освобожденныхъ, какъ-бы стали изъятыми и для этихъ сельскихъ обывателей. Разбираться тутъ на практикѣ, во всякомъ случаѣ, становилось затруднительнымъ. Законодательство 19 февраля 1861 г., получивъ не предполагавшееся первоначально широкое распространеніе, попавъ на различную почву, оказалось въ примѣненіи еще менѣе опредѣленнымъ, яснымъ, еще болѣе возбуждающимъ различные вопросы и сомнѣнія...

Отсюда-то, главнымъ образомъ, и проистекаетъ господствующая путаница понятій о предѣлахъ дѣйствія обычая на крестьянскія отношенія. Этимъ и объясняются дѣлающіяся нерѣдко предположенія, что, напримѣръ, на область частныхъ отношеній въ крестьянской средѣ обычай дѣйствуетъ вполнѣ и исключительно, съ совершеннымъ устраненіемъ закона. Отсюда же упущеніе изъ вида того вліянія, которое въ дѣйствительности предоставлено обычаю и на иныя отношенія, кажущіяся подчиненными всецѣло дѣйствію обычая, представляющіяся теоретически подлежащими опредѣленію не иначе какъ закономъ. *Упускается изъ виду допущеніе дѣйствія наряду съ закономъ обычнаго государственнаго, финансоваго и полицейскаго права и обращается весьма мало вниманія на обычное право уголовное и процессуальное; наоборотъ, предполагается всеобъемлющимъ дѣйствіе обычнаго гражданскаго права.*

На какія же именно отношенія призванъ былъ дѣйствовать обычай среди крестьянъ? Подвергая въ слѣдующихъ главахъ подробному разбору то, въ какомъ объемѣ и въ какихъ предѣлахъ можетъ дѣйствовать обычай на тѣ или иныя отношенія крестьянъ въ настоящее время—укажемъ пока въ общихъ чертахъ, что какъ 19 февраля, такъ и въ послѣдующіе годы—обычаю подчинены были слѣдующія отношенія крестьянъ (болѣе *публичнаго*, нежели *частнаго* свойства, вопреки общераспространенному мнѣнію): *Государственное право*: порядокъ выхода изъ сельскаго общества; составъ сельскаго схода; усиленное представительство многотягольнаго двора на сходѣ; порядокъ голосованія на сходѣ; устраненіе крестьянъ отъ участія въ сходахъ; удаленіе изъ общества; удаленіе волостныхъ писарей начальствомъ, по требованію помѣщика или по собственному усмотрѣнію, подъ предлогомъ „неблагонадежности“; дисциплинарная отвѣтственность крестьянъ передъ сельскими старостами, волостными старшинами и земскими начальниками; опредѣленіе условій, при которыхъ избираемые въ должности крестьяне подлежатъ утвержденію или неутвер-

женію и пр. 2) *Полицейское право.* „существующій фактъ“, какъ основаніе для опредѣленія повинностей въ пользу помѣщика за землю, отходившую крестьянамъ; сохраненіе издѣльной повинности и сроки для перехода отъ нея къ повинности денежной; порядокъ отправленія барщины; составленіе урочныхъ положеній для барщинныхъ работъ и указаніе работъ, не свойственныхъ женскому полу, круговая отвѣтственность въ исправности передъ помѣщикомъ; мѣры взысканія оброка, и пр., и пр.; владѣніе надѣльными землями (относимое нами именно къ области полицейскаго права, какъ проникнутое началами опеки, не имѣющими ничего общаго съ гражданскимъ правомъ) и семейные надѣлы. 3) *Финансовое право.* круговая отвѣтственность и передъ правительствомъ въ выкупныхъ и иныхъ платежахъ, равно какъ мірскихъ сборахъ; порядокъ собиранія платежей и сборовъ, храненія собираемыхъ суммъ, счетоводства и учета, порядокъ взысканія платежей и сборовъ, и пр., и пр. 4) *Уголовное право*: отвѣтственность передъ волостнымъ судомъ; условія вмѣненія, смягченія и отмѣны наказанія; примѣненіе тѣлеснаго наказанія; порядокъ содержанія арестуемыхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ и вообще порядокъ примѣненія наказаній, налагаемыхъ волостными судами, и пр., и пр. 5) *Гражданское право* порядокъ наслѣдованія; порядокъ семейныхъ раздѣловъ; опекунскія дѣла; наложеніе ареста на движимое имущество крестьянъ; сдѣлки по займамъ, соотвѣтствующія мѣстнымъ обычаямъ и не подлежащія преслѣдованію по закону о ростовщическихъ дѣйствіяхъ, и пр., и пр. 6) *Судебное право:* судъ, существующій по мѣстнымъ обычаямъ; волостной судъ, руководствующійся обычаемъ, какъ въ отношеніи разрѣшенія дѣлъ, такъ и въ отношеніи самыхъ основаній для разрѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ, и пр., и пр.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, объемъ дѣйствія обычая на отношенія крестьянъ— и нынѣ уже не однихъ бывшихъ крѣпостныхъ; такъ существенны и многочисленны отношенія, которыя могутъ разрѣшаться по обычаю среди крестьянъ.

Вопросъ объ обычаѣ есть, слѣдовательно, вопросъ о многихъ и важныхъ сторонахъ и основаніяхъ юридическаго положенія крестьянъ. Однако, приданіе обычаю столь важнаго и широкаго практическаго значенія не привело къ установленію точнаго порядка доказыванія, удостовѣренія обычая при его примѣненіи. Необходимость доказыванія обычаевъ при разрѣшеніи на основаніи ихъ подлежащихъ отношеній только

предполагается, но не указывается ясно,—и естественно, на дѣлѣ вовсе не осуществляется. Обычаями могутъ опредѣляться многочисленныя отношенія крестьянъ; но какъ, при какихъ условіяхъ, что именно слѣдуетъ понимать подъ обычаемъ, получающимъ столь крупное значеніе,—это осталось совершенно неопредѣленнымъ въ законѣ и совершенно произвольно опредѣляется въ жизни, на дѣлѣ...

Обычное право, призванное такимъ образомъ къ дѣйствію среди крестьянъ, пользуется у насъ несомнѣннымъ и весьма широкимъ общественнымъ вниманіемъ. Интересъ къ обычному праву значительно превосходитъ интересъ къ праву писанному. Зачастую, лица, относящіяся отрицательно къ писанному праву, обнаруживаютъ живое вниманіе къ обычному праву. Послѣднее довольно дѣятельно и собирается, изслѣдуется, изучается. Существуетъ цѣлый рядъ программъ для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ народа. Уже сырой матеріалъ по обычному праву привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Нерѣдко встрѣчаются въ нашихъ обще-литературныхъ и научныхъ періодическихъ изданіяхъ статьи, составляющія простыя указанія на тѣ или иные обычаи крестьянъ, безъ всякаго анализа этихъ обычаевъ. Ни одна область знаній не встрѣчаетъ, можно сказать, такого вниманія къ себѣ... Сырой матеріалъ, относящійся къ какой либо наукѣ, никогда не найдетъ себѣ мѣста нигдѣ, кромѣ трудовъ спеціальныхъ комиссій, и остается, большею частію, въ архивахъ. Не то съ обычнымъ правомъ. Само по себѣ уже, и какъ сырой матеріалъ, онъ считается какъ бы представляющимъ всѣмъ понятныя руководящія начала и неподлежащимъ особому развитію и обработкѣ. Объ обычномъ правѣ говорится постоянно,—и кстати и некстати. Принятымъ отношеніемъ къ нему опредѣляются свойства и многихъ новѣйшихъ законоположеній о крестьянахъ. Особо благопріятною, естественно, оказалась для обычнаго права реформа 12 іюля 1889 года, замѣнившая во многихъ отношеніяхъ законъ усмотрѣніемъ. Опредѣленіе дисциплинарной отвѣтственности крестьянъ передъ земскимъ начальникомъ было почти всецѣло предоставлено, напримѣръ, обычаю *). Въ еще большей мѣрѣ характеризуется установившимся, преобладающимъ отношеніемъ къ обычаю общее юридическое положеніе крестьянъ...

*) См. нашу статью „Наказаніе безъ суда“, напечатанную въ № 9 „Журнала Юридическаго Общества“ за 1895 г. и вошедшую въ составъ книги—„Юридическое положеніе крестьянъ“.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ всѣ вопросы, относящіеся до обычнаго права, должны представляться разрѣшенными въ литературѣ давно и окончательно; обычаи—оцѣненными вполнѣ и со всѣхъ сторонъ; значеніе ихъ—выясненнымъ; условія развитія и пріобрѣтенія юридической силы—опредѣленными точно... Тѣмъ не менѣе, однако, оказывается, что какъ не установлены до сихъ поръ и въ литературѣ съ надлежащею точностью отношенія, на которыя именно можетъ дѣйствовать обычай, такъ мы не вышли еще относительно обычнаго права вообще изъ области сырого матеріала,—и самые существенные вопросы касательно его значенія и примѣненія остаются въ совершенномъ туманѣ...

Какъ же народные юридическіе обычаи изслѣдуются, оцѣниваются, изучаются?

При разсмотрѣніи этихъ вопросовъ, необходимо, прежде всего, коснуться программъ для собиранія свѣдѣній объ обычномъ правѣ. Хотя юридическое общество при Спб. университетѣ имѣетъ своею цѣлію, по уставу, изученіе обычнаго права, но въ этихъ видахъ до сихъ поръ не сдѣлано имъ ничего. Лишь съ образованіемъ въ новѣйшее время четвертаго отдѣленія въ составѣ общества,—отдѣленія обычнаго права, подъ предсѣдательствомъ проф. А. Х. Гольмстена—дѣло это обѣщало нѣкоторое движеніе впередъ со стороны почтеннаго общества. Но и новое отдѣленіе имѣло въ виду преимущественно наименѣе интересную и наиболѣе изслѣдованную область примѣненія обычая—гражданское право; въ весьма малой степени, повидимому, должно было быть (какъ и случилось при послѣдующей дѣятельности отдѣленія, довольно скоро, впрочемъ, застывшей) затронуто право уголовное и судебное, и вовсе не имѣлось въ виду право государственное, финансовое и полицейское). Такимъ образомъ, не составлено юридическимъ обществомъ донынѣ и программы для собиранія свѣдѣній о народныхъ юридическихъ обычаяхъ. Имѣющіяся программы этого рода, составляющія важнѣйшее пособіе при изслѣдованіи обычнаго права, опредѣляющія до извѣстной степени самое содержаніе и свойство матеріаловъ, исходятъ отъ частныхъ лицъ и отъ обществъ географическаго, вольно-экономическаго и московскаго общества любителей

---

*) Докладъ редакціоннаго комитета отдѣленія обычнаго права, сдѣланный и принятый въ засѣданіи отдѣленія 14 апрѣля 1898 г. („Журналъ Юридическаго Общества“, май 1898 г).

естествознанія, антропологіи и этнографіи. Немудрено, поэтому, что онѣ и не имѣютъ того строгаго юридическаго характера, который можно было бы предполагать въ виду ихъ спеціальнаго предмета *). Совершенно правильно, поэтому, А. А. Леонтьевъ, составитель одной изъ позднѣйшихъ программъ („Программа для собиранія свѣдѣній объ обычномъ правѣ крестьянъ", Спб., 1899 г.), пользуясь указанными программами для составленія своей (обнимающей, къ сожалѣнію, только гражданское право), выбрасываетъ изъ нихъ большое число вопросовъ.

Въ предисловіи къ „Программѣ для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ", составленной секретаремъ отдѣленія этнографіи московскаго общества любитвлей естествознанія, антропологіи и этнографіи М. Н. Харузинымъ, выражается сожалѣніе, что... „драгоцѣнные остатки древняго права, столь многочисленные еще недавно въ народномъ быту, теряются постепенно чрезъ вымираніе или изъятіе изъ употребленія того или иного обычая или обряда". Поэтому, по названной „Программѣ" имѣется въ виду—„собрать сохранившіеся осколки исчезнувшаго порядка вещей, и на ихъ основаніи освѣтить многія темныя стороны древняго права вообще и права русскаго въ частности". Отсюда даже недовѣріе къ судебнымъ рѣшеніямъ, какъ источникамъ познанія обычнаго права. Судебныя рѣшенія, по словамъ составителя программы,— „не дадутъ собирателю ничего для обнаруженія обломковъ старинныхъ юридическихъ обычаевъ,—эти обломки сохраняются почти исключительно въ обрядахъ, пословицахъ, пѣсняхъ и т. п.". Въ свою очередь, программа покойнаго профессора Кистяковскаго, перепечатываемая съ разными добавленіями г. Харузинымъ, предназначается не только для „собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ", но и „народныхъ

*) Программа вольно-экономическаго общества имѣетъ, впрочемъ, большія достоинства. Несомнѣнно, что до сихъ поръ это—лучшая программа. Притомъ, предназначенная собственно для собиранія свѣдѣній о сельской поземельной общинѣ, программа вольно-экономическаго общества, совершенно правильно, охватываетъ широко общинную жизнь и заключаетъ въ себѣ вопросы, относящіеся къ праву гражданскому, финансовому, полицейскому, государственному. Вопросовъ этихъ только недостаточно. Нельзя не пожалѣть, что вольно-экономическое общество, въ дѣлѣ изданія матеріаловъ, полученныхъ въ видѣ отвѣтовъ на вопросы его программы, не пошло дальше одного тома („Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины", подъ редакціею О. Барыкова, А. Половцева и П. Соколовскаго. Здѣсь же перепечатана и самая программа).

воззрѣній по уголовному праву". Желая выяснить „слѣды архаическихъ, древнѣйшихъ юридическихъ міровоззрѣній, отношеній и формъ", составитель особенно цѣнитъ „народныя вѣрованія, сказанія, легенды и всякіе обряды". Цѣль жизненная, непосредственная, практическая, однако, принципіально имъ не игнорируется; но всѣ вопросы, преслѣдующіе различныя цѣли, смѣшаны и нерѣдко изложены такъ, что невозможно установить, идетъ-ли рѣчь объ юридическомъ обычаѣ, который можетъ дѣйствовать нынѣ наряду съ закономъ, или объ установленіи лишь слѣдовъ древнѣйшаго обычая, или, наконецъ, о воззрѣніи, которое, не создавая правовой нормы, характеризуетъ духовное состояніе народа, и можетъ имѣть значеніе лишь тогда, когда оно обнаруживается въ извѣстномъ преступленіи и когда возбуждается вопросъ о принятіи его во вниманіе при опредѣленіи мѣры наказанія. Редакторъ „Программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ", изданной комиссіею для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, состоящей при отдѣленіи этнографіи географическаго общества, С. В. Пахманъ, поясняетъ во вступленіи, что въ нее введены не только „вопросы юридическаго свойства", но и „такіе вопросы, которые касаются разнаго рода обыкновеній, а также народныхъ воззрѣній, насколько тѣ и другія находятся въ ближайшемъ соотношеніи съ правомъ". Оба рода вопросовъ, однако, смѣшаны. Кромѣ же того, при дѣлаемомъ такимъ образомъ противоположеніи „обычая" и „обыкновенія", не выяснено различіе между тѣмъ и другимъ. Различіе же это сознается недостаточно ясно. По крайней мѣрѣ, Оршанскій, указавъ, что у насъ это различіе даже совершенно игнорируется и, взявшись его установить, кончилъ тѣмъ, что смѣшалъ „обычай" съ „обыкновеніемъ" вполнѣ и окончательно *). Затѣмъ, во всѣхъ программахъ ставятся вопросы

---

*) „Правовой обычай"—высказалъ именно Оршанскій („Изслѣдованія по русскому праву, обычному и брачному", вып. I, стр. 169)—„есть правовая норма, дающая непосредственно лицу извѣстныя личныя или имущественныя права при извѣстныхъ условіяхъ". Слѣдовательно, правовой обычай можетъ служить къ разрѣшенію вопросовъ о правахъ и обязанностяхъ въ равной силѣ съ закономъ, коль скоро законъ именно его допускаетъ? Совершенно вѣрно. Что же такое теперь обыкновеніе? „Обыкновеніе—говоритъ Оршанскій—никакихъ правъ не производитъ". Значитъ, оно ни для кого и ни въ какомъ случаѣ необязательно и къ разрѣшенію какихъ либо правъ и обязанностей не служитъ? Если такъ, то различіе было бы установлено, и если не было бы выяснено „обыкновеніе", то представился бы доста-

безразлично о народныхъ юридическихъ и неюридическихъ воззрѣніяхъ,—о такихъ воззрѣніяхъ, изъ которыхъ дѣйствительно проистекаютъ нормы права, получающіе обязательное примѣненіе, и о такихъ, которыя приводятъ къ преступленіямъ, проявляются ли отдѣльно или обусловливаютъ собою укоренившійся обычай,—при подобныхъ условіяхъ, очевидно, не могущій выступать въ качествѣ юридическаго. Вообще, въ указанныхъ программахъ для собиранія свѣдѣній о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, *право смѣшивается съ фактомъ, выражающимъ собою не право, составляющимъ нарушеніе права, закона; право дѣйствующее, современное, смѣшивается съ древнѣйшимъ правомъ и даже съ такими явленіями, которыя и въ до-историческое время не могли выступать въ качествѣ права, понятія вполнѣ опредѣленнаго, во всѣ времена содержащаго въ себѣ одни и тѣ же элементы, право вообще смѣшивается съ нравственностію, этнологіею, этнографіею, демографіею, уголовною статистикою, политическою экономіею, антропологіею, съ обрядами, не имѣющими никакого юридическаго значенія, и съ народными суевѣріями.*

Самый методъ, примѣнявшійся къ составленію названныхъ программъ, таковъ, что дѣлаетъ случайнымъ присутствіе или отсутствіе въ нихъ тѣхъ или иныхъ вопросовъ. *При составленіи программъ для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ, прежде всего, анализировать юридическое положеніе крестьянъ, выяснить отношенія, на которыя допускается прямо или косвенно дѣйствіе обычаевъ, согласно съ тѣмъ, ставить тѣ или иные вопросы и, лишь послѣ того восполнять эти вопросы на*

точно ясно опредѣленнымъ „обычай“. Но вслѣдъ за приведенными словами, допускающими эти сдѣланные нами выводы, изслѣдователь добавляетъ „хотя существованіе его (обыкновенія) можетъ имѣть въ спорѣ юридическое значеніе“ Значитъ, на случай даже спора лицо можетъ имѣть обыкновеніе въ виду и добиться, основываясь на немъ, признанія за собою какихъ-либо правъ или отклоненія отъ себя какихъ-либо обязанностей? Но тогда гдѣ же различіе между „обычаемъ“ и „обыкновеніемъ“?. Чрезъ нѣсколько строкъ Оршанскій все же убѣждаетъ читателя или себя не болѣе опредѣленными словами. „общій характеръ этого различія вполнѣ ясенъ“, и въ то же самое время онъ сознается, что „можетъ возникнуть иногда сомнѣніе относительно разграниченія обычая отъ обыкновенія“... Въ другомъ мѣстѣ (стр. 151 и 161) и эти свои объясненія онъ лишаетъ всякаго значенія, обнаруживая склонность признать за народными обычаями лишь нравственное, а не юридическое значеніе.

основаніи имѣющихся матеріаловъ. Вмѣсто того, составители, впадая въ противорѣчіе съ самымъ существомъ обычая, какъ *мѣстной* нормы права, берутъ записанные въ разныхъ мѣстахъ обычаи и даже отдѣльные единичные случаи и ставятъ соотвѣтствующіе вопросы о томъ, не наблюдались-ли такіе же обычаи или не встрѣчались-ли подобные же случаи въ данной изслѣдуемой мѣстности. Полнота программы ставится, такимъ образомъ, въ безусловную зависимость отъ имѣющагося матеріала или даже отъ степени знакомства съ нимъ составителя каждой данной программы. Отсюда, по объясненію г. Харузина,—„предполагавшееся включеніе въ составленную имъ программу вопросныхъ пунктовъ о крестьянскомъ самоуправленіи, объ обычномъ правѣ торговомъ, объ охотничьихъ обычаяхъ и болѣе подробные вопросы о товариществахъ, братствахъ и много другихъ, *за недостаткомъ матеріала*, пришлось отложить", такъ что, выходитъ, вопросы эти—столь важные—могутъ быть никогда не поставлены, если не будетъ матеріала, для собиранія котораго предназначаются самыя программы...

При такихъ условіяхъ, не заключая въ себѣ вопросовъ, которые *необходимо* ставятся существующими узаконеніями о предѣлахъ дѣйствія обычая и отъ которыхъ не только не могутъ освобождать широко научныя цѣли, но, наоборотъ, которые тѣмъ болѣе обязательны при подобныхъ цѣляхъ, такъ какъ наука должна служить жизни,—нынѣшнія „программы для собиранія свѣдѣній о народныхъ юридическихъ обычаяхъ" содержатъ въ себѣ, напримѣръ, такіе вопросы: „Не считается ли дозволительнымъ (какъ въ сектѣ федосѣевцевъ) „паденіе" даже съ родною сестрою, если нѣтъ средствъ пріобрѣсть ласки сторонней женщины? Существуетъ ли обычай молодымъ парнямъ ходить на ночь къ дѣвушкамъ? Не относятся

Попытаемся, съ своей стороны, установить различіе между обычаемъ и обыкновеніемъ. Оно можетъ быть выражено, кажется, такъ. *Обычай* есть норма права, въ извѣстномъ кругу признаваемая, какъ таковая, обязательною, дѣйствующая наряду или даже преимущественно передъ закономъ (если послѣдній прямо допускаетъ дѣйствіе обычая на данныя отношенія),—норма вполнѣ сложившаяся. *Обыкновеніе* же есть зачаточный обычай,—обычай, не получившій еще общаго признанія въ извѣстномъ кругу, не служащій обязательнымъ руководствомъ для разрѣшенія правъ и обязанностей, къ которымъ относится, не имѣющій силы закона; обыкновеніе можетъ быть впослѣдствіи обычаемъ,—но можетъ и не доразвиться до обычая, остаться въ своемъ первоначальномъ неопрдѣленномъ значеніи.

ли парни враждебно къ мужчинамъ чужихъ деревень, пришедшимъ на вечеринку, или же, допуская гостя къ играмъ, бьютъ, если онъ вздумаетъ ночевать съ дѣвушкой? Не вмѣняетъ-ли себѣ дѣвушка въ честь имѣть на посидѣлкахъ любовника? Не находятъ-ли дѣвушки, уже рождавшія, скорѣе мужа? Встрѣчаются-ли случаи сожительства свекра со снохою, и какъ смотритъ на это народъ? Считаются-ли законными дѣти, прижитыя со снохой, если кровосмѣшеніе будетъ доказано? Встрѣчается-ли, что вдова, женивши своего малолѣтняго сына на взрослой дѣвушкѣ, сама вступаетъ въ сожительство со взятымъ ею въ домъ мужчиною, причемъ рожденныя ею дѣти считаются дѣтьми ея малолѣтняго сына? Не было-ли въ старину или не существуетъ-ли теперь обычай класть гостя на ночь на одну постель съ женою, дочерью или съ родственницею хозяина, и если существуетъ, то дозволяется-ли гостю половое съ нею общеніе или же для гостя обязательно сохранять цѣломудріе? При какихъ условіяхъ обыкновенно женатые обзаводятся любовницей? Нѣтъ-ли повѣрій о томъ, какая судьба ждетъ на томъ свѣтѣ умершихъ въ безбрачіи? Какъ рисуется красота въ народныхъ пѣсняхъ? Въ какое время года болѣе всего играются свадьбы? Какія пѣсни поются для того, чтобы осрамить молодую, оказавшуюся лишенною невинности? (Необходимо записать эти пѣсни—предписывается въ примѣчаніи къ вопросу—во всей ихъ наготѣ, безъ малѣйшаго стѣсненія, не выбрасывая ни одной буквы?). Какъ поступаютъ, если молодой оказывается неспособнымъ къ брачному общенію?—(въ первую ночь, по смыслу вопроса, какъ выясняется этотъ смыслъ изъ сопоставленія приведеннаго вопроса съ предыдущими и послѣдующими). Не замѣняетъ-ли его кто нибудь? Не встрѣчалось-ли случаевъ продажи или заклада жены, отдачи на подержаніе, обмѣна? Не смотрятъ-ли мужья сквозь пальцы на грѣхи женъ, доколѣ онѣ не приносятъ въ домъ незаконнаго ребенка? Какому святому молятся о дарованіи дѣтей? Какъ вообще объясняютъ крестьяне безплодіе? Принимается-ли безплодіе жены за явный признакъ невѣрности ея мужу? Нѣтъ-ли спеціальныхъ личностей, искусство которыхъ переходитъ изъ рода въ родъ, которыя занимаются плодоизгнаніемъ? Когда въ году замѣчается большее количество рожденій? Не осталось-ли въ какихъ нибудь воспоминаніяхъ народа понятія о томъ, что отецъ властенъ въ жизни и смерти своихъ дѣтей, какъ своей плоти? Не сохранилось-ли преданій о продажѣ дѣтей или отдачѣ ихъ въ

закладъ? Не сохранилось-ли среди народа преданій о томъ времени, когда выбрасывали на произволъ судьбы стариковъ и старухъ, доживших до потери способности къ работѣ? Нѣтъ-ли разсказовъ о томъ, что и теперь въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектахъ убиваютъ стариковъ и больныхъ? Не встрѣчаются-ли среди народа, въ видѣ стародавняго обычая, случаи не только разрѣшенія мужемъ женѣ вступить въ связь съ другимъ мужчиною, но даже пріисканія мужчины для этой цѣли, съ платою ему вознагражденія или безъ платы? Сохранились-ли преданія о людоѣдствѣ? Нельзя-ли въ сужденіяхъ, взглядахъ, вѣрованіяхъ и разсказахъ народа подмѣтить убѣжденія, что убійство инородца или иновѣрца не преступно или не въ такой мѣрѣ преступно, какъ убійство своего? Считается-ли, по понятіямъ народа, плодоизгнаніе преступленіемъ или же дѣйствіемъ безразличнымъ? Извѣстно-ли у народа, хотя по преданіямъ, легендамъ и разсказамъ, выбрасываніе дѣтей на произволъ судьбы? Не считается-ли, по понятіямъ народа, дозволительнымъ совершать надъ трупомъ и надъ могилой самоубійцы какія-либо дѣйствія для позора и безславія памяти покойнаго? Существуютъ-ли какіе-нибудь признаки, по которымъ можно узнать вѣдьму? Къ какимъ превращеніямъ способна вѣдьма, и въ какихъ видахъ и образахъ она является? Находится-ли вѣдьма въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ чортомъ, и не выражаются-ли эти сношенія непосредственными плотскими сношеніями? Не продолжаетъ-ли вѣдьма своей преступной дѣятельности и послѣ смерти?)“... Не будемъ приводить примѣры изъ вопросовъ объ обычномъ правѣ инородцевъ, предѣлы котораго гораздо шире и по закону, а на дѣлѣ представляются еще болѣе широкими,—вопросовъ, не всегда ясно выдѣляемыхъ въ программахъ. Приведенные немногіе примѣры относятся исключительно къ „обычному праву“ крестьянъ...

Ясно, какую путаницу понятій о правѣ и не-правѣ, о предѣлахъ дѣйствія обычая среди крестьянъ, объ его существѣ и значеніи, о свойствахъ юридическихъ воззрѣній, нравахъ и уровнѣ нравственности народа,—должны производить подобными вопросами разсматриваемыя программы въ многочисленной неразвитой юридически средѣ собирателей свѣдѣній по нимъ,—въ средѣ учителей, священниковъ, писарей. Можно представить себѣ, что отнесено къ праву въ собран-

*) Программа Харузина.

ныхъ по нимъ матеріалахъ. Въ нихъ рисуются, безъ сомнѣнія, картины народнаго невѣжества, разврата, преступности,—словомъ, „власти тьмы“—а не обычаи, какъ дѣйствующія нормы права, выясненіе которыхъ столь необходимо,—такъ какъ ими опредѣляется въ значительной степени юридическое положеніе наибольшей массы населенія Россіи.

Значительная часть опытовъ разработки самыхъ матеріаловъ по обычному праву производитъ такое же впечатлѣніе, хотя разрабатываются до сихъ поръ еще матеріалы, собранные въ семидесятыхъ годахъ комиссіею по преобразованію волостныхъ судовъ, все же болѣе разборчивою въ опредѣленіи того, что составляетъ право и не-право,—(однако, и неразборчивою вообще въ той мѣрѣ, въ какой это было для нея обязательно)... Нѣтъ той гнусности, которую изслѣдователи, въ свою очередь, не обнаружили бы склонности отнести къ обычному праву. Нѣтъ такого безобразнаго явленія, которое, какъ бы рѣдко оно ни встрѣчалось, какъ бы ни было явно исключительно,—не подавало бы, однако, повода къ обобщеніямъ, возведенію въ систему и къ навязыванію народу въ качествѣ подлиннаго „юридическаго“ обычая. Страннѣе всего, что это соединяется именно съ пристрастіемъ къ народнымъ обычаямъ, — пристрастіемъ, находящимся въ связи съ отрицательнымъ отношеніемъ къ писаному праву и слабостію распространенія у насъ юридическихъ понятій и знаній и коренящимся частію въ безсознательно проявляющихся остаткахъ,—естественно, органически благопріятнаго обычаю—помѣщичьяго міровоззрѣнія; частію въ односторонности, позволяющей разсматривать вопросъ объ юридическихъ ообычаяхъ съ точки зрѣнія одного гражданскаго права и мѣшающей охватывать его со всѣхъ сторонъ, во всемъ его значеніи; главнымъ же образомъ, въ незнакомствѣ съ тѣми условіями, причинами и основаніями, при которыхъ обычаи получили практическое значеніе среди крестьянъ, и съ тою ролью, которую играли обычаи въ закрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ и законъ—въ ихъ освобожденіи *). Не малое вліяніе оказываетъ здѣсь—какъ это ни странно еще

*) Трудно представить себѣ, въ самомъ дѣлѣ, чтобы кто-либо сознательно обнаружилъ сочувствіе и желаніе бережнаго сохраненія и широкаго распространенія обычаевъ, которыми всецѣло опредѣлялось положеніе крѣпостныхъ крестьянъ,—обычаевъ, дѣйствіе которыхъ и на отношенія освобожденныхъ крестьянъ допущено лишь по домогательствамъ представителей помѣщичьихъ интересовъ... Во всякомъ

болѣе—и несомнѣнная любовь къ народу нашей интеллигенціи... Удивительныя недоразумѣнія съ обычнымъ правомъ, дѣйствительно, весьма ярко оттѣняютъ эту любовь, не соединяющуюся пока, къ сожалѣнію, съ яснымъ и вѣрнымъ пониманіемъ того, что нужно народу, и съ вѣрою интеллигенціи въ свое собственное призваніе, силы, знанія, науку... Идеалы нерѣдко разыскиваются слѣпымъ чувствомъ тамъ, куда они должны быть проводимы,—у народа обнаруживаютъ иногда желаніе учиться тѣ, кому нужно его учить. Когда записывается извѣстное, хотя бы то и явно безобразное, явленіе, наблюдаемое въ народѣ,—тогда дѣлается обыкновенно умозаключеніе, что, разъ оно существуетъ, то, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ быту народа, вызывается условіями его жизни,—значитъ, составляетъ его право, обычное право... —какъ будто этого совершенно достаточно для подобной квалификаціи, какъ будто любовь къ народу должна выражаться въ бережномъ отношеніи къ его невѣжеству, въ неприкосновенности его заблужденій,—какъ будто юридическое невѣжество и неустройство юридическаго быта не угнетаютъ народъ съ наибольшею силою и не требуютъ свѣта въ наибольшей степени...

На почвѣ такого отношенія къ разсматриваемымъ явленіямъ народной жизни происходятъ, поистинѣ, странныя вещи.

Такъ г. Скоробогатый передаетъ слѣдующіе примѣры въ качествѣ „обычныхъ—правовыхъ“ наказаній, примѣняемыхъ „обычными судами“. „Въ Неподовской волости (Бердичевскаго уѣзда) дѣвушекъ, которыя начали заниматься баловствомъ, ради срама, водятъ по улицамъ въ хомутѣ. Въ одномъ селѣ Сквирскаго уѣзда—Губино—одинъ крестьянинъ засталъ крестьянскую дѣвицу въ прелюбодѣяніи съ женатымъ человѣкомъ у себя въ сараѣ; онъ заперъ сарай и созвалъ хлопцевъ, которые посадили виновныхъ въ телѣгу и возили ради смѣха по улицѣ, называя ихъ новобрачными; въ жену же мужика, который попался, бросали грязью; въ заключеніе хлопцы подъѣхали къ кабаку и заставили молодого угостить ихъ водкой за то, что возили ихъ по селу“ („Устройство крестьян-

---

случаѣ, это совершенно невозможно для составителей программъ и лицъ, разрабатывающихъ матеріалы по обычному праву и касающихся вопросовъ о немъ Отдаемъ имъ справедливость они относятся съ полною доброжелательностью къ народу,—и если оказываютъ ему плохую услугу, то единственно по ошибкѣ, по совершенному недоразумѣнію ..

скихъ судовъ", ст. 35). Неправда-ли, какая юридически-поучительная картина, какъ много въ ней „обычно-правового" элемента?—Не менѣе поучительна другая картина, долженствующая также доказывать, какъ формулируетъ изслѣдователь извѣстныя явленія,—исключительное право общества на нравственный контроль надъ своими членами: „Въ Старомерчанской волости (Харьковскаго уѣзда), крестьянинъ Дергачъ заявилъ, что два года тому назадъ, невѣстка его, въ отсутствіи мужа, вошла въ любовную связь съ солдатомъ, и была однажды ночью поймана имъ въ сѣнцахъ. Тогда Дергачъ, при помощи своего племянника, привелъ солдата въ избу, связалъ ему руки назадъ тонкою бичевкою и сталъ ее затягивать и допрашивать солдата. Когда бичевка стала рѣзать руку солдата, послѣдній признался въ любовной связи съ невѣсткой. Дергачъ невѣстку свою привязалъ съ утра къ столбу, у воротъ, для общественнаго посрамленія, и продержалъ ее часа три, чтобы видѣли всѣ проѣзжающіе; затѣмъ, когда она созналась и просила прощенія, онъ отвязалъ ее и пустилъ на работу".—„Въ данномъ случаѣ,—поясняетъ г. Скоробогатый,—какъ видно, привязыванье къ столбу, въ знакъ общественнаго посрамленія, было примѣнено Дергачемъ самовольно, безъ всякаго общественнаго приговора; но что такія наказанія налагаются сельскими судами—продолжаетъ онъ съ убѣжденіемъ—объ этомъ можно заключить изъ того факта, что въ Губинецкой волости Сквирскаго уѣзда даже волостные судьи приговорили однажды вора подержать на селѣ публично покраденное въ рукахъ"... Такимъ образомъ, собственное сознаніе изслѣдователя, что рѣчь идетъ объ одномъ „фактѣ", что это случилось „однажды", не лишаетъ его смѣлости пускаться въ обобщенія о существующихъ среди крестьянъ „юридическихъ обычаяхъ"... Тотъ же авторъ (стр. 26) описываетъ слѣдующее—съ такимъ видомъ, какъ будто рѣчь идетъ объ истинномъ, непреложномъ правѣ,—обычномъ правѣ: „При заключеніи мировыхъ сдѣлокъ между тяжущимися, между обиженнымъ и обидчикомъ весьма важную роль играетъ угощеніе водкой, какъ средство склонить противника къ миру; какъ вознагражденіе судей за ихъ участіе въ разбирательствѣ дѣла и, наконецъ, какъ наказаніе провинившимся. Въ Старопетровской волости на сельскомъ судѣ пьютъ водку, какъ до суда, такъ и послѣ суда. Въ Дымеровской волости (Кіевскаго уѣзда) весьма часто случается, что купятъ ведро водки, истецъ половину и отвѣтчикъ половину,—тѣмъ дѣло и кон-

чается. Въ Тамбовской губерніи—продолжаетъ онъ со словъ г. Чепурнаго („Волостные суды въ Тамбовской губерніи")—старики послѣ разбора дѣла начинаютъ мирить; правый назначаетъ виноватому то количество вина, за которое онъ согласенъ помириться; при этомъ старики, убѣждая помириться, уговариваютъ виноватаго поставить вино, а не упрямиться; обиженный говоритъ: „ставь вино, а не то хуже будетъ, суду пожалуюсь"; виноватый, если вина много требуютъ, проситъ сбавить: „сбавьте, старички, хоть сколько-нибудь". Дѣло кончается больше на томъ, что мирятся на четверть ведра, а самое большее на полведра. Тогда староста приказываетъ сельскому писарю составить мировую, и мировую эту подписываютъ. Поставленное же вино распивается всѣми тѣми, которые мирили, т.е. стариками и старостой"... Картина эта должна изображать производство дѣлъ въ такъ называемомъ „судѣ по обычному праву",—„судѣ стариковъ со старостою". Затѣмъ, изслѣдователь весьма обстоятельно объясняетъ, что описанныя процессуальныя правила какъ бы вполнѣ соотвѣтствуютъ народному быту, что обязанность ставить вино при всѣхъ юридическихъ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ безъ участія и съ участіемъ власти, всѣми вполнѣ признается и даже, кажется, всѣхъ удовлетворяетъ, такъ что, выходитъ, и не нужно ничего, кромѣ этого якобы „обычнаго права"... „Для виноватаго это не накладно, за 1—2 рубля онъ примиряется съ обиженнымъ, а пойди онъ на волостной судъ, онъ тамъ заплатилъ бы 5—10 рублей, и нельзя поручиться, чтобы не получилъ вдвое болѣе ударовъ розогъ"... „Вино—заключаетъ онъ—ставится для скрѣпленія мира, для проведенія его посредствомъ водки въ дѣло, и каждый, подчиняющійся суду стариковъ, знаетъ, что, въ случаѣ неправоты, онъ долженъ ставить вино"... Словомъ, обязанность ставить вино составляетъ подлинный „юридическій обычай". Остается пристегнуть къ нему болѣе приличную юридическую терминологію. Это дѣлаетъ программа географическаго общества, называя спаиваніе водкою въ такихъ случаяхъ... „судебною пошлиною"... Существуетъ-ли—говорится въ ней (вопросъ 423)—обычай брать вознагражденіе или какъ бы судебную пошлину *(могарычи)* за разбирательство дѣлъ, и съ кого оно берется судьями, съ обѣихъ-ли сторонъ или съ той, въ пользу коей послѣдовало рѣшеніе"?..

Вообще, по поводу того, что съ легкимъ сердцемъ выдается за обычаи, можно сказать то же самое, что сказалъ Астыревъ предводителю Столбикову, когда послѣдній, по по-

воду злоупотребленій волостного писаря Ястребова, замѣтилъ: „Видите ли, Астыревъ, я предупреждалъ васъ, что вы входите въ новый міръ, гдѣ существуютъ свои обычаи и нравы"...—„Да, помилуйте, Павелъ Ивановичъ,—удивился Астыревъ,—какіе это обычаи... Это просто явное хищеніе". („Въ волостныхъ писаряхъ", изд. I, стр. 47)...

Хотя изученіе обычнаго права началось еще до освобожденія крестьянъ, и существующія программы для собиранія свѣдѣній о немъ стремятся уловить и мелкія мѣстныя различія въ этой области,—однако, *различія между крестьянами бывшими крѣпостными, удѣльными и государственными не имѣются ими въ виду въ той мѣрѣ, въ какой это безусловно необходимо,—крестьяне представляются по программамъ какъ однообразная масса, прошедшая одинаковый историческій путь.*

Правильной исторической перспективы не наблюдается и въ большей части опытовъ разработки народныхъ обычаевъ. *Изслѣдователи обыкновенно не поясняютъ, среди какихъ крестьянъ наблюдается данный обычай.* Между тѣмъ, отвѣты на всякаго рода вопросы объ обычномъ правѣ, объ его допустимости, распространенности, свойствахъ, силѣ, значеніи, предѣлахъ дѣйствія и послѣдствіяхъ примѣненія не могутъ получаться одинаковые для различныхъ разрядовъ сельскихъ обывателей, какъ потому, что всѣ они не могли быть и не слиты вполнѣ между собою юридически, такъ и потому, что и практически не могутъ не давать знать себя историческія особенности ихъ положенія, различное значеніе закона и обычая въ ихъ судьбахъ. *).

*) Примѣромъ могутъ служить разсужденія г. Скоробогатаго. Послѣ замѣчаній о „судѣ по обычаю" и описанія примѣровъ его дѣятельности (приведенныхъ нами выше), онъ говоритъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ вышеизложенныя формы мѣстныхъ обычныхъ судовъ не явились вдругъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (какъ будто существовали одни только помѣщичьи крестьяне, и онъ говорилъ единственно о нихъ), что въ нихъ (обычныхъ судахъ) нужно видѣть остатки прежней общинной автономности, остатки, сохранившіеся, несмотря на многовѣковое угнетеніе крестьянскихъ общинъ властію помѣщиковъ, несмотря на усиленное стремленіе къ централизаціи, характеризующее послѣ-петровскую эпоху нашей государственной жизни. *Имѣя глубокое историческое основаніе, сельскіе суды удовлетворяютъ и настоящимъ потребностямъ крестьянскаго быта.*—Итакъ, „обычные суды"—именно остатки „общинной автономности", воспоминанія о порядкахъ, существовавшихъ еще во время крестьянской свободы; почти пятисотлѣтнее угнетеніе помѣщичьею

Государственные крестьяне всегда жили свободною, самостоятельною жизнью, всегда находились до извѣстной степени подъ охраною закона, и тридцать пять лѣтъ, въ продолженіи дѣйствія киселевскихъ учрежденій, пользовались даже его исключительнымъ вниманіемъ; крестьяне крѣпостные чуть не половину тысячелѣтія находились внѣ закона, всецѣло подъ дѣйствіемъ произвола и обычая; крестьяне удѣльные занимали среднее положеніе между крѣпостными и государственными; извѣстныя особенности отличали, наконецъ, другіе разряды сельскихъ обывателей. Обозначены нынѣ всѣ эти разряды двумя словами, какъ разрядъ однообразный: „крестьяне собственники“. Но слова эти не могли получить, и не получили, одинаковаго во всѣхъ случаяхъ смысла. „Крестьяниномъ-собственникомъ“ называется и бывшій крѣпостной крестьянинъ, выплачивающій выкупные платежи, и тотъ же крестьянинъ, окончательно выкупившій свой земельный надѣлъ, отдѣльно или въ составѣ своего сельскаго общества; и крестьянинъ бывшій прежде удѣльнымъ, и колонистъ, и бывшій государственный девяти западныхъ губерній, выкупающій землю по началамъ положенія о выкупѣ 19 февраля 1861 г.; и тотъ же государственный крестьянинъ прочихъ губерній,—какъ получившій владѣнную запись по правиламъ 31 марта 1861 г., такъ поступившій на выкупъ по правиламъ 12 іюня 1886 г.,

---

властью не только само не привело къ созданію своеобразныхъ обычаевъ, но даже и не измѣнило обычаи стародавніе. Мыслимо-ли это, однако? Можно-ли упускать изъ вида, что до закрѣпощенія крестьянъ и судъ и управленіе были *общими* для крестьянъ, какъ и прочихъ классовъ русскаго населенія; что судъ отправлялся представителями государственной власти, которые не могли и въ самую раннюю эпоху руководствоваться единственно произволомъ и усмотрѣніемъ, но дѣйствовали согласно съ общими существовавшими въ то время законами; что до извѣстной степени „обычный судъ“ возникалъ лишь тамъ, гдѣ землевладѣлецъ получалъ право суда и расправы надъ поселенными на его землѣ лицами, или гдѣ общины получали „несудимыя“ —освобождающія отъ суда княжескихъ чиновниковъ—грамоты, причемъ, однако, во всѣхъ случаяхъ опредѣлялись предѣлы создавшагося, такимъ образомъ, „обычнаго суда“,—и въ области матеріальнаго права судъ этотъ, всетаки, руководствовался общими законами; что вполнѣ *обычный судъ*, судъ, не стѣсненный никакими правилами ни формальнаго, ни матеріальнаго свойства,—судъ, самъ себѣ предписывавшій и предѣлы, и порядокъ дѣйствій, и основанія для рѣшеній и приговоровъ,—явился для крѣпостныхъ крестьянъ именно въ лицѣ помѣщиковъ и дѣйствовалъ непрерывно вплоть до освобожденія, ограниченный, и то на бумагѣ, а не на дѣлѣ, лишь закономъ 1846 г., за пятнадцать лѣтъ до освобожденія (см. выше, отдѣленіе первое, глава

такъ и окончательно выкупившій свой надѣлъ, и пр. *) Оттого, въ самомъ законѣ, создавшемъ это смѣшеніе, послѣ словъ „крестьянинъ-собственникъ“ обыкновенно всегда ставится въ скобкахъ (по явной въ томъ необходимости): „бывшій крѣпостной“, „бывшій государственный“, „бывшій колонистъ“ и пр. Являясь не однозначущими и съ такими добавленіями, слова эти требуютъ новыхъ поясненій, обнаруживающихъ, что рѣчь идетъ о различныхъ мірахъ, которые могутъ быть нивелированы инымъ путемъ. Мало еще тридцати лѣтъ жизни при одинаковыхъ въ основныхъ чертахъ юридическихъ условіяхъ. Нынѣ особенности положенія бывшихъ государственныхъ и бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ и поражаютъ еще непосредственно, при первомъ взглядѣ, прямо бросаются въ глаза. Это можетъ засвидѣтельствовать каждый статистикъ-изслѣдователь, и это нельзя не имѣть всегда и во всемъ въ виду.

Любопытное свидѣтельство въ этомъ отношеніи составляютъ слова г. Иванова, въ статьѣ „Современная дѣревня“, напечатанной въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ за 1893 г.... „Враждебными „мірами“—говоритъ авторъ—были помѣщичьи и государственные крестьяне. Вѣчная ссора, насмѣшки, ругань —сопровождали ихъ отношенія. Общенія почти не было. По развитію, взглядамъ, особенностямъ, по своимъ бытовымъ и экономическимъ устоямъ, они *отличались не менѣе, чѣмъ представители разныхъ національностей.* „Вольные“ смотрѣли на „панскихъ“, какъ на людей дикихъ, оголенныхъ, поголовныхъ воровъ и грабителей. Истощенные многодневной „панщиной“, крѣпостные, дѣйствительно, совершали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлые набѣги на вольные хутора, опустошали ихъ бакши, огороды, воровали въ полѣ, изъ хатъ, на базарахъ, изъ лавокъ государственныхъ крестьянъ. Хвастаясь своими подвигами, они имѣли сильную защиту со стороны своего „пана“,—хотя и жестоко преслѣдовавшаго воровство дома. „Рогы“, какъ дразнили вольные панскихъ за ихъ привычку

Ш); что, наконецъ, вліяніе именно этого суда и должно было скорѣй всего сохраниться въ различныхъ формахъ; что, напримѣръ, осрамительныя наказанія описывающихся „обычныхъ судовъ“, дѣйствительно, и были распространены именно въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, не получивъ развитія въ общихъ судахъ?...

*) Въ статьѣ „Бывшіе свободные хлѣбопашцы“, напечатанной въ №№ 11 и 12 „Жизни„ и вошедшей въ нашу книгу „Очерки крестьянской общественной жизни“ мы указали на существованіе особаго разряда „крестьянъ-собственниковъ“,—собственниковъ въ болѣе полномъ и точномъ смыслѣ этого слова.

нюхать изъ рожка свой домашній курительный табакъ, перетертый съ золою, находились въ постоянной враждѣ съ „люльками“, какъ обмѣнивались панскіе съ вольными „куріями“. Теперь вражда уничтожилась и завязались добрыя отношенія. Сглаживаются пріемы, обычаи, замѣчается во всемъ полное тождество. Обнаруживается явное подражаніе государственнымъ крестьянамъ, играющимъ вообще роль просвѣтителей“... Изслѣдователь имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, этнографическое различіе между бывшими государственными крестьянами и бывшими помѣщичьими и этнографическое вліяніе, производимое первыми на вторыхъ. Въ еще большемъ смыслѣ должны были государственные крестьяне играть роль просвѣтителей относительно бывшихъ помѣщичьихъ въ отношеніи юридическаго міросозерцанія, понятій о власти, отношенія къ ней, сознанія собственнаго достоинства, правъ и обязанностей, и защиты своихъ интересовъ,—какъ жившіе подъ дѣйствіемъ закона, а не внѣ его, и какъ несравненно болѣе юридически развитые. *) Юридическій бытъ государственныхъ крестьянъ устроенъ нынѣ по образцу, созданному для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ,—первые переведены въ положеніе послѣднихъ. Но какъ въ бытѣ вообще бывшихъ крѣпостныхъ кре-

---

*) Въ высшей степени любопытное свидѣтельство приводитъ Александръ Чеховъ въ № 6448 „Новаго Времени“. Оказывается, что въ колоніи душевно-больныхъ, въ которой ему пришлось быть, больные очень любятъ цѣловать руки и кланяться въ ноги врачамъ и посѣтителямъ „Сначала меня это очень смущало—говоритъ онъ—но вскорѣ я привыкъ къ этому. *Поцѣлуи эти и поклоны объясняются остатками крѣпостного права.* Есть больные изъ деревень, гдѣ не было крѣпостничества. Эти не кланяются и не цѣлуютъ рукъ никому“.—О крестьянахъ Оленецкой губерніи (бывшихъ государственныхъ) Приклонскій („Народная жизнь на Сѣверѣ“, стр. 237) замѣчаетъ: „Сознаніе личнаго человѣческаго равенства до такой степени сильно развито въ Олонецкой губерніи, что въ деревняхъ крестьянинъ, встрѣчаясь со становымъ или исправникомъ, непремѣнно жметъ имъ руку. Мнѣ лично—говоритъ авторъ—приходилось видѣть, что крестьяне протягивали руку губернатору, и были очень сконфужены, не встрѣчая съ его стороны желанія отвѣчать рукопожатіемъ. Даже городская лакейская муштра съ трудомъ отучаетъ домашнюю прислугу изъ крестьянъ отъ равнаго обращенія съ лицами высшихъ городскихъ классовъ. Напримѣръ, въ Петрозаводскѣ у меня нѣсколько лѣтъ жила, въ качествѣ домашней прислуги, старушка крестьянка, которая каждому приходящему ко мнѣ гостю подавала руку и вступала въ разговоръ. Я жилъ съ нею постоянно въ добрыхъ отношеніяхъ, но въ то же время она была недовольна мною, жалуясь, что я мало разговариваю съ нею и ей скучно.

стьянъ должны сохраняться въ видѣ „пережитковъ“ (survivals)) слѣды недавняго прошлаго,—*обычаи* крѣпостныхъ отношеній, такъ въ бытѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, въ видѣ тѣхъ же „переживаній“, должно наблюдаться примѣненіе *законовъ* отмѣненныхъ, утратившихъ свою силу.

При изслѣдованіи юридическихъ обычаевъ народа, нужно было, очевидно, постоянно имѣть въ виду различныя условія прежняго юридическаго быта бывшихъ крѣпостныхъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Должно было быть при этомъ также безусловно принимаемо во вниманіе *устройство юридическаго быта, данное освобожденнымъ крестьянамъ.* Оно, не обезпечивъ новаго юридическаго положенія бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ и будучи примѣнено, затѣмъ, къ прочимъ сельскимъ обывателямъ, поколебало ихъ юридическое положеніе. Это же не могло, въ свою очередь, не сказываться въ обычаяхъ, допущенныхъ, частію прямо, частію косвенно (неясностію, кракостію, недостаточностію и неопредѣленностію положеній 19 февраля 1861 г.) и дѣйствующихъ на совершенно различной почвѣ. Бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ нужно было создавать нормы права,—выйдя изъ безправнаго положенія и не имѣя въ прошломъ никакихъ правильныхъ образцовъ, ничего поучительнаго (въ прошломъ, конечно, не XI—XIII столѣтій, которое окончательно позабыто и въ которомъ также не было и не могло быть ничего хорошаго). Бывшимъ государственнымъ крестьянамъ также стало необходимо создавать самимъ нормы права или подчиняться тѣмъ „нормамъ“, которыя создаются ихъ ближайшимъ начальствомъ,—но выйдя уже изъ положенія вполнѣ юридически твердаго и опредѣленнаго. Юридическіе обычаи, нормы права, не такъ легко создавать, и не все то, что происходитъ въ крестьянской средѣ, имѣетъ значеніе юридическихъ обычаевъ. Право—понятіе опредѣленное, и именно *правомъ должно опредѣляться положеніе низшихъ, какъ и высшихъ разрядовъ населенія въ современномъ государствѣ.*

---

*) Выраженіе это—survivals—мы нашли на книгѣ „Primitive Manners and Customs“ by james Farrer. London, 1879 г. Нельзя не выразить, кстати, сожалѣнія, что эта книга—весьма популярная по своему содержанію,—остается до сихъ поръ непереведенною на русскій языкъ, —въ то время какъ у насъ обнаруживается большой интересъ къ антропологіи, и извѣстное сочиненіе Тэйлора, напримѣръ, имѣется въ нѣсколькихъ переводахъ.

Государство это можетъ быть и полицейскимъ, но всегда должно быть, прежде всего, *юридическимъ*. Оно должно безусловно *давать твердое положеніе всѣмъ гражданамъ, обезпечивать твердое примѣненіе всѣмъ дѣйствующимъ въ немъ положеніямъ права, охранять права личности отъ всякихъ на нихъ посягательствъ, устранять не-право и предоставлять грждданамъ всѣ средства и полную возможность разрѣшать вопросы о правахъ и обязанностяхъ не иначе, какъ по началамъ правды и справедливости, указываемымъ наукою,—и для того стремиться проводить эти начала въ возможной полнотѣ въ свое законодательство.* Какое иное значеніе, въ самомъ дѣлѣ, могутъ имѣть всякія иныя полицейскія цѣли, если не достигнуты настоящія, строго-юридическія? И—могутъ ли даже быть разрѣшены иныя задачи государствомъ, которое не достигло цѣлей перечисленныхъ?

Въ виду же всего этого, мы можемъ поставить теперь для подробнаго разсмотрѣнія, какъ самые существенные, вопросы: *На какія именно отношенія крестьянъ можетъ дѣйствовать у насъ обычай,—и каковы должны быть условія его юридическаго значенія?* Далѣе и въ виду этого, въ центрѣ всякихъ предположеній объ устройствѣ сельскаго быта должна быть *личность* крестьянина, какъ требующая безусловнаго обезпеченія своихъ правъ. *Отъ положенія личности зависятъ ближайшимъ образомъ всѣ прочія стороны общаго положенія сельскихъ обывателей. Какое вліяніе—весьма существенно, поэтому, выяснить—оказываютъ на личность крестьянина обычаи, дѣйствіе которыхъ допущено?* Другими словами, *каково юридическое положеніе крестьянъ, и чѣмъ должно оно опредѣляться, закономъ или обычаемъ, въ существеннѣйшихъ* интересахъ личности? *).

---

*) Съ этими вопросами долженъ неизбѣжно встрѣтиться совершенно необходимый полный пересмотръ законовъ о крестьянахъ и проектированіе новыхъ постановленій. Можно сказать даже, что успѣхъ работъ возможенъ лишь при ясномъ и твердомъ разрѣшеніи этихъ вопросовъ въ ихъ общемъ принципіальномъ значеніи и въ различныхъ частныхъ отношеніяхъ. Отъ того или иного разрѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ самое направленіе работъ. (Не сомнѣваемся, какъ должны быть разрѣшены эти вопросы при сколько нибудь внимательномъ ихъ разсмотрѣніи,—и не предрѣшая заключенія теперь, дойдемъ до него систематически, послѣдовательно.)

Разсмотримъ эти вопросы систематически,—по отдѣламъ права: государственнаго, полицейскаго, финансоваго, гражданскаго, уголовнаго, процессуальнаго. *)

II. Обычное государственное право.

Въ какой разрядъ населенія должны были войти помѣщичьи крестьне по освобожденіи ихъ 19 февраля 1861 г.? Безъ сомнѣнія, въ разрядъ свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ назывались крестьяне государственные. Освобожденные крестьяне должны были получить личныя и общественныя права послѣднихъ. Въ этомъ должно было состоять *существо* предпринимавшейся реформы. Нельзя было представить его себѣ иначе теоретически.

Но—здѣсь выступаетъ во всемъ своемъ—еще не оцѣненномъ—значеніи „особенность русскаго освобожденія крестьянъ“...**) „Ни одинъ изъ способовъ, употребленныхъ въ Европѣ при измѣненіи быта крестьянъ, не можетъ быть принятъ въ Россіи—говорилъ главный дѣятель освобожденія, первый предсѣдатель редакціонныхъ комиссій, Я. И. Ростовцевъ („Извлеченія“ изъ его всеподданнѣйшихъ писемъ: „Второе изданіе Матеріаловъ ред. комиссій“, томъ I, кн. 1-я, 224).—Тамъ—пояснялъ онъ—заботились не объ освобожденіи крестьянъ, а о надѣленіи ихъ поземельною собственностью. Россіи же принадлежатъ къ разрѣшенію двѣ задачи: первая—собственно освобожденіе; вторая—надѣленіе крестьянъ землею“. Что разумѣетъ Ростовцевъ здѣсь подъ словомъ „освобожденіе“ собственно по отношенію къ Россіи,—какое содержаніе придаетъ онъ задачѣ освобожденія въ Россіи, въ отличіе отъ Западной Европы? Очевидно: устройство освобождаемыхъ крестьянъ на особыхъ основаніяхъ, созданіе для нихъ особаго состоянія, особыхъ законовъ, установленій, по-

---

*) Мы будемъ приводить здѣсь данныя, указанныя уже изслѣдователями въ качествѣ „юридическихъ обычаевъ“,—данныя, такъ сказать, получившія оцѣнку, признаніе .

**) Есть авторъ, кичащійся „особенностью русскаго освобожденія крестьянъ“, усматривающій „преимущества“ въ способахъ русскаго освобожденія и, кстати, полагающій, что съ землею крестьяне освобождены только въ Россіи .. Это покойный Юзовъ—Каблицъ. (См. второе изданіе его книги—„Основы народничества“, приложеніе „Преимущества русскаго освобожденія крестьянъ“).

рядка управленія. Такую задачу онъ предлагалъ Россіи. И это было, дѣйствительно, нѣчто отличное отъ задачи, разрѣшенной Западной Европой, когда она освобождала крѣпостное сельское населеніе. Европа поступила проще и полнѣе осуществила освобожденіе. Тамъ озаботились надѣленіемъ крестьянъ землею,—но на болѣе легкихъ условіяхъ и съ совершеннымъ отдѣленіемъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, съ полнымъ устраненіемъ той связи, которая существовала до тѣхъ поръ между тѣми и другими, съ введеніемъ крестьянъ въ общій составъ гражданъ, съ распространеніемъ на нихъ общихъ законовъ, правъ, обязанностей, учрежденій *). У насъ же предположено было,—въ виду надѣленія крестьянъ землею не въ собственность, а въ постоянное пользованіе (такъ какъ выкупъ не былъ сдѣланъ обязательнымъ съ самаго начала),—создать для крестьянъ, по условіямъ такого надѣленія землею, наоборотъ, *особое состояніе*, съ исключительными законами, съ особымъ порядкомъ управленія, съ естественнымъ сохраненіемъ нѣкоторыхъ чертъ ихъ прежняго состоянія, безъ полнаго порванія цѣпи, связывавшей ихъ съ помѣщиками. Въ извѣстной запискѣ Н. П. Семенова о ходѣ работъ и главныхъ заключеніяхъ, къ которымъ пришли редакціонныя комиссіи, сущность осуществившихся предположеній Ростовцева очень точно выражена была такъ: „Покойный предсѣдатель полагалъ,—говорилъ П. Семеновъ (П. Семеновъ—„Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“, томъ III, часть 1-я, 497)—что *сущность крестьянскаго вопроса состоитъ не только въ опредѣленіи личныхъ правъ будущаго свободнаго сельскаго состоянія, но, главнымъ образомъ, въ опредѣленіи имущественныхъ поземельныхъ отношеній къ помѣщикамъ крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, такъ какъ эти классы связаны между собою на все переходное время землею, на которую помѣщики имѣютъ право собственности, а крестьяне — право пользованія*“.

Это соотвѣтствовало и желаніямъ помѣщиковъ. Обязательный для крестьянъ пріемъ земли былъ для нихъ необходимъ въ нечерноземной да отчасти и въ черноземной полосѣ Россіи. Вопросъ сводился только къ возможно выгоднымъ для нихъ экономическимъ условіямъ, на которыхъ должна

*) „Матерьялы“, изд. I, часть XI, приложенія.—„Освобожденіе крестьянъ на Западѣ“, изд. Водовозовой

была быть уступлена земля, и—къ обезпеченію самыхъ этихъ условій, къ созданію всевозможныхъ юридическихъ гарантій исправности крестьянъ,—а слѣдовательно, къ созданію для освобожденныхъ совершенно особаго состоянія, ибо переводъ крестьянъ въ положеніе государственныхъ, а тѣмъ болѣе распространеніе на ихъ общихъ законовъ, какъ ни были они несовершенны,—не соотвѣтствовали интересамъ ихъ бывшихъ господъ.

Предположенное для крестьянъ состояніе и было, дѣйствительно, особое, своеобразное, исключительное, не напоминавшее не только состояніе западно-европейскаго крестьянина, но и русскаго свободнаго всегда крестьянина,—государственнаго. Это было именно „срочно-обязанное состояніе".

Что же это должно было быть за особое состояніе? Совершенно сообразно съ общими желаніями и предложеніями губернскихъ комитетовъ, оно было охарактеризовано минскимъ губернскимъ комитетомъ такъ: „срочно-обязанное положеніе есть временное, переходное; прекращеніе крѣпостного права не задерживающее, а только *ограничивающее права крестьянъ, какъ свободныхъ сельскихъ обывателей*" („Матеріалы редакціонныхъ комиссій для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости", томъ I, книга 2, изд. 2, стр. 359). Такимъ же образомъ, комитеты вятскій, полтавскій, новгородскій и воронежскій выражали „убѣжденіе, что пользованіе помѣщичьими крестьянами вновь даруемыми имъ правами *должно быть въ теченіе нѣкотораго времени обусловлено юридическимъ отношеніемъ ихъ къ землевладѣльцамъ, и, посему, всѣ права не могутъ быть предоставлены имъ съ самаго начала*"... („Матеріалы", т. II, кн. 1, изд. 2, стр. 21).

На основаніи этихъ и иныхъ не менѣе откровенныхъ предложеній, и было создано для освобожденныхъ крестьянъ именно „срочно-обязанное состояніе". Они должны были и называться, впредь до выкупа помѣщичьихъ земель въ собственность,—„временно-обязанными крестьянами"... съ нѣкоторыми ограниченіями въ правахъ и съ сохраненіемъ въ разныхъ отношеніяхъ зависимости отъ помѣщика. Отсюда же понятно, что, и по освобожденіи, для помѣщичьихъ крестьянъ должны были еще сохранить свое значеніе нѣкоторыя черты крѣпостныхъ отношеній.

Общую и весьма благопріятную почву для сохраненія, и по освобожденіи, нѣкоторыхъ чертъ прежняго положенія кре-

стьянъ составило и то, что, какъ мы уже указывали (отд. II, гл. 1-я), согласно съ предположеніями самихъ редакціонныхъ комиссій, усматривавшихъ „главную“ свою задачу въ опредѣленіи поземельныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, и по домогательствамъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ,— съ одной стороны, въ окончательно составленныхъ положеніяхъ объ освобождавшихся крестьянахъ не были точно перечислены права свободныхъ сельскихъ обывателей, на нихъ переходившія, хотя бы въ установлявшейся постепенности; съ другой же стороны, въ нихъ не были отмѣчены прямо и точно и тѣ права помѣщиковъ, которыя именно отмѣнялись съ освобожденіемъ. Постановлено было лишь вообще, что на освобожденныхъ крестьянъ переходятъ „права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, такъ и по имуществу“, и что „крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и на дворовыхъ людей— отмѣнено навсегда“. Могло ли, однако, одно принципіальное установленіе за освобожденными крестьянами правъ государственныхъ крестьянъ обезпечить эти права, въ особенности на время „срочно-обязаннаго состоянія“, которое не только уже принципіально, въ общемъ, установленномъ за нимъ, смыслѣ минскимъ губернскимъ комитетомъ, но и въ силу цѣлаго ряда прамыхъ, частныхъ постановленій и правилъ, было до извѣстной степени *противоположно* состоянію свободныхъ сельскихъ обывателей и во всякомъ случаѣ далеко не совпадало съ нимъ? Очевидно, нѣтъ.

Но если съ этой наиболѣе существенной стороны личныя и общественныя права освобожденныхъ крестьянъ не были обезпечены надлежащимъ образомъ, то, быть можетъ, необходимое обезпеченіе давали зато этимъ правамъ судъ и управленіе, образовавшіеся среди освобожденныхъ крестьянъ, и учрежденія, создававшіяся для завѣдыванія ихъ дѣлами? Но— сюда-то, главнымъ образомъ, и были направлены реакціонныя стремленія, дѣйствовавшія всѣми возможными способами при составленіи положеній для освобожденныхъ крестьянъ. Ни значительнаго прямого ограниченія правъ свободныхъ сельскихъ обывателей для освобожденныхъ крестьянъ, ни оставленія въ желаемой долѣ за помѣщиками ихъ прежнихъ правъ— не могло состояться. Существо предпринятой реформы не допускало, все-же, ни того, ни другого. Лицамъ, интересамъ которыхъ было противно освобожденіе крестьянъ, оставалось, поэтому, воспользоваться косвеннымъ путемъ для дальнѣйшаго

достиженія своихъ реакціонныхъ цѣлей,—имъ оставалось именно добиваться такого устройства управленія и суда для освобожденныхъ крестьянъ, которое лишало-бы въ возможной степени *обезпеченія* тѣ права свободныхъ сельскихъ обывателей, которыя въ принципѣ признавались и не могли не признаваться за этими крестьянами. И нужно сказать, что реакціонныя стремленія, проводившіяся въ то время весьма послѣдовательно, были въ этомъ отношеніи *особенно успѣшны*, и ими объясняется весьма много неблагопріятныхъ сторонъ въ нынѣшнемъ положеніи крестьянъ.

Прежде всего, рѣшительно устранено было распространеніе на освобожденныхъ крестьянъ общественнаго устройства, дѣйствовавшаго тогда среди крестьянъ государственныхъ. Устройство это не могло соотвѣтствовать „срочно-обязанному“ состоянію освобожденныхъ крестьянъ—такъ какъ это было устройство, созданное для крестьянъ вполнѣ свободныхъ и предназначенное для дѣйствительной охраны ихъ правъ. Для крестьянъ освобожденныхъ подлежало проектированію новое общественное устройство съ соотвѣтственными особенностями, такъ какъ они, на время „срочно-обязаннаго состоянія“, не дѣлались еще вполнѣ свободными, и дѣйствительно ограждать ихъ права—не соотвѣтствовало самому существу переходнаго состоянія. Затѣмъ, главою IX программы для занятій губернскихъ комитетовъ въ первоначальномъ видѣ, когда окончательная цѣль реформы не была выяснена вполнѣ, для помѣщика предполагалось званіе „начальника общества срочно-обязанныхъ крестьянъ“, и – губернскіе комитеты съ большимъ усердіемъ развили это понятіе... „Крестьяне состоятъ въ полномъ повиновеніи у начальника общества; онъ наблюдаетъ за ихъ поведеніемъ“,—предлагали комитеты; помѣщикъ или начальникъ общества имѣетъ право наказывать крестьянъ по собственному усмотрѣнію розгами до 20 ударовъ, арестомъ до 3 дней или штрафомъ до 3 р.; ему предоставляется представлять порочныхъ и провинившихся крестьянъ въ распоряженіе правительства для ссылки въ Сибирь; по дѣламъ благоустройства и благосостоянія крестьянъ, въ случаяхъ „непониманія“ крестьянами пользы какого-либо учрежденія, онъ можетъ распоряжаться самъ, безъ согласія общества; сельская управа и мірской староста состоятъ подъ руководствомъ, надзоромъ и повѣркою начальника общества или помѣщика; ему подчиняются всѣ вообще должностныя лица крестьянскаго общественнаго управленія;—въ случаѣ же „превратныхъ дѣйствій“ ихъ

или явной неспособности, помѣщикъ удаляетъ ихъ самъ, безъ согласія общества; онъ утверждаетъ и всѣ приговоры мірского схода и сельской управы; онъ же даетъ разрѣшеніе на созывъ мірскихъ сходовъ; затѣмъ вообще начальнику общества или помѣщику присвоивается власть судебная, полицейская и пр.; съ тѣмъ вмѣстѣ—предлагалось тогда—все это присвоивается и предоставляется помѣщику съ правомъ передачи, на основаніи довѣренности, другимъ лицамъ... („Матеріалы", томъ II, кн. 2, изд. 2, стр. 279 и другія). При этомъ же помѣщикъ въ званіи „начальника общества" не долженъ былъ превратиться во власть, поставленную въ строгіе предѣлы закона, обставленную публичными формами, подчиненную надзору. Нѣтъ, онъ долженъ былъ сохранить вполнѣ свой *обычный*, патріархальный характеръ... Въ то время и коллегіальныя, и единоличныя установленія, долженствовавшія завѣдывать приведеніемъ новыхъ положеній въ исполненіе, дѣйствительнымъ возложеніемъ на освобожденныхъ крестьянъ ихъ новыхъ правъ, устройствомъ ихъ на новыхъ началахъ,—предлагалось составить единственно изъ представителей мѣстныхъ помѣщиковъ. Затѣмъ, и всѣ эти установленія не должны были быть оставлены публичнымн формами и законностію, а должны были сохранять свой *обычный*, патріархальный характеръ, принадлежавшій дворянскому обществу. Въ этомъ смыслѣ весьма тщательно оберегалась ихъ независимость.

Стремленіе ограничить косвенно, на время срочно-обязаннаго состоянія, права освобожденныхъ крестьянъ, устроивъ на особыхъ, отчасти прежнихъ, дореформенныхъ началахъ ихъ управленіе, сказалось въ *типическомъ* предложеніи петербургскаго дворянскаго комитета, какъ оно излагается юридическимъ отдѣленіемъ редакціонныхъ комиссій („Матеріалы", т. II, кн. I, изд. 2, стр. 115). „Оставляя,—разсуждалъ названный комитетъ,—за помѣщиками право наблюденія надъ судомъ и расправою въ крестьянскихъ обществахъ, представляется возможность, безъ отступленія отъ общихъ нынѣ существующихъ административныхъ началъ, устроить внутреннее крестьянское управленіе *совершенно просто*, положивъ въ основаніе онаго не только законъ письменный, но и *мѣстные обычаи*.—Удержаніе на первое время *нынѣ существующихъ мѣстныхъ обычаевъ*,—обстоятельно добавлялъ комитетъ,—вполнѣ необходимо". Но въ такомъ неопредѣленномъ, идиллическомъ положеніи дѣло не могло оставаться слишкомъ долго, и—комитетъ пояснялъ: „приведеніе же обычаевъ въ

извѣстность и правильную опредѣленность будетъ дѣломъ будущаго"... Такимъ же образомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, составъ крестьянскаго схода долженъ былъ вообще опредѣляться „существующимъ мѣстнымъ обычаемъ" („Матеріалы", ч. XII, изд. I, 50). При этомъ, между прочимъ, 36 членовъ второго приглашенія полагали, что „если допустить на сельскіе сходы по одному крестьянину отъ каждаго двора, то лучшіе домохозяева, на которыхъ падаетъ самая большая доля повинностей, не будутъ имѣть достаточнаго вліянія на рѣшеніе дѣлъ, и, такимъ образомъ, всѣ приговоры сходовъ перейдутъ во власть людей однотяглыхъ, людей, большей частію, бѣдныхъ, охотниковъ до передѣла полей и противниковъ всякой денежной раскладки на предметы общественныхъ надобностей". 36 членовъ второго приглашенія полагали также, что судъ, учрежденный для разбора маловажныхъ дѣлъ, будетъ разрѣшать ихъ—„на основаніи обычнаго права" (тамъ же, 106). Какого? Того, конечно, „права", которое существовало при крѣпостной зависимости, ибо иного не было).

Нынѣ существующіе мѣстные обычаи имѣлись въ виду во всѣхъ частныхъ предположеніяхъ о сословныхъ правахъ освобожденныхъ крестьянъ, прямо или косвенно. Такъ, по предположеніямъ ярославскаго комитета, право выхода освобожденныхъ крестьянъ въ другія сословія дозволено „не иначе, какъ съ согласія общества и помѣщика, притомъ сообразно съ существующими на сей предметъ узаконеніями и—обстоятельно добавлялось тутъ (т. II, кн. I, изд. 2, 149)—мѣстными обычаями" (хотя эти „мѣстные обычаи", существовавшіе при крѣпостной зависимости, состояли въ томъ, что помѣщикъ старался какъ можно больше взять съ крестьянина, выходящаго въ другое сословіе, а послѣдній—какъ можно меньше дать, и происходилъ постыдный торгъ)).

---

*) Для характеристики авторовъ этого и многихъ другихъ предложеній 36 ти членовъ второго приглашенія, нужно замѣтить, что, по собственному признанію редакціонныхъ комиссій, они отличались наибольшою рѣзкостью сужденій о дѣйствіяхъ коммиссій и наиболѣе страстною оппозиціею, идя „даже далѣе тѣхъ губернскихъ комитетовъ, которые представляли" („Матеріалы", ч. XII, изд. I, 13)

**) Заблоцкій-Десятовскій такъ описываетъ обычаи, существовавшіе по этому предмету при крѣпостной зависимости („Гр. Киселевъ", т. IV, 289): „Крестьянину, желающему выйти изъ состоянія крѣпостной зависимости, помѣщикъ назначаетъ цѣну возможно высшую, произвольную, зависящую отъ многихъ обстоятельствъ Откупающійся

При всемъ этомъ, возможность всяческой „простоты“ въ устройствѣ управленія освобожденныхъ крестьянъ, хотя на первое время,—облегчалась перспективой изданія особаго сельскаго устава. Уставъ подлежитъ изданію впослѣдствіи,—подлежитъ непремѣнно. Онъ необходимъ безусловно и „не можетъ не быть изданъ“... („Матерьялы“, ч. V, изд. I-е, стр. 43). Въ сельскомъ уставѣ будутъ уже изложены точно и ясно всѣ права и обязанности крестьянъ. Это была общая мысль. Никто противъ нея не возражалъ. Всѣ принимали ее, какъ нѣкоторымъ образомъ счастливый выходъ изъ затрудненія на первое время. „Вполнѣ достаточно ограничиться опредѣленіемъ лишь въ общихъ чертахъ предѣловъ власти главнѣйшихъ изъ сельскихъ должностей,—предлагали члены губернскихъ комитетовъ (ч. XII, изд. I, 90).—Установленіе же подробныхъ по сему узаконеній можетъ, съ явною пользою — (якобы)—для крестьянъ, быть оставлено до изданія сельскаго устава“...

Зачѣмъ было заниматься точнымъ и подробнымъ опредѣленіемъ закономъ правъ и обязанностей крестьянъ при самомъ освобожденіи? Зачѣмъ было разомъ, ясно и твердо опредѣлять на новыхъ началахъ положеніе крестьянъ?—разсуждали помѣщики, приплетая сюда еще и „пользу для крестьянъ“... Казалось бы, однако, что это было явно необходимо съ точки зрѣнія интересовъ крестьянъ... Тѣмъ не менѣе, и редакціонныя комиссіи нашли возможнымъ отказаться отъ этого, отложить подобную задачу до неопредѣленнаго будущаго, которое такъ и не настало...

начинаетъ торговаться съ бариномъ, и переговоры идутъ иногда довольно долго, съ разными дипломатическими утонченностями. Крестьянинъ старается вывѣдать, когда барину нужны деньги; помѣщикъ стѣсняетъ мужика въ то время, когда ему наиболѣе нужна свобода для его оборотовъ. Отсюда всякаго рода ухищренія. Кончается по большей части тѣмъ, что мужикъ откупается, но величина суммы зависитъ отъ искусства обѣихъ сторонъ —Брать такимъ образомъ даромъ, вслѣдствіе какого-то нелѣпаго права, деньги, накопленныя нерѣдко кровавымъ трудомъ,—замѣчаетъ изслѣдователь,—никакъ не почитается за стыдъ между помѣщиками... Таковы понятія ихъ о справедливости, о правѣ. Они, напротивъ, хвастаются, когда удается имъ сорвать большую сумму съ крестьянина, какъ хвастается барышникъ, успѣвшій продать хорошо лошадь. „У меня былъ богатый крестьянинъ, говорилъ М. Онъ захотѣлъ откупиться. Мы поторговались и сошлись на 16 тысячахъ. Но мужикъ, каналья, порехитрилъ меня: онъ оказался послѣ при 200 тыс. руб. Я могъ бы взять съ него тысячъ пятьдесятъ. Вотъ сестра моя была умнѣе. Она не иначе от-

Редакціонныя комиссіи сами признавали, что „мѣстные обычаи“, если и существуютъ, то лишь „въ большей части оброчныхъ имѣній“ (т. II, кн. 2, изд. 2, 250), то есть, менѣе, нежели въ половинѣ всѣхъ имѣній, населенныхъ крѣпостными крестьянами,— при чемъ и здѣсь, конечно, въ нихъ не могло быть ничего обязательнаго для самаго помѣщика, а слѣдовательно, строго юридическаго; юридическое отдѣленіе возразило также, между прочимъ, противъ предположеній объ образованіи сходовъ исключительно по существующимъ „мѣстнымъ обычаямъ“, что „по разнообразію этихъ обычаевъ, въ случаѣ жалобъ и споровъ, могутъ встрѣтиться большія затрудненія въ повѣркѣ правильности составленныхъ на сходахъ приговоровъ“ (ч. XII, изд. I, 52). Тѣмъ не менѣе, комиссіи прямо приняли нѣкоторыя изъ приведенныхъ предложеній о допущеніи „существующихъ мѣстныхъ обычаевъ“ при опредѣленіи правъ и обязанностей крестьянъ и при устройствѣ ихъ управленія. Послѣднее создано было такимъ образомъ, что долженъ былъ получить широкое примѣненіе *не только обычай, такъ сказать, по закону, но и еще шире—обычай, фактически, на дѣлѣ существующій, самъ собою стремящійся получить юридическое значеніе,—обычай, какъ результатъ крайней краткости и неразвитости опредѣленій закона, а то и полнаго молчанія послѣдняго, и граничащій съ произволомъ, предоставленный всѣмъ вліяніямъ*... Понятно также, что за неизданіемъ сельскаго устава, какъ ни считался онъ необходимымъ, какъ ни много было отложено до него,— первоначальные предѣлы дѣйствія обычнаго государственнаго права сохранились донынѣ, и даже могли и въ новѣйшее время получить подтвержденіе, въ видѣ расширенія административнаго усмотрѣнія въ крестьянскихъ дѣлахъ, согласно съ общимъ пореформеннымъ отношеніемъ къ этимъ дѣламъ...

Такимъ образомъ, въ самомъ устройствѣ сельскихъ обществъ было допущено много неопредѣленнаго, много открывавшаго путь для произвольныхъ вліяній и обусловливавшаго собою крайнюю шаткость положенія существеннѣйшихъ интересовъ крестьянъ. Напримѣръ, не придано было значеніе юридиче-

---

пустила одного изъ своихъ крестьянъ, какъ взявъ съ него 30 т. р. И взяла славно, потому что капитала осталось только 45 т. р....“ Вотъ понятія помѣщиковъ о справедливости. А притомъ М-въ—человѣкъ не глупый, добрый и не закоснѣлый дикарь... Есть вещи въ высшей степени несправедливыя, но *столь утвержденныя обычаемъ*— заключаетъ авторъ—что даже и порядочные люди не признаютъ ихъ дурной стороны“.

скаго лица, самостоятельнаго цѣлаго, каждому отдѣльному селенію, и образованы были сельскія общества изъ нѣсколькихъ селеній. *) Далѣе, не было дано точнаго опредѣленія—„домохозяина",—какъ члена сельскаго схода, не выяснено, можетъ-ли выступать въ качествѣ такого члена со всѣми его правами женщина, долженъ-ли домохозяинъ быть владѣльцемъ не только усадебной, но и полевой земли, быть совершеннолѣтнимъ и пр. **) Обычай и долженъ былъ, слѣдовательно, выступать тутъ со своимъ руководящимъ значеніемъ,—согласно съ указанными предложеніями. Точно также, въ полное соотвѣтствіе съ приведенными соображеніями 36-ти членовъ губернскихъ комитетовъ, ст. 47 Общаго Положенія постановляла, что „со дворовъ многотягольныхъ дозволяется присылать на сходъ двухъ или болѣе крестьянъ, если сіе согласно съ мѣстнымъ обычаемъ" (обстоятельство, которое, кстати сказать, должно было необходимо предоставлять преобладаю-

---

*) См. нашу статью „Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія", въ № 6 „Русскаго Богатства" за 1893 г Статья эта вошла въ упомянутую выше книгу—„Юридическое положеніе крестьянъ".

**) Неопредѣленность вытекающаго отсюда положенія, затрагивающаго и хозяйственные интересы крестьянской семьи, и личныя права отдѣльныхъ ея членовъ, довольно ярко рисуется въ слѣдующемъ дѣлѣ, на разбирательствѣ котораго волостнымъ судомъ намъ пришлось присутствовать·

Крестьянинъ Б. привлекается, по протоколу старосты, къ отвѣтственности въ томъ, что, разобравъ крышу на своемъ домѣ, онъ пролѣзъ на чердакъ и взялъ оттуда нѣкоторыя вещи... „Что взялъ?" спрашиваетъ предсѣдатель.—„Да что мнѣ было нужно... для хозяйства .. ну, тамъ .. денегъ нѣсколько. часть льну"...—„Куда употребилъ"—„Да куда нужно... по хозяйству"..—„А именно?"—„Да на разныя разности... ну, тамъ... на увеселеніе, какъ-то на угощеніе.. попало, можетъ быть, кой-что на храмъ божій, какъ то на свѣчи"...—„Староста,—обращается предсѣдатель къ присутствующему лицу съ знакомъ своей должности,—кто у нихъ домохозяинъ?—Да *по книжкѣ*-то онъ,—отвѣчаетъ староста, составлявшій протоколъ и являющійся обвинителемъ.—*некому больше*, хотя онъ и гроша не зарабатываетъ... и хозяйство ведетъ мать .."—Въ дѣйствіяхъ Б не найдено признаковъ преступленія или проступка.—Спрашивается теперь, какимъ же образомъ староста нашелъ возможнымъ привлекать къ отвѣтственности несомнѣннаго безобразника, живущаго на шеѣ матери, и чѣмъ ограждена настоящая хозяйка отъ дальнѣйшихъ подобныхъ же дѣйствій этого „хозяина по книжкѣ".. безъ котораго и „некому" быть хозяиномъ?... Очевидно,—положеніе не опредѣляется ни закономъ, ни обычаемъ ..

щее значеніе на сходахъ извѣстной группѣ домохозяевъ). *)

Обычай былъ, далѣе, прямо допущенъ для опредѣленія способовъ разрѣшенія общественныхъ дѣлъ статьею 56-ою Общаго Положенія, по которой „голоса собираются или раздѣленіемъ схода на двѣ стороны, и счетомъ голосовъ на каждой сторонѣ стоящихъ, или же инымъ способомъ, по существующему въ каждомъ обществѣ обычаю".

Права и обязанности сельскихъ сходовъ обозначены были односложно,—такъ сказать, лишь перечислены. Слѣдовательно, отправленіе ими обязанностей и осуществленіе правъ могло опредѣляться до извѣстной степени обычаемъ. Однимъ изъ правъ сельскаго схода явилось право постановлять „приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ" и о „временномъ устраненіи крестьянъ отъ участія въ сходахъ не далѣе, какъ на три года". Подобныя полномочія схода, поставленнаго, какъ мы увидимъ ниже, въ зависимость отъ помѣщика, могли, очевидно, прямо и весьма чувствительно отражаться на личныхъ правахъ освобожденнаго крестьянина. Между тѣмъ, по отношенію къ устраненію отъ участія въ сельскомъ сходѣ не было сказано въ законѣ даже о томъ, что оно могло послѣдовать за какую-либо вину, не говоря уже объ обозначеніи, за какую именно, не болѣе опредѣленно было право исключенія крестьянина вовсе изъ числа членовъ общества, такъ какъ „вредъ" и „порочность"—понятія крайне

---

*) Какъ оказывается изъ „Свода заключеній мѣстныхъ совѣщаній" въ большинствѣ губерній усиленнаго представительства многотягольнаго двора не установилось; но въ нѣкоторыхъ наблюдаются извѣстныя вполнѣ естественныя слѣдствія упоминаемаго постановленія относительно мѣстныхъ обычаевъ: „Согласно существующему мѣстному обычаю и на основаніи ст. 47 Общ. Пол., въ Енисейской губерніи—говоритъ мѣстное губернское совѣщаніе (т. IV, 148)—отъ дворовъ многотягольныхъ являются на сходы по два и болѣе крестьянъ,—въ силу чего, весьма нерѣдко, дворы многохозяйные, въ большинствѣ случаевъ притомъ и наиболѣе состоятельные, получаютъ значительный перевѣсъ на сходахъ и являются главными рѣшителями многихъ общественныхъ дѣлъ, руководствуясь лишь личными интересами, въ ущербъ интересовъ остальной менѣе обезпеченной массы".—„Замѣчается также нѣкоторое неудобство въ допущеніи на сходъ, согласно ст. 47, съ дворовъ многотягольныхъ двухъ и болѣе членовъ семейства, если то согласно съ мѣстнымъ обычаемъ,—замѣчаетъ Акмолинское областное совѣщаніе (т. IV, 367).—Крестьяне этимъ нерѣдко злоупотребляютъ. Въ небольшихъ селеніяхъ такое допущеніе ведетъ къ тому, что нѣсколько многотягольныхъ дворовъ являются полными хозяевами на сходахъ".

растяжимыя, и степень вреда и порочности, требуемыя для ссылки лица, и порядокъ удостовѣренія въ этомъ,—не устанавлялись.

Сельскому старостѣ предоставлялось право—„за маловажные проступки“, совершенные лицами ему подвѣдомственными, подвергать виновныхъ общественнымъ работамъ до двухъ дней. Опредѣленіе того, что такое „маловажный проступокъ“, очевидно, также предоставлялось какъ-бы „существующему обычаю“,—тому, которымъ вооружался староста и при помѣщикѣ относительно совершенно безправнаго крестьянина. *) Въ такихъ же предѣлахъ предоставлялось волостному старшинѣ наказывать крестьянъ „за маловажные полицейскіе проступки“, понятіе о которыхъ, также ни мало не выяснимое и невыясненное, представлялось какъ-бы нѣсколько болѣе узкимъ сравнительно съ понятіемъ о маловажныхъ проступкахъ, вообще подвѣдомственныхъ старостѣ, но всетаки весьма широкимъ. Волостному суду, въ свою очередь, предоставлялось судить и наказывать крестьянъ „за маловажные проступки“ въ нѣсколько большихъ размѣрахъ: общественными работами до шести дней, арестомъ до семи дней, штрафомъ до трехъ рублей и розгами по двадцати ударовъ. Мировому посреднику по столь же неопредѣленно обозначеннымъ „дѣламъ судебно-полицейскаго разбирательства“ предоставлялось далѣе приго-

*) „Я себѣ не представляю, какъ можно приговорить свободнаго человѣка къ наказанію безъ суда,—высказалъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ Гирсъ (Н Семеновъ,—т. II, 545) — Это—беззаконіе и произволъ. Это желаніе сохранить крѣпостное право„ Тѣмъ не менѣе, какъ мы увидимъ ниже, наказаніе безъ суда, единственно по обычаю, почти безъ всякихъ опредѣленій со стороны закона, было весьма широко допущено редакціонными комиссіями За него стояли и „либеральные“ представители комиссій, горячіе сторонники освобожденія съ землею,—Самаринъ и кн Черкасскій,—стояли, какъ именно помѣщики. Они предлагали даже предоставить право наказанія крестьянъ безъ суда помѣщику.. „По поводу того пункта доклада хозяйственнаго отдѣленія, что отмѣняется право подвергать крестьянъ взысканіямъ и наказаніямъ—говоритъ Семеновъ (т. I, 243)—Самаринъ возбудилъ вопросъ· не слѣдуетъ ли во время продолженія барщины оставить помѣщику, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, право взысканія съ крестьянъ, подобно тому какъ предоставляется закономъ всякому хозяину работъ подвергать своихъ рабочихъ взысканіямъ въ указанныхъ предѣлахъ“ —„Самаринъ вступилъ въ рѣчь—сочувственно замѣчаетъ Семеновъ въ другомъ мѣстѣ (т. II, 548) —Онъ говорилъ очень долго и очень убѣдительно, развивая мысль о невозможности выйти изъ затрудненія, если не предоставить помѣщику, на все время барщины, права требовать взысканія съ виновныхъ“.—„Я только говорю—тогда же замѣтилъ въ общемъ присутствіи редакціонныхъ комиссій кн.

варивать лицъ податного состоянія къ штрафу до пяти рублей, къ аресту до семи дней, къ общественнымъ работамъ до шести дней и къ наказанію розгами до двадцати ударовъ. Выбирать то или иное наказаніе, какъ и волостной судъ, могъ онъ въ каждомъ случаѣ *по обычаю*. Волостной судъ 12 іюля 1889 г. получилъ право наказывать крестьянъ лишь за опредѣленные въ уставѣ о наказаніяхъ проступки, такъ что съ этого времени крестьяне въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуетъ названный судъ, стали знать о томъ, что имъ воспрещено или предписано подъ страхомъ наказанія. Но какого наказанія?.. Это опять осталось точно неизвѣстнымъ и можетъ опредѣляться обычаемъ, такъ какъ изъ указанныхъ закономъ родовъ наказанія судъ можетъ прилагать къ виновному то или иное наказаніе произвольно, почти безъ всякихъ ограниченій. Наконецъ, земскому начальнику предоставлено было наказывать крестьянъ „за неисполненіе его законныхъ распоряженій“,— безъ опредѣленія въ точности, по какимъ предметамъ, въ какихъ случаяхъ и въ какомъ порядкѣ отдаваемыхъ. Такая же, по своему существу, карательная власть была сохранена и здѣсь за сельскими старостами и волостными старшинами—въ предѣлахъ выше отмѣченныхъ. Такимъ образомъ, въ числѣ важнѣйшихъ личныхъ правъ крестьянъ освобожденныхъ, а съ распространеніемъ въ послѣдующее время даннаго имъ устройства на всѣхъ прочихъ сельскихъ обывателей, въ числѣ правъ сельскихъ обывателей вообще, не оказалось общаго для прочихъ гражданъ права отвѣчать за проступки не иначе, какъ по суду и закону,—права, особо установленнаго для государственныхъ крестьянъ еще въ 1779 году (Заблоцкій-Десятовскій. „Графъ Киселевъ и его время“, т. II, 31). *)

Черкасскій (550)—что на барщинный періодъ оставленіе за помѣщикомъ права требовать взысканія—необходимо“. Подобныя предложенія, дѣлавшіяся и губернскими комитетами, не были приняты. Предложенія относительно вручения самому помѣщику права наказанія крестьянъ безъ суда не были бы Но власть, предоставленная старостѣ въ настоящемъ отношеніи, имѣетъ въ виду именно ограждение помѣщичьихъ землевладѣльческихъ интересовъ..

*) Въ виду распространенія на государственныхъ крестьянъ въ 1866 г установленій, созданныхъ для крестьянъ освобожденныхъ, является любопытный вопросъ о согласованіи ихъ съ упомянутымъ особымъ, установленнымъ въ 1779 г, правомъ нынѣшняго на практикѣ совершенно необезпеченнаго личнаго ихъ положенія. По крайней мѣрѣ, при преобразованіи 1866 г сказ но было въ законѣ, что особыя права государственныхъ крестьянъ имъ „сохраняются“. Настоящее право—отвѣчать не иначе, какъ по суду и закону—было,

Въ должности, замѣщаемыя по выбору волостными и сельскими сходами, не могли быть, между прочимъ, избираемы лица „завѣдомо развратнаго поведенія“. Что это означало? Очевидно, выступала на сцену опять возможность примѣненія „обычая“. Избраннаго въ должность общество могло освободить отъ нея „по другимъ причинамъ“, кромѣ возраста свыше 60 лѣтъ, предшествовавшей трехлѣтней службы, сильныхъ тѣлесныхъ недуговъ. По какимъ же именно „другимъ причинамъ?“ Это опять, очевидно, могъ опредѣлить обычай. Такимъ образомъ, и лишеніе активнаго избирательнаго права (участія въ сходахъ), и лишеніе пассивнаго права (быть избираемымъ), и условія освобожденія отъ должности по избранію,—всѣ эти существеннѣйшія права могли опредѣляться обычаемъ. При всемъ томъ мировому посреднику, въ послѣдствіи же уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію и въ новѣйшее время земскому начальнику предоставлено утвержденіе въ должностяхъ лицъ, избираемыхъ крестьянами, но обязанности руководствоваться въ этихъ случаяхъ хотя бы столь неопредѣленно обозначенными отрицательными условіями, не расширяя ихъ еще болѣе, прямо установлено не было для названныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ.

Въ чемъ состояли права и обязанности крестьянскихъ сходовъ и должностныхъ лицъ? Это, по указаннымъ условіямъ, могло иногда возбуждать сомнѣнія. Между тѣмъ, за постановленіе сходами приговоровъ по предметамъ, не подлежавшимъ ихъ вѣдѣнію, лица, участвовавшія въ такихъ сходахъ, могли подвергаться взысканіямъ со стороны мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ, а впослѣдствіи уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и нынѣ земскихъ начальниковъ. Далѣе, за проступки по службѣ должностныя лица сельскаго управленія могли подвергаться взысканіямъ со стороны сельскаго старосты, должностныя лица волостного управленія—со стороны волостного старшины и сами волостные старшины и сельскіе старосты—со стороны мирового посредника, впослѣдствіи уѣзднаго присутствія и нынѣ зем-

---

между прочимъ, соблюдено при реформѣ ихъ положенія въ 1838—1839 гг, по проектамъ П Д Киселева Ни на одно должностное лицо не было возложено тогда полномочія подвергать государственныхъ крестьянъ какимъ-либо наказаніямъ безъ суда и закона. (См. по этому предмету статью нашу „Наказаніе безъ суда“ въ ноябрьской книжкѣ „Журнала Спб. Юридическаго Общества“ за 1895 г. Статья эта вошла въ книгу—„Юридическое положеніе крестьянъ“).

скаго начальника. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, по крайней неопредѣленности закона, вновь могъ бы выступать „обычай". При этомъ право обжалованія соотвѣтствующихъ распоряженій о взысканіяхъ—или прямо отвергалось, или обходилось молчаніемъ, или же обозначалось недостаточно ясно, и „обычныя" распоряженія, каковы бы они ни были, могли оказаться очень часто безъ надлежащей повѣрки ихъ съ закономъ.

Предположенія о предоставленіи помѣщику званія „начальника общества" не получили осуществленія *). Но зато ему было предоставлено званіе „попечителя общества" съ правами „вотчинной полиціи". Если же званіе и „начальника" не предполагалось обставить законностью и публичными формами, то тѣмъ менѣе могло это быть сдѣлано по отношенію къ „попечителю", субъекту правъ вотчинной полиціи. Это званіе должно было носить патріархальный характеръ. Усмотрѣніе должно было царить тутъ какъ бы неизбѣжно, необходимо. Такъ и вышло. Помѣщику вручался „надзоръ за сохраненіемъ общественнаго порядка и безопасности на пространствѣ принадлежащаго имѣнія". Въ силу же этого права, онъ могъ предъявлять сельскому старостѣ рядъ требованій. Требованія должны были быть „законными". Но они обозначались односложно и въ довольно широкихъ выраженіяхъ, и, слѣдовательно, законность ихъ содержанія въ сущности опредѣлялась обычаемъ,—обычаемъ, относительно котораго требовать отъ помѣщика отчета было крайне затруднительно. Между тѣмъ, неисполненіе сельскимъ старостою требованій помѣщика и вообще „неисправное исполненіе" имъ—какъ говорилось въ статьѣ 153 Общаго Положенія—обязанностей отсюда возникавшихъ, могло влечь за собою не только извѣстное взысканіе со стороны мирового посредника, но и удаленіе отъ должности. Помѣщикъ могъ также требовать удаленія отъ долж-

*) Усердіе, съ которымъ, какъ мы видѣли, была развита губернскими комитетами глава IX программы, заставило обратить вскорѣ особое вниманіе на эту главу Въ выс. одобренныхъ 4 декабря 1858 года по журналу главнаго комитета основаніяхъ для руководства при разсмотрѣніи проектовъ и положеній губернскихъ комитетовъ было именно выражено. „обратить вниманіе на IX главу программы, сообразивъ· можетъ ли глава сія оставаться въ прежней силѣ .. Здѣсь же, какъ бы вмѣсто этой главы, постановлялось: „Власть надъ личностью крестьянина по исполненію или нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ. Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей" („Матерьялы", т. I, кн 2, изд. 2, стр. 208)

ности волостного и сельскаго писаря, если „усматривалъ“, что онъ „неблагонадеженъ“, Но что такое быть „неблагонадежнымъ“ для писаря, въ законѣ не пояснялось ни однимъ словомъ, и, слѣдовательно, тутъ могъ всецѣло дѣйствовать „обычай“ или, что одно и тоже, произволъ. Помѣщикъ могъ, далѣе, требовать предоставленія ему всѣхъ или нѣкоторыхъ приговоровъ сельскаго схода, и если усматривалъ также въ нихъ „распоряженіе, противное существующимъ постановленіямъ, или вредное для благосостоянія общественнаго, или же нарушающее права помѣщичьи“, то могъ пріостанавливать приведеніе даннаго приговора въ исполненіе. Произволъ могъ вновь получать, какъ видно, весьма широкое примѣненіе. Наконецъ, въ продолженіе первыхъ девяти лѣтъ по освобожденіи, помѣщику предоставлялось право требовать удаленія изъ общества крестьянина, присутствіе котораго онъ признаетъ „вреднымъ и опаснымъ“. Въ чемъ должны были выражаться „вредъ“ и „опасность“ для того, чтобы влечь за собою такія послѣдствія, такое тяжкое наказаніе? Это, равнымъ образомъ, не пояснялось ни однимъ словомъ. Слѣдовательно, и здѣсь какъ бы могъ дѣйствовать *обычай*, въ силу котораго, при существованіи крѣпостной зависимости, крестьяне, по безконтрольному усмотрѣнію помѣщика, ссылались не только въ Сибирь на поселеніе, но—одно время—даже въ каторжныя работы.

Въ такомъ видѣ представлялись личныя и общественныя права освобожденныхъ крестьянъ въ теченіе „временно-обязаннаго состоянія“. Крестьяне эти, какъ видно, далеко не ставились еще подъ охрану закона и не ограждались въ сколько-нибудь необходимой мѣрѣ отъ дѣйствія произвола и усмотрѣнія...

Такое положеніе ихъ вытекало и изъ тѣхъ началъ, на которыхъ покоились и по которымъ дѣйствовали учрежденія, спеціально предназначенныя для охраны правъ освобожденныхъ крестьянъ и для разрѣшенія различныхъ вопросовъ объ ихъ обязянностяхъ и отвѣтственности. Такимъ учрежденіемъ являлся волостной судъ. Согласно же съ указанными выше предложеніями губернскихъ комитетовъ, судъ этотъ былъ судомъ патріархальнымъ, въ порядкѣ дѣлопроизводства руководящимся почти исключительно обычаемъ. Въ тѣхъ же волостяхъ, гдѣ, по предложенію закона, имѣлся судъ, „учрежденный по мѣстнымъ обычаямъ“ (прим. 2 къ ст. 93 Общ. Положенія), тамъ онъ вполнѣ сохранялся. Слѣдовательно, судъ дореформенный, отмѣченный всѣми особенностями помѣ-

щичьяго вліянія, могъ дѣйствовать мѣстами и послѣ реформы, весьма мало вѣдая о тѣхъ правахъ, которыя онъ долженъ былъ отнынѣ разрѣшать. Затѣмъ, среди неосуществившихся предположеній редакціонныхъ комиссій было предположеніе объ особомъ установленіи, предназначавшемся для охраны и разрѣшенія правъ и обязанностей освобожденныхъ крестьянъ, въ порядкѣ разсмотрѣнія жалобъ на волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, равно на злоупотребленія и незаконныя дѣйствія сходовъ и пр. Въ качествѣ такого установленія долженъ былъ выступать именно „участковый крестьянскій судъ", изъ крестьянъ, избранныхъ сходами, долженствовавшій состоять при каждомъ мировомъ посредникѣ. Всѣ дѣла судъ этотъ долженъ былъ разрѣшать „на основаніи мѣстныхъ обычаевъ" (ст. 107—112 проекта Общаго Положенія; ч. XVIII „Матеріаловъ", изд. I). Не упоминалось вовсе объ обязанности для этого суда какихъ-либо законовъ. И—легко понять, что при существованіи такого учрежденія и при предполагавшемся *безапелляціонномъ* характерѣ его постановленій, могли бы еще шире, чѣмъ допускала буква закона, примѣняться обычаи крѣпостныхъ отношеній къ освобожденнымъ крестьянамъ, и даже существеннѣйшія законныя права ихъ могли не получить никакого огражденія, — причемъ подобное положеніе дѣлъ освящалось бы, такъ сказать, согласіемъ представителей отъ самихъ крестьянъ (которые, конечно, на самомъ дѣлѣ, находилось бы въ полной зависимости отъ посредника). Въ концѣ концовъ, за непринятіемъ предложенія объ участковомъ крестьянскомъ судѣ, дѣла, подлежавшія разрѣшенію при его участіи, предоставлены были единоличной власти мирового посредника, какъ представителя мѣстнаго помѣщичьяго сословія. Подчиняясь же въ такихъ случаяхъ большему контролю, нежели проектировавшійся участковый крестьянскій судъ, мировой посредникъ долженъ былъ уже разрѣшать подобныя дѣла „на основаніи собранныхъ доказательствъ, законоположеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости", и—хотя также—„мѣстныхъ обычаевъ", но—поясняло уже тутъ—„если сіи послѣдніе не противорѣчатъ существующимъ законамъ и положеніямъ о крестьянахъ" (ст. 56 пол. о мѣстныхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ). Соотвѣтствіе его постановленій съ этими положеніями не обезпечивались, однако, достаточно широкимъ правомъ обжалованія. При повѣркѣ сдѣлокъ, заключавшихся между помѣщиками и крестьянами, мировому посреднику также предпи-

сывалось наблюдать, чтобы сдѣлки эти были „согласны какъ съ положеніями о крестьянахъ, такъ и съ общими законами“ (ст. 85 того же положенія). А такъ какъ чрезъ подобныя сдѣлки, дѣйствительно, могли проникать ограниченія правъ освобожденныхъ крестьянъ, то и въ Общее Положеніе введено было постановленіе о томъ, чтобы „вообще заключаемыя между помѣщиками и крестьянами сдѣлки не были противны общимъ гражданскимъ законамъ и не ограничивали правъ личныхъ, имущественныхъ и по состоянію, предоставляемыхъ крестьянамъ“ (ст. 6). Но новыя права не были, какъ мы видѣли, обозначены точно и ясно, съ надлежащими подробностями; права же помѣщиковъ, открывавшія различныя пути для примѣненія обычаевъ и подлежавшія отмѣнѣ, не были съ тою же точностію и ясностію перечислены въ законѣ. Въ то же время относительно общихъ гражданскихъ законовъ вскорѣ явилось весьма укоренившееся воззрѣніе, объявившее ихъ *совершенно непримѣнимыми къ крестьянамъ*, воззрѣніе, раздѣлявшееся и нѣкоторыми несомнѣнными доброжелателями народа... не замѣчавшими, къ чьей явной пользѣ оно клонилось... забывавшими и о томъ, что руководительство единственно обычаемъ въ области гражданскихъ правъ характеризовало положеніе крестьянъ при существованіи крѣпостной зависимости и было равнозначаще съ безправіемъ).

Вообще, положенія 19 февраля 1861 г были таковы, что правильное руководство ими было невозможно и для людей, вооруженныхъ всѣми тѣми средствами для уразумѣнія точнаго смысла закона, которыя даетъ наука. Выясненіе истинныхъ правъ, пріобрѣтавшихся крестьянами, въ особенности при столкновеніи съ правами помѣщика и ближайшихъ властей, представляло нерѣдко огромныя затрудненія и для такихъ людей. Для лицъ же, вовсе невооруженныхъ надлежащими знаніями, трудности эти представлялись положительно непреодолимыми. Отсюда ясно, какъ широко должны были примѣняться и къ освобожденнымъ крестьянамъ *обычаи крѣпостныхъ отношеній*, какъ трудно установить въ каждомъ данномъ случаѣ предѣлы дѣйствій прямо и косвенно допускавшихся такимъ образомъ обычаевъ и условій ихъ юридическаго значенія. Между тѣмъ, *установить это,* очевидно, *весьма важно въ интересахъ личныхъ и общественныхъ правъ крестьянъ.*

Каковы же вообще эти условія и предѣлы?

---

*) См. объ этомъ ниже

Важнѣйшимъ предѣломъ этого рода служитъ отсутствіе обычаевъ или недостаточная ихъ опредѣленность. *Коль скоро обычаевъ нѣтъ, или существованіе ихъ не можетъ быть доказано, или же они возбуждаютъ споры, возраженія и сомнѣнія, или же, наконецъ, явно противорѣчатъ личнымъ общимъ правамъ крестьянъ,—то данное дѣло должно быть разрѣшено на основаніи закона или по общему духу законодательства.* Иначе пришлось бы допустить, что оно можетъ быть разрѣшено произвольно. Во всѣхъ такихъ случаяхъ низшее мѣсто должно дѣлать представленіе высшему, въ порядкѣ подчиненности. Сообразно же съ указанною крайнею трудностью разрѣшенія крестьянскихъ вопросовъ, закономъ 25 мая 1882 г. было предписано губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ (и законъ этотъ, несомнѣнно, сохраняетъ силу и для губернскихъ присутствій 1889 г., такъ какъ находится въ тѣсной связи со статьею 52 законовъ основныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вытекалъ изъ отсутствія сельскаго устава, предполагавшагося къ составленію въ законодательномъ порядкѣ) представлять въ сенатъ, между прочимъ, тѣ „дѣла какъ по земельному и хозяйственному устройству крестьянъ, такъ и по правамъ крестьянъ личнымъ, по состоянію, по общественному и волостному ихъ устройству и пр., при разрѣшеніи которыхъ присутствіе встрѣтитъ или отсутствіе закона, или сомнѣніе въ истинномъ смыслѣ онаго, или же, наконецъ, признаетъ, что буквальное примѣненіе закона въ данномъ случаѣ было бы невозможно.“ Разрѣшеніе перечисленныхъ вопросовъ—почти всѣхъ, какіе могутъ возбуждаться на мѣстахъ относительно крестьянъ—предоставлено, такимъ образомъ, высшей власти. А такъ какъ и сенатъ не можетъ разрѣшать никакого дѣла, не имѣя точнаго закона, и ему предоставлено право представлять о неудобствахъ законовъ, то, слѣдовательно, подобное предписанное закономъ 25 мая 1882 г. направленіе вопросовъ крестьянскаго права имѣетъ своею цѣлью разрѣшеніе ихъ въ *законодательномъ* порядкѣ, и упомянутый законъ составляетъ какъ бы развитіе законовъ основныхъ (устанавливающихъ въ сущности подобное же правило относительно всякаго рода дѣлъ, разрѣшаемыхъ всѣми учрежденіями вообще). *)

*) Несомнѣнно, что если бы это правило основныхъ законовъ, а впослѣдствіи и закона 25 мая 1882 г, соблюдалось со времени самой реформы 19 февраля 1861 г или, по крайней мѣрѣ, съ 1882 г, то мы имѣли бы уже если не сельскій уставъ цѣликомъ, то компетент-

Вторымъ важнѣйшимъ ограниченіемъ дѣйствія обычаевъ среди освобожденныхъ крестьянъ является то обстоятельство, что хотя точное указаніе ихъ правъ отложено было до сельскаго устава, и самаго устава не издано до сихъ поръ,—все же, однако, *принципіально за освобожденными крестьянами признаны были права свободныхъ сельскихъ обывателей.* Общія права состоянія, права свободныхъ сельскихъ обывателей не указаны до сихъ поръ точно и ясно,—но они принадлежатъ, конечно, освобожденнымъ крестьянамъ, и ихъ наличность можетъ быть установлена путемъ толкованія. Притомъ „срочно-обязанное состояніе“ окончилось съ переходомъ крестьянъ на выкупные платежи, а затѣмъ и съ погашеніемъ и отмѣною послѣднихъ, помѣщикъ утратилъ права вотчинной полиціи, и еще ранѣе того, съ 1870 г., прекратилось для него право требовать ссылки бывшихъ „его“ крестьянъ, кажущихся ему „вредными“ и „опасными“.

Нечего и говорить затѣмъ о невозможности иначе представлять себѣ правовое положеніе бывшаго государственнаго крестьянина, не смотря на реформу 1866 г.,—хотя и подчиненнаго ею одинаковому съ крѣпостнымъ крестьяниномъ управленію, но *съ сохраненіемъ* прежнихъ правъ.

Указанныя начала должны были имѣться въ виду уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями при составленіи инструкцій „для руководства волостнымъ и сельскимъ обществамъ и должностнымъ лицамъ относительно порядка исполненія возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей“. Въ самомъ законѣ 27 іюня 1874 г., установившемъ за уѣздными присутствіями право и обязанность составленія такихъ инструкцій, было сказано совершенно точно, что онѣ „не должны противорѣчить заключающимся въ положеніяхъ о крестьянахъ и въ дополнительныхъ къ нимъ постановленіяхъ узаконеніямъ“. Въ

ное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые должны были войти въ него, болѣе или менѣе точное установленіе всѣхъ правъ и обязанностей крестьянъ, какъ свободныхъ сельскихъ обывателей Но общая необезпеченность точнаго исполненія законовъ сказалась въ этомъ ярче, нежели въ чемъ-либо,—между прочимъ, вслѣдствіе полной юридической безпомощности крестьянъ крестьяне не имѣли возможности обезпечивать свои права и частнымъ путемъ жалобъ. (См нашу статью „Юридическая безпомощность крестьянъ“—въ № 4 „Русскаго Богатства“ за 1894 г (Статья эта вошла въ книгу „Юридическое положеніе крестьянъ“),—а равно статью „Юридическая безпомощность крестьянъ, какъ одно изъ препятствій къ экономическому развитію“, —напечатанную въ майской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1898 годъ)

такого рода инструкціяхъ могъ, слѣдовательно, заключаться родъ обычнаго права, но права, поставленнаго въ строго законные предѣлы. Оттого уѣздныя присутствія не могли претендовать на то, чтобы, за отсутствіемъ по тому или иному предмету закона, постановленія ихъ инструкцій принимались въ равной съ закономъ обязательной силѣ.) То же самое можно сказать объ инструкціяхъ, которыя предоставлено составлять уѣзднымъ съѣздамъ въ мѣстностяхъ, гдѣ введены законоположенія 12 іюля 1889 г.

Относительно предѣловъ дѣйствія обычнаго публичнаго права вообще можно замѣтить слѣдующее (и замѣчанія наши могутъ быть лишь весьма кратки, такъ какъ обычное публичное право почти вовсе не изслѣдовано): *)

Обычай, устраняющій женщину отъ участія въ сельскомъ сходѣ, или ограничивающій ея права, какъ члена схода, незаконенъ, не имѣетъ юридическаго значенія. Юридическимъ лицомъ, которому предоставлено въ сущности это участіе, является, по общему смыслу законодательства, крестьянскій дворъ. Подобное право дворъ осуществляетъ чрезъ представителя, домохозяина, а по его волѣ, и чрезъ „кого-либо изъ членовъ его семейства“. Не только, слѣдовательно, по волѣ домохозяина, за невозможностію для него быть самому на

*) Такого рода притязанія, однако, предъявлялись на дѣлѣ Указомъ сената отъ 31 января 1884 г. былъ признанъ *противнымъ закону* одинъ изъ параграфовъ инструкцій ахтырскаго уѣзднаго по крест. дѣламъ присутствія Между тѣмъ, одинъ волостной старшина подвергнутъ былъ взысканію за неисполненіе именно того, что предписывалось этимъ параграфомъ При этомъ объясненія его о томъ, что онъ не зналъ объ инструкціи“, признаны были не заслуживающими уваженія, потому что,—разсуждало присутствіе,—„никто не долженъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, а инструкція, составленная на основаніи закона и утвержденная подлежащею властію, настолько же обязательна, насколько обязателенъ и самый законъ“. (Сборникъ рѣшеній сената за 1882—1888 гг., Горемыкина 151).

**) О свойствѣ матеріаловъ, имѣющихся по этому отдѣлу обычнаго права, Е. И Якушкинъ замѣтилъ въ свое время („Обычное право“, в. I. XXII): „Относительно сельской общины, мы встрѣчаемъ только отрывочныя замѣтки, дающія самыя смутныя о ней понятія. Даже въ книгѣ П. С. Ефименко („Народные обычаи въ Архангельской губерніи“), всѣ сочиненія котораго отличаются большою полнотою и близкимъ знакомствомъ съ народною жизнью, мы не находимъ полной картины крестьянскаго управленія, а только описаніе мірского схода и выборовъ“. Со времени этого замѣчанія (съ 1875 года) матеріалъ по данному предмету не получилъ особаго восполненія, что отразилось и на второмъ выпускѣ труда Якушкина, вышедшимъ въ 1896 г.

сходѣ, можетъ быть послана для участія въ послѣднемъ женщина изъ числа членовъ семейства, но женщина можетъ быть и сама домохозяиномъ. При этомъ, женщина являющаяся на сходъ должна быть признаваема *полноправнымъ* его членомъ, ибо законъ не различаетъ среди членовъ сельскаго схода лицъ съ разными полномочіями, подобно тому, какъ различаются имъ члены дворянскихъ собраній,—всѣхъ членовъ сельскаго схода законъ признаетъ въ равной силѣ, съ одинаковыми правами, и только по общему закону, ограничивающему права русской женщины, крестьянская женщина не можетъ быть избираема въ должности по общественному управленію. *)

Усиленное представительство на сходѣ многотягельнаго двора не можетъ быть допущено обычаемъ въ такихъ предѣлахъ, чтобы оказывался одинъ представитель отъ каждаго тягла, или душевого надѣла земли, числящагося за этимъ дворомъ. Каждый дворъ предполагается состоящимъ не изъ одного, а изъ двухъ или трехъ тяголъ. Однако, каждому двору, или среднему двору, предоставляется посылать на сходъ по одному представителю отъ каждаго тягла. Поэтому, обычай, которымъ предоставлялось бы многотягольному двору посылать на сходъ по одному представителю отъ каждаго тягла, тѣмъ самымъ устанавливалъ бы не усиленное, а чрезмѣрное представительство многотягельнаго двора, и выходилъ бы изъ предѣловъ закона.

---

*) Посѣщая сельскіе сходы, мы не могли не замѣтить того безправнаго положенія, которое предоставляется крестьянской женщинѣ *существующими обычаями*, образовавшимися вслѣдствіи неопредѣленности закона и отсутствія надлежащаго огражденія ея правъ съ этой стороны. Прежде всего, въ настоящемъ отношеніи наблюдается полный произволъ и совершенная разноголосица Мѣстами женщина допускается къ участію въ сельскомъ сходѣ съ тѣми или иными правами, мѣстами же не допускается, хотя законъ едва ли предполагалъ послѣднее Далѣе, и въ случаяхъ допущенія къ участію въ сходахъ, женщины пользуются здѣсь большею частію такими правами, что ихъ участіе не приноситъ никакой пользы общественному дѣлу Онѣ вовсе не вступаютъ въ сужденія по дѣламъ рѣшаемымъ на сходахъ. Дѣла обсуждаются и рѣшаются мужчинами Женщинамъ предлагается только подписываться подъ приговорами Въ этомъ обыкновенно вся ихъ роль Активная роль, въ которой рисуется крестьянская женщина въ извѣстномъ произведеніи г Полушина для народнаго театра „Василиса Марковна, или правда и въ сарафанѣ сильна“,—явленіе исключительное .. Василиса Марковна могла еще выступить до извѣстной степени полноправнымъ членомъ сельскаго схода, потому что она бездѣтная вдова-домохозяйка. Вдовы, имѣющія сыновей, не допускают-

Способъ подачи и собиранія голосовъ на крестьянскомъ сходѣ, опредѣленіе котораго предоставлено обычаю, долженъ обезпечивать безпристрастіе и весьма важные интересы, соединенные съ иными дѣлами схода. Поэтому можно считать, что обычай *открытой* подачи голосовъ по всѣмъ вопросамъ и дѣламъ, безъ исключенія, и въ томъ числѣ по такимъ щекотливымъ вопросамъ, какъ избраніе въ должности или назначеніе должностнымъ лицамъ жалованья, выходилъ бы изъ существеннѣйшихъ видовъ закона, дающаго свои опредѣленія по этому предмету и относительно собраній, отъ представителей которыхъ можно требовать гораздо большаго гражданскаго мужества, чѣмъ отъ крестьянъ. О существующемъ же порядкѣ выборовъ въ должности, напримѣръ, судей извѣстны слѣдующія показанія крестьянъ (Скоробогатый, „Устройство крестьянскихъ судовъ“, 44): „При выборѣ голосами крику много больше, чѣмъ толку, такъ что неизвѣстно, что кричатъ, а кому надо, тотъ и скажетъ: „вотъ народъ кричитъ, чтобы избрать такого-то“,—анъ на дѣлѣ-то крикъ значилъ совсѣмъ другое. Поглядишь иногда, плюнешь, да и прочь пойдешь. При выборахъ въ волостные судьи порядочные люди молчатъ, и слово сказать бояться, а шальные да пьяные кричатъ—ну и выберутъ кто мнѣ не любъ.—Часто по поводу выборовъ судей возникаютъ на волостномъ сходѣ разногласія и ссоры, которыя переходятъ иногда въ повальную драку. Всѣ кричатъ,

---

ся къ участію въ сходахъ во многихъ мѣстахъ. По достиженіи сыновья ми 18 лѣтъ, представительство переходитъ къ нимъ. Отлучающимся же изъ общества сыновьямъ такихъ вдовъ вмѣняется въ обязанность передавать голосъ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ платою) однообщественнику-мужчинѣ и не дозволяется даже сыновьямъ уполномочивать матерей для участія на сходахъ

Однажды на сельскомъ сходѣ намъ пришлось видѣть вдову-крестьянку, оставшуюся послѣ мужа съ малолѣтнимъ сыномъ и управлявшую хозяйствомъ около 15 лѣтъ совершенно самостоятельно, да и въ то время несшую на себѣ всѣ хозяйственныя обязанности по деревнѣ, такъ какъ сынъ жилъ на сторонѣ Незадолго до описываемаго случая послѣдній достигъ совершеннолѣтія и—теперь потребовалось объясненіе, почему она явилась на сходъ... „Да *голосъ нашъ умеръ*, потому и пришла“. объяснила она, то есть односелецъ, которому сынъ долженъ былъ передать свой голосъ помимо ея, умеръ, и она сочла, что въ такомъ случаѣ можно идти на сходъ и ей, вмѣсто сына. Но и на сей разъ она не была признана въ правахъ члена схода (См по вопросу о поземельныхъ и общественныхъ правахъ крестьянской женщины нашу особую статью въ книгѣ „Юридическое положеніе крестьянъ“)

и никто другъ друга не слушаетъ, молчатъ только порядочные хезяева".—Очевидно, что обычай не обезпечиваетъ (или, по крайней мѣрѣ, не обезпечиваль въ то время, къ которому относятся эти отзывы,—въ семидесятыхъ годахъ) задачи сходовъ и существеннѣйшие интересы крестьянъ.) Вопросъ о

---

*) Въ отношеніи существующихъ по этому предмету обычаевъ должна наблюдаться существенная разница между бывшими помѣщичьми и бывшими государственными крестьянами. У первыхъ, конечно, не могло быть извѣстно баллотированіе и вообще не могли быть развиты правильные способы подачи голосовъ, надлежащій порядокъ выборовъ и пр., такъ какъ они не пользовались самоуправленіемъ въ настоящемъ смыслѣ слова и находились всецѣло подъ дѣйствіемъ помѣщичьяго усмотрѣнія. Наоборотъ, относительно государственныхъ крестьянъ законъ, явившійся по проектамъ гр. Киселева, дѣйствовавшій почти тридцать лѣтъ и отмѣненный въ 1866 г, давалъ точное и подробное опредѣленіе всѣмъ этимъ предметамъ. Обезпечивая полную самостоятельность сходовъ и *воспрещая* присутствовать при совѣщаніяхъ ихъ и при производствѣ выборовъ чиновникамъ палаты государственныхъ имуществъ (ст 5011 т. II, ч. 2 изд. 1857 г.), для того чтобы самостоятельность эта не нарушалась со стороны,—законъ въ то же время стремился обезпечить ее внутри сходовъ, создать условія безпристрастнаго разрѣшенія сходами вопросовъ, предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію. Между прочимъ же, ст. 589 и слѣд. т. III, устава, о службѣ по выборамъ сословій опредѣляли предварительное назначеніе самими выборщиками кандидатовъ и производство выборовъ *непремѣнно закрытымъ способомъ — шарами.* Подобный законный порядокъ долженъ, несомнѣнно, сохраниться и понынѣ среди государственныхъ крестьянъ, въ виду его жизненности. Можно полагать также, что его усваиваютъ и даже въ значительной степени уже усвоили и бывшіе помѣщичьи крестьяне, если въ этомъ отношеніи не встрѣчалось препятствій со стороны мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Намекъ на встрѣчавшееся препятствіе съ этой стороны однако заключается въ рѣшеніи сената отъ 21 октября 1883 г., („Сборникъ" г. Горемыкина 100). Здѣсь сенатъ призналъ, что въ дѣйствующихъ о крестьянахъ законоположеніяхъ не содержится ограниченій о производствѣ выборовъ исключительно закрытой баллотировкой, и „слѣдовательно, установленіе сего порядка предоставляется усмотрѣнію самаго крестьянскаго общества". Дѣло же, по которому возникло это рѣшеніе, началось вслѣдствіе прошенія отъ имени крестьянъ стеженской волости, Козловскаго уѣзда, никѣмъ не подписаннаго, съ изложеніемъ въ немъ жалобы на различныя злоупотребленія по должности волостного старшины Ковылина, состоящаго въ этой должности съ 1867 г. „Жаловаться на старшину,—говорилось, между прочимъ, въ прошеніи,—нельзя, такъ какъ онъ, въ присутствіи самаго члена уѣзднаго присутствія Каменева, *всегда выбирается не шарами, а голосами,* чрезъ подобранныхъ по волости выборныхъ, и если приказано будетъ произвести дознаніе члену присутствія Каменеву, то старшина будетъ во всемъ оправданъ, какъ это уже однажды случилось"...

порядкѣ разрѣшенія дѣлъ на сходахъ и вообще самъ по себѣ такъ важенъ, что и имѣется такъ много данныхъ, свидѣтельствующихъ о неудовлетворительномъ его положеніи, что необходимость правильнаго опредѣленія его закономъ представляется въ высшей степени настоятельною, обуславливаемою существеннѣйшими интересами крестьянъ. *)

По нашимъ наблюденіямъ и по другимъ имѣющимся даннымъ, земскіе начальники, почти всегда присутствуя на выборахъ, нерѣдко, въ свою очередь, настаиваютъ именно на открытомъ голосованіи въ тѣхъ случаяхъ, когда желаютъ, чтобы осталось служить прежнее должностное лицо Разсчетъ оказывается всегда вѣрнымъ; десятокъ голосовъ гораздо смѣлѣе и громче прокричитъ „стараго", чѣмъ два-три голоса „новаго"... при массѣ избирателей, хотя и не безучастной, но могущей высказывать свои желанія только при закрытой баллотировкѣ, молчаніе же массы признается за знакъ согласія съ тѣми, кто, выступая впередъ, кричитъ: „стараго, стараго".

Въ „Сводѣ заключеній губернскихъ совѣщаній" есть по настоящему предмету весьма характерное замѣчаніе Екатеринославскаго губернскаго совѣщанія· „Практикуемое нынѣ—говоритъ оно (томъ I, 736) избраніе въ должности какъ волостныхъ, такъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, путемъ простого голосованія, порождаетъ массу злоупотребленій и затрудненій. При многочисленности сходовъ и безъ баллотированія, избраніе должностныхъ лицъ сводится къ большому шуму и крикамъ на сходѣ,—результатомъ чего, при недоумѣніи писаря, кого записать, а иногда и при умышленномъ его нежеланіи, являются избранными совершенно другія лица, нерѣдко вредныя для общества"

*) Нужно видѣть крестьянскіе сходы, для того чтобы понять недостатки нынѣшняго положенія забытаго закономъ вопроса о порядкѣ обсужденія и рѣшенія дѣлъ на сходахъ,—для того чтобы также удерживаться отъ несправедливыхъ упрековъ, нерѣдко обращаемыхъ къ нашему крестьянскому „самоуправленію", вѣрнѣе даровому органу финансово-полицейскаго управленія...

Прежде всего не только членамъ сельскаго схода, но и выборнымъ схода волостного не объявляется заранѣе, какія именно дѣла предстоитъ имъ разрѣшать. Возможности обсудить дома, до схода, предстоящія дѣла, поговорить о нихъ заблаговременно домохозяевамъ одной деревни, посовѣтоваться о нихъ выборному волостного схода со своими односельцами-избирателями не предоставляется никакой. Крестьяне идутъ на сходъ и ждутъ его открытія въ полномъ невѣдѣніи того, для чего они вызываются Само собою, по обычаю, при молчаніи закона, не создалось иного порядка въ настоящемъ существеннѣйшемъ отношеніи, опредѣляющемъ уже въ значительной степени дальнѣйшую судьбу дѣлъ схода. И это въ то время, когда сельское общество представляется обыкновенно состоящимъ изъ нѣсколькихъ, иногда многихъ деревень. Далѣе, на самомъ сходѣ доклада дѣлъ почти не происходитъ. Объявляется односложно старшиною, старостою или писаремъ, что нужно-де постановить приговоръ о томъ-то; но почему, отчего, на какихъ основаніяхъ и данныхъ—это очень рѣдко поясняется. Оттого иногда простѣйшія дѣла

Хотя законъ предоставилъ сельскому сходу право исключать изъ своей среды „вредныхъ и порочныхъ членовъ“, не указавъ обязанности пояснять при этомъ, въ чемъ именно заключается порочность лица, тѣмъ не менѣе обычай не долженъ былъ бы освобождать отъ подобной обязанности. Рѣчь идетъ о слишкомъ тяжелой отвѣтственности для крестьянина. Какъ свободный сельскій обыватель, онъ не можетъ подвергаться ей нынѣ по безотчетной волѣ схода, подобно тому, какъ подвергался ссылкѣ въ Сибирь по безотчетной волѣ помѣщика прежде, при существованіи крѣпостной зависимости. Всегда должны быть поэтому точно установляемы доказательства дѣйствительной порочности и вреда ссылаемаго лица, разъ ужъ существуетъ у сельскаго общества подобное право, столь тяжело могущее отражаться на личности отдѣльныхъ членовъ (право, безъ сомнѣнія, подлежащее отмѣнѣ, совершенно несоотвѣтствующее нынѣшнему времени). То же самое можно сказать объ еще менѣе опредѣленно выраженномъ правѣ „временнаго устраненія крестьянъ отъ участія въ сходахъ.“

Предоставленіе, далѣе, опредѣленію обычаемъ „маловажныхъ проступковъ“, за которые крестьяне могутъ быть подвергаемы взысканіямъ волостными старшинами, сельскими старостами и волостными судами прежняго устройства, не предполагаетъ, однако, чтобы крестьяне могли быть наказы-

---

не получаютъ на сходахъ надлежащаго разрѣшенія. Два раза при насъ одно дѣло не получало на сходѣ разрѣшенія, создавая большія и совершенно ненужныя затрудненія для заинтересованныхъ лицъ; но стоило на третьемъ сходѣ одному крестьянину (возратившемуся въ то время изъ отхожаго промысла и явившемуся на сходъ) объяснить дѣло толкомъ и—оно получило разомъ желаемое разрѣшеніе, къ удовольствію всѣхъ участниковъ схода, сознавшихъ, что они напрасно затягивали постановленіе приговора. Затѣмъ, и порядка въ обсужденіи дѣлъ на сходѣ обыкновенно не соблюдается никакого. Небольшая кучка кричитъ очень громко; можно слышать отдѣльные односложные возгласы; восклицанія сопровождаются иногда отчаянной жестикуляціей; когда такого рода „пренія“ слишкомъ затягиваются, эта же кучка выходитъ въ корридоръ покричать на свободѣ Но когда „пренія“ и стихаютъ, невозможно бываетъ, въ особенности съ непривычки, понять, на чемъ и почему остановилась относительно рѣшенія дѣла даже эта кучка въ составѣ схода. Что же касается до массы членовъ схода, то она безучастна; изрѣдка поднимается изъ нея чей-нибудь одинокій голосъ... (да при неопредѣленности правъ на участіе въ сходѣ не всегда можно высказать свое мнѣніе участникамъ: оно можетъ не понравиться старостѣ или старшинѣ и повлечь за собою лишеніе права участія въ общественныхъ дѣлахъ). И писарь обращается не къ массѣ членовъ схода, а именно къ дѣя-

ваемы за дѣянія, которымъ, по общимъ началамъ права, невозможно придать значеніе преступленія или проступка. Обычай долженъ покоиться все же на извѣстныхъ разумныхъ основаніяхъ. Право наказанія, принадлежащее, по современнымъ понятіямъ, единственно государственной власти, слишкомъ существенно, слишкомъ близко затрагиваетъ важнѣйшія права личности, слишкомъ ограничиваетъ ея свободу,—для того чтобы быть безотчетнымъ, опираться на мнимыя основанія и спутывать понятія о дозволенномъ и запрещенномъ. То же самое можно сказать о власти земскаго начальника (нынѣ отмѣненной) наказывать крестьянъ въ дисциплинарномъ порядкѣ за неисполненіе его законныхъ распоряженій. За короткое время дѣятельности относительно послѣднихъ и состоялось въ практикѣ и литературѣ нѣсколько разъясненій ограничительнаго свойства. Столь же были желательны (и давно уже) такія же разъясненія относительно волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, такъ какъ ихъ усмотрѣніе можетъ, какъ видно, расходиться гораздо шире, а для крестьянина не можетъ быть утѣшенія въ томъ, что существенныя права его нарушаются своимъ же братомъ, крестьяниномъ. Между прочимъ, засвидѣтельствовано относительно прежнихъ волостныхъ судовъ (Березанскій, „Обычное уголовное право крестьянъ Тамбовской губерніи“, 242), какъ и относительно земскихъ начальниковъ (юньское внут-

---

тельной кучкѣ въ его составѣ съ вопросомъ „ну, что же? такъ что ли? на этомъ ли порѣшили? такъ ли записать?“... читая нерѣдко заранѣе составленный приговоръ.. И опять—безпорядочные крики... Такъ ли, не такъ ли?—выяснить это по новымъ преніямъ, равнымъ образомъ, невозможно. Оттого и окончательно составленный или лучше *записанный* приговоръ является какъ бы случайнымъ... Словомъ, правильной подачи голосовъ на сходѣ не существуетъ; масса членовъ ограничиваетъ свое участіе въ дѣлахъ только тѣмъ, главнымъ образомъ, что подписывается подъ состоявшимися описаннымъ путемъ приговорами (и на этомъ фонѣ въ тѣхъ сходахъ, гдѣ участвуютъ женщины, не поражаетъ уже и безправіе послѣднихъ). „Во всемъ же этомъ и коренится, между прочимъ, главное объясненіе нерѣдко встрѣчающихся неправильныхъ, явно несоотвѣтствующихъ интересамъ общества, несправедливыхъ приговоровъ. Напрасно укоряютъ въ нихъ народъ иногда даже такіе доброжелатели его, какъ покойный Астыревъ.,. А на стр. 244 перваго изданія своихъ очерковъ крестьянскаго самоуправленія.—„Въ волостныхъ писаряхъ“—онъ говорилъ, напримѣръ: „Разумъ у крестьянъ, при видѣ водки, какъ бы перестаетъ дѣйствовать, и въ тѣмъ большой степени, чѣмъ ихъ больше собрано вмѣстѣ; каждый изъ нихъ порознь, за малыми исключеніями, еще можетъ отказаться отъ водки, предлагаемой за какое нибудь грязное дѣло; тоже и по-двое, пожалуй и по-трое; но если

реннее обозрѣніе „Вѣстника Европы“ за 1894 г.), что тѣ и другіе наказываютъ иногда за подачу неосновательныхъ жалобъ. Это, конечно, вовсе не проявленіе „обычнаго права“, а нарушеніе предѣловъ власти ея представителемъ и нарушеніе коренного права личности, безразлично, исходятъ ли распоряженія о наказаніи за подобныя „преступныя дѣянія“ отъ земскаго начальника, или отъ сельскаго старосты, или отъ волостного суда, или старшины. И для лицъ высшихъ сословій, располагающихъ большими средствами для ознакомленія со своими легче постигаемыми правами и способами ихъ защиты, неосновательная жалоба, если въ ней не выразилось, по признанію суда, недобросовѣстное обвиненіе, не составляетъ ни преступленія, ни проступка. Какимъ же образомъ могъ бы подвергаться карѣ за нее крестьянинъ, подчасъ неграмотный и встрѣчающій чрезвычайныя трудности для ознакомленія со своими правами?

Также точно не можетъ быть относимо къ праву то, что за неисправность въ платежѣ податей наказываютъ крестьянъ арестомъ или розгами волостные суды или (еще чаще) волостные старшины и сельскіе старосты (Скоробогатый, „Устройство крестьянскихъ судовъ“, 4; Березанскій, 229). Мѣры взысканія податей возложены на сельскіе сходы, и даже сельскій сходъ не вооруженъ правомъ наказанія розгами или арестомъ за неисправность въ этомъ отношеніи (хотя ему предоставлены серьезные и даже прямо варварскіе способы воздѣйствія на

собралась толпа, то стремленіе находящихся въ числѣ ея единоличныхъ коренныхъ пьяницъ дорваться до водки, какою бы то ни было цѣною, какъ бы электрическимъ токомъ передается всему сходу; желаніе выпить въ компаніи, поразнообразить безшабашной гульбой свою вѣчно сѣрую, будничную жизнь, заговариваетъ съ особою силою, и—сходъ дѣлаетъ невѣроятныя вещи отдаетъ за безцѣнокъ мірскую землю, пропиваетъ чужой станъ колесъ, закабаляется за грошъ на многіе годы, обездоливаетъ правую изъ числа двухъ спорящихъ сторонъ, ссылаетъ невиннаго односельца на поселеніе, принимаетъ завѣдомаго вора обратно въ общество и т. п.“... Невозможно приписывать всей массѣ схода подобные приговоры и это пристрастіе къ водкѣ... Они—продуктъ самаго ограниченнаго меньшинства членовъ схода и возникаютъ единственно изъ полной безпорядочности объявленія, доклада, сужденія и разрѣшенія дѣлъ на сходахъ Огромнѣйшее большинство членовъ схода всегда постановитъ правильный приговоръ. Нужно только, чтобы, съ организаціей надлежащаго порядка во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ, всѣ члены схода могли высказаться по обсуждающимся вопросамъ, знакомиться съ ними надлежащимъ образомъ, относиться къ нимъ сознательно, рѣшать ихъ непосредственно, самостоятельно, путемъ правильнаго, точно и ясно установленнаго закономъ и соблюдаемаго голосованія.

неплательщиковъ). По словамъ В. И. Семевскаго („Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, 177), при существованіи крѣпостной зависимости, „главною *виною* со стороны крестьянина была неаккуратность въ уплатѣ оброка или въ исполненіи барщинной работы." Это могло быть по отношенію къ крѣпостному крестьянину,—но это недопустимо уже по отношенію къ крестьянину свободному.)

Обычай не можетъ, далѣе, освобождать волостного старшину отъ обязанности приглашать двухъ свидѣтелей въ случаяхъ примѣненія имъ дисциплинарной власти къ подвѣдомственнымъ крестьянамъ, хотя объ этой обязанности, вмѣненной старостѣ, и не сказано точно и прямо по отношенію къ волостному старшинѣ. Равнымъ образомъ, обычай не можетъ лишать наказываемыхъ волостнымъ старшиною въ дисциплинарномъ порядкѣ права жаловаться на него, хотя въ самомъ законѣ право обжалованія, установленное относительно сельскаго старосты, и не предоставлено прямо по отношенію къ волостному старшинѣ. Обратные обычаи—незаконны, не имѣютъ юридической силы, противны правамъ свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ таковыхъ.

Какъ мы видѣли выше, отрицательныя условія, препятствующія избранію въ должности по крестьянскому общественному управленію, крайне неопредѣленны и допускаютъ на дѣлѣ примѣненіе обычаевъ. Но обычай не можетъ освобождать отъ руководительства хотя бы такими указаніями закона и предоставлять опредѣленіе упомянутыхъ условій всецѣло усмотрѣнію учрежденій, утверждающихъ въ должностяхъ, замѣщаемыхъ по избранію. *)).

---

*) Эти соображенія имѣли значеніе, впрочемъ, только до изданія закона 23 мая 1878 г.,—которымъ именно предоставленно сельскимъ старостамъ и волостнымъ старшинамъ подвергать въ предѣлахъ своей карательной власти, плательщиковъ неисправныхъ „по упорству и нерадѣнію". Законъ этотъ, кстати, ясно показываетъ, какъ мало могла обезпечиваться и послѣдовавшимъ за освобожденіемъ законодательствомъ личность крестьянина, при наложеніи на него тяжести условій нашего освобожденія „съ землею"...

**) Законъ 9 іюля 1889 г., предоставляя утвержденіе волостныхъ судей въ прибалтійскихъ губерніяхъ мѣстному съѣзду мировыхъ судей, не даетъ послѣднему права отказывать избраннымъ волостными сходами лицамъ въ утвержденіи по своему неопредѣленному усмотрѣнію, произвольно. Неутвержденіе можетъ послѣдовать здѣсь лишь по условіямъ совершенно ясно и точно указаннымъ въ законѣ. Понятно, что такой порядокъ, прямо установленный закономъ, даетъ важное обезпеченіе волостнымъ судьямъ прибалтійскихъ губерній.

Далѣе, по утратѣ помѣщикомъ правъ вотчиной полиціи, удаленіе отъ должности „неблагонадежныхъ“ волостныхъ писарей осталось предоставленнымъ единственно непосредственному усмотрѣнію мировыхъ посредниковъ, впослѣдствіи уѣздныхъ присутствій, нынѣ земскихъ начальниковъ. Нѣтъ сомнѣнія приэтомъ, что доказательства „неблагонадежности“ необходимы нынѣ въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, и всецѣло усмотрѣніемъ указанныхъ властей „неблагонадежность“ эта не можетъ быть опредѣляема, разъ ужъ до сихъ поръ сохраняется черта столь шаткаго положенія волостного писаря,—(безъ сомнѣнія, давно подлежавшая отмѣнѣ). Затѣмъ, и по тому же самому, обычай не можетъ лишать лицъ, неутверждаемыхъ въ должностяхъ, и волостныхъ писарей, удаляемыхъ „по неблагонадежности“, права обжалованія подобныхъ распоряженій высшей власти, такъ какъ иначе повѣрка соображеній низшихъ установленій была бы совершенно невозможна, и могли бы развиваться обычаи незаконные и несовмѣстимые съ правами свободныхъ сельскихъ обывателей.

Наконецъ, подъ „другими причинами“, по которымъ сходы могутъ освобождать избираемыхъ лицъ отъ должностей, разумѣются причины, хотя точно и не обозначаемыя, во всякомъ случаѣ основательныя, дѣйствительно дѣлающія отправленіе должности для избираемаго слишкомъ тяжелымъ, разстраивающимъ его дѣла и отношенія. Наоборотъ, крестьянскіе сходы не могутъ освобождать отъ общественной службы за деньги, за выкупъ. Наблюдавшіеся обычаи этого рода лишены юридическаго значенія. Равнымъ образомъ, не можетъ имѣть юридическаго значенія указываемый г. Скорабогатымъ („Устр. крест. судовъ“, 44) обычай „угощенія схода водкою“, для избавленія, напримѣръ, отъ судейской должности, и совершенно неосновательно относить къ *праву* подобный обычай...

Хотя предметы вѣдомства крестьянскихъ сходовъ и обозначены въ законѣ односложно, не установлены съ достаточною точностію, тѣмъ не менѣе, несоблюденіе предѣловъ закона, въ особенности явное, не можетъ составить юридическаго обычая. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сельскіе сходы выступаютъ, по закону, въ значеніи, напоминающемъ судебную власть. Такіе случаи опредѣленно указаны въ законѣ. Затѣмъ, внѣ этихъ случаевъ сходъ не можетъ присваивать себѣ права суда и расправы. Поэтому, не относится къ праву, а составляетъ нарушеніе права, то, что, напримѣръ, по указаніямъ г. Скоробогатаго, „розгами весьма часто наказываютъ на сельскомъ

сходѣ за маловажные проступки, чтобы поучить виновнаго"; что за конокрадство наказаніе, налагаемое собственною властію схода, простирается до двухсотъ ударовъ розгами (стр. 17 и 24), и пр.

Вообще, учрежденій и лицъ, имѣющихъ право суда и расправы надъ крестьяниномъ, не можетъ быть больше, чѣмъ указано въ законѣ. „Судомъ по обычному праву" или „обычнымъ судомъ" можетъ быть лишь судъ, опредѣленно существовавшій при крѣпостной зависимости и сохраняемый примѣчаніемъ 2 къ ст. 93 Общаго Положенія. Такой судъ можетъ быть, слѣдовательно, только среди крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ. Его не можетъ быть среди крестьянъ бывшихъ государственныхъ. Равно не можетъ быть такого суда и вообще въ губерніяхъ, гдѣ введены законоположенія 12 іюля 1889 г., такъ какъ новыя временныя правила о волостномъ судѣ не допускаютъ болѣе его существованія. „Обычнымъ судомъ" можетъ быть еще третейскій судъ, къ которому стороны прибѣгаютъ *добровольно*, съ непремѣннаго общаго согласія, и который онѣ могутъ при этомъ организовывать какъ имъ угодно, облекать властію разрѣшать ихъ дѣла и по закону, и по обычаю. Затѣмъ, всякіе иные „обычные суды", въ которомъ стороны были-бы *принуждаемы* обращаться,— не могутъ имѣть никакого юридическаго значенія. Среди крестьянскаго населенія Россіи,—говоритъ, однако, г. Скоробогатый, на основаніи „Трудовъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ", — существуетъ *еще цѣлая масса судилищъ*, совершенно игнорируемыхъ закономъ. Въ числѣ этихъ „судилищъ" значатся и сельскіе сходы. „Судилища" эти рѣшаютъ дѣла по обычаю. Г. Скоробогатый приводитъ и нѣсколько образчиковъ, дѣятельности этого обычнаго суда. *)

---

*) Такъ г. Скоробогатый, между прочимъ, разсказываетъ „По дѣлу о кражѣ Власовымъ у Иванова, квартиранта Карасева, сапогъ, которые найдены были въ сундукѣ у Карасева,—собранъ былъ сельскій сходъ, гдѣ Власовъ попросилъ прощенья за свой проступокъ, но приэтомъ обязался уплатить Иванову 6 руб., которые онъ, Ивановъ, взялъ взаймы у Карасаева. Сходъ же, не хотѣвши простить этотъ проступокъ, наказалъ Власова розгами домашнимъ порядкомъ и взялъ штрафъ въ три рубля въ пользу мірскихъ суммъ; но 6 руб. Власовъ Карасеву не отдалъ, отзываясь тѣмъ, что сходъ освободилъ его отъ платежа. Волостной судъ, находя постановленіе волостного схода незаконнымъ, опредѣлилъ взыскать съ Власова въ пользу Карасева 6 руб., а за проступокъ арестовать Карасева на три дня на общественныя работы". Такимъ образомъ, наказанный за проступокъ

Обычай не можетъ, однако, создавать такихъ „судилищъ“,—и крестьяне не обязаны имъ подчиняться. Да и было бы ужасно, и званіе свободныхъ сельскихъ обывателей было-бы мнимымъ, если-бы, кромѣ цѣлаго ряда мѣстъ и лицъ, созданныхъ самимъ закономъ и облеченныхъ имъ правомъ судить и наказывать крестьянъ по обычаю за неопредѣленно обозначаемые „маловажные проступки“, по крайней мѣрѣ, въ слабыхъ размѣрахъ,—если-бы, кромѣ такихъ законныхъ судилищъ, не создающихъ и не обезпечивающихъ въ сущности для крестьянъ необходимаго, элементарнаго права личности—отвѣчать за проступки по суду и закону, существовала-бы и освящалась правомъ „еще цѣлая масса судилищъ“,—неограниченная (какъ она представляется въ матеріалахъ и изслѣдованіяхъ) ни свойствомъ дѣль, ни родомъ, ни мѣрою наказанія) прямой остатокъ помѣщичьяго „обычнаго суда“), присуждающая къ постановкѣ водки, и при всемъ томъ не знающая обжалованія и перевершенія ея постановленій высшею инстанціей и не устраняющая того, что наказанный по ея постановленію будетъ наказанъ еще волостнымъ или инымъ судомъ... Повторяемъ, за освобожденными крестьянами принципіально признаны

„обычнымъ судомъ“ (сельскимъ сходомъ) не избавился и отъ вторичнаго, хотя и болѣе легкаго, наказанія со стороны законнаго (волостного) суда,—и вопреки общимъ началамъ права, не чуждымъ и нашему законодательству, понесъ двойное наказаніе за одно и то же дѣяніе, благодаря существованію „обычнаго суда“. Здѣсь любопытно то, что волостной судъ не призналъ обычнаго суда, даже объявилъ дѣйствія его незаконными,—между тѣмъ какъ изслѣдователь и настоящее(какъ и нижеизлагаемое имъ)проявленіе дѣятельности„обычнаго суда“ смѣло приравниваетъ къ праву,—„обычному праву“...—„Крестьянинъ К. дознался—говоритъ дальше г. Скоробогатый—что украденныя у него деньги изъ дому, безъ взлома замка, и шесть овчинъ, стоющія, по мѣстнымъ цѣнамъ, 9 руб., находятся у крестьянина П., —вслѣдствіе чего просилъ старосту и сотника идти въ домъ П. и обыскать покражу. По прибытіи туда этихъ лицъ съ понятыми, жена П., Аксинья, догадавшись объ обыскѣ, схватила изъ амбара овчины и спрятала ихъ за оный въ солому; но по спросу старосты и сотника, созналась въ семъ и тутъ же имъ отдала. Староста, получивъ овчины, отдалъ ихъ хозяину, а самъ съ однообщественниками своими взяли рыдванную на ходу телегу, увезли ее къ питейному заведенію и заложили Я. за три рубля 60 к., на каковыя деньги купили вина и выпили обществомъ, а крестьянъ П. уплатилъ Я. деньги 3 р. 60 к., и сверхъ того, 3 р. 40 к., какъ будто на мировую сдѣлку (процентъ?) ему же, Я., и при старостѣ и сотникѣ и двухъ крестьянахъ взялъ свою телѣгу обратно. Послѣ сего староста сказалъ: „дѣло это кончено, и я прощаю“.. („Устройство крестьянскихъ судовъ“, стр. 31—32).

всѣ права свободныхъ сельскихъ обывателей, и пребывавшіе всегда свободными сельскими обывателями государственные крестьяне не лишены были этихъ правъ и при реформѣ 1866 г. При признаніи-же „обычныхъ судилищъ“ законными, о свободномъ сельскомъ обывателѣ можно было-бы сказать, что это есть тотъ россійскій „гражданинъ“, который... не знаетъ... кто его... *не можетъ*... наказать за то... что онъ... не ползаетъ на четверенькахъ...)

Потому же самому, обычай не можетъ дѣлать еще менѣе обезпеченнымъ положеніе должностныхъ лицъ, чѣмъ какъ представляется оно по закону, „Большею частью,—указываетъ г. Березанскій („Обычное право Тамбовской губ.“, 235)—сельскіе старосты, за проступки по должности, штрафуются или сажаются подъ арестъ не по приговорамъ волостныхъ судовъ, а властію волостныхъ старшинъ“... Такой порядокъ выставляется какъ проявленіе „обычнаго права“... Но—старосты, по закону, не могутъ быть подвергаемы взысканіямъ, за проступки по должности, не только волостными старшинами, но и волостными судами. Они самостоятельны въ предѣлахъ своей дѣятельности, какъ органы сельскаго самоуправленія,—хотя и имѣющаго весьма условное значеніе и служащіе постороннимъ цѣлямъ,—и не подчинены непосредственно волостнымъ старшинамъ. Съ своей стороны, обычай не можетъ измѣнять подобное, основанное на законѣ, положеніе и расширять значеніе представителя волости въ ущербъ значенію представителя сельскаго общества. **)

III. Обычное полицейское право.

Важнѣйшимъ явленіемъ въ жизни освобожденныхъ крестьянъ, съ которымъ связано было сохраненіе нѣкоторыхъ обычаевъ крѣпостныхъ отношеній, входящихъ въ область поли-

*) Вопросъ о судостройствѣ относится собственно къ судебному праву, ниже разсматриваемому (глава VII. Но мы коснулись его въ настоящей главѣ, посвященной государственному праву,—такъ какъ предметъ этотъ слишкомъ тѣсно связанъ съ личными правами крестьянъ и такъ какъ крестьянскіе суды до сихъ поръ имѣютъ характеръ административныхъ расправъ.

**) По совершенно правильному методу довольно богатый, спеціально собранный матерьялъ по государственному праву, разработалъ въ книгѣ: кн. В. В. Тенишевъ, членъ Государственной Думы „Административное положеніе русскаго крестьянина“. Спб. 1908 г. —Работа эта особенно цѣнна въ томъ отношеніи, что основана на матерьялахъ сравнительно новыхъ.

цейскаго права и имѣющихъ нынѣ лишь историческое значеніе, —было, *надѣленіе ихъ помѣщичьею землею не въ собственность, а въ постоянное пользованіе,* безъ обязательнаго выкупа съ самаго начала. Этою мѣрою и всѣми условіями ея выполненія объясняется вообще весьма многое въ законодательствѣ о крестьянахъ и въ области ихъ обычаевъ, по закону и на дѣлѣ существующихъ и донынѣ. Она разсматривается обыкновенно только съ *экономической* точки зрѣнія.) Но надѣленіе землею само по себѣ представляется юридическимъ явленіемъ и чревато важнѣйшими юридическими послѣдствіями.) Отсюда, въ истинномъ своемъ значеніи, мѣра эта можетъ быть понята лишь тогда, когда будетъ разсматриваться во *всѣхъ* слѣдствіяхъ и вліяніяхъ, съ которыми *она соединена. Надѣленіе крѣпостныхъ крестьянъ помѣщичьею землею слѣдуетъ, поэтому имѣть въ виду постоянно, при оцѣнкѣ юридическихъ условій существованія крестьянства.*

Надѣленіе крестьянъ землею именно входитъ въ область полицейскаго права. Оно совершено не по началамъ и соображеніямъ гражданскаго права,—хотя помѣщики и сами признавали, что право крестьянъ на землю освящено давностью, хотя также имѣется не мало указаній на то, что крестьяне подпадали крѣпостной зависимости, обладая собственными зе-

---

*) Н Г. Чернышевскій, въ горячихъ статьяхъ, печатавшихся въ „Современникѣ“ въ періодъ работъ редакціонныхъ комиссій, доказывалъ, что выкупная сумма средняго душевого надѣла не должна была бы превосходить „по его вычисленіямъ, 49 р. 5 к.“ (См. приложеніе къ „Современнику“ за 1858 г., „Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ“ № 7, стр, 17). На дѣлѣ душевой надѣлъ былъ оплаченъ крестьянами гораздо дороже,—свыше 120 руб. Превосходный разборъ того, какою экономическою цѣною (весьма высокою) купили помѣщичьи крестьяне землю у помѣщиковъ, сдѣланъ кн. Д. И. Шаховскимъ въ чрезвычайно интересной и доказательной статьѣ „Выкупные платежи въ томѣ VI „Великой Реформы“.

**) Мы только что (глава II) видѣли, какъ условія русскаго освобожденія съ землею отразилось на крестьянахъ въ важнѣйшемъ отношеніи,—въ области опредѣленія ихъ личныхъ и общественныхъ правъ.

Проф. Вормсъ, обращая вниманіе и на юридическую сторону положенія крестьянъ, въ частности же на юридическія послѣдствія надѣленія крестьянъ помѣщичьею землею, правильно замѣчаетъ, указывая на тяжесть этихъ условій въ статьѣ „Положенія 19 февраля 1861 г.“ въ VI томѣ „Великой Реформы“. „Свободное, бодрое, предпріимчивое крестьянство справилось бы и съ высокими платежами, интенсивной работой съумѣло бы извлечь многое изъ своего скуднаго надѣла Нынѣ же мы видимъ, какъ бѣдствуютъ и нуждаются въ продовольственной помощи даже многоземельные крестьяне“

млями, переходившими потомъ къ помѣщикамъ, а также и на что, находясь въ крѣпостной зависимости, крестьяне покупали иногда земли на имя своихъ помѣщиковъ. Гражданское право не знаетъ договоровъ, совершаемыхъ принудительно, по требованію власти, обязательному для обѣихъ сторонъ, какъ происходило здѣсь; сдѣлки гражданскаго права--всегда безусловно добровольныя и заключаются сторонами съ общаго свободнаго согласія. Надѣленіе землею совершено также и не по началамъ государственнаго права въ обширномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ эти начала обусловливали-бы собою непремѣнное твердое опредѣленіе правъ и мѣры противъ поглощенія юридическаго элемента экономическимъ, хозяйственнымъ, полицейскимъ.

Для чего же именно и по какимъ ближайшимъ соображеніямъ установлено было надѣленіе землею освобождавшихся крестьянъ? Во-первыхъ, въ видахъ общей безопасности, которой могло угрожать отсутствіе у двадцати трехъ милліоновъ населенія непосредственной точки приложенія своего труда, и возможность возникновенія голода; во-вторыхъ, въ предотвращеніе слишкомъ большой подвижности крестьянскаго населенія; въ-третьихъ, ради интересовъ помѣщиковъ, значительная часть которыхъ понесла-бы слишкомъ большія потери, оставшись съ землею, но безъ рабочихъ рукъ, арендаторовъ и кредитоспособныхъ покупщиковъ; въ-четвертыхъ, наконецъ, съ цѣлью такой организаціи крестьянскаго труда, при которой онъ не утратилъ-бы вполнѣ своего экономическаго значенія для помѣщичьяго класса. *)

Сохраненіе обычаевъ крѣпостныхъ отношеній съ надѣленіемъ крестьянъ землею выразилось, прежде всего, въ томъ, что въ основу опредѣленія повинностей за землю былъ принятъ „существующій фактъ“,—особой же оцѣнки надѣловъ произведено не было („Матеріалы“, т. III, кн. 2, изд. 2, 428—429). **) Отсюда—платежи за землю, несоразмѣрные съ ея

*) Эти соображенія и основанія не формулированы совершенно точно, но мы выводимъ ихъ съ полнымъ основаніемъ изъ существа и всего хода этого дѣла, какъ оно рисуется въ обширныхъ „Матеріалахъ редакціонныхъ комиссій по составленію положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости“, въ трудѣ А. И. Скребицкаго „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II“ и въ запискахъ Н. П. Семенова: „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“.

**) „Комиссіи опредѣляютъ оброки на основаніи существующихъ и не ищутъ въ настоящее время строгаго соразмѣренія ихъ съ стоимостью земли, во-первыхъ, потому что еслибъ онѣ задались такою за-

цѣнностью и доходностью. Количество отводившейся земли показывалось, далѣе,—„приблизительно, по примѣрному домашнему измѣренію“ (ст. 33 правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ), т. е. такъ же, какъ это было и при крѣпостной зависимости. Даже въ случаѣ спора, предъявленнаго крестьянами, производилось мировымъ посредникомъ также—„приблизительное измѣреніе земли: или чрезъ землемѣра, или *домашними* средствами, руководствуясь извѣстными, по мѣстнымъ условіямъ, отношеніями десятины земли къ количеству высѣваемыхъ сѣмянъ, ежегодно собираемаго сѣна и *другими* свѣдѣніями, основанными на мѣстныхъ способахъ обработки земель, пашенныхъ и луговыхъ“ (ст. 34 тѣхъ же правилъ). До утвержденія уставныхъ грамотъ, крестьяне, пользовавшіеся одною усадебною землею, должны были отправлять за нее барщину „по мѣстному обычаю“, хотя „не болѣе того“,—добавлялось тутъ (ст. 6 и 7), въ предупрежденіе примѣненія тѣхъ крѣпостныхъ обычаевъ, въ силу которыхъ право обложенія крестьянъ помѣщикомъ было безгранично. Новыя повинности за землю, по предположеніямъ *всѣхъ* комитетовъ, могли быть трехъ родовъ,—смѣшанныя, денежныя или натуральныя, такъ же какъ и при крѣпостной зависимости,—и выборъ тѣхъ или иныхъ повинностей ставился въ непремѣнную зависимость отъ помѣщика („Матеріалы“, т. I, кн. 2, изд. 2). Законъ установилъ, однако, лишь денежную или,—и то на ограниченное время,—издѣльную повинность. Онъ отмѣнилъ при этомъ всѣ существовавшія по

дачею, то въ нечерноземной полосѣ Россіи разорили бы вконецъ все дворянство, получающее свои оброки не исключительно съ земли, а преимущественно съ личности крестьянина. Стало быть, десять рублей оброка слагаются изъ двухъ цифръ, изъ которыхъ одна есть процентъ со стоимости земли, а другая—подать съ личности“. Это высказывалъ Н. П. Семеновъ по вопросу о предполагавшейся въ будущемъ переоцѣнкѣ повинностей, въ тѣхъ видахъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи не была увѣковѣчена та „несправедливость,—по его словамъ—которую правительство вынесло изъ крѣпостного права, только для того, чтобы не разорить помѣщиковъ“ Н. П Семеновъ,—„Освобожденіе крестьянъ“, т. III, ч. I-ая, 502).—Въ одномъ изъ засѣданій общаго присутствія, кн. Черкасскій призналъ самъ, что „правительство для сѣверныхъ губерній, нѣкоторымъ образомъ, согласилось продолжать крѣпостное право тѣмъ, что навязало имъ землю, заставляя ихъ платить за право пользованія ею или покупать ее,—тогда какъ она, по отзывамъ гг. депутатовъ, сама по себѣ почти ничего не стоитъ,—потому только, что иначе помѣщики пострадали бы“ (тамъ же, т. II, 38).—Это было высказано въ видѣ возраженія на

обычаю вещественныя дани,—баранами, птицею, яйцами, масломъ, ягодами, грибами, пряжею, холстомъ и т. п. Вопреки домогательствамъ губернскихъ комитетовъ, были отмѣнены опредѣлявшіяся также обычаемъ добавочныя повинности,—караулы при господскихъ усадьбахъ, лѣсахъ, поляхъ, сѣнокосахъ и пр. (ст. 164 мѣстнаго положенія губерній великорос.). Но на крестьянъ возложены были обязанности по предохраненію владѣльца и его имущества отъ опасности при всякихъ несчастныхъ случаяхъ, какъ-то пожарахъ, наводненіяхъ, повальныхъ болѣзняхъ и скотскихъ падежахъ (ст. 150 Общаго Положенія); при неопредѣленности же этихъ постановленій и по широтѣ права требованія, возникавшаго изъ нихъ для помѣщика,—очевидно, могли еще такимъ путемъ сохраняться и нѣкоторые обычаи крѣпостныхъ отношеній. Довольно трудно также признать полезною для однихъ крестьянъ возложенную на нихъ обязательную повинность „содержанія карауловъ въ деревняхъ“ (ст. 179 Общаго Положенія), такъ какъ среди деревень или въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними находились всегда и господскія усадьбы.

Примѣненіе цѣлаго ряда „мѣстныхъ обычаевъ“ допускалось, далѣе, съ установленіемъ, хотя и на ограниченное время, издѣльной повинности за землю *(барщины)*. Въ первые два года по обнародованіи положеній 19 февраля 1861 г., издѣльная повинность сохранялась тамъ, гдѣ она существовала при крѣпостной зависимости, и крестьяне не могли перейти отъ нея къ денежной повинности безъ согласія помѣщика. За-

---

замѣчанія депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, которые, всетаки, были недовольны установлявшимися размѣрами оброковъ... Они настаивали на болѣе высокихъ размѣрахъ... Отсюда, между прочимъ, характерная выходка ярославскаго депутата Васильева, въ одномъ изъ общихъ собраній комиссій,—какъ ее описываетъ Н. П. Семеновъ (томъ II, 44—45). Упомянутый депутатъ настаивалъ на оброкѣ въ размѣрѣ 14 руб. 25 коп. Ему отвѣчали Милютинъ и Самаринъ. „Такіе оброки (основанные на произвольной оцѣнкѣ крѣпостного труда)—говорили они—заключали бы въ себѣ дорогой выкупъ личности и были бы ухудшеніемъ быта владѣльческихъ крестьянъ“... Этими возраженіями—замѣчаетъ Семеновъ—членъ ярославскаго комитета Васильевъ былъ, видимо, оскорбленъ. Онъ заявилъ, что если избраннымъ дворянствомъ, то есть, цѣлому комитету, состоящему изъ 23 человѣкъ, приписываютъ желаніе ограбить крестьянъ, то присутствіе его въ комиссіяхъ и дальнѣйшія объясненія ни къ чему послужить не могутъ и онъ предпочитаетъ оставить собраніе“... Затѣмъ, ярославскій депутатъ удалился...

тѣмъ, для этого перехода требовалось, кромѣ отсутствія недоимокъ, соблюденіе извѣстныхъ сроковъ, опредѣляемыхъ уѣзднымъ мировымъ съѣздомъ, „согласно мѣстнымъ обычаямъ“ (ст. 239 мѣстнаго положенія губерній великороссійскихъ). По отношенію къ порядку отправленія барщины, постановлялось также: „въ мѣстностяхъ, гдѣ, *по существующему обычаю*, требуются для нѣкоторыхъ работъ работники двухъ или трехъ-конные, предоставляется помѣщику, соразмѣрно со средствами крестьянъ, требовать двухъ или трехъ-конныхъ дней“ (ст. 202). Такимъ же образомъ, урочныя положенія для издѣльныхъ работъ должны были составляться—„не вдаваясь въ мелкія подробности и на основаніи существующаго въ мѣстномъ хозяйствѣ обычая“ (ст. 214).) Точно также *обычаемъ* должно было опредѣляться, какія работы несвойственны женскому полу (ст. 214), и т. д.

Каковы были предѣлы возникавшаго, такимъ образомъ, „обычнаго полицейскаго права?“—Предѣлы эти не могли не быть установлены; но, съ другой стороны, по существу дѣла, они не могли быть и указаны съ достаточною ясностью. Предѣлы эти указывались именно тѣмъ, что ни одинъ разъ, въ различныхъ положеніяхъ и правилахъ 19 февраля 1861 г., дѣлалось предупрежденіе, чтобы сдѣлки, заключаемыя между помѣщиками и крестьянами, *не были противны общимъ гражданскимъ законамъ и не ограничивали правъ личныхъ, имущественныхъ и по состоянію, предоставляемыхъ крестьянамъ*. Но это постановленіе не могло налагать особыхъ ограниченій на дѣйствіе обычаевъ, оставшихся отъ періода крѣпостной зависимости,—ибо хотя крѣпостные крестьяне переходили въ разрядъ свободныхъ сельскихъ обывателей, но точно и ясно личныя права послѣднихъ имъ не передавались на время срочно-обязаннаго состоянія, въ которое освобож-

*) Трудно было бы, однако, предполагать существованіе при крѣпостной зависимости какихъ либо достойныхъ получить правовое значеніе обычаевъ по настоящему предмету .. Князь Воронцовъ, въ перепискѣ съ графомъ Киселевымъ, указывалъ, по крайней мѣрѣ, какъ на обычай, очень часто наблюдавшійся въ помѣщичьемъ быту, —сѣчь розгами и бить нагайкой крестьянскихъ женщинъ съ грудными дѣтьми, опаздывающихъ на работу... (Заблоцкій, т. IV, 189). На этомъ онъ основывалъ даже въ свое время соображенія о томъ, что, пока подобныя явленія существуютъ въ Россіи, до тѣхъ поръ, будто бы,—„мы не имѣемъ права установлять законы болѣе гуманные и болѣе сообразные съ духомъ времени въ провинціи (на Кавказѣ), гдѣ цивилизація вообще стоитъ гораздо ниже нашей“.

денные крестьяне вступали прежде всего, и выясненіе этихъ правъ представляло иногда значительныя затрудненія. Явилось даже воззрѣніе, отвергавшее всякое значеніе общихъ гражданскихъ законовъ для крѣпостныхъ крестьянъ. Дѣйствительное ограниченіе и точные предѣлы могла установить лишь мѣра окончательнаго раскрѣпощенія освобожденныхъ крестьянъ. До 1881 года такая мѣра могла получать примѣненіе лишь въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, въ видѣ выкупа надѣловъ по добровольному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками (по выкупнымъ *договорамъ*) или по требованію самихъ помѣщиковъ (по выкупнымъ *актамъ*). Какъ общая же, подобная мѣра (не получившая только до сихъ поръ распространеніе на крестьянъ губерній закавказскихъ) явилась только въ 1881 г., въ видѣ *обязательнаго выкупа* надѣловъ, на основаніи работъ, предпринятыхъ при Александрѣ II, въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликова, и выполненныхъ при участіи „свѣдующихъ людей“. Обязательный выкупъ имѣетъ, поэтому, въ высшей степени важное значеніе. Отсюда—должна замѣчаться существенная разница въ обычаяхъ и юридическомъ положеніи крестьянъ,—въ зависимости отъ того, когда поступили они на выкупные платежи, слѣдовавшіе уже государству, расплачивавшемуся за нихъ съ помѣщиками и дѣлавшему крестьянъ своими должниками,—другими словами, когда освободились отъ всякихъ „обычныхъ даней“ въ пользу своихъ бывшихъ помѣщиковъ, выплачивавшихся прямо или косвенно „цѣною крови“ (ограниченіемъ правъ)... Отсюда-же и чрезвычайно важныя послѣдствія для правового положенія и юридическихъ воззрѣній крестьянъ полнаго сложенія (съ 1 января 1907 г.) выкупныхъ платежей по Высочайшему указу 3 ноября 1905 г. Если законъ объ обязательномъ выкупѣ имѣлъ прямыя юридическія послѣдствія, то указъ 3 ноября получилъ важное юридическое значеніе косвенно, съ ослабленіемъ экономическаго гнета, возложеннаго на крестьянъ освобожденіемъ „съ землею“. Указъ 5 октября 1906 г. о снятіи съ крестьянъ нѣкоторыхъ правовыхъ ограниченій и являлся въ значительной степени этимъ косвеннымъ послѣдствіемъ отмѣны выкупныхъ платежей.

Непосредственно обычаи, допущенные вслѣдствіе надѣленія землею, касаются бывшихъ крестьянъ помѣщичьихъ. Но они получили также извѣстное значеніе (главнымъ образомъ, въ отношеніи опредѣленія правъ на землю) для государственныхъ крестьянъ девяти западныхъ губерній и для крестьянъ

удѣльныхъ,—вслѣдствіе того, что положеніе о выкупѣ крѣпостными крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ, полученныхъ отъ помѣщиковъ, примѣнено было и къ названнымъ разрядамъ крестьянъ, на началахъ обязательности, но безъ всякой переработки. Обычаи эти проникли и вообще въ крестьянскія отношенія, такъ какъ порядокъ раскладки и мѣры взысканія повинностей въ пользу помѣщика примѣнены были къ выкупнымъ платежамъ и прочимъ государственнымъ, земскимъ и мірскимъ податямъ, взимаемымъ съ крестьянъ. Какъ мы увидимъ ниже,—они вошли въ область нынѣшняго общекрестьянскаго обычнаго финансоваго права.

Довольно широкую область примѣненія обычнаго полицейскаго права создаетъ возложеніе на крестьянскія общества цѣлаго ряда мѣропріятій, имѣющихъ въ виду ихъ собственныя нужды и потребности (хотя для этихъ мѣропріятій часто не оказывается уже ни средствъ, ни силъ у крестьянъ, обремененныхъ обязанностями, имѣющими въ виду иныя нужды и потребности). Таковы мѣропріятія по предупрежденію и пресѣченію пожаровъ и заразительныхъ болѣзней, по содержанію въ исправности сельскихъ путей сообщенія, по призрѣнію престарѣлыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ членовъ, и по различнымъ инымъ сторонамъ сельскаго благоустройства и безопасности. Мѣропріятія этого рода сдѣланы закономъ *обязательными* для крестьянскихъ обществъ; но порядокъ и размѣры ихъ выполненія не опредѣлены, и именно отсюда возникаетъ примѣненіе различныхъ обычаевъ къ ихъ осуществленію. Относительно же предѣловъ дѣйствія создающагося такимъ образомъ обычнаго права можно замѣтить слѣдующее: требованія касательно степени осуществленія отмѣченныхъ обязательныхъ мѣропріятій, съ одной стороны, должны быть соразмѣряемы съ силами крестьянъ и средствами каждаго даннаго крестьянскаго общества, и—усмотрѣнію крестьянъ долженъ быть предоставляемъ достаточно широкій просторъ; съ другой же, указываемыя мѣропріятія, по существу своему, таковы, что, затрагивая не чисто мѣстные интересы, а имѣя, напротивъ, извѣстное общее значеніе (такъ какъ недостаточность мѣръ противъ повальныхъ болѣзней можетъ привести къ широкому распространенію заразы),—они должны вызывать содѣйствіе со стороны мѣстныхъ общихъ установленій (земствъ), въ случаѣ невозможности для крестьянъ организо-

вать ихъ надлежащимъ образомъ, то есть, почти всегда *). Съ тѣмъ вмѣстѣ мѣропріятія эти должны быть сообразуемы съ правами личности. Такъ не можетъ быть признанъ юридическимъ обычай заковывать на цѣпь лицъ, одержимыхъ душевными болѣзнями,—обычай, столь ярко рисуемый г. Александромъ Чеховымъ въ разсказѣ доктора Вяшкова о тѣхъ ужасныхъ цѣпяхъ, въ которыхъ крестьяне часто привозятъ больныхъ въ лѣчебницу, описываемую г. Чеховымъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1894 г. Такимъ же образомъ, и положительные отвѣты на вопросы программы А. Ф. Кистяковскаго—„Не обращается ли народъ съ безумными и сумасшедшими жестоко и безчеловѣчно, не держитъ ли онъ ихъ на цѣпи, въ подвалахъ и пр.?“—не могутъ быть отнесены къ обычному праву.

Благодаря цѣлому ряду обязательныхъ мѣропріятій по сельскому благоустройству и безопасности, возложенныхъ на крестьянскія общества, и вслѣдствіе тяжести финансовыхъ обязанностей крестьянъ, создался обычай, ограничивавшій право передвиженія крестьянъ. Съ одной стороны, сельское начальство отказывало въ увольненіи своимъ членамъ въ иныхъ случаяхъ, кромѣ того, который указанъ въ законѣ (см. о немъ въ слѣдующей главѣ); съ другой, домохозяинъ, въ свою очередь, нерѣдко отказывалъ въ правѣ на отлучку члену своего двора. Обычаи эти едва ли могли быть признаваемы юридическими. Но положеніемъ о видахъ на жительство 3 іюня 1894 г. они были какъ бы узаконены (но затѣмъ отмѣнены указомъ 5 октября 1906 г.). Ст. 19 закона 3 іюня гласила: „Неотдѣленнымъ членамъ крестьянскихъ семействъ, хотя бы и совершеннолѣтнимъ, виды на жительство выдаются и возобновляются не иначе, какъ съ согласія хозяина крестьянскаго двора. Въ случаѣ отказа съ его стороны, виды на жительство могутъ быть выдаваемы означеннымъ лицамъ по распоряженію земскаго начальника, мирового посредника, непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ

*) Такъ и происходитъ на дѣлѣ, въ особенности благодаря совпаденію между мѣропріятіями обязательными для крестьянскихъ обществъ и не всегда обязательными (напримѣръ, по части медицины) для земскихъ учрежденій. Организацію существующихъ мѣропріятій въ настоящихъ отношеніяхъ не слѣдуетъ, поэтому, относить къ заслугамъ одного земства. Цѣлый рядъ больничекъ, фельдшерскихъ и докторскихъ „пунктовъ“, училищъ и пр.—содержится единственно даже на крестьянскія средства.

присутствія, чиновника, либо комисара по крестьянскимъ дѣламъ, или замѣняющихъ ихъ должностныхъ лицъ, по принадлежности. Распоряженія сего рода обжалованію не подлежатъ".

Очевидно, что земскимъ начальникамъ предоставляется здѣсь сообразоваться съ мѣстными обычаями и утверждать окончательно своею властью дѣйствія домохозяевъ, коль скоро они согласованы съ этими обычаями. Однако, во всякомъ случаѣ, имѣлась тутъ въ виду и повѣрка правильности дѣйствій домохозяина, и открывалась возможность выхода изъ затруднительнаго положенія и смягченія слишкомъ суроваго обычая, въ естественныхъ интересахъ личности, оставлять которые безъ огражденія становится менѣе и менѣе сообразнымъ съ ихъ существомъ... Земскіе начальники должны были сдерживать произволъ старшихъ членовъ крестьянскихъ семей.

IV. Обычное финансовое право.

При освобожденіи крестьянъ, неизбѣжно возложена была на нихъ *круговая порука* въ отношеніи платежей за землю, которую они обязывались брать у помѣщиковъ. Это—явленіе „обычнаго права помѣщиковъ", по своему происхожденію. Круговая порука была именно введена помѣщиками, явившись для государственныхъ крестьянъ лишь въ 1769 г. (Заблоцкій-Десятовскій—„Гр. Киселевъ", т. II, 30; Семевскій—„Крестьяне въ царствованіе Екатерины II", 231). Безъ круговой поруки, не было бы обезпечено исправное полученіе помѣщикомъ и съ освобожденныхъ крестьянъ платежей за землю (какъ значительно превосходившихъ ея цѣнность и доходность). Она была, поэтому, узаконена 19 февраля 1861 г. Отсюда же, равно изъ надѣленія землею непосредственно сельскихъ обществъ,—вытекала необходимость предоставленія общественнымъ сходамъ освобожденныхъ крестьянъ права раскладывать между своими членами всѣ падающіе на общество платежи. По существу своему, это было право развивать обычные финансовые порядки, въ смыслѣ выработки основаній обложенія, и это право,—*примѣнимое*, однако, *и безъ круговой поруки*,—было всецѣло предоставлено освобожденнымъ крестьянамъ, сохранившись и для государственныхъ крестьянъ съ реформою 1866 г. Опредѣлять его закономъ было, дѣйствительно, затруднительно.

Но область примѣненія обычнаго финансоваго права не ограничилась этимъ. Не могли быть предоставлены сельскимъ сходамъ всякія, совершенно произвольно опредѣляемыя и примѣняемыя, мѣры взысканія платежей, раскладываемыхъ ими между своими членами. Въ виду тяжести этихъ платежей и страха передъ круговой порукою, могли бы избираться слишкомъ суровые способы воздѣйствія на плательщика, и освобожденный крестьянинъ могъ бы оказаться въ положеніи, слишкомъ живо напоминающемъ то, изъ котораго онъ только что вышелъ. Поэтому, сельскимъ сходамъ указаны были до нѣкоторой степени опредѣленныя мѣры, подлежавшія примѣненію къ неисправнымъ плательщикамъ,—мѣры, однако, столь тяжкія, что иные культурные люди, ратовавшіе подчасъ въ свое время за обусловливающую ихъ круговую поруку для крестьянъ, съ отчаяннымъ единодушіемъ отказались бы отъ нея... для себя. Такимъ образомъ, по ст. 188 Общаго Положенія, сельскій сходъ въ отношеніи неисправныхъ плательщиковъ могъ, между прочимъ: отдать недоимщика или кого либо изъ членовъ его семейства въ посторонніе заработки, съ условіемъ обращенія заработанныхъ денегъ въ мірскую кассу; опредѣлить къ недоимщику опекуна или вмѣсто неисправнаго хозяина назначить старшимъ въ домѣ другого члена семьи; продать ту часть движимаго имѣнія недоимщика, которая не составляетъ необходимости въ его хозяйствѣ; подвергнуть продажѣ принадлежащее лично недоимщику недвижимое имущество, за исключеніемъ выкупленной имъ усадьбы; отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему полевыхъ угодій или даже весь его полевой надѣлъ. Та или иная мѣра предоставлялась усмотрѣнію схода и лишь относительно трехъ послѣднихъ мѣръ предписывалось, что къ нимъ можно прибѣгать „въ крайнихъ случаяхъ“. Относительно же самого общества, при неисправности его собственно въ выкупныхъ платежахъ, мировой посредникъ могъ предписать—никого не увольнять по паспортамъ и не возобновлять паспортовъ находящимся въ отлучкѣ крестьянамъ *): вмѣсто избранныхъ обществомъ

*) По поводу этого постановленія въ одномъ изъ общихъ собраній редакціонныхъ комиссій произошелъ слѣдующій обмѣнъ мнѣній между Самаринымъ, Любощинскимъ и Соловьевымъ, какъ повѣствуетъ Семеновъ (томъ II, 443): *„Соловьевъ.* Вотъ еще здѣсь я просилъ бы къ положенію—„не возобновлять паспортовъ находящимся въ отлучкѣ“—прибавить: „неисправнымъ крестьянамъ“ и т. д. За что жъ отдавать въ заработки исправнаго? Этого именно я не понимаю.—*Самаринъ.* Это общее свойство круговой поруки,—а вы хотите ее по-

должностныхъ лицъ назначить другихъ; распорядиться, чтобы общество ставило неисправныхъ крестьянъ на заработки по контрактамъ; произвести опись всего крестьянскаго имущества и, исключивъ изъ него то, что составляетъ необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не можетъ быть продано безъ разоренія крестьянъ, распорядиться продажею остального (ст. 120 Пол. о вык.). Въ томъ и другомъ случаѣ, финансовые обычаи могли, слѣдовательно, развиваться весьма широко, и—не только имущественныя, но и личныя существеннѣйшія права могли приноситься въ жертву финансовымъ обязанностямъ. Между прочимъ, опредѣленіе того, что составляетъ „необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не можетъ быть продано безъ разоренія крестьянъ“, при взысканіи съ сельскихъ обществъ выкупныхъ платежей, равно какъ и выборъ тѣхъ или иныхъ мѣръ въ подобныхъ случаяхъ,—предоставлялись мировому посреднику безъ всякихъ ограниченій. Но опредѣленіе этихъ ограниченій, при взысканіяхъ обществами съ неисправныхъ плательщиковъ, предполагалось сдѣлать особо. На губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія именно и возложено было составленіе „проекта правилъ“ по этому предмету. Однако, утвержденія предполагавшихся правилъ въ законодательномъ порядкѣ не послѣдовало,—и на настоящія отношенія дѣйствовалъ обычай, смягчавшійся только правилами закона 7 февраля 1894 г. о льготахъ по взысканію выкупныхъ платежей.

дорвать.—*Любощинскій.* Да это просто истязаніе.—*Самаринъ.* Вы можете замѣнять одни слова другими, называть истязаніемъ круговую поруку. Это только запутаетъ понятія“...

Положеніемъ о видахъ на жительство, 3 іюня 1894 г., указываемыя мѣры, какъ говорится въ немъ,—были „отмѣнены“, въ сущности же онѣ были только замѣнены статьями 19, 44, 45 и 55 названнаго положенія. Въ виду этихъ статей, открывавшихъ, попрежнему, довольно широкое поле примѣненію обычаевъ, ограничительныхъ по отношенію къ праву передвиженія крестьянъ 1) домохозяинъ могъ отказывать члену своей семьи въ согласіи на его отлучку, представляющемся, какъ необходимое; 2) паспортная книжка (то есть, видъ на отлучку втеченіе болѣе года) выдается крестьянину не иначе, какъ съ согласія его сельскаго общества, если на послѣднемъ числятся недоимки по государственнымъ платежамъ, обезпечиваемымъ круговою порукою; 3) по паспортной книжкѣ означается всегда годовой размѣръ платежей этого рода, причитающихся съ ея владѣльца; 4) установленъ цѣлый рядъ случаевъ, когда паспортная книжка можетъ быть отобрана и владѣлецъ ея возвращенъ изъ отлучки въ мѣсто постояннаго жительства, опредѣляемое чисто формальными признаками (припискою) для крестьянъ, мѣщанъ и ремесленниковъ.

Въ дальнѣйшемъ, область отправленія крестьянами податныхъ обязанностей тѣмъ болѣе требовала законодательныхъ опредѣленій. Но, по поводу соотвѣтствующихъ предположеній редакціонныхъ комиссій, членами губернскихъ комитетовъ было замѣчено: „сборъ и взносъ платежей совершался такъ вѣрно и правильно въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, что лучше было-бы не постановлять о семъ правилъ“ („Матеріалы“, ч. XII, изд. 1, 87),—то есть, „лучше бы“... предоставить это дѣло, и по освобожденіи, тому же обычаю...

Въ силу подобныхъ замѣчаній, равно какъ въ виду предположеній объ изданіи общаго и сельскаго уставовъ,—въ которомъ подлежали точному опредѣленію *всѣ* права и обязанности крестьянъ,—по настоящему предмету почти и не было постановлено закономъ какихъ-либо правилъ. Сдѣланными постановленіями, наоборотъ, предоставлено было особо широкое примѣненіе финансовымъ обычаямъ, существовавшимъ при крѣпостной зависимости,—хотя, строго говоря, эти обычаи наименѣе относились къ отправленію государственныхъ податей, наиболѣе же къ отправленію повинностей, налагавшихся помѣщиками и не имѣвшихъ государственнаго характера, и хотя правильность приведеннаго замѣчанія не была ничѣмъ доказана. Такимъ образомъ, на сборщика податей возлагалась „раздача всѣмъ домохозяевамъ окладныхъ книжекъ *или другихъ какихъ-либо знаковъ*, для помѣтъ о полученіи денегъ, *согласно съ принятымъ въ обществѣ порядкомъ*“ (п. 8, ст. 67, Общаго Положенія). Точно также, на сборщика возлагалось—„храненіе поступившихъ съ крестьянъ сборовъ и оброковъ, впредь до представленія куда слѣдуетъ, въ томъ мѣстѣ и тѣмъ порядкомъ, которые будутъ опредѣлены сходомъ“ (ст. 67). Онъ же—„завѣдываетъ въ порядкѣ, установленномъ обществомъ, мірскимъ хозяйствомъ и мірскими суммами“ (ст. 58). Далѣе, предоставляется самому обществу „установленіе порядка учета старосты и сборщика въ собранныхъ ими и внесенныхъ въ казначейство суммахъ“ (ст. 175]. Такимъ же образомъ, по ст. 184,—„порядокъ счетоводства по мірскимъ сборамъ, храненія оныхъ, употребленія по назначенію и учета—опредѣляется по усмотрѣнію сходовъ, сельскаго или волостного, по принадлежности“. Наконецъ, на основаніи ст. 58, сельскій староста,—„охраняетъ отъ растраты тѣ имущества неисправныхъ плательщиковъ, коими обезпечивается взысканіе недоимокъ“. Какъ, въ какомъ порядкѣ должна производиться охрана? Законъ не пояснялъ и этого ни

однимъ словомъ, и здѣсь, очевидно, также предполагалось существованіе извѣстныхъ обычаевъ.

Каковы теперь предѣлы и условія дѣйствія всѣхъ тѣхъ обычаевъ, примѣненію которыхъ открывается столь широкое поле приведенными постановленіями? Прежде всего, конечно, настоящая область отношеній, какъ отношеній публичныхъ, должна безусловно опредѣляться какими-либо объективными началами,—закономъ или обычаемъ. Допущеніе обычаевъ, какъ указано выше, и состоялось вслѣдствіе заявленія помѣщиковъ, что при крѣпостной зависимости именно существовали обычаи, обезпечивавшіе правильный сборъ и взносъ податей, не налагавшіе излишнихъ стѣсненій на плательщика и не стоявшіе въ противорѣчіи съ личными и имущественными правами крестьянъ, насколько эти права тогда признавались тѣмъ же обычаемъ. По всему этому, въ настоящей области въ особенности,—могутъ примѣняться только обычаи, вполнѣ опредѣленные и дѣйствительно существовавшіе. Въ противномъ же случаѣ, долженъ возбуждаться вопросъ объ опредѣленіи разсматриваемыхъ отношеній *закономъ*. Подобный вопросъ возбуждается и въ тѣхъ случаяхъ, когда существующіе обычаи не достигаютъ цѣли, для которой предназначены. Такъ, Астыревъ описываетъ слѣдующій порядокъ учета, практиковавшійся въ той волости, въ которую онъ попалъ помощникомъ волостного писаря (Въ волостныхъ писаряхъ", изд. 1, 39)·

— „Теперь, господа старички,—предложилъ сходу волостной писарь Ястребовъ,—намъ надо повѣрить, то есть, учесть суммы за полгода, съ 1 января по 1 іюля. Такъ слушайте же.

— „Эй вы. Слушайте всѣ,—эхомъ повторилъ за нимъ старшина.

„Ястребовъ сталъ читать *заранѣе приготовленный* приговоръ, въ которомъ, послѣ обычнаго вступленія, говорилось: „производили учетъ денежныхъ суммъ, обращающихся въ нашемъ волостномъ правленіи, при чемъ оказалось къ 1 января 1881 г.: на лицо состояло волостныхъ суммъ 643 р. 23½ к., съ 1 января по 1 іюля поступило на приходъ 1,024 р. 89 к.; за это время израсходовано 1,430 р. 65 к., такъ что къ 1 іюля и т. д."; въ томъ же родѣ—относительно переходящихъ суммъ, мірского капитала, штрафныхъ суммъ и проч. Въ концѣ приговора значилось: „нашли произведенный расходъ правильнымъ, а потому постановили: утвердить его, въ чемъ и подписуемся"... По прочтеніи этого документа, Ястребовъ

громко спросилъ: „согласны? такъ, что-ли"?—Старшина поддержалъ: „согласны"?—Десятка два голосовъ крикнуло: „согласны".

— „Можно, кто хочетъ, книги, али суммы провѣрить?— спросилъ опять старшина, и на этотъ разъ Ястребовъ его поддержалъ:

— „Подходите, господа, кто желаетъ.

— „Ну, гдѣ тамъ... Стоитъ возжаться... Согласны...

— „Такъ подымайте руки!—крикнулъ старшина, и сотни рукъ, какъ-бы принося какую-то клятву, поднялась къ голубому безоблачному небу"...

Нарисовавъ эту идиллическую картину, покойный изслѣдователь замѣтилъ: „Такъ происходилъ учетъ, и, какъ послѣ я на личномъ опытѣ узналъ, онъ *почти всегда и всюду такъ происходитъ*. *) Слѣдовательно, рѣчь идетъ объ установившемся „обычаѣ". Но хотя учетъ и предоставленъ вполнѣ обычаю,—однако, описанному „обычаю" не можетъ быть придано юридическое значеніе. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ правомъ, и совсѣмъ не удовлетворяетъ назначенію, такъ что является необходимость въ замѣнѣ его опредѣленнымъ закономъ. Ничѣмъ инымъ, кромѣ закона, не можетъ быть восполненъ замѣчающійся пробѣлъ въ этомъ, какъ и въ иныхъ случаяхъ. Нельзя ждать, пока образуется новый удовлетворительный обычай, такъ какъ обычай образуется медленно, и для интересовъ отдѣльныхъ сильныхъ лицъ въ крестьянскихъ обществахъ *выгодно* поддержаніе прежняго порядка. Новаго обычая можетъ и вовсе не образоваться... Съ другой же стороны, недостатокъ или неудовлетворительность обычая не могутъ быть возмѣщены и распоряженіями мѣстныхъ властей, путемъ пресловутыхъ циркуляровъ и инструкцій.

Вообще, *финансовые обычаи, для того чтобы имѣть юридическое значеніе, не должны нарушать общихъ началъ права, непремѣнныхъ требованій порядка и личныхъ правъ крестьянъ*. Отсюда не могутъ быть признаны юридическими слѣдующіе обычаи, описанные землевладѣльцемъ николаевскаго уѣзда самарской губерніи г. Протопоповымъ въ № 317-мъ „Русской Жизни" за 1893 годъ:

*) Къ такому же заключенію привели насъ наши собственныя наблюденія: см. „Очерки крестьянской общественной жизни". — Витебское губернское совѣщаніе, въ свою очередь, относительно раскладочныхъ приговоровъ указываетъ, что эти приговоры даже—„какъ замѣчено на практикѣ, составляются волостными писарями весьма часто безъ всякаго участія крестьянъ" („Сводъ", томъ I, 85).

„8-го сентября староста с. Ивановки (ивановской волости), сельскій писарь и сборщикъ податей расположились пикетомъ на большой дорогѣ, по которой возвращаются крестьяне съ таволжанской ярмарки. Само собою разумѣется, что, для лучшаго отправленія своихъ обязанностей, они всѣ пьяны. Ѣдетъ мужикъ. „Стой!—подати“.—„Я дома отдамъ“.—„Давай сейчасъ“.—„Говорю: дома отдамъ. Чего вы на дорогѣ ловите?..“—„Ты еще грубіянить. Сотникъ, обыщи его“.—„Не лѣзьте... Что вы, разбойники, что ли?..“ На мужика набрасываются и съ побоями отнимаютъ деньги. Ни о какихъ квитанціяхъ не можетъ быть и рѣчи, когда у почтенныхъ представителей „фиска“ рябитъ въ глазахъ.—Въ самой Таволжанкѣ крестьянинъ Петровъ продалъ корову, но денегъ еще не получилъ· скотину принимаютъ лишь по осмотрѣ ея ветеринаромъ. Староста требуетъ съ него подати. „А!—ты врать! Сотникъ, обыщи“.—Сотникъ обыскиваетъ. Денегъ нѣтъ.—„Скинь штаны“.—„Да что ты? развѣ я скину средь ярмарки“... „Скидай... Сотникъ, стаскивай штаны“. Ихъ грясутъ; отрываютъ одну заплатку за другой (обладатель штановъ—круглый бѣднякъ). Денегъ не находятъ. Кругомъ раздается vox populi: „развѣ можно такъ позорить“... Въ довершеніе картины, пьяный староста пишетъ по ярмарочной площади зигзаги и кричитъ, оправдывая свое мѣропріятіе: „мнѣ... такую бумагу прислалъ“...

„10-го сентября пріѣхалъ въ село Ивановку становой приставъ Троицкій—продавать скотину. Съ нимъ, какъ водится, пріѣхалъ и покупатель, служившій у него въ 1892 г. сотскимъ. У крестьянина Игната Серигина продали семь овецъ и корову за 13 р. 20 к. Игната не было дома. Черезъ день пріѣзжаетъ, бросается выкупать,—просятъ 27. Не сошлись въ цѣнѣ. Въ другой разъ ѣдетъ къ кулаку Матвѣю Веревкину и уже у него выкупаетъ корову за 20 руб.“.

„Всякій знаетъ, какое громадное значеніе имѣютъ въ нашемъ краю волы, постепенно, однако, исчезающіе. Выколачиваніе податей дѣятельно помогало ихъ исчезновенію. Въ с. Черновкѣ съ крестьянина Иванова (10 человѣкъ въ семьѣ, 8 воловъ, 1 лошадь, 1 телка, овецъ нѣтъ, а, значитъ, и шубъ нѣтъ) требовали недоимки. Онъ уплатилъ, что могъ. Оказалось мало, и вотъ источникъ его будушаго благосостоянія: 8 воловъ,—вся его надежда,—проданы за 86 руб., причемъ деньги за четырехъ изъ нихъ пошли въ уплату сборовъ за будущій годъ. У Дмитрія Иванова, у котораго была всего

одна лошадь и одна корова, продали корову за 12 р. Пришлось выкупить за 14 р. „Все это въ Черновкѣ происходило подъ акомпаниментъ ругани станового. Урядникъ дрался: билъ и крестьянъ, и старосту. „Не думайте скандалить,— кричалъ становой—а то пригоню роту,—плохо будетъ, будутъ разорять“...

Давъ это описаніе, г. Протопоповъ замѣтилъ. „когда слышишь объ этихъ фактахъ, то невольно дивишься *безсилію писаннаго права и торжеству обычая:* безнаказанно продаютъ всѣхъ воловъ до единаго у семьи въ 10 человѣкъ, оставляя одну лошадь, а никѣмъ неотмѣненный законъ гласитъ: „рабочій и вообще домашній скотъ, необходимый для пропитанія, не можетъ быть обращенъ въ продажу, если въ немъ нѣтъ никакого излишества“ (Уст. о благоустройствѣ. въ казен. селен. ст. 391).

Но упоминаемый законъ, дѣйствовавшій среди государственныхъ крестьянъ и перенесенный на крестьянъ помѣщичьихъ, нынѣ общій, относится—нужно сказать по поводу этого замѣчанія г. Протопопова —*не ко взысканію податей, а ко взысканію частныхъ долговъ съ крестьянъ.* Относительно же порядка взысканія податей, писаному праву, какъ мы видѣли, предоставлено весьма мало силы, и первенствующее значеніе въ этомъ отношеніи сохранено за обычаемъ... Однако, не такіе обычаи, извѣстные въ жизни подъ именемъ „выколачиванія податей“, предполагались закономъ въ то время, когда онъ отказывался дать свои опредѣленія по разсматриваемымъ вопросамъ. Предполагалось—хотя и явно неосновательно—существованіе при крѣпостной зависимости иныхъ лучшихъ обычаевъ, болѣе согласныхъ съ правомъ. Описанные же обычаи не могутъ имѣть никакой юридической силы и во всякомъ случаѣ составляютъ беззаконіе.

„Не принимаетъ-ли міръ, въ виду круговой поруки, еще до наступленія сроковъ взносовъ, какихъ-либо принудительныхъ мѣръ относительно тѣхъ крестьянъ, о которыхъ можно опасаться, что они не уплатятъ сборовъ и не отдадутъ повинностей,—то есть, напримѣръ, не задерживаетъ-ли міръ паспортовъ до уплаты повинностей, не слѣдитъ-ли за продажею хозяиномъ своихъ произведеній, за полученіемъ денегъ отъ сторонникъ заработковъ и т. п.?“—спрашиваетъ программа вольнаго экономическаго общества (принятая и географическимъ обществомъ) для изученія русской поземельной общины („Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной

общины", 28).—Такія мѣры, однако, способныя сдѣлать еще болѣе тяжкимъ положеніе плательщика, не могутъ служить выраженіемъ юридическаго обычая.

Программа г. Харузина ставитъ вопросъ: „Какіе способы, сходные съ наказаніями, употребляются для взысканія податей? Не сохранились-ли преданія объ обливаніи плательщиковъ холодною водою во время зимы, о забитіи въ колодки, о заключеніи въ погреоа и подвалы, о нанесеніи побоевъ и т. п.? Какіе способы принужденія, независимо отъ продажи имущества, употребляются нынѣ при взысканіи недоимокъ"? Понятно, однако, что если-бы собраны были многочисленные матеріалы, съ несомнѣнностью доказывающіе примѣненіе всѣхъ указанныхъ мѣръ и понынѣ (а онѣ были весьма развиты при существованіи крѣпостной зависимости и какъ мы видѣли по описанію г. Протопопова, сохранились и по—нынѣ),—то такія мѣры, всетаки, не составили-бы „юридическихъ обычаевъ", какъ потому, что онѣ противорѣчили-бы личнымъ правамъ крестьянъ, не допускающимъ и слабаго карательнаго характера за мѣрами взысканія податей, такъ и потому, что онѣ не указаны въ числѣ мѣръ, предоставленныхъ закономъ относительно неисправныхъ плательщиковъ сельскимъ обществамъ и должностнымъ лицамъ. Законъ, установляя весьма суровые способы взысканія недоимокъ, все же, не призналъ возможнымъ допустить здѣсь безграничный произволъ... *)

V. Обычное гражданское право.

Коль скоро для опредѣленія предѣловъ дѣйствія обычнаго гражданскаго права, дѣлаются у насъ ссылки на законъ, то для подобныхъ ссылокъ избирается обыкновенно ст. 107 Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Такъ поступилъ, напримѣръ, проф. Ренненкампфъ („Очерки юридической энциклопедіи", стр. 78). Такъ точно

---

*) Какіе обычаи царятъ, однако, въ этой области, развившись на почвѣ крайняго обремененья освобожденныхъ крестьянъ платежами за землю и отягченія ихъ положенія въ этомъ отношеніи установленными въ законѣ способами взысканія съ круговою порукою во главѣ,—объ этомъ весьма живо говоритъ оффиціальное изданіе—„Существующій порядокъ взысканія окладныхъ сборовъ съ крестьянъ"...

сдѣлалъ покойный проф. Градовскій („Начала русскаго государственнаго права", томъ I, стр. 18 и 141). Каково же содержаніе статьи 107, признаваемой разрѣшающею настоящій вопросъ. Она гласитъ буквально слѣдующее: „При разсмотрѣніи тяжебнаго дѣла въ самомъ волостномъ судѣ, судьи, по выслушаніи тяжущихся сторонъ, стараются склонить ихъ къ примиренію Если стороны примирились, то должны въ то же время объявить, что одна уступаетъ или чѣмъ вознаграждаетъ другую, и какимъ образомъ должно послѣдовать удовлетвореніе. Если тяжущіяся стороны не пойдутъ на мировую сдѣлку, то судъ рѣшитъ дѣло либо на основаніи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, если таковыя были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствіи таковыхъ сдѣлокъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту". Такимъ образомъ, ссылочная статья представляетъ собою судопроизводственный законъ,—относится къ *формальному* гражданскому праву. Но вопросъ о предѣлахъ дѣйствія обычая есть вопросъ *матеріальнаго* права. Право или обязанность руководствоваться закономъ или обычаемъ возлагается на населеніе, на крестьянъ. Судъ или иныя установленія должны имѣть это въ виду и на этомъ основывать свои постановленія, выражено или не выражено это собственно въ относящихся для нихъ правилахъ. Объ этомъ здѣсь можетъ быть и не сказано вовсе. Существо дѣла отъ этого не мѣняется ни мало *). Когда же въ относящихся до суда или иныхъ учрежденій постановленіяхъ именно выражено, что они руководствуются обычаемъ при разрѣшеніи вопросовъ матеріальнаго права, то не иначе какъ въ смыслѣ вывода изъ соотвѣтствующихъ матеріально-правовыхъ постановленій закона, предоставляющихъ населенію руководствоваться обычаями въ тѣхъ или другихъ *опредѣленныхъ* отношеніяхъ **). Какъ же, спрашивается, теперь можно разыскивать въ формальномъ правѣ разрѣшенія

*) Совершенно правильно поэтому сенатъ признавалъ, что не только мировыя, но и общія судебныя установленія должны рѣшать дѣла на основаніи обычаевъ, по ссылкѣ сторонъ.

**) Единственно благодаря такимъ свойствамъ вопроса и по основному началу нашего законодательства, обычаи примѣнялись и примѣняются судебными мѣстами прежняго устройства,—при отсутствіи въ прежнихъ процессуальныхъ правилахъ не только дозволенія руководствоваться обычаями, но и при обязанности для судебной власти рѣшать всякое дѣло, не останавливаясь передъ неполнотою, неясностью, противорѣчіями и даже недостаткомъ законовъ, — при

вопросовъ права матеріальнаго? Почтенные юристы не замѣтили явной несообразности, заключающейся въ ихъ ссылкѣ на ст. 107. Ссылка эта, однако, не только удовлетворяетъ ихъ, но оказывается достаточною даже для выводовъ о томъ, будто обычаи могутъ дѣйствовать среди крестьянъ только на гражданскія отношенія и что на эти отношенія они дѣйству-

---

наличности, наоборотъ, обязанности пріостанавливаться разрѣшеніемъ дѣла, на которое нѣтъ яснаго закона Примѣнялись и примѣняются обычаи здѣсь именно по силѣ постановленій матеріальнаго права. Потому же самому, обычаи примѣнялись и примѣняются и не одними тѣми судебными и административно-судебными установленіями новаго устройства, которыя руководствуются ст 130 устава гражданскаго судопроизводства 20 ноября 1864 г. и ст. 88 правилъ производства судебныхъ дѣлъ 29 декабря 1889 г. Отсюда же именно вытекаетъ обязанность примѣненія обычаевъ судебными и новыми установленіями прежняго и новаго устройства въ иныхъ случаяхъ и безъ ссылки сторонъ Обязанность эта коренится, опять таки, въ матеріальныхъ постановленіяхъ. Таково необходимое начало, несомнѣнно выражающееся въ нашемъ правѣ. Данныя сенатской практики, относящейся до примѣненія обычаевъ, сгруппированныя г Боровиковскимъ, напримѣръ, въ имѣющемся у насъ подъ руками въ изданіи 1883 г. уставѣ гражданскаго права, показываютъ, что сенатъ стоитъ на той же теоретически правильной и согласной съ нашимъ законодательствомъ, точкѣ зрѣнія, относящей вопросъ о предѣлахъ дѣйствія обычая къ матеріальному, а не къ формальному праву сенатъ ищетъ именно въ матеріальномъ правѣ указаній на обычаи, допускаемые закономъ для дѣйствія на тѣ или иныя отношенія, и на условія примѣненія этихъ обычаевъ.

Обращаясь къ иностранной литературѣ и къ иностранному праву, мы видимъ разрѣшеніе настоящаго вопроса въ такомъ же смыслѣ. Такъ, г Говэнъ, авторъ небезъизвѣстнаго сочиненія „La legislation rurale“, касаясь обычаевъ, какъ нормъ дѣйствующаго французскаго права, говоритъ (р. 24). „. Для того чтобы какой-либо обычай могъ получить обязательное юридическое значеніе, недостаточно болѣе или менѣе продолжительнаго примѣненія его на дѣлѣ. Каждый разъ, когда законодатель желаетъ сдѣлать обязательнымъ извѣстный обычай,—онъ выражаетъ это съ совершенною точностью Напримѣръ, въ ст 645 гражданскаго кодекса, относящейся до споровъ, столь часто возникающихъ по поводу пользованія водами, онъ предписываетъ обращаться къ особымъ и мѣстнымъ постановленіямъ.—подъ которыми разумѣются мѣстные обычаи. Такъ точно, въ ст. 663, говорящей о заборахъ въ городахъ и предмѣстьяхъ, указывается, что высота заборовъ должна опредѣляться на основаніи особыхъ постановленій или обычаевъ постоянныхъ и общеизвѣстныхъ“. Далѣе, г. Говэнъ приводитъ еще нѣсколько примѣровъ именно изъ области матеріальнаго права и повторяетъ тотъ выводъ, что обычаи имѣютъ обязательное значеніе—„только для тѣхъ отношеній, которыя законодатель обозначилъ совершенно опредѣленно,—для всѣхъ же другихъ обязателенъ законъ общій“ (р. 25).

ютъ уже всецѣло и исключительно *). Таковъ, по крайней мѣрѣ, смыслъ разсужденій А. Д. Градовскаго.

Проф. Пахманъ, внесшій своимъ трудомъ „Обычное гражданское право въ Россіи“ наиболѣе свѣта въ вопросъ объ обычаяхъ и съ особою осторожностью обобщавшій матеріалы, собранные по обычному праву, вовсе не вошелъ въ разсмотрѣніе законныхъ предѣловъ дѣйствія обычая на частныя отношенія крестьянъ; разсмотрѣвъ же обычаи, относящіеся ко всѣмъ частямъ гражданскаго права, съ своей стороны, произвелъ своими изысканіями такое впечатлѣніе, какъ будто обычаями могутъ опредѣляться всѣ частныя отношенія крестьянъ. Въ то же время существующія программы для собиранія свѣдѣній о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, вовсе не ставя вопросовъ о предѣлахъ дѣйствія обычнаго права и объ условіяхъ пріобрѣтенія обычаями юридическаго значенія, стараются, касаясь, главнымъ образомъ, обычнаго гражданскаго права, обнять всѣ отношенія, входящія въ область этого права, и производятъ точно такое же впечатлѣніе. Признаніе наименьшей широты дѣйствія закона на гражданскія отношенія крестьянъ заключаетъ въ себѣ различныя отдѣльныя, встрѣчающіяся нерѣдко въ литературѣ, замѣчанія объ обычномъ правѣ крестьянъ. Въ этихъ замѣчаніяхъ всегда имѣется въ виду одно только обычное гражданское право, какъ якобы вполнѣ исклю-

---

*) Первый выводъ, какъ мы видѣли до сихъ поръ и увидимъ ниже, совершенно неосновательнъ: обычаю предоставлено было дѣйствовать на отношенія освобожденныхъ крестьянъ не только въ области гражданскаго права, но и въ области государственнаго, финансоваго, полицейскаго, уголовнаго, процессуальнаго права. На это у насъ вовсе не обращено вниманія Между тѣмъ, весьма важный и общій вопросъ о томъ, какія юридическія нормы и въ области какихъ отношеній должны дѣйствовать среди населенія—законъ или обычай,—рѣшается неодинаково касательно частнаго и публичнаго права Въ послѣднемъ дѣйствіе обычая менѣе допустимо Въ то же время и предоставленіе дѣйствія обычаю на частныя отношенія получаетъ особое значеніе тогда, когда допущено дѣйствіе обычая и на публичныя отношенія.. Источникъ подобнаго явленія какъ бы представляется тогда болѣе мутнымъ... Вопросъ о значеніи и предѣлахъ дѣйствія обычнаго и писанаго гражданскаго права на крестьянскія отношенія точнѣе и правильнѣе всего и можетъ быть разрѣшенъ именно тогда, когда имѣется въ виду вообще дѣйствіе обычая среди крестьянъ. Такъ, съ своей стороны, и обставляемъ мы здѣсь рѣшеніе этого вопроса.

чающее примѣненіе въ крестьянскомъ быту общихъ гражданскихъ законовъ.*)

Такъ полагала и комиссія по преобразованію волостныхъ судовъ, изслѣдовавшая положеніе послѣднихъ въ семидесятыхъ годахъ и собравшая при этомъ обширный матеріалъ по обычному праву крестьянъ. Такой же характеръ имѣютъ сенатскія разъясненія. Изъ нѣсколькихъ рѣшеній перваго департамента г. Даниловъ выводитъ именно, что „волостной судъ руководствуется не общими законами, а Общимъ Положеніемъ, предоставляющимъ ему основывать свои рѣшенія на сдѣлкахъ, явленныхъ въ волостномъ правленіи, а при отсутствіи таковыхъ, на мѣстныхъ обычаяхъ и правилахъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту (ст. 107)“, и что въ частности, даже и „соблюденіе закона о земской давности необязательно для волостныхъ судовъ, рѣшающихъ дѣла на основаніи Общаго Положенія о крестьянахъ, а не общихъ гражданскихъ законовъ“. („Сборникъ рѣшеній за 1862—1879 г.г.“, стр. 115 и 146). Съ своей стороны, „Сельскій Вѣстникъ“, всецѣло придерживаясь господствующей практики, повторяетъ чуть не въ каждомъ №, что общіе гражданскіе законы для крестьянъ необязательны, что постановленія и о давности къ нимъ не примѣняются,—что они руководствуются въ гражданскихъ дѣлахъ мѣстными обычаями и пр.

Во временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ 12 іюля 1889 г., статьѣ 107-ой Общаго Положенія соотвѣтствуетъ ст. 25: „Волостной судъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти, на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ. При разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности жедѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями“. Въ свою очередь, статья эта пода-

*) Характерны замѣчанія по этому вопросу, сдѣланныя г. Леонтьевымъ въ ст. „Законъ и обычай въ гражданской практикѣ волостного суда“ („Журналъ Юридическаго Общества“, № 9 за 1894 г.) „Въ ученой юридической литературѣ—говоритъ онъ -никто не выражаетъ сомнѣнія о томъ, что обычай долженъ, согласно общему положенію о крестьянахъ, быть единственнымъ источникомъ права. въ волостномъ судѣ“.. Самъ авторъ высказываетъ вначалѣ не менѣе категорическое мнѣніе. „Ни одна статья тома X—замѣчаетъ онъ—не имѣетъ для волостного суда, учрежденнаго 19 февраля 1861 г., обязательнаго значенія“... Но затѣмъ, въ концѣ концовъ, г. Леонтьевъ все же сознается, что „законодательство нигдѣ не говоритъ, что общіе гражданскіе законы необязательны для крестьянъ“, и—въ неопредѣленности возникающаго отсюда положенія онъ видитъ даже „одну изъ главнѣйшихъ язвъ крестьянской жизни“.

ла поводъ для заключенiй не менѣе широкихъ въ новыхъ административно-судебныхъ установленiяхъ,—согласно съ существомъ реформы 12 iюля 1889 г., стремящейся излечить деревенскiя неурядицы не законностiю, а „властною рукою“ (для которой обычай представляетъ, конечно, больше простора). Въ № 43 „Юридической Газеты“ за 1894 г., г. Морозовъ сообщалъ, что въ рязанской губернiи татары, основываясь на ст. 1338 томъ X, ч. I Законовъ Гражданскихъ, тщетно добиваются разрѣшенiя ихъ наслѣдственныхъ дѣлъ по „Шарiату“. Губернское присутствiе отвергло обязательность для волостныхъ судовъ руководствоваться „Шарiатомъ“, несмотря на существованiе сенатскихъ указовъ, разрѣшающихъ настоящiй вопросъ въ положительномъ смыслѣ и для прежняго волостного суда, отличавшагося и большею простотою, и обладавшаго менѣе обширною подсудностiю и подвѣдомственностiю. Изъ другой замѣтки г. Морозова (№ 28 „Юридич. Газеты“ за 1892 г.), мы узнаемъ, что вообще нѣкоторыя губернскiя присутствiя прямо и безусловно „отмѣняютъ рѣшенiя волостныхъ судовъ, разъ въ нихъ сдѣлана ссылка на какую-либо статью т. X ч. I Зак. Гражд. или на другой какой-либо законъ, ограждающiй права тяжущейся стороны“. Они требуютъ примѣненiя „одной только ст. 25 врем. правилъ о вол. судѣ“... Все же, однако, практика губернскихъ присутствiй въ этомъ отношенiи неодинакова. Поэтому, г. Морозовъ высказывается за необходимость скорѣйшаго разъясненiя вопроса,—„дѣйствуетъ ли т. X ч. I Зак. Гражд. въ волостныхъ судахъ, или нѣтъ“... Да, какъ это ни странно, но и черезъ пятьдесятъ лѣтъ по освобожденiи помѣщичьихъ крестьянъ, вопросъ столь важный, основной,—не получилъ разрѣшенiя. Приходится даже цѣнить и изрѣдка высказывающiяся чрезвычайно робкiя сомнѣнiя въ томъ, дѣйствительно-ли законы гражданскiе не писаны для крестьянъ, и вѣрно-ли господствующее мнѣнiе...

Мнѣнiе это положительно невѣрно, и даже не можетъ быть вѣрно.

Освобожденные помѣщичьи крестьяне не могли не получить хотя нѣкоторыхъ правъ, основанныхъ на общихъ законахъ гражданскихъ. Обладанiе этими правами имѣло огромное значенiе для личности. Имѣть право, основанное на гражданскихъ законахъ, значитъ имѣть одно изъ правъ личности,—одно изъ тѣхъ правъ, къ числу которыхъ относится личная свобода. Относительно того, кто имѣетъ право, основанное

на гражданскихъ законахъ, само собой подразумѣвается, что ему принадлежитъ и право личной свободы, такъ какъ въ сущности безъ личной свободы немыслимо и обладаніе какими-либо гражданскими правами. Немыслимо быть субъектомъ гражданскаго права, будучи объектомъ этого права для другого, и рабъ не былъ субъектомъ какихъ-либо правъ. Въ Малороссіи, „посполитый“,—человѣкъ съ характеромъ несвободнаго состоянія, впослѣдствіи и закрѣпощенный,—превращался въ „казака“,—человѣка совершенно свободнаго,—чрезъ одну покупку казацкой земли (Сергѣевичъ—„Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“, 620). Въ Англіи во время господства крѣпостной зависимости, заключеніе господиномъ формальнаго о чемъ-либо гражданскаго договора съ своимъ крестьяниномъ или предъявленіе господиномъ гражданскаго иска къ крестьянину подавало судебнымъ мѣстамъ поводъ видѣть въ этомъ признаніе самостоятельности крестьянина и объявлять его свободнымъ (Статьи г. Шульца о сельскихъ рабочихъ въ Англіи въ „Современникѣ“ за 1858 г.). Въ нынѣшнихъ губерніяхъ Царства Польскаго, когда Наполеонъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, образовалъ изъ нихъ герцогство Варшавское и распространилъ на все населеніе дѣйствіе французскаго гражданскаго кодекса,—крестьяне пріобрѣли личную свободу послѣ многовѣкового угнетенія только черезъ это подчиненіе ихъ общимъ гражданскимъ законамъ и пріобрѣтеніе общихъ гражданскихъ правъ (ст. Карновича о крѣпостномъ правѣ въ Польшѣ—въ „Современникѣ“ за 1858 г.). Отсюда и та буря, которую подняли крѣпостники противъ Сперанскаго, когда явилось предположеніе, что при составленіи гражданскаго уложенія онъ сдѣлалъ большія заимствованія изъ французскаго гражданскаго кодекса. *) Отъ недостатка общихъ гражданскихъ правъ и страдали, между прочимъ, крѣпостные крестьяне. Заблоцкій-Десятовскій разсказываетъ („Графъ Киселевъ и его время“, т. IV, 317): „Недавно здѣсь, въ Петербургѣ, ярославскіе крестьяне, торгуя въ столицѣ, вздумали дѣлиться, и не согласясь, пришли судиться къ госпожѣ. По-

*) „Кстати-ли, напримѣръ, начинать русское уложеніе главою о правахъ гражданскихъ, коихъ въ истинномъ смыслѣ и не бывало и нѣтъ въ Россіи—говорилъ, между прочимъ, Карамзинъ. — У насъ только политическія или особенныя права разныхъ государственныхъ состояній; у насъ—дворяне, купцы, мѣщане, земледѣльцы и проч. Всѣ они имѣютъ особенныя права: общаго нѣтъ, кромѣ названія русскихъ“. (Корфъ,—„Жизнь гр. Сперанскаго“, 162)

мѣщица добрая, и не хочетъ взять ничего на свою совѣсть. „Я бы очень рада была, говоритъ она, чтобы дѣло это разбирали въ судебномъ мѣстѣ. Но на крестьянъ нашихъ Сводъ Законовъ не распространяется, и ни въ какомъ судѣ ихъ не станутъ судить". „Странное положеніе дѣлъ—заключаетъ свой разсказъ Заблоцкій-Десятовскій—полгосударства по закону изъято отъ покровительства законовъ"... При такихъ условіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ правильно говорилось иногда, какъ о даровании имъ гражданскихъ правъ. *)

То и другое было равнозначуще. Какимъ же образомъ освобожденные крестьяне могли быть изъяты отъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ?

Ничего подобнаго и не предполагалось редакціонными комиссіями, составлявшими положенія о крестьянахъ, выходившихъ изъ крѣпостной зависимости. Ничего подобнаго и не могло предполагаться и не было установлено.

Какъ мы видѣли выше, по ходу вопроса въ редакціонныхъ комиссіяхъ (глава I),—Общее Положеніе объ освобождавшихся крестьянахъ не предназначалось для того, чтобы стать для нихъ единственнымъ и исключительнымъ закономъ; для освобожденныхъ крестьянъ должны были получить силу и прочіе законы. Не перечислялись въ Положеніи всѣ статьи объ освобождавшихся крестьянахъ, между прочимъ, по тому X, части первой Свода Законовъ не потому, что эти статьи общихъ гражданскихъ законовъ не получали никакого значенія для нихъ, а вслѣдствіе только того, что сочтено было излишнимъ ихъ повторять, по соображеніямъ чисто-кодификаціоннаго свойства, что, согласно съ существомъ реформы, отмѣнявшей обычныя права помѣщиковъ и измѣнявшей обычное состояніе крѣпостныхъ крестьянъ на состояніе законное, отнынѣ обычай долженъ былъ дѣйствовать на отношенія освобожденныхъ крестьянъ не по общему правилу, а *въ видѣ изъятія*, и, слѣдовательно, именно на *опредѣленныя* отношенія, съ подчиненіемъ всѣхъ прочихъ—закону, *по общему правилу*; что, наконецъ, и число этихъ изъятій должно было уменьшиться съ переходомъ освобожденныхъ крестьянъ на выкупъ и съ прекращеніемъ *временно-обязанныхъ* отношеній.

---

*) Еще Екатерина II, потерявъ надежду на возможность общаго освобожденія крестьянъ, вслѣдствіе встрѣченнаго ею къ этому противодѣйствія со стороны приближенныхъ,—говорила, что, по крайней мѣрѣ,—„законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества". („Наказъ", ст. 261).

Такимъ образомъ, прежде всего, не далѣе, какъ во второй статьѣ Общаго Положенія, выражено было важнѣйшее правило о томъ, что—„крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, предоставляются права свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, *такъ и по имуществу*“. Но быть можетъ, тогдашніе свободные сельскіе обыватели, государственные крестьяне, были изъяты отъ дѣйствія тома X, ч. 1-й? Ничуть не бывало. Они были равноправны съ прочими членами русскаго общества,—обладали общими съ прочими сословіями гражданскими правами. Въ ихъ составъ вступали дѣти личныхъ дворянъ, имѣвшія право на потомственное почетное гражданство, и лица, получившія по чинамъ личное почетное гражданство (ст. 619 т. IX Свода Законовъ, изд. 1857 г.). Въ составѣ государственныхъ крестьянъ находились также потомки низшихъ служилыхъ родовъ, панцырные бояре и однодворцы, изъ которыхъ послѣдніе владѣли даже крѣпостными (отсюда крѣпостные однодворческіе крестьяне). Вступленіе же въ разрядъ государственныхъ крестьянъ для лицъ высшихъ сословій было-бы, конечно, невозможно, если бы оно сопровождалось ограниченіемъ общихъ или особенныхъ правъ состояній этихъ лицъ. Равенство свободныхъ сельскихъ обывателей съ прочими гражданами въ области общихъ правъ состоянія и выражалось въ прямомъ и совершенно ясно подразумѣвавшемся всегда распространеніи на нихъ силы общихъ гражданскихъ законовъ. Допускались лишь нѣкоторыя изъятія,—вродѣ предоставленія руководствоваться и общими законами, и мѣстными обычаями въ наслѣдованіи послѣ домохозяина, владѣвшаго казеннымъ семейнымъ участкомъ земли (ст. 116 т. XII, ч. 2, уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, изд 1857 г.). За этою же и нѣкоторыми другими незначительными особенностями, въ законѣ было выражено положительно: „Сельскіе обыватели имѣютъ право вступать во всѣ обязательства какъ по пріобрѣтенію и передачѣ своей частной собственности, такъ и по прочимъ договорамъ, *на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ*“ (ст. 660, т. IX, изд. 1857 г.). Такое постановленіе состоялось еще 20 ноября 1825 г., въ отмѣну ограниченій, установившихся въ XVIII вѣкѣ. Затѣмъ, согласно съ нимъ, ст. 921 т. X, ч. 2, изд. 1857 г. постановляла: „Общія судебныя мѣста разбираютъ споры и тяжбы между государственными крестьянами на основаніи общихъ узаконеній“. Конечно, руководительство общими гражданскими законами не могло быть на практикѣ

строго вмѣнено въ обязанность существовавшимъ тогда среди государственныхъ крестьянъ двумъ инстанціямъ собственнаго суда, волостнымъ и сельскимъ расправамъ,—тѣмъ болѣе, что онѣ дѣйствовали, главнымъ образомъ, въ порядкѣ примиренія, составляли родъ третейскаго суда. Но оно, однако, и тутъ подразумѣвалось совершенно ясно, въ видѣ общаго правила, за нѣкоторыми вполнѣ точными и опредѣленными исключеніями, въ пользу мѣстныхъ обычаевъ. При всемъ же томъ, изъ числа гражданскихъ дѣлъ расправы вѣдали лишь самыя незначительныя дѣла, а именно, дѣла до пятнадцати рублей. Всѣ прочія дѣла подлежали разбору общихъ судебныхъ мѣстъ, на основаніи общихъ узаконеній (ст. 321 и 322 т. XII, ч. 2, уст. о благоустр.).

Таковъ былъ несомнѣнный общій смыслъ распространенія на освобождавшихся крестьянъ статьею 2-ю Общаго Положенія „правъ свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныхъ, такъ и по имуществу“. Но этимъ постановленіемъ, вопреки помѣщичьимъ притязаніямъ, редакціонныя комиссіи не могли ограничиться и не ограничились. Нужно было указать на нѣкоторыя хотя бы существеннѣйшія или, по ихъ выраженію, „главныя“ личныя и имущественныя права, переходившія на крестьянъ,—указать прямо въ ихъ конкретномъ выраженіи, для большей ясности и вразумительности и въ видахъ предоставленія болѣе твердой опоры юридическому сознанію освобожденныхъ крестьянъ. Въ законоположеніяхъ 19 февраля 1861 г. и былъ сдѣланъ цѣлый рядъ такихъ совершенно ясныхъ указаній.

Такъ, въ ст. 21 Общаго Положенія положительно говорилось: „На крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, распространяются *общія постановленія законовъ гражданскихъ* о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ.“ То есть, на нихъ распространялась прямо вся книга первая тома X, ч. I-й Законовъ Гражданскихъ. Таковъ буквальный смыслъ ст. 21. Нѣкоторыя постановленія этой книги имѣли силу относительно крѣпостныхъ крестьянъ и ранѣе. Такъ, браки среди нихъ должны были, безъ сомнѣнія, отвѣчать всегда общимъ условіямъ дѣйствительности и законности, коренящимся въ церковныхъ и государственныхъ постановленіяхъ. Но нынѣ на освобожденныхъ крестьянъ перенесена была точно и прямо сила всѣхъ постановленій книги первой части I-й тома X Законовъ Гражданскихъ. Отсюда же слѣдуетъ цѣлый рядъ выводовъ, весьма существенныхъ и для нынѣшней жизни бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Если же принять во вниманіе, что въ

первые два года по обнародованіи положеній 19 февраля 1861 г., помѣщикъ сохранялъ многія права, въ особенности надъ дворовыми людьми, и впредь до образованія волостей и сельскихъ обществъ, въ немъ сосредоточивалась значительная доля управленія освобождающимися крестьянами, то понятно, что еще большее значеніе имѣло для первыхъ шаговъ освобожденнаго крестьянства прямое и точное упоминаніе въ Общемъ Положеніи о распространеніи на него указываемыхъ постановленій. Значеніе это поясняется во второй части ст. 21. „На семъ основаніи, говорится въ ней, для вступленія крестьянъ въ бракъ и распоряженія въ ихъ семейныхъ дѣлахъ, не требуется дозволенія помѣщиковъ.“ Ст. 21 явно разсчитана на то, чтобы разомъ и окончательно устранить вмѣшательство помѣщиковъ въ брачныя дѣла освобожденныхъ крестьянъ. Откуда же такая, казалось бы, излишняя предусмотрительность со стороны закона?

Дѣло въ томъ, что вмѣшательство помѣщиковъ въ брачныя дѣла крѣпостныхъ крестьянъ и присвоеніе ими весьма широкихъ „обычныхъ правъ“ въ области ихъ семейныхъ отношеній были крайне развиты при существованіи крѣпостной зависимости. Еще Петръ I долженъ былъ издать законъ, воспрещающій помѣщикамъ принуждать людей своихъ къ браку, выбирать женихамъ невѣстъ и невѣстамъ жениховъ. Запрещеніе это не было, впрочемъ, новымъ. Оно содержалось въ церковныхъ законахъ. „Но,—замѣчаетъ по этому поводу Побѣдоносцевъ („Историческія статьи и изслѣдованія,“ 167),—произвольной власти не трудно было превратить въ обычай нарушеніе древнихъ уставовъ.“ „Помѣщикъ—говоритъ о томъ же г. Семевскій („Крестьяне въ царствованіе Екатерины II,“ 270)—по достиженіи молодыми людьми извѣстнаго возраста, то соединялъ пары по своему усмотрѣнію, то предоставлялъ это крестьянскому сходу.“ „Землевладѣльцы въ Россіи—приводитъ онъ также замѣчаніе Сиверса (276)—обыкновенно принуждаютъ къ браку молодыхъ людей, и дѣлаютъ это для того, чтобы имѣть лишнюю пару, то есть новое тягло, на которое можно еще наложить работу или оброкъ.“ Такъ было до самаго освобожденія. Заблоцкій-Десятовскій разсказываетъ („Гр. Киселевъ и его время,“ т. IV, 305): „У одного крестьянина, въ рязанской губерніи, мы спросили: какъ у васъ женятся?—Между собою, какъ хотимъ, баринъ не мѣшается. Но ежели дѣвку отдаютъ на сторону, то баринъ беретъ 100 руб. У другихъ же такъ вѣнчаютъ насильно. Баринъ спрашиваетъ попа, станетъ ли вѣнчать. Если попъ

согласенъ, то отца съ матерью не спрашиваютъ". Послѣднія слова замѣчательны тѣмъ—говоритъ Заблоцкій-Десятовскій—что они показываютъ отсутствіе въ народѣ понятія о необходимости взаимнаго согласія вступающихъ въ бракъ. Это подверждаетъ обычай, существующій, напр., въ калужской губ., гдѣ „отцы продаютъ женихамъ дочерей, хочетъ-ли дѣвка идти замужъ или нѣтъ." Весьма любопытно, что при самой выработкѣ положеній 19 февраля, костромской губернскій комитетъ предлагалъ и на будущее время предоставить сельской расправѣ право „въ видахъ нравственнаго обоброченія взыскивать по мірскому приговору, за уклоненіе отъ брака, съ дѣвокъ, молодыхъ, бездѣтныхъ вдовъ и мужчинъ отъ 3 до 10 руб. ежегодной платы въ мірской капиталъ" („Матеріалы," т. I, кн. 2, изд. 2, 1146). Отсюда же возникли обычаи раннихъ браковъ. Будучи очень древними, они особенно поддерживались помѣщиками. Здѣсь же, очевидно, коренится воспрещеніе семейныхъ раздѣловъ со всѣми его крайне стѣснительными послѣдствіями для личности, съ деспотизмомъ главы семейства, съ приниженностью положенія женщины, съ адомъ подневольной совмѣстной жизни и различными вредными нравственными вліяніями· хозяйственныя выгоды болѣе обезпечивала большая семья, и нерушимость такихъ семей не могла не поддерживаться... *) Помимо же принужденія къ браку,

*) „Въ селѣ Зубриловкѣ (рязанской губ.)—разсказываетъ Заблоцкій Десятовскій (306)—мы остановились у одного изъ зажиточнѣйшихъ домохозяевъ. Онъ хвалился намъ, что у него въ одной избѣ живутъ пять женатыхъ сыновей, а вся семья состоитъ изъ 27 человѣкъ —Какъ же вы спите всѣ вмѣстѣ? Да что жъ, никто никому не мѣшаетъ. Мы со старухой взберемся на палати; бабы молодыя улягутся вдоль стѣны на лавкахъ; каждый мужъ приставитъ къ женѣ скамейку; и спятъ. Парнишки и дѣвченки лягутъ на полу, или, гдѣ случится, промежъ женатыхъ. Въ другомъ мѣстѣ, въ рязанской же губерніи, въ разговорѣ съ везшимъ насъ крестьяниномъ г. Лихарева, мы спросили. дозволяетъ ли баринъ дѣлиться? — Не дозволяетъ. Есть семьи душъ по 40.—И живутъ всѣ вмѣстѣ? — Всѣ вмѣстѣ.—Да какъ же это? Вѣдь, у васъ и женатые, и дѣвки, и парни молодые.—Такъ что-жъ, баринъ, наше дѣло крестьянское. Мы этого не разбираемъ. И братья, и невѣстки всѣ свой народъ. Чего же имъ стыдиться —Вотъ любопытная простота нравовъ—заключаетъ свой разсказъ изслѣдователь—о которой толкуютъ противники образованія народа, гасители всякой мысли объ улучшеніи.—Поощрять, принуждать къ бракамъ, и въ то-же время не позволять дѣлиться крестьянамъ, заводиться своимъ домомъ, своимъ хозяйствомъ, значитъ смотрѣть на человѣка, какъ на совершеннаго скота. Въ этомъ отношеніи положеніе крестьянъ нашихъ ничѣмъ не отличается отъ положенія негровъ-рабовъ, которыхъ нарочно запираютъ на ночь въ одинъ сарай, чтобы они плодились"...

помѣщики нерѣдко нарушали супружескія права своихъ крестьянъ... *)

Какимъ же образомъ можно было не упомянуть въ Общемъ Положеніи, что, съ момента выхода изъ крѣпостной зависимости, на освобожденныхъ крестьянъ распространяются общія постановленія о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ? Значеніе прямого распространенія на освобожденныхъ крестьянъ книги первой, ч. 1-ой тома X Законовъ Гражданскихъ существенно важно было притомъ не въ отношеніи только огражденія ихъ отъ помѣщичьихъ притязаній, возможныхъ въ особенности въ первые два года послѣ реформы, когда еще весьма много узъ соединяло крестьянъ съ ихъ бывшими помѣщиками. Такимъ путемъ преграждалось дѣйствіе и многихъ обычаевъ, корни которыхъ заключаются въ только что, ради выясненія этого съ нѣкоторыми подробностями, описанныхъ условіяхъ Бракъ, съ распространеніемъ на освобожденныхъ крестьянъ общаго семейнаго права, явился союзомъ между мужчиною и женщиною—свободнымъ, основаннымъ на взаимномъ влеченіи, строго нравственнымъ. Никакія фактиче-

---

*) Семевскій передаетъ цѣлый рядъ фактовъ этого рода („Крестьяне при Екатеринѣ II", 284—286), сопоставляя ихъ съ обычаями средневѣковыхъ бароновъ: „Нѣкоторые говоритъ онъ — устраивали въ своихъ имѣніяхъ особую барщину для женщинъ.. У одного помѣщика, Бахметьева, въ деревнѣ былъ по ночамъ бабій караулъ поочередно, каждую ночь наряжали двухъ бабъ караулить село и барскія хоромы; одна баба ходила съ трещеткой около дома и стучала въ доску, а другая должна была ночевать въ домѣ.. У другого казанскаго помѣщика, Есипова, даже и гости угощались лобзаніями крѣпостныхъ артистокъ... Иногда все женское населеніе какой-нибудь вотчины растлевалось для удовлетворенія необузданныхъ прихотей барина... Въ XIX вѣкѣ, у нѣкоторыхъ помѣщиковъ были цѣлые гаремы, какъ, напр. у извѣстнаго генерала Измайлова. Не довольствуясь тѣмъ, что самъ изнасиловалъ множество дѣвушекъ, онъ любезно угощалъ ими и своихъ гостей, при чемъ для болѣе важныхъ или пріѣхавшихъ въ первый разъ доставлялись невинныя, хотя бы имъ было 12 лѣтъ отъ роду.. Измайловъ былъ далеко не единственный въ своемъ родѣ.. Въ саратовской губерніи, уже незадолго передъ крестьянской реформой, въ имѣніи у одного помѣщика, десятникъ каждый вечеръ приказывалъ тому или другому мужику посылать къ барину свою дочь или жену. Двѣ дѣвушки не захотѣли повиноваться приказу одна утопилась, другую баринъ такъ избилъ палкою, что она умерла черезъ двѣ недѣли... Другой помѣщикъ той же губерніи не жилъ постоянно въ своей вотчинѣ, а пріѣзжалъ каждое лѣто на нѣсколько недѣль. Въ день пріѣзда управляющій подносилъ барину списокъ всѣхъ подросшихъ дѣвушекъ, и тотъ бралъ къ себѣ каждую дня на три, на четыре. Когда запасъ

скія нарушенія такого его характера не могли быть допускаемы отнынѣ. Всѣ обычаи, въ которыхъ могли бы выражаться подобныя нарушенія, являлись подлежащими отмѣнѣ и искорененію на почвѣ закона,—вытекали-ли они изъ прежней дикости нравовъ и повальнаго невѣжества или были привиты помѣщичьею властію. А такого рода обычаи существовали среди крестьянъ при крѣпостной зависимости, по указанному выше свидѣтельству Заблоцкаго-Десятовскаго. Они могли бы и остаться въ силѣ. Проф. Пахманъ указываетъ, на основаніи довольно обширнаго матеріала. („Обычное гражданское право," т. II, 43), что и „въ настоящее время (въ семидесятыхъ годахъ), по воззрѣніямъ крестьянъ, желанію или нежеланію самихъ вступающихъ въ бракъ не придается никакого значенія, такъ что женитьба сына или выходъ въ замужество дочери зависятъ вполнѣ отъ усмотрѣнія родителей, которые, въ случаѣ несогласія дѣтей съ ихъ выборомъ, считаютъ себя вправѣ принудить ихъ къ заключенію предположеннаго брачнаго союза..." Однако, подобнаго права у крестьянъ-родителей нынѣ нѣтъ, и всѣмъ такимъ явленіямъ можно твердо противопоставить законъ. Въ программахъ для собиранія свѣдѣній

истощался, онъ уѣзжалъ въ другія деревни и вновь пріѣзжалъ на слѣдующій годъ"... Къ этимъ разсказамъ г. Романовичъ-Словатинскій прибавляетъ („Дворянство въ Россіи", 314): „Одной изъ весьма нерѣдкихъ причинъ угнетенія крестьянъ помѣщиками было покушеніе послѣднихъ на женъ и дочерей своихъ крѣпостныхъ. Смѣлые мужья и отцы подвергались гоненіямъ, податливые—дѣлались фаворитами. Тайный совѣтникъ Жадовскій, помѣщикъ Оренбургской губ., по произведенному надъ нимъ въ 1855 г. слѣдствію, оказался виновнымъ въ растлѣніи многихъ своихъ дѣвокъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за несогласіе на прелюбодѣяніе, наказывались розгами. Онъ установилъ въ своемъ имѣніи нѣчто вродѣ jus primae noctis—позволялъ жениться на своихъ крѣпостныхъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы первая ночь принадлежала барину. Одного мужа, неисполнившаго этого условія, онъ отдалъ въ солдаты"... Къ новѣйшему времени уже относятся слѣдующія слова Заблоцкаго-Десятовскаго (322) „Въ каждой губерніи, въ каждомъ почти уѣздѣ укажутъ вамъ примѣры предосудительнаго поведенія помѣщиковъ. Сущность всѣхъ этихъ дѣлъ одинакова. развратъ, соединенный съ большимъ или меньшимъ насиліемъ. Подробности чрезвычайно разнообразны. Иной помѣщикъ заставляетъ удовлетворять свои скотскія побужденія просто силою власти, и, не видя предѣла, доходитъ до неистовства, насилуя малолѣтнихъ дѣтей, какъ напримѣръ, помѣщикъ В—въ можайскаго уѣзда, московской губерніи; другой пріѣзжаетъ въ деревню временно, повеселиться съ пріятелями, и предварительно поитъ крестьянокъ, и потомъ заставляетъ удовлетворять свои собственныя страсти и своихъ пріятелей"...

объ юридическихъ обычаяхъ должны быть, поэтому, выдѣляемы въ рубрики этнографіи, уголовной хроники или уголовной статистики вопросы вродѣ слѣдующихъ (программа г. Харузина, страницы: 39, 44, 47, 49, 50, 58, 68, 75, 77, 78, 82, 311): „Не сохранилось ли преданій объ обычаѣ, по которому каждая женщина должна разъ въ жизни проституировать себя первому желающему, и лишь послѣ этого она получаетъ право выходить замужъ. Примѣчаніе. Въ саратовской губ. еще не такъ давно существовало слѣдующее обыкновеніе: дѣвушка, выдаваемая замужъ, предварительно предоставлялась родителями всякому желающему заплатить извѣстную сумму (кажется, рублей 100). Эта сумма шла на снаряженіе ей приданаго. Изъ этого не дѣлали никакой тайны, и жениху было это извѣстно, какъ и всякому другому. Мѣстные землевладѣльцы часто пользовались такими случаями (отвѣтственность за справедливость сообщенія—добавляетъ составитель программы—принимаетъ на себя М. Н. Харузинъ). Не стараются ли отцы ранѣе женить сыновей, чтобы безпрепятственно жить съ ихъ женами. Не было ли въ старину, или не существуетъ ли теперь обычай класть гостя на ночь въ одну постель съ женою, дочерью или съ родственницей хозяина. Не существовалъ ли въ былое время обычай, по которому нанявшій охотника въ рекруты предоставлялъ послѣднему право на женщинъ своей семьи. Признается ли волостнымъ судомъ бракъ недостигшихъ законнаго брачнаго возраста супруговъ. Обязывается ли сторона жениха, или сторона невѣсты неустойкою на случай неисполненія предбрачнаго договора. Обязанъ ли мужъ давать пропитаніе женѣ. Не было ли случая мѣны женами, съ исполненіемъ при этомъ всѣхъ или нѣкоторыхъ свадебныхъ обрядовъ. Не встрѣчалось ли случаевъ продажи или заклада жены, отдачи на подержаніе, обмѣна. Нѣтъ ли въ обычаяхъ народа правила, въ силу котораго родители имѣютъ право принуждать дѣтей, въ особенности дочерей, ко вступленію въ бракъ съ тѣмъ или другимъ лицомъ“ и т. п. Во всѣхъ случаяхъ и обычаяхъ, которые могутъ быть записаны въ видѣ отвѣтовъ на эти и другіе подобные вопросы, какъ бы ни оказались они многочисленными и широко распространенными, очевидно, не заключается ничего юридическаго. Да едва ли въ настоящее время, съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, и имѣются среди крестьянъ такіе обычаи съ характеромъ дѣйствительно правовымъ, юридическимъ. Слѣдующій примѣръ долженъ, по крайней мѣрѣ,

совершенно ясно показать, какъ нужно относиться къ подобнымъ „юридическимъ“ обычаямъ и съ какою осторожностію слѣдуетъ ихъ обобщать.

Е. И. Якушкинъ, установляя, въ своемъ извѣстномъ трудѣ—„Обычное право“, вып. I-ый, предположеніе о существованіи у насъ въ прежнее время общности женъ, находитъ слѣды этого явленія—„нѣчто подобное гостепріимному гетеризму“—въ томъ, что, по его словамъ, (предисловіе, VIII), въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ „нанятый въ охотники и жившій въ семьѣ нанявшаго его крестьянина получалъ, по обычаю, право на всѣхъ молодыхъ женщинъ дома“). Заключеніе это покойный изслѣдователь составилъ на основаніи помѣщенныхъ въ „Военномъ Сборникѣ“ за 1863 г. „Замѣтокъ о наймѣ охотниковъ“ г. В—ва. Послѣдній, говоря о такомъ обычаѣ, какъ о крайне укоренившемся, не указывалъ мѣстностей, въ которыхъ онъ наблюдался. „Въ средней полосѣ Россіи,—замѣтилъ, въ свою очередь, г. Якушкинъ,—сколько мнѣ извѣстно, такого обычая не существовало.“ Но въ слѣдующемъ разсказѣ Заблоцкаго-Десятовскаго („Графъ Киселевъ и его время“, т. IV-й, 293), приводятся примѣры этого обычая изъ средней полосы Россіи, и въ частности изъ ярославской губерніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ рисуется истинная его сущность·

„Наемка охотниковъ,—разсказываетъ изслѣдователь,—въ большей части случаевъ, есть дѣло въ высшей степени безнравственное. Иногда крестьянинъ возится съ своимъ охотникомъ впродолженіе цѣлаго года и болѣе, и въ теченіе всего этого времени охотникъ, какъ говорится, гуляетъ. Нанимающій крестьянинъ поитъ и кормитъ его напропалую, исполняя всѣ его прихоти и удовлетворяя его развратъ. Боясь оставить его одного, слѣдитъ за нимъ повсюду: по кабакамъ, по дѣвкамъ, и нянчится, какъ съ ребенкомъ, или, лучше, какъ съ скотиной, приготовляемой на убой. Охотникъ пользуется всѣмъ этимъ,—донельзя пьетъ, кутитъ. Это обходится крестьянину нерѣдко до 2 тыс. руб., и онъ не бываетъ спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не сдастъ совершенно охотника, потому что охотникъ этотъ въ послѣднюю минуту въ рекрутскомъ присутствіи можетъ сказать, что не хочетъ идти въ солдаты; всѣ расходы тогда пропали, если не было сдѣлано условія настоящимъ образомъ,—письменно... „Измаялся я въ тотъ годъ, говорилъ одинъ мужикъ, куда ни таскался я съ озорникомъ... Въ такія мѣста, батюшка, заводилъ онъ меня, гдѣ я и съ роду не бывалъ... Ляжетъ въ комнатѣ

съ дѣвкой; меня посадитъ дожидаться въ другой. Я сижу себѣ, нечего дѣлать, боюсь оставить одного. Вдругъ, кричитъ онъ: „подай, хозяинъ горскаго“. И я иду—несу къ нему. Мерзость, батюшка, мерзость, да нечего дѣлать· не хочется семью разстраивать, отдавать сына въ солдаты. Случается, охотникъ проситъ у нанимающаго дочь (подобный случай разсказывали намъ въ калужской губ.): „позволь, говоритъ ему, погулять съ твоею дочерью, а то, вотъ тѣ Христосъ, откажусь...“ Мужикъ истратилъ уже много денегъ, срокъ сдачи рекрута приближается, дѣвственность не всегда столь высоко цѣнится въ мужицкомъ быту, и отецъ соглашается, отдаетъ свою дочь, которая, на его глазахъ, съ соизволенія всей семьи, развратничаетъ, гуляетъ, пьетъ съ охотникомъ... Недавно въ ростовскомъ уѣздѣ, одинъ, издержавшій на охотника до 2 т. р., мужикъ долженъ былъ, однако же, отдать сына въ солдаты, потому что охотникъ, мчась на тройкѣ пьяный съ дѣвкою и сыномъ хозяина, разскакался и попалъ прямо въ рѣку Которостль. Сына и дѣвку вытащили, а охотникъ утонулъ...“

Что-же тутъ правового, юридическаго? Охотникъ чувствуетъ свою силу и подчиняетъ ей существеннѣйшіе интересы нанимателя, порабощаетъ его, такъ сказать. Является „право“ сильнаго. Но это „право“ не есть уже право въ точномъ смыслѣ слова, въ какомъ его и слѣдуетъ всегда употреблять, во избѣжаніе смѣшенія понятій и въ виду достаточной ясности того понятія, которое имъ обозначается. Нѣкогда это право служило однимъ изъ послѣдствій болѣе общаго „обычнаго права“—крѣпостной зависимости, „права“ сильнаго, высшаго сословія надъ низшимъ. Обычай торговать людьми получалъ особо широкое примѣненіе къ поставкѣ помѣщиками рекрутовъ за государственныхъ крестьянъ. Онъ представлялъ столь большія выгоды, что практиковался и тогда, когда былъ воспрещенъ закономъ въ этомъ своемъ проявленіи. Законъ обходился. Но разъ существовалъ такой законъ, обычай продажи въ рекрута крѣпостного крестьянина за государственнаго, во всѣхъ его послѣдствіяхъ и проявленіяхъ, являлся нарушеніемъ закона еще до освобожденія крестьянъ. Тѣмъ менѣе могло заключаться что-либо правовое въ указываемыхъ притязаніяхъ охотника на супружескія права, когда они предъявлялись послѣ освобожденія, пока, съ изданіемъ закона о всеобщей воинской повинности, исчезъ самый наемъ охотниковъ. Очевидно также, что описанныя явленія не имѣютъ ничего общаго съ гетеризмомъ, какъ не имѣлъ съ этимъ доисторическимъ

явленіемъ ничего общаго помѣщичій развратъ и предоставленіе помѣщиками гостямъ своихъ крѣпостныхъ женщинъ... За всѣмъ же тѣмъ, если гетеризмъ дѣйствительно существовалъ, и сохранились настоящіе, несомнѣнные остатки его среди крестьянъ, въ видѣ какихъ-либо обычаевъ, то подобные обычаи не могутъ быть относимы нынѣ къ праву, не могутъ быть называемы юридическими.

Обращаясь къ дальнѣйшимъ выводамъ изъ распространенія на освобожденныхъ крестьянъ книги первой, ч. I т. X Законовъ Гражданскихъ, мы должны признать, что личныя отношенія между мужемъ и женою, личныя права супруговъ, и въ крестьянской средѣ должны быть сообразны съ закономъ. Мужъ обязывается къ снисходительному отношенію къ своей женѣ, извиненію ея слабостей, къ заботливости и попеченію о ней. Противные этому обычаи являются нарушеніемъ закона и не могутъ быть относимы къ обычному гражданскому праву. Подобные обычаи однако существуютъ, по свидѣтельству изслѣдователей, и весьма важно имѣть возможность противопоставлять имъ право, законъ, признавать личность крестьянской женщины огражденною въ такой же мѣрѣ, какъ и личность женщины всякаго другого сословія. Фактическое положеніе женщины-крестьянки рисуется всѣми изслѣдователями въ самомъ печальномъ свѣтѣ... „Волостной судъ крѣпко придерживается древнихъ обычаевъ, и не видитъ причинъ, почему бы жену не разсматривать собственностью мужа, какъ и лошадь своего хозяина“—приводитъ Е. И. Якушкинъ замѣчаніе изъ тома VII „Трудовъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ.“—„Старое понятіе,—продолжаетъ онъ, касаясь настоящаго предмета въ предисловіи и ко второму выпуску своего „Обычнаго права“, послѣ яркихъ картинъ жалкаго положенія крестьянской женщины, данныхъ въ первомъ выпускѣ—старое понятіе выражается и во встрѣчающемся нерѣдко наказаніи жены мужемъ припряганіемъ ея къ лошади: это наказаніе примѣняется исключительно къ женѣ непокорной. Если жена есть собственность мужа, то, какъ и всякая собственность, она можетъ быть уступлена мужемъ во временное пользованіе другому, или передана ему навсегда, помимо ея воли“ (слѣдуютъ соотвѣтствующіе примѣры). „Мужья жестоко обращаются со своими женами,“—дѣлаетъ выводъ изъ массы фактовъ г. Березанскій („Обычное уголовное право крестьянъ тамбовской губ.“, 216). „Весьма нерѣдки случаи—говоритъ проф. Пахманъ (т. II, 102), что для исправленія женъ или для

приведенія ихъ къ повиновенію, мужья прибѣгаютъ къ истязаніямъ и побоямъ... По нѣкоторымъ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, жена, жалующаяся на жестокое обращеніе мужа, приговаривается, вмѣсто законнаго удовлетворенія, къ тѣлесному наказанію, потому что, „по мнѣнію крестьянъ, раздѣляемому ихъ судомъ, жена составляетъ собственность мужа“ (тамъ же, III). „Факты свидѣтельствуютъ—говоритъ вообще г. Пахманъ—объ угнетенномъ и даже безвыходномъ положеніи женъ, въ случаяхъ притѣсненій и обидъ со стороны мужей...“ При всемъ пристрастіи своемъ къ народнымъ обычаямъ, г-жа Ефименко вынуждена признать весьма тяжелымъ положеніе крестьянской женщины, какъ оно опредѣляется обычаемъ („Изслѣдованія народной жизни. Выпускъ I. Обычное право“). Пословицы, касающіяся отношеній между мужемъ и женою, группируемыя г. Иллюстровымъ („Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа,“ 29), это подтверждаютъ: „Бей жену обухомъ, припади, да понюхай, дышитъ, да морочитъ, еще хочетъ. Женскій бытъ—всегда онъ битъ. Жену любить, что душу, а бить—что шубу.“ И пр., и пр. Любопытно свидѣтельство въ этомъ отношеніи г. Красноперова (томъ I „Сборника правовѣдѣнія и общественныхъ знаній,“ статья „Крестьянская женщина передъ волостнымъ судомъ“). „Просматривая, говоритъ онъ, массу рѣшеній волостныхъ судовъ объ обидахъ и оскорбленіяхъ женщинъ, мы замѣчаемъ, что крестьянское населеніе до сихъ поръ не сдѣлало почти никакого прогресса въ сферѣ правовыхъ понятій...“ Будемъ думать, однако, что слова эти нѣсколько преувеличены, какъ ни долго была уединена крестьянская жизнь отъ закона, и какъ ни часто проявляются еще стремленія къ этому уединенію... Не безъ основанія, вѣроятно, программа г. Харузина ставитъ вопросы о томъ, не смягчилась ли, не ослабѣла ли власть мужа надъ женою, не пеняютъ ли крестьяне на мировыхъ судей за то, что они „избаловали бабъ,“ становясь на сторону послѣднихъ при разбирательствѣ дѣлъ о ссорахъ супруговъ, и пр.—Дѣятельность мировыхъ судей, дѣйствительно, не могла не оказать извѣстнаго вліянія и въ настоящемъ отношеніи, по общему полученному ею характеру водворенія законности въ русскомъ населеніи (Джаншіевъ—„Судебная реформа“). Не безъ вліянія тутъ и ненавистные для нѣкоторыхъ нашихъ сторонниковъ обычая „писаря-законники,“ заявляющіе иногда, какъ это засвидѣтельствовано (Пахманъ, II, 113), что „законъ воспрещаетъ бить женъ самоуправно...“ Во всякомъ случаѣ, всѣ указаъ-

ные обычаи, характеризирующіе положеніе крестьянской женщины, не могутъ быть признаны юридическими, и изъ программы для собиранія юридическихъ обычаевъ должны быть исключены приведенные уже частію вопросы, смѣшивающіе право съ явнымъ его нарушеніемъ... какъ именно дѣлаютъ существующія программы для собиранія юридическихъ обычаевъ...

Въ дальнѣйшемъ, изъ распространенія на крестьянъ указаннаго отдѣла Законовъ Гражданскихъ, можно выводить, что и въ крестьянской средѣ женщина равноправна съ мужчиною въ имущественномъ положеніи и что изъ этого преимущества русской женщины нельзя исключать крестьянку; что приданое жены не составляетъ собственности мужа; что, поэтому, нельзя взыскивать долги мужа изъ имущества жены) и наоборотъ; что, словомъ, на вопросъ программы г. Харузина—„хозяйка ли жена своего добра,"—отвѣтъ долженъ быть всегда положительный, какіе бы обычаи, какъ проявленія права сильнаго надъ слабымъ, не существовали въ этомъ отношеніи... **)

Потому же самому, равнымъ образомъ, права родителей на дѣтей и въ крестьянской средѣ не должны выходить изъ предѣловъ закона, и родители-крестьяне не могутъ присваивать себѣ надъ дѣтьми больше власти, чѣмъ сколько предоставляется закономъ родителямъ изъ числа лицъ другихъ сословій; что родители должны содержать и воспитывать дѣтей по состоянію, и дѣти, въ свою очередь, поддерживать родителей ***); что при этомъ, однако, между родителями и дѣтьми,

---

*) Очевидно, на этомъ предположеніи, на этомъ само собою подразумѣвавшемся основаніи, покоится рѣшеніе сената отъ 1 апрѣля 1875 г. (Сборникъ Данилова, изд. 3, 20).

**) Въ настоящемъ случаѣ можно сказать, что законъ возвращаетъ нынѣ женщинѣ изъ среды бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ древнѣйшее положеніе, основывавшееся на обычаѣ, замѣненномъ потомъ для нея другимъ, противоположнымъ по своему значенію,— такъ какъ, по словамъ Бѣляева, въ прежнее время жена была во многомъ равноправна съ мужчиною и независима отъ мужа въ имущественномъ отношеніи. („Лекціи по исторіи русскаго законодательства", 27).

***) Губернскія присутствія, отмѣняющія, по приведенному въ началѣ настоящей главы свидѣтельству г. Морозова, рѣшенія волостныхъ судовъ, коль скоро они оказываются основавными на законахъ гражданскихъ,—не отмѣняютъ, безъ сомнѣнія, приговоровъ волостныхъ судовъ о наказаніи дѣтей за отказъ въ помощи дряхлымъ родителямъ. Но это наказаніе составляетъ уголовную санкцію обязанности, возлагаемой на дѣтей относительно родителей закона-

и въ крестьянской семьѣ, должна существовать такая же раздѣльность имущества, какъ среди другихъ сословій; что имущественныя права дѣтей и здѣсь не поглощаются правами родителей, и личность крестьянина, одинаково съ личностью представителя всякаго иного сословія, обезпечена закономъ въ этомъ отношеніи; что нельзя взыскивать долги сына изъ имущества отца, и наоборотъ, и сельское кулачество должно находить въ этомъ извѣстную преграду, что власть главы и въ большой семьѣ не можетъ быть деспотическою; что всѣмъ членамъ крестьянской семьи принадлежитъ свобода завѣщательныхъ распоряженій относительно своего имущества и пр.*) Поэтому не могутъ быть относимы къ гражданскому праву и вообще къ праву вопросы программы г. Харузина (стр. 99, 100, 101, 102, 104, 113, 114). „Не осталось ли въ какихъ нибудь воспоминаніяхъ народа понятія о томъ, что отецъ властенъ въ жизни и смерти своихъ дѣтей, какъ въ своей плоти. По современнымъ воззрѣніямъ народа, воленъ ли отецъ въ своихъ дѣтяхъ. Не сохранилось ли преданій о продажѣ дѣтей или отдачѣ ихъ въ закладъ. Бываютъ ли случаи проституціи дочерей по настоянію родителей. Не сохранилось ли среди народа преданія о томъ времени, когда выбрасывали на произволъ судьбы стариковъ и старухъ, дожившихъ до потери способности къ работѣ“...

Въ настоящее время, противъ всѣхъ такихъ обычаевъ можетъ быть выставленъ законъ съ тою степенью огражденія, которую онъ предоставляетъ личности члена семьи противъ посягательствъ со стороны того или другого представителя семьи. Но легко понять, что было бы, если бы было приня-

---

ми гражданскими. При самомъ же узкомъ толкованіи закона и примитивныхъ пріемахъ его толкованія,—нельзя отвергнуть одно и признавать другое... Раздѣльность имущества между супругами и родителями и дѣтьми можетъ почитаться обезпечиваемою и иною санкціею уголовнаго закона, примѣняющагося нынѣ и волостными судами. Для преобразованнаго волостного суда сдѣлана обязательною ст. 19 устава о наказаніяхъ, постановляющая, что, „кража, мошенничество и присвоеніе чужого имущества между супругами, а также между родителями и дѣтьми, подлежатъ наказанію не иначе какъ по жалобѣ потерпѣвшаго убытокъ лица“. Но если бы имущество въ крестьянской семьѣ было общею семейною собственностію, то не могло бы быть и кражъ „между супругами, а также между родителями и дѣтьми“, преслѣдуемыхъ въ частномъ порядкѣ.

*) Сплошь и рядомъ отрицаемое относительно крестьянъ во имя обычаевъ право завѣщательныхъ распоряженій проф. Сергѣевичъ считаетъ исконнымъ явленіемъ русской правовой жизни. („Лекціи и изслѣдованія“, 542).

то предложеніе члена калужскаго губернскаго комитета князя Оболенскаго о томъ, что „постановленія, относящіяся до опредѣленія родительской власти, должны быть основаны на обычаяхъ“ („Матеріалы“, часть XII, изд. I, стр. 18,—докладъ юридическаго отдѣленія по отзывамъ членовъ губернскихъ комитетовъ *).

Исчерпывая дальнѣйшіе выводы изъ распространенія на крестьянъ книги I, ч. I, т. X Законовъ Гражданскихъ, слѣдуетъ указать, что на этомъ основаніи крестьяне вступаютъ въ свои гражданскія права въ той же постепенности, какая установлена для лицъ прочихъ сословій; что предѣльный возрастъ, до котораго ограничиваются ихъ права, есть 21 годъ, и что обычаи, которыми въ большей мѣрѣ расширялась бы или ограничивалась правоспособность или дѣеспособность крестьянъ,—недѣйствительны. Все прочее законодательство исходитъ именно изъ такихъ представленій, и это служитъ однимъ изъ доказательствъ полнѣйшей несостоятельности разсужденій о непримѣненіи и непримѣнимости къ крестьянамъ постановленій ч. I-ой, т. X Зак. Гражд.

Изъ дальнѣйшаго же мы увидимъ и еще яснѣе,—какъ шатки вообще разсужденія о непримѣнимости къ крестьянамъ законовъ гражданскихъ.

Ст. 31 Общ. Положенія постановляла: „Все движимое имущество крестьянъ, какъ то: домашній рабочій скотъ, земледѣльческія орудія и пр., на основаніи существующихъ постановленій, принадлежатъ вполнѣ крестьянамъ; мірскіе денежные капиталы и мірскіе же хлѣбные запасы составляютъ соб-

*) Предполагавшіеся тутъ обычаи еще существуютъ, не имѣя, къ счастью, юридическаго значенія, вслѣдствіе непринятія приведеннаго предложенія.. „Сильное участіе женщины въ супругоубійствѣ и убійствѣ родственниковъ (на сто осужденныхъ убійцъ приходится убійцъ супруговъ и родственниковъ 41,6)—говоритъ г. Озеровъ („Журналъ Министерства Юстиціи“, апрѣль 1896 г., статья—„Сравнительная преступность половъ въ зависимости отъ нѣкоторыхъ факторовъ“, 59)—рисуетъ довольно печальную картину положенія семьи, гдѣ женщина, для разрѣшенія жизненныхъ коллизій, должна прибѣгать даже къ убійству... Еще г. Анучинъ говоридъ—продолжаетъ авторъ,—что распространеніе этого преступленія имѣетъ свою причину въ обычаѣ—отдавать въ низшихъ слояхъ дѣвушекъ замужъ безъ ихъ согласія. („Матеріалы для уголовной статистики“, 42) Данныя г. Анучина очень близки къ даннымъ современной статистики, такъ, супругоубійцъ было на сто—62: убійцъ родственниковъ—38,—хотя данныя г. Анучина относились еще къ 1827—1846 г.г.“.

ственность крестьянскаго общества". Какія „существующія постановленія" подразумѣвались тутъ слишкомъ ясно, что означало „принадлежатъ вполнѣ", о какой „собственности" шла здѣсь рѣчь, изъ какихъ понятій исходилъ законодатель? Разумѣется, Общ. Пол. исходило здѣсь изъ понятій законовъ гражданскихъ, какъ готовыхъ понятій. Не обычаи, конечно, тутъ подразумѣвались. Напротивъ, точнымъ указаніемъ на законы гражданскіе редакціонныя комиссіи именно сочли необходимымъ оградить освобожденныхъ крестьянъ отъ обычаевъ, подъ которыми они до тѣхъ поръ жили, и въ силу которыхъ не только все ихъ имущество, но и сами они составляли нѣкоторымъ образомъ собственность помѣщика. „Земли, дома и вообще недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя крестьянами въ прежнее время на имя ихъ помѣщиковъ,— постановляла далѣе ст. 32,—укрѣпляются за крестьянами или ихъ наслѣдниками окончательно, по утвержденіи за ними сихъ имуществъ самими помѣщиками или рѣшеніемъ мирового учрежденія, на основаніи особыхъ правилъ". До 1848 г. крѣпостные крестьяне могли пріобрѣтать недвижимыя имущества единственно на имя своихъ помѣщиковъ, такъ какъ общіе гражданскіе законы на нихъ не распространялись. Въ этомъ же году имъ дозволено пріобрѣтать недвижимыя имущества и на свое имя, съ дозволенія помѣщиковъ. Но на дѣлѣ пріобрѣтенія этого рода и послѣ того дѣлались на имя тѣхъ же помѣщиковъ. Теперь, съ освобожденіемъ крестьянъ и распространеніемъ на нихъ общихъ гражданскихъ законовъ, пріобрѣтенныя подобнымъ путемъ имущества не могли уже оставаться въ обладаніи помѣщиковъ. Но они не передавались и прямо въ собственность крестьянъ, какъ пріобрѣтенныя особымъ порядкомъ. Предоставлялось, не безъ большихъ затрудненій, доказывать права на нихъ, если сами помѣщики добровольно этихъ правъ не признавали. Доказывать—для чего? Для того, чтобы получить на нихъ объемъ правъ, опредѣленный въ общихъ гражданскихъ законахъ,—для того, чтобы имущества эти были „укрѣплены окончательно" за ихъ дѣйствительными пріобрѣтателями, точно такъ же и въ томъ же смыслѣ, какъ укрѣпляются недвижимыя имущества по законамъ гражданскимъ за пріобрѣтателями изъ лицъ прочихъ сословій. Приэтомъ на будущее время пріобрѣтеніе имущества освобожденными крестьянами и распоряженіе ими ставились совершенно иначе. „Каждый крестьянинъ, говорилось въ ст. 33, можетъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя иму-

щества, а также отчуждать оныя, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими съ соблюденіемъ *общихъ узаконеній*, установленныхъ на сей предметъ для сельскихъ обывателей". Освобожденный крестьянинъ вступалъ, такимъ образомъ, во всѣ права, установленныя законами гражданскими. Съ момента освобожденія, права эти предоставлялись ему въ такой же полной мѣрѣ, въ какой они принадлежали, какъ мы видѣли выше, свободнымъ сельскимъ обывателямъ, крестьянамъ государственнымъ. *) Отнынѣ открывались для него всѣ законные способы пріобрѣтенія собственности. Тутъ—и право пріобрѣтенія по давности; тутъ—и право защиты владѣнія искомъ объ его возстановленіи, въ случаѣ нарушенія, и проч. Гражданскія права эти предоставлялись притомъ не отдѣльнымъ только физическимъ лицамъ изъ числа б. крѣпостныхъ крестьянъ. Они возлагались и на образованныя среди нихъ юридическія лица. „Сельское общество можетъ, также говорилось въ ст. 34, на основаніи общихъ законовъ, пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества", и проч. Въ ст. 22 то-же самое начало выражалось съ нѣкоторыми подробностями и даже съ болѣе точными ссылками на общіе гражданскіе законы: „Крестьяне, какъ отдѣльно, такъ и цѣлыми обществами, могутъ входить, на основаніи общихъ постановленій, во всякіе закономъ дозволенные договоры, обязательства и подряды", и проч. Равнымъ образомъ, по ст. 24, крестьянамъ точно предоставлены были права: 1) „по дѣламъ гражданскимъ—отыскивать свои права, вчинять иски и тяжбы и отвѣтствовать за себя лично или чрезъ повѣренныхъ, а равно быть повѣренными какъ крестьянъ своего общества, такъ и лицъ постороннихъ; 2) по дѣламъ уголовнымъ и полицей-

*) Отсюда не могутъ быть признаны юридическими обычаи, рисующіеся въ вопросахъ программы г. Харузина: „Не представившій выкупа за вещь (отданную въ закладъ) къ сроку, теряетъ ли права на заложенную вещь или нѣтъ? Имѣетъ ли залогопринимательправо пользоваться заложенною вещью еще до срока на выкупъ ея? Позволяется ли поклажепринимателю пользованіе данною ему на храненіе вещью"? Указываемое здѣсь право закладопринимателя или поклажепринимателя противорѣчило бы сущности договоровъ заклада и поклажи. Вмѣстѣ же съ тѣмъ въ немъ, какъ и въ завладѣніи закладопринимателемъ вещью въ случаѣ невыкупа ея въ срокъ, выражалось бы не что иное, какъ эксплуатація ростовщиками населенія. Конечно, факты такой эксплуатаціи многочисленны, но при распространеніи на крестьянъ общихъ гражданскихъ законовъ, они не могутъ составлять права. Напрасно, поэтому, нѣкоторые изслѣдователи обобщили ихъ въ такомъ смыслѣ. Какъ ни слабы юри-

скимъ—подавать жалобы и охранять свои права всѣми дозволенными закономъ способами, лично и чрезъ повѣренныхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда участіе повѣреннаго допускается въ дѣлахъ уголовныхъ; 3) быть свидѣтелями и поручителями на общемъ основаніи". Все это были новыя права, основанныя (по первому и третьему пунктамъ—прямо) на части 1-й, т. X и всецѣло возлагавшіяся на освобожденныхъ крестьянъ, въ отмѣну тѣхъ обычаевъ, которые лишали ихъ при крѣпостной зависимости правъ, основанныхъ на законахъ, и не предоставляли ничего отъ себя. Въ примѣчаніи 2 къ ст. 24 поясняло сь только, что, хотя отнынѣ они могутъ предъявлять, на общемъ основаніи, иски и къ прежнимъ своимъ помѣщикамъ, но не по такимъ дѣйствіямъ послѣднихъ, которыя возникли изъ отношеній, существовавшихъ при крѣпостной зависимости.

Такимъ образомъ, какъ видно, отчасти, уступивъ притязаніямъ губернскихъ комитетовъ о неперечисленіи въ Общемъ Положеніи всѣхъ личныхъ и имущественныхъ правъ, предоставлявшихся освобожденнымъ крестьянамъ, и высказавъ предположеніе не повторять здѣсь всѣхъ статей изъ томовъ IX и X Свода Законовъ (гл. I),—редакціонныя комиссіи, все же, рядомъ съ установленіемъ правила о распространеніи на этихъ крестьянъ общихъ правъ свободныхъ сельскихъ обывателей, указали цѣлый рядъ „главныхъ" конкретныхъ правъ послѣднихъ, возлагавшихся на новый разрядъ свободныхъ сельскихъ обывателей. Не странно-ли же, при наличности такихъ столь ясныхъ, точныхъ и буквальныхъ указаній, разсуждать о непримѣненіи и непримѣнимости ч. 1-й т. X-го ко всей массѣ крестьянъ, въ которую входятъ и бывшіе государственные крестьяне, о непримѣнимости тогда, когда съ переходомъ на

дическія представленія въ народѣ, однако, и самъ онъ не разсматриваетъ факты подобной эксплуатаціи, выражающееся въ ней „право сильнаго", какъ право. Мы лично слыхали отъ крестьянъ, что такой-то-де ростовщикъ носитъ вещи, которыя ему приносятъ въ закладъ, а иногда новая вещь возвращается владѣльцу испорченною, съ явными слѣдами даже неосторожнаго употребленія; что ростовщики и совсѣмъ завладѣваютъ вещами, отданными въ обезпеченіе незначительныхъ суммъ, коль скоро вещи эти въ срокъ не выкупаются... Но во всѣхъ этихъ разсказахъ слышалось порицаніе такихъ дѣйствій, признаніе ихъ неправильными, родъ жалобъ, сознаніе полнѣйшаго права обращенія къ суду за возстановленіемъ нарушенныхъ интересовъ и сожалѣніе, что приходится подчиняться, всетаки, этому „праву сильнаго", потому что послѣ, въ трудную минуту, и вовсе не найдешь кредита... Что же тутъ юридическаго?

выкупъ, а въ особенности теперь, когда и выкупные платежи сложены окончательно,—и для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (всѣхъ губерній, кромѣ закавказскихъ) кончилось временно обязанное состояніе, соединявшееся для нихъ съ нѣкоторыми ограниченіями личныхъ и имущественныхъ правъ?...

Въ сдѣланныхъ нами указаніяхъ не исчерпывается, однако, вся ч. I т. X., вся область законовъ гражданскихъ. Но общее правило о распространеніи на освобожденныхъ крестьянъ всѣхъ законовъ гражданскихъ, за нижеприводимыми болѣе или менѣе точными изъятіями въ пользу мѣстныхъ обычаевъ,—выражено, кажется, достаточно ясно въ ст. 2 Общаго Положенія, предоставившей имъ всѣ права свободныхъ сельскихъ обывателей. Вопросъ можно было-бы, поэтому, считать въ настоящемъ отношеніи исчерпаннымъ. Тѣмъ не менѣе, однако, въ виду страннаго укоренившагося воззрѣнія, уединяющаго крестьянъ отъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ, лишающаго ихъ и нынѣ правъ, основанныхъ на этихъ законахъ,—докажемъ инымъ путемъ безусловную примѣнимость къ освобожденнымъ крестьянамъ и ко всѣмъ сельскимъ обывателямъ вообще нѣкоторыхъ частныхъ постановленій законовъ гражданскихъ, точно въ приведенныхъ статьяхъ Общаго Положенія не упомянутыхъ:

Ст. 2214 и 2215 ч. 1-й т. X-го не допускаютъ личнаго найма на срокъ свыше 5 лѣтъ, равно найма подъ условіемъ зажива занятыхъ денегъ и процентовъ, если срокъ такого найма долженъ, по разсчисленіи, простираться на большее время. Ради чего? Очевидно, въ видахъ охраненія личной свободы, для воспрепятствованія образованію кабальныхъ отношеній, слишкомъ тяжкой экономической зависимости для нанимаемыхъ. Словомъ, имѣются въ виду публичные интересы. А такъ какъ въ договоръ личнаго найма вступаютъ, большею частію, крестьяне и нерѣдко къ крестьянамъ же, то указываемыя статьи направлены, собственно говоря, къ ихъ охраненію. Спрашивается теперь, можно-ли было-бы считать эти статьи ч. I т. X. непримѣнимыми къ освобожденнымъ крестьянамъ, если-бы даже на нихъ и не были распространены законы гражданскіе собственно въ этой части. Очевидно, нѣтъ. Очевидно, что противные обычаи, которыми установлялся-бы болѣе продолжительный срокъ личнаго найма,—недѣйствительны, не имѣютъ никакой юридической силы. Совершенно излишнимъ представляется, поэтому, вопросъ программы г. Харузина: „опредѣляется-ли обычаемъ, а не писанымъ закономъ,

срокъ, далѣе котораго договоръ личнаго найма заключать не дозволяется". Въ настоящемъ отношеніи обычай не можетъ отмѣнить закона.

Далѣе, статья 2229 т. X ч. I предписываетъ хозяину обходиться съ нанимаемыми справедливо и кротко. Законъ, слѣдовательно, отнюдь не уполномачиваетъ хозяина на оскорбительное обращеніе съ рабочимъ. Ограждая нанимателя, законъ и наемнику предоставляетъ въ такихъ случахъ общее право жалобы и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, право расторженія договора. Противные этому обычаи въ крестьянской средѣ не имѣютъ юридическаго значенія, составляютъ нарушеніе закона, не-право. Отрицательные отвѣты на вопросъ программы г. Харузина—„подвергается-ли, и какой именно, отвѣтственности хозяинъ за нанесеніе рабочему побоевъ, за оскорбленіе словами" —засвидѣтельствовали-бы не о существованіи юридическаго обычая, а о наличности безправія въ крестьянской средѣ и о неограженіи судами въ должной мѣрѣ, на основаніи обязательнаго для нихъ закона, чести и тѣлесной неприкосновенности рабочаго.

Точно также законы гражданскіе не предоставляютъ хозяину права наказывать рабочаго по собственному усмотрѣнію и—это относится до крестьянъ-работниковъ въ равной мѣрѣ съ наемниками изъ числа лицъ другихъ сословій, какъ по распространенію и на крестьянъ силы ч. I-й т. X, такъ и потому, что по ст. 25 Общаго Положенія—„крестьяне не могутъ быть подвергаемы никакому наказанію иначе, какъ по судебному приговору или по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей". Отсюда же положительный отвѣтъ на вопросъ программы г. Харузина—„можетъ-ли хозяинъ по собственному усмотрѣнію наказывать рабочаго" —засвидѣтельствовалъ-бы не о существованіи юридическаго обычая, а о беззаконіи, могущемъ обнаруживаться въ крестьянской средѣ.

Ст. 2203 т. X ч. I запрещаетъ даже родителямъ отдавать въ наемъ дѣтей безъ собственнаго согласія послѣднихъ, и—это, конечно, вполнѣ относится къ крестьянамъ. Рѣчь идетъ также о публичномъ интересѣ и объ извѣстномъ общемъ правѣ состоянія, предоставленномъ и освобожденнымъ крестьянамъ. „Встрѣчаются-ли случаи—спрашиваетъ программа г. Харузина,—что хозяину предоставляется вмѣсто рабочаго, невыполнившаго условія договора, нанять, на его счетъ, другого рабочаго или взять, взамѣнъ такого рабочаго, кого-либо

изъ его семейства (сына, брата)". Утвердительные отвѣты на этотъ вопросъ не дали-бы, однако, основаній къ заключенію о существованіи среди крестьянъ соотвѣтствующаго юридическаго обычая. Точно также не можетъ быть признанъ юридическимъ проявляющійся въ дѣятельности волостныхъ судовъ обычай „ставить на заработки" рабочихъ, которые не въ состояніи возвратить забранныхъ денегъ (Пахманъ, т. I, 210). *)

Въ свое время, дѣйствовали подлежащія статьи ч. I т. X о лихвенныхъ процентахъ. Безъ сомнѣнія же, онѣ распространялись и на крестьянъ. Съ одной стороны, крестьяне-заимодавцы не могли брать болѣе 6% роста и въ противномъ случаѣ подвергались преслѣдованію; съ другой же,—и ростовщики изъ числа лицъ другихъ сословій не могли заключать собственно съ крестьянами сдѣлокъ, по которымъ взималось бы болѣе означеннаго процента роста. Иначе, конечно, и быть не могло, такъ какъ законъ о лихвенныхъ процентахъ изданъ былъ въ огражденіе бѣдныхъ людей, и масса бѣднѣйшаго населенія, истощенная „лихвенными процентами", выплачивавшимися помѣщикамъ, не могла быть, съ освобожденіемъ, изъята отъ дѣйствія этого закона.

Ст. 919 т. X ч. I, для пріобрѣтенія домашнимъ актомъ надлежащей законной силы, требуетъ, чтобы онъ былъ подписанъ выдающимъ его, если онъ грамотный,—въ противномъ же случаѣ, чтобы онъ былъ подписанъ за него другимъ лицомъ, по его уполномочію, съ надлежащимъ засвидѣтельствованіемъ. Этого требуютъ общія начала права, порядокъ, публичный интересъ, необходимость огражденія правъ. Подобныя же требованія, безъ всякаго сомнѣнія, относятся въ равной мѣрѣ къ крестьянамъ, какъ и къ лицамъ другихъ сословій. Противные тому обычаи не могутъ имѣть юридическаго значенія. Страненъ, поэтому, вопросъ программы г. Харузина—„требуется ли непремѣнно, чтобы письменные акты были подписаны самимъ выдающимъ." Пусть этого не требуютъ гдѣ нибудь обычаи. Законъ и порядокъ требуютъ этого непремѣнно. Допустить изъятіе крестьянъ въ этомъ отношеніи отъ

---

*) Сельскимъ обществамъ, какъ обязаннымъ круговою порукою въ платежахъ за своихъ членовъ, предоставляется отдавать въ заработки неисправныхъ плательщиковъ. Но это относится къ области финансоваго права,—къ тѣмъ пріемамъ взиманія податей и сборовъ, которые г. Тернеръ называетъ „азіатскими" („Вѣстникъ Европы", октябрь 1895 г., статья „Крестьянскіе платежи и способы ихъ взысканія").

дѣйствія ч. I т. X, да еще съ признаніемъ со стороны уголовныхъ обычаевъ правомѣрности наказанія за нарушеніе гражданскихъ договоровъ,—а это именно наблюдается въ области обычнаго уголовнаго права—значило бы допустить не только неправильное закабаленіе людей, но еще и держаніе ихъ въ кабалѣ страхомъ наказанія со стороны общественнной власти за нарушеніе кабальныхъ условій...

По началамъ дѣйствующаго гражданскаго права и по общимъ началамъ права, для заключенія договоровъ, требуется наличность извѣстной право—и—дѣеспособности отъ контрагентовъ. То же самое требуется, безъ сомнѣнія, и отъ крестьянъ. Не инымъ условіямъ подчиняются и они въ этомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ. Страненъ, поэтому, вопросъ программы г. Харузина. „требуется ли обычаями, чтобы лица, совершающія договоры, были полноправны,—то есть, совершеннолѣтнія, здоровыя умственно и т. п. Считаются ли дѣйствительными договоры, первоначальнымъ виновникомъ которыхъ является несовершеннолѣтній или слабоумный, если эти договоры не вызываютъ протеста со стороны лицъ заинтересованныхъ.“— Пусть обычаи этого и не требуютъ гдѣ-нибудь; пусть не ограничиваются ими права такихъ явно недѣеспособныхъ лицъ; пусть недѣйствительность договоровъ, заключаемыхъ съ такими людьми, ставится въ зависимость обычаями отъ протеста со стороны лицъ заинтересованныхъ. Подобные обычаи, очевидно, не могутъ быть юридическими, не только потому, что на крестьянъ распространяется ч. I т. X, но и потому, что подобная эксплуатація ближняго составляетъ преступленіе, преслѣдуемое въ публичномъ порядкѣ,—а преступленіе не можетъ создавать никакихъ правъ для виновнаго въ немъ, и договоры, противные законамъ,—недѣйствительны.

„Взыскиваются ли крестьянскими судами убытки, причиненные преступленіемъ“— спрашиваетъ программа географическаго общества. Отказы со стороны крестьянскихъ судовъ въ соотвѣтствующихъ искахъ подвѣдомственнымъ имъ лицамъ —не могутъ, однако, составить юридическаго обычая. Право взыскивать убытки, причиненные преступленіемъ, есть общее право потерпѣвшаго, установленное въ гражданскихъ законахъ. Оно принадлежитъ крестьянамъ въ равной мѣрѣ съ лицами другихъ сословій (см. приведенную выше ст. 24 Общаго Положенія), и—не можетъ быть отвергаемо какими-либо судами.

„Неустойка—спрашиваетъ программа г. Харузина—заклю-

чается ли въ уплатѣ денегъ или въ какой-либо иной невыгодѣ для лица, неисполнившаго договоръ (напримѣръ, отрѣзаніе хвоста у лошади)".—Но причиненіе мученія домашнимъ животнымъ, какъ мѣра обезпеченія договоровъ, опять таки, не можетъ составить юридическаго обычая. Оно является преступленіемъ, преслѣдуемымъ общимъ закономъ; договоры же не могутъ быть обезпечиваемы дополнительными обязательствами совершенія преступленій...

Находка, какъ способъ пріобрѣтенія имущества, не можетъ опредѣляться обычнымъ правомъ и для крестьянъ, такъ какъ съ способами пріобрѣтенія имущества связаны публичные интересы и интересы третьихъ лицъ прочихъ сословій. Тутъ должны дѣйствовать общія гражданскія постановленія. Въ законѣ установлены, поэтому, и общія для всѣхъ наказанія за утайку находки, какъ уголовная санкція общихъ для всѣхъ постановленій. То же самое можно сказать о потравѣ, какъ о незаконномъ пользованіи чужимъ имуществомъ, и о всѣхъ другихъ видахъ этого пользованія.

Такъ точно, не можетъ опредѣляться обычаемъ право на кладъ и на его отыскиваніе. Иначе, можетъ оказаться, что на землѣ не крестьянина отыскивать кладъ безъ разрѣшенія хозяина нельзя, а на землѣ крестьянина—можно,—и явится какое то различіе для лицъ разныхъ сословій въ самомъ понятіи о собственности,—обусловливаемое принадлежностью къ тому или иному сословію то хозяина, то лица, отыскивающаго кладъ или нашедшаго его въ нѣдрахъ чужой земли.

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Принявъ за исходную точку состоявшееся освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ, можно доказать такимъ путемъ безусловную обязательность примѣненія къ нимъ еще цѣлаго ряда статей тома X части I Законовъ Гражданскихъ, не упомянутыхъ прямо въ Общемъ Положеніи. Можно доказать, что къ нимъ примѣнимы: статьи, установляющія раздѣленіе имуществъ на движимыя и недвижимыя, тлѣнныя и нетлѣнныя, раздѣльныя и нераздѣльныя; постановленія о правѣ участія общаго и частнаго; о находкѣ и кладѣ; о береговомъ правѣ; о вознагражденіи за владѣніе добросовѣстное и недобросовѣстное; о завѣщаніяхъ, и пр., и пр. *) Не вдаваясь, однако, въ дальнѣйшія подробности, за-

*) Замѣтимъ, между прочимъ, что въ рѣшеніи общаго собранія сената отъ 10 мая 1893 г. № 20, по вопросу о томъ,—„примѣнимо ли правило п. 3 ст. 445 т. X ч. 1, къ крестьянскимъ постройкамъ въ деревняхъ"—выражено, что правило это относится ко всѣмъ построй-

кончимъ эту часть своихъ доказательствъ разсмотрѣніемъ вопроса о томъ, примѣнима ли къ крестьянамъ давность, погашающая, какъ и пріобрѣтающая.

Какъ указано въ началѣ настоящей главы, давность положительно отвергается въ области крестьянскихъ имущественныхъ отношеній и разрѣшать вопросъ о ней предоставляется мѣстнымъ обычаямъ. Такъ ли это, можетъ ли это быть такъ? Нѣтъ вопроса, который проще и яснѣе разрѣшался бы въ положительномъ смыслѣ, и противоположныя заключенія тѣмъ менѣе основательны.

Какъ мы видѣли выше, ст. 33 Общаго Положенія прямо предоставляетъ освобожденнымъ крестьянамъ пріобрѣтать движимыя и недвижимыя имущества всѣми законными способами Давность же принадлежитъ именно къ числу такихъ законныхъ способовъ, и слѣдовательно, прямо распространяется на крестьянъ Равнымъ образомъ, распространяется на нихъ и право иска о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. Ясно, что крестьянамъ принадлежитъ и право пріобрѣтенія имущества по давности. Далѣе, въ давности, относящейся къ частному праву, есть начала права публичнаго. Она придаетъ опредѣленность правамъ, столь необходимую для быстроты и свободы гражданскаго оборота. Она покрываетъ формальные недостатки способовъ пріобрѣтенія, дѣлаетъ законнымъ право недостаточно укрѣпленное, неоформленное въ надлежащемъ, установленномъ порядкѣ,—и съ этой стороны особенно существенна именно для крестьянъ, не знающихъ о значеніи актовъ укрѣпленія и зачастую являющихся въ настоящемъ отношеніи предметомъ эксплуатаціи для „ловкихъ“ людей. Давность облегчаетъ и задачу суда. Благодаря ей, отказывается въ защитѣ правамъ, остававшимся долго безъ употребленія, установленіе которыхъ представило бы чрезвычайныя трудности для судебной власти. *) Какимъ же образомъ дав-

---

камъ. Такъ точно, въ рѣшеніи перваго департамента сената отъ 6 сентября 1876 г, сдѣлана ссылка на ст 2178 т. X, ч. 2-ой, въ подкрѣпленіе того, что „должностныя лица волостного и сельскаго управленія, производящія публичную продажу, не могутъ быть покупщиками продающагося имѣнія“ (покупалъ волостной писарь). Такимъ же образомъ, въ рѣшеніи отъ 22 мая 1878 г. признана обязательность для волостного и сельскаго начальства оповѣщенія о публичной продажѣ крестьянъ сосѣднихъ селеній (Сборникъ Данилова, изд. 3, стр. 21).

*) Недавно въ газетахъ сообщалось изъ Харькова „крестьяне, какъ извѣстно, нестѣсняемые земскою давностію (свидѣтельствуетъ корреспондентъ объ укоренившемся воззрѣніи), представляютъ иногда въ свои суды въ доказательство своихъ правъ на земли документы

ность могла бы оказаться неподлежащею примѣненію къ крестьянскимъ дѣламъ, вопреки не только частнымъ интересамъ крестьянъ, но и вопреки интересамъ публичнымъ?

Вопросъ о давности возбуждался, между прочимъ, относительно наслѣдованія въ имуществѣ магометанъ, и гражданскій кассаціонный департаментъ сената, въ опредѣленіи своемъ отъ 5 декабря 1889 г. (№ 119), выразилъ. „Если законъ допускаетъ разрѣшеніе споровъ магометанъ о наслѣдствѣ не по общимъ законамъ Имперіи, то это потому, что наслѣдственное право магометанъ имѣетъ свои основы по-преимуществу въ ихъ бытовыхъ и религіозныхъ особенностяхъ. Напротивъ, *условія дѣйствія времени на гражданскія права,* порядокъ судебной ихъ защиты, а слѣдовательно, и правила, устанавливающія дѣйствіе давности,—не имѣютъ внутренней связи съ своеобразными юридическими отношеніями наслѣдственнаго права, и должны быть обсуждаемы по общему закону, не допускающему никакой неопредѣленности въ этомъ отношеніи и устанавливающему точный срокъ, съ протеченіемъ коего теряется возможность ограждать право, независимо отъ его матеріальнаго содержанія.“ Неужели же къ крестьянамъ неприложимы эти общія соображенія, коль скоро сенатъ справедливо подчеркиваетъ, что законъ не допускаетъ „никакой“ неопредѣленности по отношенію къ дѣйствію времени на права? Неужели волостной судъ не долженъ принимать отводовъ по давности, возраженій, основываемыхъ на давности, и долженъ непремѣнно разрѣшать спорныя отношенія, какою бы давностію они ни покрывались, и какъ бы ни оказывалась затруднительною при такихъ условіяхъ задача простѣйшаго суда? Безъ сомнѣнія, законы о давности всецѣло приложимы и къ освобожденнымъ крестьянамъ, крестьяне же бывшіе государственные не утратили прежняго права ими руководствоваться. Нельзя не замѣтить, кстати, что, между прочимъ, въ положеніяхъ о крестьянахъ прибалтійскихъ губерній выражено совершенно точно правило о примѣненіи давности къ

незапамятныхъ временъ. Одинъ крестьянинъ недавно представилъ въ удянскій волостной судъ „купчую“, выданную однодворцемъ Немикинымъ, Харьковскаго полку, Золочевской сотни, села Пристепнаго, Большіе Уды тожъ, жителямъ, казачьимъ свойственникамъ Хауставу Дорофѣеву и др.. въ 1761 году, то есть равно 133 года тому назадъ. „Купчая“ написана тогдашнимъ витіеватымъ письмомъ, и „прочесть ее лицу, незнакомому съ стариннымъ письменами, почти невозможно...“

крестьянскимъ отношеніямъ (Пол. о крестьянахъ курляндской губ., ст. 92, эстляндской, 893 и 896, лифляндской, 974). *)

Такимъ образомъ,—и прямыми ссылками Общаго Положенія, и косвеннымъ путемъ,—можно доказать обязательность примѣненія къ крестьянамъ гражданскихъ законовъ, какъ общаго правила. Отсюда понятно и то, что въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г. не одинъ разъ предписывалось вообще, чтобы договоры, заключаемые освобожденными крестьянами и съ своими помѣщиками,—не противорѣчили „общимъ гражданскимъ законамъ...“ (п. 3, ст. 6 Общаго Положенія и пр.).

Но какъ мы видѣли выше (гл. 1), редакціонныя комиссіи, согласно съ представленіями губернскихъ дворянскихъ комитетовъ и домогательствами депутатовъ отъ послѣднихъ,—согласились допустить примѣненіе освобожденными крестьянами и мѣстныхъ обычаевъ, по исключенію, къ нѣкотораго рода дѣламъ, и исключенія эти именно, въ свою очередь, доказываютъ существованіе общаго правила.

Такъ, между прочимъ, особенно настоятельныя представленія сдѣланы были относительно наслѣдованія, раздѣловъ, опеки и попечительства („Матеріалы“, т. I., кн. 2, изд. 2; ч. XII, изд. I). Отсюда примѣчаніе I къ ст. 21 постанов-

---

*) Въ сборникѣ рѣшеній общаго собранія сената за 1894 г., обнародовано рѣшеніе отъ 25 октября 1893 г., за № 32, по вопросу о томъ „распространяются ли содержащіяся въ общихъ гражданскихъ законахъ положенія о давности на дѣла, подсудныя преобразованнымъ, на основаніи правилъ 12 іюля 1889 г., волостнымъ судамъ. Рѣшеніе это чрезвычайно характерно по отношенію къ силѣ и вліянію господствующаго воззрѣнія о непримѣнимости къ крестьянамъ законовъ гражданскихъ... Общее собраніе сената привело еще больше соображеній въ пользу примѣненія давности къ крестьянскимъ дѣламъ, чѣмъ сколько указано нами. Оно упустило только, между прочимъ, столь важныя приведенныя нами общія соображенія гражданскаго кассаціоннаго департамента Выводъ о безусловной обязательности правилъ о давности по отношенію къ крестьянскимъ дѣламъ слѣдовалъ изъ соображеній общаго собранія, кажется, неизбѣжно, необходимо.. Тѣмъ не менѣе, совершенно неожиданно послѣдовало разъясненіе условное, оставившее вопросъ въ сущности въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи: „положенія о давности, содержащіяся въ законахъ гражданскихъ, если на нихъ сошлются тяжущіяся стороны, при производствѣ дѣла въ волостномъ судѣ, подлежатъ примѣненію на общемъ основаніи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда, по тяжбамъ и спорамъ исключительно между крестьянами, извѣстное правовое отношеніе, по мѣстнымъ обычаямъ, или вовсе изъемлется отъ дѣйствія давности, или покрывается ею въ болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ опредѣлено общимъ зако-

ляло: „Въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ крестьяне руководствуются мѣстными своими обычаями". Отсюда же явилась ст. 38 Общаго Положенія· „Въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями..." (дозволяется. но они, очевидно, не лишаются права руководствоваться въ этомъ отношеніи и общими гражданскими законами). Соотвѣтственныя этой статьѣ постановленія помѣщены были въ статьяхъ 110 мѣстнаго положенія губ. великорос., 93 мѣстн. пол. малорос. и 166 пол. о выкупѣ. Затѣмъ, относительно порядка усыновленія сдѣлана ссылка на мѣстные обычаи въ ст. 95 мѣстн. пол. малорос. Позднѣйшій законъ 22 мая 1882 г. (примѣч. 3 къ ст. 143 положенія о губ. и уѣздн. учр. по крест дѣламъ) установилъ точно также, что при обнаруженіи растраты должностнымъ лицомъ крестьянскаго общественнаго управленія, запрещеніе на его недвижимое имущество налагается на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, арестъ же на движимое, „примѣняясь къ тому порядку, какой соблюдается въ подобныхъ случаяхъ въ крестьянскомъ быту". Въ новѣйшее время, наконецъ, изъятіе въ пользу мѣстныхъ обычаевъ сдѣлано въ законѣ 24 мая 1893 г. о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій. Его уголовная санкція не распространяется на такія сдѣлки, совершаемыя въ сельской средѣ, по которымъ, хотя и взимается чрезмѣрный ростъ,—который переходитъ, такъ сказать, мѣру закона,—но которыя, однако, не выступаютъ изъ предѣловъ обычая. *)

номъ". Впослѣдствіи, однако, въ рѣшеніи отъ 30 октября 1895 г., общее собраніе признало подлежащимъ безусловно дѣйствію давности право члена крестьянской семьи въ сѣверо западныхъ губерніяхъ на пользованіе землею, надѣленною семьѣ, со времени нарушенія этого права —Далѣе, въ указѣ сената (по второму департаменту) отъ 19 апрѣля 1895 г, выражено, что жалобы на приговоры сельскихъ сходовъ, которыми нарушены имущественныя права, не могутъ быть подаваемы по истеченіи срока земской давности („Сборникъ узаконеній о крестьянскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ, преобразованныхъ по закону 12 іюля 1889 г.", изд. земскаго отдѣла 5, стр. 35).

*) Занимающійся—говорится въ названномъ законѣ—въ видѣ промысла, отдачею въ ссуду сельскимъ обывателямъ 1) хлѣба или другихъ припасовъ, или же 2) денегъ подъ условіемъ уплаты денежнаго долга, частію или вполнѣ, хлѣбомъ, припасами или работою, если для совершенія сдѣлки на чрезмѣрно обременительныхъ, не соотвѣтствующихъ мѣстнымъ обычаямъ, условіяхъ, онъ воспользовался крайне тягостнымъ положеніемъ заемщика, подвергается, и т. д.".

Этимъ и ограничиваются изъятія отъ дѣйствія т. X ч. I-й Законовъ Гражданскихъ относительно крестьянъ. Какъ видно, это—именно изъятія, исключенія по частнымъ отношеніямъ. Какъ видно также, они и не такъ велики, какъ обыкновенно думаютъ. При всемъ же томъ, и въ этихъ предѣлахъ, обычное гражданское право можетъ дѣйствовать не всегда и не безусловно, не съ полнымъ устраненіемъ закона. Не трудно доказать, между прочимъ, что, какъ ни широки кажущіеся предѣлы дѣйствія обычая на крестьянскія опеки, установляемые примѣчаніемъ къ ст. 21 Общаго Положенія, тѣмъ не менѣе и здѣсь должны въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствовать законы гражданскіе. Такъ, опекунъ, назначенный родителями въ завѣщаніи, по праву, предоставляемому въ ст. 227 т. X ч. I, если онъ удовлетворяетъ требуемымъ закономъ условіямъ, не можетъ быть устраненъ силою обычая и замѣненъ другимъ по обычаю. Такъ точно, опека надъ имуществомъ, дошедшимъ въ собственность малолѣтнихъ дѣтей, принадлежитъ и среди крестьянъ отцу, по ст. 226. Такъ далѣе, по смерти одного родителя, опека, каковы бы ни были обычаи, учреждается силою закона въ лицѣ оставшагося въ живыхъ родителя, по ст. 229. Все это совершенно естественно и неизбѣжно слѣдуетъ изъ существа и назначенія опеки, какъ установленія публичнаго права. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней выражено участіе общественной власти въ заботахъ объ остающихся малолѣтнихъ дѣтяхъ. Общественная власть выступаетъ тутъ взамѣнъ родителей, когда послѣднихъ нѣтъ, или воля ихъ не выразилась въ соотвѣтствующихъ законныхъ предсмертныхъ распоряженіяхъ. Когда же есть закономъ или распоряженіемъ родителей указанные опекуны, тогда общественная власть не получаетъ и повода къ выполненію своего назначенія въ иныхъ формахъ, кромѣ надзора за опекунами. Кромѣ же того, какъ видно, указываемое изъятіе вовсе не касается опекъ по слабоумію, сумасшествію и пр., и эти опеки и относительно лицъ крестьянскаго сословія, установляются въ общемъ порядкѣ, опредѣленномъ законами гражданскими. *)

*) По поводу предложенія комитетовъ спб., симбирскаго, тверского, псковского и ярославскаго о томъ, чтобы крестьянамъ, въ дѣлахъ по опекѣ и попечительству, предоставлено было руководствоваться „мѣстными своими обычаями“,—юридическое отдѣленіе редакціонныхъ комиссій замѣтило: „по невозможности имѣть положительныя свѣдѣнія о сихъ обычаяхъ, нельзя судить, достаточно ли охраняютъ они права лицъ, подлежащихъ опекѣ. Затѣмъ, допустивъ, вопреки этому собственному своему замѣчанію, опредѣленіе опекун-

За указанными въ законѣ изъятіями въ пользу примѣненія обычая, становятся понятными ст. 107 Общаго Положенія и 25 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, приведенныя нами вначалѣ. На нихъ ссылаются обыкновенно, въ видахъ опредѣленія предѣловъ дѣйствія обычнаго права среди крестьянъ,— изъ нихъ выводятъ заключенія о весьма широкихъ, всеобъемлющихъ предѣлахъ его примѣненія. А между тѣмъ, статьи эти сами требуютъ ссылокъ на другія матеріальныя постановленія, составляютъ выводъ изъ послѣднихъ и безъ связи съ ними не даютъ права на какія-либо заключенія. Установивъ же теперь эту связь названныхъ статей съ матеріальными постановленіями и представляя указанія ихъ по настоящему предмету довольно ограниченными, не можемъ не обратить вниманія на то, что и сами по себѣ ст. ст. 107 и 25 обставляютъ разсматриваемый предметъ довольно тѣсными предѣлами. Если даже разсматривать ихъ безотносительно, то и тогда при всемъ несовершенствѣ ихъ редакціи нельзя будетъ оправдать дѣлаемыхъ изъ нихъ широкихъ заключеній...

Дѣйствительно, волостнымъ судамъ предоставлено статьею 107 разрѣшать гражданскія дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту. Но когда? При отсутствіи сдѣлокъ, явленныхъ въ волостномъ правленіи. Значитъ, дѣйствіе обычая и здѣсь представляется условнымъ. При существованіи подобныхъ сдѣлокъ, дѣла и должны быть разрѣшаемы на основаніи этихъ сдѣлокъ. Слѣдовательно, дѣла должны быть разрѣшаемы въ такихъ случаяхъ и по закону, если самыя эти сдѣлки основаны на законѣ Между тѣмъ, не собрано вовсе достаточныхъ данныхъ о томъ, на чемъ основываются обыкновенно сдѣлки, являемыя въ во-

---

скихъ отношеній въ значительной степени обычаемъ, отдѣленіе, всетаки, именно высказало· „Относительно учрежденія опекъ и попечительствъ надъ малолѣтними, несовершеннолѣтними и другими неполноправными лицами (безумными, сумасшедшими, глухонѣмыми и нѣмыми) изъ крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости, слѣдуетъ руководствоваться вообще существующими на сей предметъ узаконеніями". („Матеріалы", томъ II, книга 1-ая, изд. второе, стр 27) —Такимъ образомъ, и сенатъ (по первому департаменту), въ рѣшеніи отъ 4 января 1868 г, сослался на ст. 375 т. X, ч 1-ой,— признавъ, что и среди крестьянъ, на основаніи этой статьи, безумные и сумасшедшіе могутъ быть отдаваемы на попеченіе ближайшихъ родственниковъ только съ согласія послѣднихъ, и въ противномъ случаѣ должны быть помѣщаемы въ особо устроенныхъ домахъ (Сборникъ Данилова, изд. 3, стр. 10).

лостныхъ правленіяхъ, на обычномъ или писаномъ гражданскомъ правѣ. Можно же предположить, что и сдѣлки, такимъ образомъ оформливаемыя, основываются скорѣе на болѣе твердыхъ и опредѣленныхъ положеніяхъ писанаго права. Сенатъ призналъ подлежащими разрѣшенію волостного суда 19 февраля 1861 г. дѣла, основанныя на сдѣлкахъ, явленныхъ у нотаріусовъ, мировыхъ судей и пр., даже совершенныхъ крѣпостнымъ порядкомъ („Сборникъ“ за 1861—1879 гг., г. Данилова, 150). А такого рода сдѣлки, конечно, всегда уже основываются на общихъ гражданскихъ законахъ.

Въ свою очередь, ст. 25 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, будучи точнѣе ст. 107 Общаго Положенія, ставитъ вопросъ объ объемѣ примѣненія обычаевъ въ то же самое положеніе, какое усвоено ему и статьею 107. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ временныя правила о волостномъ судѣ не устанавливаютъ нормъ матеріальнаго гражданскаго права, а являются процессуальнымъ закономъ. Ст. 25 отправляется такъ же, какъ и ст. 107, отъ существующихъ нормъ матеріальнаго права, неизмѣненнаго вовсе законодательствомъ 12 іюля 1889 г. Упоминаніе въ ней именно о крестьянахъ составляетъ прямой и необходимый выводъ изъ этихъ постановленій, и этотъ выводъ всецѣло ограничиваетъ примѣненіе обычнаго гражданскаго права въ опредѣляемыхъ нами предѣлахъ къ однимъ крестьянамъ. Дѣйствительно, обычаю не подчиняются лица другихъ сословій. Но преобразованный волостной судъ можетъ разбирать дѣла между крестьянами и этими лицами, если они именно пожелаютъ подчиниться его рѣшенію, обратятся къ его защитѣ сами или не уклонятся отъ отвѣта передъ нимъ по вызову крестьянъ-истцовъ. И вотъ, ст. 25, въ предотвращеніе примѣненія обычая и къ такимъ дѣламъ, прямо и точно указываетъ, что обычаемъ волостной судъ руководствуется только при разборѣ споровъ и тяжбъ „между крестьянами.“ Лица другихъ сословій, судясь въ волостномъ судѣ, имѣютъ безусловное право требовать разрѣшенія своихъ дѣлъ во всякомъ случаѣ по законамъ, и примѣненіе къ нимъ обычая можетъ составить несомнѣнный поводъ къ отмѣнѣ соотвѣтствующаго рѣшенія.

Не слѣдуетъ, затѣмъ, словамъ ст. 25 о томъ, что волостной судъ рѣшаетъ дѣла „по совѣсти“, придавать значеніе, котораго они не имѣютъ, — значеніе произвольное — въ то время, какъ смыслъ ихъ совершенно ясенъ и опредѣленъ. Нельзя считать, что здѣсь совѣсть можетъ замѣнять законъ. По со-

вѣсти или по убѣжденію совѣсти, должны были оцѣнивать доказательства и разрѣшать дѣла мировые судьи; та же обязанность возлагается на замѣняющихъ ихъ уѣздныхъ членовъ, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей. На волостной судъ прибалтійскихъ губерній 9 іюля 1889 г. также возлагается обязанность руководствоваться велѣніями совѣсти въ своей дѣятельности. Но рядомъ съ этою обязанностію предписывалось мировымъ судьямъ основывать свои постановленія на точной силѣ законовъ, и это же предписывается уѣзднымъ членамъ, земскимъ начальникамъ, и городскимъ судьямъ и волостному суду прибалтійскихъ губерній. Такое же начало само собою подразумѣвается и во временныхъ правилахъ 12 іюля 1889 г. Руководствоваться совѣстію—это важнѣйшее нравственное предписаніе, которое подразумѣвается относительно каждаго исполнителя и которое особо и прямо дѣлается въ судопроизводственныхъ законахъ потому, что ему справедливо приписывается извѣстное сильное вліяніе, столь необходимое для дѣятелей суда, состоящихъ на стражѣ правъ Это предписаніе имѣетъ такое же значеніе, какъ и присяга. И безъ присяги само собою подразумѣвается обязательность того, что въ ней выражается. Но исполненіе всего этого именно почитается особо обезпечиваемымъ присягою. Когда судьѣ вмѣняется въ обязанность дѣйствовать по совѣсти, но не упоминается объ обязательности законовъ, то это не значитъ, что онъ можетъ дѣйствовать противозаконно, ссылаясь на совѣсть. Требованія закона и требованія совѣсти не могутъ быть противополагаемы. Въ законахъ выражаются нравственныя начала, какъ и въ голосѣ совѣсти. Послѣдній—только строже, требовательнѣе, безусловнѣе. Своею совѣстію долженъ руководствоваться волостной судья, прежде всего, при примѣненіи закона, какъ обычая. Поэтому, когда та же ст. 25, не упоминая въ первой своей части объ обязательности законовъ для преобразованнаго волостного суда, предписываетъ ему руководствоваться обычаями, при разрѣшеніи дѣлъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о наслѣдованіи, то этимъ самымъ въ ней не выражается, что въ такихъ случаяхъ судъ можетъ не слушать голоса совѣсти. Обязательность законовъ для преобразованнаго волостного суда выражается притомъ въ принимаемой членами его общей судейской присягѣ и волостной судья клянется „исполнять свято законы Имперіи.“

Наконецъ, обычаи могутъ дѣйствовать на опредѣленныя

отношенія, съ устраненіемъ закона, безъ сомнѣнія, лишь тогда, когда они именно, на самомъ дѣлѣ, существуютъ и извѣстнымъ порядкомъ доказываются. Правда, не указано закономъ никакого способа удостовѣренія обычаевъ. Но могутъ ли примѣняться обычаи, не будучи вовсе и никакъ удостовѣряемы и доказываемы? Едва ли законъ допускаетъ такой порядокъ. Законъ полагаетъ вообще, что обычаи хорошо извѣстны крестьянамъ, и на этомъ основаніи не требуетъ прямо и всегда особаго ихъ удостовѣренія. Считается, что въ этомъ условіи, если оно существуетъ и если противъ выставляемыхъ обычаевъ никто не возражаетъ,—заключается уже достаточное удостовѣреніе существованія обычаевъ. Но если обычаи неясны, неопредѣленны, смутны, или кто-либо изъ участвующихъ возражаетъ противъ нихъ? Конечно, тутъ обычаи должны быть удостовѣряемы и доказываемы. Тутъ должны быть точно выясняемы дѣйствительно существующіе обычаи, то есть, направленныя къ установленію порядка и разрѣшенію имущественныхъ отношеній правила дѣйствій, постоянно совершаемыхъ всѣми въ данной мѣстности, обязательныя и непротиворѣчащія ни здравому смыслу, ни общимъ началамъ права. Ибо судъ всегда долженъ имѣть извѣстное объективное и правовое основаніе для своихъ постановленій. Коль скоро же существованіе дѣйствительно юридическаго обычая не доказано,—то, понятно, волостной судъ долженъ примѣнить соотвѣтствующій законъ. Что иначе могъ бы онъ примѣнить, будучи обязанъ во всякомъ случаѣ, разрѣшить каждое данное дѣло? Какое иное объективное и правовое основаніе могъ бы онъ дать своему постановленію? Относительно сибирскихъ инородцевъ и существуетъ прямое постановленіе, въ силу котораго недостатокъ степныхъ законовъ (кодифицированныхъ обычаевъ) долженъ восполняться „общими государственными узаконеніями“ (томъ IX, изд. 1876 г., ст. 845).

Наконецъ, во всѣхъ случаяхъ нужно имѣть въ виду постановленіе ст. 56 положенія объ уѣзд. и губ. учрежденіяхъ по крест. дѣламъ—о томъ, что мировому посреднику (впослѣдствіи земскому начальнику) предоставляется разрѣшать крестьянскія дѣла (въ подлежащихъ случаяхъ) на основаніи „мѣстныхъ обычаевъ“, но—„если сіи послѣдніе не противорѣчатъ существующимъ законамъ и положеніямъ о крестьянахъ“,—въ противномъ случаѣ, очевидно, должны примѣняться общіе законы. Это само собой подразумѣвается относительно

каждаго учрежденія и должностного лица, разрѣшающаго крестьянскія дѣла.

Всѣ изложенныя доказательства въ пользу состоявшагося распространенія на крестьянъ въ весьма значительныхъ предѣлахъ общихъ гражданскихъ законовъ относятся собственно до бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Что же касается до крестьянъ бывшихъ государственныхъ, то положеніе ихъ въ этомъ отношеніи не измѣнилось съ распространеніемъ на нихъ въ 1866 г. Общ. Пол. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости Во-первыхъ, это распространеніе состоялось съ сохраненіемъ правъ и преимуществъ, которыми они до тѣхъ поръ пользовались,—а подчиненіе государственныхъ крестьянъ общимъ гражданскимъ законамъ составляло ихъ право, приравнивавшее ихъ къ лицамъ прочихъ сословій и отличавшее отъ крѣпостныхъ крестьянъ. Во-вторыхъ же, распространены были на государственныхъ крестьянъ только статьи, относившіяся до крестьянскаго общественнаго управленія, повинностей и мѣръ ихъ обезпеченія и взысканія; статьи же 1—40, относившіяся до личныхъ правъ освобожденныхъ крестьянъ, и не могли получить новаго значенія для государственныхъ крестьянъ, такъ какъ въ нихъ говорилось объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости и о переходѣ на помѣщичьихъ крестьянъ различныхъ правъ свободныхъ сельскихъ обывателей, то есть, именно государственныхъ; въ частности же не получили распространенія на нихъ ст. 38 и прим. къ ст. 21 Общ. Пол. (кромѣ того, что и для нихъ опекунскими установленіями являлись сельскія общества, какъ въ силу прежнихъ постановленій законовъ гражданскихъ, особо подробно опредѣлявшихъ порядокъ опеки среди нихъ, такъ и въ силу ст. 51 Общаго Положенія, на нихъ распространявшейся). Наконецъ, такъ какъ ст. 107 Общ. Пол. и ст. 25 врем. правилъ о вол. судѣ 12 іюля 1889 г. составляютъ постановленія формальнаго, а не матеріальнаго права,—то и онѣ, въ свою очередь, не измѣнили положенія государственныхъ крестьянъ въ отношеніи общаго матеріальнаго гражданскаго права. Словомъ, государственные крестьяне были до 1866 г. и остались послѣ того подчиненными, за весьма немногими исключеніями (гораздо меньшими, чѣмъ помѣщичьи), общимъ гражданскимъ законамъ.

Такова дѣйствительная система гражданскаго права крестьянъ. Во многихъ отношеніяхъ—она одинакова съ системою гражданскаго права лицъ прочихъ сословій; система же

семейнаго права крестьянъ и совершенно тождественна съ системою семейнаго права другихъ сословій,—ибо опредѣляется однимъ и тѣмъ же закономъ. Но, казалось-бы, что система гражданскаго права, установляемая ч. I т. X, нарушается относительно крестьянъ финансовыми и полицейскими законами, въ силу которыхъ: земля надѣляется семьѣ или двору; между дворами же распредѣляются подати и повинности; двору предоставляется представительство черезъ кого-либо изъ членовъ на сходѣ; постоянный законный представитель двора—домохозяинъ—можетъ мѣняться по волѣ схода; членамъ семьи воспрещаются самовольные семейные раздѣлы, и пр.—Но когда рѣчь идетъ о личныхъ или имущественныхъ правахъ мужа и жены, дѣтей и родителей, и о правахъ лица вообще,—то разрѣшенія вопросовъ объ этихъ правахъ нужно искать не въ финансовыхъ или полицейскихъ законахъ, а въ тѣхъ постановленіяхъ, которыя именно относятся къ этой области права. Осуществленіе гражданскихъ правъ членами крестьянской семьи и характеръ обязанностей крестьянъ могутъ, конечно, подъ вліяніемъ системы податей и полицейскихъ мѣропріятій, нѣсколько уклоняться отъ опредѣляющихъ ихъ постановленій собственно гражданскихъ законовъ; личныя имущественныя права членовъ крестьянской семьи и вообще гражданскія права крестьянъ—могутъ оказываться черезъ это ограничиваемыми въ большей или меньшей мѣрѣ, обязанности же—видоизмѣняемы; на крестьянъ могутъ быть возлагаемы обязанности и ограниченія, не вытекающія изъ общихъ гражданскихъ законовъ, и пр. Но изъ этого не слѣдуетъ вовсе, что систему имущественныхъ или личныхъ отношеній въ крестьянской средѣ нужно строить на большемъ или меньшемъ гнетѣ, производимомъ здѣсь на гражданскія отношенія со стороны полицейскаго или финансоваго строя: напротивъ того, съ освобожденіемъ крестьянъ, началами гражданскаго права нужно смягчать слишкомъ суровыя требованія этого строя.)

*) Въ такомъ именно смыслѣ, полагаемъ, слѣдуетъ, между прочимъ, принимать разъясненіе сената отъ 1 апрѣля 1875 г, которымъ признано неправильнымъ обращеніе на имущество жены взысканія недоимки, лежавшей на мужѣ. („Сборникъ“ за 1861—1879 г.г, изд. Данилова, 201). Въ „Сборникѣ матеріаловъ для изученія русской поземельной общины“ (181) приводится примѣръ „навалки“ душевого надѣла земли на двѣнадцатилѣтняго мальчика... Возложенная на сельскія общества тяжелая обязанность уплаты за землю высокаго оброка помѣщику или выкупныхъ платежей казнѣ—можетъ приводить къ такимъ удручающимъ явленіямъ.. Такія явленія мо-

Многіе изслѣдователи (г.г. Пахманъ, Мухинъ, Оршанскій) усматриваютъ существованіе „семейной собственности“, какъ явленія обычнаго права крестьянъ *) Но представленіе о такой собственности основывается на нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ именно существующей финансовой системы. Законы же гражданскіе, распространенные въ этой части прямо и безусловно и на крестьянъ, облекаютъ каждаго члена русской семьи извѣстною личною и имущественною самостоятельностію,—и семейная собственность, какъ несогласная съ этимъ, не имѣетъ юридическаго значенія.

VI. Обычное уголовное право.

На освобождавшихся крестьянъ, какъ мы видѣли, предположено было распространить всѣ личныя права свободныхъ сельскихъ обывателей. Права же послѣднихъ, въ основныхъ чертахъ, были общими съ личными правами прочихъ гражданъ. Устанавливалась, между прочимъ, и для нихъ,—еще въ силу закона отъ 3 октября 1779 г.,—отвѣтственность *не иначе какъ по суду и закону*. Отвѣтственность эта могла, значитъ, возникать только за дѣйствія, объявленныя заранѣе воспрещенными закономъ или предписанныя имъ подъ страхомъ наказанія за неисполненіе; размѣры ея, въ свою очередь, должны были быть также опредѣлены заранѣе и точно закономъ; закономъ же подлежалъ опредѣленію и порядокъ привлеченія къ уголовной отвѣтственности,—порядокъ судебный. Отсюда, первоначально, и относительно освобождавшихся крестьянъ не

гутъ быть признаваемы весьма благопріятными для интересовъ помѣщика и даже для узко понимаемыхъ интересовъ фиска. Но—это, всетаки, не будетъ установленіе „обычнымъ правомъ“ гражданскаго совершеннолѣтія для крестьянина въ 12 лѣтъ. Ступени дѣеспособности и для крестьянина опредѣляются, какъ мы видѣли выше, общимъ закономъ, излагаемымъ въ томѣ X, части 1-ой. „Обычное право“ не можетъ вносить сюда какихъ-либо измѣненій, какъ бы много ни выигрывали отъ него интересы третьихъ физическихъ и юридическихъ лицъ. Ограждающій интересы и личность малолѣтняго, общій законъ долженъ имѣть преимущества въ настоящемъ отношеніи,—тѣмъ болѣе, что къ нему присоединяется и уголовная санкція въ извѣстныхъ случаяхъ (ст. 1689 уложенія о наказаніяхъ, изд 1885 г).

*) Замѣчанія С. В. Пахмана имѣютъ, впрочемъ, въ этомъ случаѣ, какъ и обыкновенно, дуалистическій характеръ.

имѣлось въ виду допускать дѣйствія обычаевъ ни на опредѣленіе преступленій и наказаній за нихъ, ни на самый размѣръ кары. Первичный проектъ редакціонныхъ комиссій постановлялъ: „вѣдомству волостного суда подлежатъ, и имъ, на одинаковомъ основаніи съ волостными расправами вѣдомства государственныхъ имуществъ, окончательно рѣшаются тѣ же дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, по коимъ предоставлено волостнымъ расправамъ постановлять окончательные приговоры“ („Матеріалы“, т. II, кн. 2, изд. 2, 263) Но эта часть законовъ, созданныхъ по проектамъ гр. Киселева относительно государственныхъ крестьянъ, представлялась *наименѣе удовлетворительною*. Она составляла нѣкоторый упрощенный сколокъ съ т. XV, ч. I, Свода Законовъ уголовныхъ, изд. 1832 г. Между тѣмъ, въ 1845 г. издано было нынѣ дѣйствующее, болѣе совершенное уложеніе о наказаніяхъ. Въ указѣ объ обнародованіи и примѣненіи послѣдняго и говорилось, что оно *не замѣняетъ* только „положеній о наказаніяхъ, вошедшихъ въ сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ, который---пояснялось, однако, тутъ— *долженъ*, по соображеніи онаго съ постановленіями новаго уложенія и сдѣланіи нужныхъ въ немъ дополненій, быть внесенъ на усмотрѣніе наше чрезъ Государственный Совѣтъ“ („Краткое обозрѣніе хода работъ и предположеній по составленію новаго кодекса законовъ о наказаніяхъ“, 140). Ко времени составленія положеній 19 февраля 1861 г. предположеніе это, однако, не получило еще осуществленія, и относительно государственныхъ крестьянъ, въ предѣлахъ ихъ собственной юстиціи, оставался въ силѣ главнѣйшій недостатокъ тогдашнихъ общихъ уголовныхъ законовъ, исправленный уложеніемъ 1845 г., *неопредѣленная уголовная санкція*. Поэтому, ради исправленія недостатковъ сельскосудебнаго устава для государственныхъ крестьянъ, подлежавшаго распространенію на крестьянъ освобожденныхъ, въ редакціонныхъ комиссіяхъ, согласно съ первоначальными предположеніями, признано было даже особо необходимымъ—„примѣняясь къ уложенію о наказаніяхъ и сельскосудебному уставу для государственныхъ крестьянъ, сдѣлать исчисленіе проступковъ, подлежащихъ разбирательству крестьянскаго суда, *еще точнѣе и опредѣленнѣе* въ томъ сельскомъ уставѣ, который—говорилось здѣсь—*не можетъ не быть изданъ для крестьянъ*, нынѣ выходящихъ изъ крѣпостной зависимости“ („Матеріалы“, ч. V, изд. 1, дополнит. доклады администр. отдѣленія, 43).

Но дворянскіе губернскіе комитеты, призванные къ участію въ выработкѣ новыхъ положеній, добивались ограниченія правъ освобождаемыхъ крестьянъ на первое время, по освобожденіи ихъ, и не скрывали ненависти своей къ учрежденіямъ гр. Киселева. Ихъ желанія направлялись къ установленію *возможной неопредѣленности правъ и обязанностей освобождавшихся крестьянъ*. Неопредѣленность же и шаткость уголовной отвѣтственности крестьянъ, неопредѣленность *охранительныхъ* законовъ,—должна была представляться особо желательною съ этой точки зрѣнія, и даже дѣлалась какъ-бы неизбѣжною вслѣдствіе того, что она, какъ мы видѣли, была достигнута по отношенію къ области законовъ *опредѣлительныхъ*... Вслѣдствіе этого, по предложеніямъ губернскихъ комитетовъ, предполагавшійся къ учрежденію крестьянскій судъ долженъ былъ разбирать односложно обозначавшіяся дѣла „по маловажнымъ полицейскимъ проступкамъ", „по неважнымъ проступкамъ", „по дѣламъ сельской полиціи", „по неважнымъ полицейскимъ нарушеніямъ" и пр. (т. 1, кн. 2, изд. 2, 1142—1169); только саратовскій комитетъ, хотя коротко, обозначилъ, какіе именно „маловажные проступки" должны подлежать крестьянскому суду. При этомъ, понятно,—не могло быть установлено какое-либо соотвѣтствіе между столь неопредѣленно обозначавшимися проступками и проектированными наказаніями,—*и лѣстница наказаній не указывалась точно такъ же, какъ не указывалась лѣстница преступленій;* объ особомъ сельскомъ судебномъ уставѣ комитеты вообще не упоминали, и лишь симбирскій комитетъ предположилъ такой уставъ, упомянувъ, что, собственно, впредь до его изданія, судъ „основываетъ свои приговоры на существующихъ обычаяхъ". Какихъ? Очевидно, создавшихся при крѣпостной зависимости. Къ „существующимъ обычаямъ", какъ видно, совершенно ясно и прямо, сводились всѣ желанія губернскихъ комитетовъ, не забывшихъ, что ими опредѣлялась уголовная отвѣтственность крестьянъ при крѣпостной зависимости... Результатомъ же именно домогательствъ губернскихъ комитетовъ было постановленіе окончательнаго проекта („Матеріалы", ч. XVIII, изд. 1, 44) о томъ: что волостному суду подлежатъ „маловажные проступки крестьянъ", что онъ властенъ приговаривать по нимъ виновныхъ къ денежному штрафу до трехъ рублей, *или* къ общественнымъ работамъ до шести дней, *или* къ аресту до семи дней, *или*, наконецъ, къ наказанію розгами до двадцати ударовъ; что при этомъ „назначеніе мѣры нака-

занія за каждый проступокъ предоставляется усмотрѣнію самого суда". Затѣмъ, лишь при обсужденіи проекта законоположеній 19 февраля 1861 г., явилось примѣчаніе 2-ое къ ст. 102 Общаго Положенія о томъ, что „до изданія общаго сельскаго судебнаго устава волостные суды, а также волостные старшины и сельскіе старосты, при опредѣленіи мѣры наказаній за маловажные преступленія и проступки, *примѣняются* къ правиламъ, по сему предмету установленнымъ въ сельскомъ уставѣ судебномъ для государственныхъ крестьянъ". И тутъ, слѣдовательно, сельскій судебный уставъ не былъ сдѣланъ обязательнымъ,—къ нему надлежало только „примѣняться"... Послѣдовавшее же, не далѣе какъ 27 іюля 1861 года, разъясненіе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія уничтожило значеніе и этого примѣчанія по поводу возникшаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вопроса о снабженіи волостныхъ судовъ экземплярами отдѣльно отпечатанныхъ статей сельскаго судебнаго устава, къ которымъ названные суды должны были примѣняться, главный комитетъ выразилъ, что крестьянскіе суды могутъ дѣйствовать „самостоятельно и разумно въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, руководствуясь въ подробностяхъ *мѣстными обычаями, хорошо извѣстными крестьянамъ*"; что, поэтому, имъ можно было-бы указать „только одну" статью сельскаго судебнаго устава, въ которой именно исчислены проступки, не подлежащіе ихъ обсужденію („Сборникъ правит. распоряженій по устройству быта крестьянъ", т. II, ч 2, 14). Но какіе же обычаи могли быть „хорошо извѣстны" крестьянамъ? Очевидно опять,—*обычаи, образовавшіеся при существованіи крѣпостной зависимости.* Упускалось изъ виду, что, при всей неудовлетворительности *подобныхъ обычаевъ,* и ихъ, какъ сколько нибудь опредѣленныхъ нормъ, не могло быть вовсе,—такъ какъ въ области помѣщичьей юстиціи царилъ полнѣйшій хаосъ...)

---

*) „Судъ и расправа между всѣми крестьянами—говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ („Историческія статьи и изслѣдованія", 83)—принадлежали помѣщику, онъ разбиралъ и взаимныя претензіи ихъ другъ на друга по имуществу, онъ же былъ и верховнымъ ихъ карателемъ за проступки противъ его самого и противъ другихъ крѣпостныхъ людей, отсюда возникъ уже въ XVII столѣтіи цѣлый рядъ наказаній за проступки и ослушаніе, распредѣлявшихся по волѣ помѣщика. Но какъ въ основаніи этихъ наказаній лежалъ произволъ да личный интересъ помѣщика, то *и не могло быть въ нихъ никакого порядка и системы* Въ XVII столѣтіи мы видимъ уже въ помѣщичьихъ имѣніяхъ тюрьмы, кандалы и колодки для содержанія провинившихся и

По замѣчанію нашего извѣстнаго криминалиста Н. С. Таганцева („Лекціи русскаго уголовнаго права", вып. I-й, 104), „при современной конструкціи права, судебно-обычныя правовыя положенія не могутъ быть правовыми нормами въ строго-юридическомъ смыслѣ, не могутъ быть признаваемы велѣніями авторитетной воли, которыя должны быть соблюдаемы подъ угрозою наказанія". Но—при описанныхъ условіяхъ—обычаю, въ дѣлѣ опредѣленія уголовной отвѣтственности крестьянъ, двери были раскрыты весьма широко не только на первое время, но—за несоставленіемъ устава—и надолго, до послѣдняго времени. Существеннѣйшія права освобожденныхъ крестьянъ остались безъ надлежащаго огражденія,—и въ этомъ нужно видѣть одну изъ важнѣйшихъ причинъ того, что,—согласно съ проявившимися при составленіи положеній 19-го февраля 1861 года домогательствами губернскихъ дворянскихъ комитетовъ,—распространеніе на освобожденныхъ крестьянъ правъ свободныхъ сельскихъ обывателей получило только принципіальное значеніе, а на практикѣ замѣнено было довольно полнымъ попраніемъ личности не только освобожденнаго крестьянина, но и бывшаго государственнаго, когда послѣдній, въ 1866 г., былъ подчиненъ тѣмъ же условіямъ уголовной отвѣтственности,—не имѣя возможности даже знать „мѣстные обычаи". Положеніе дѣлъ въ настоящемъ отношеніи нѣсколько измѣнено временными правилами о волостномъ судѣ 12-го іюля 1889 г. Тамъ, гдѣ они дѣйствуютъ, крестьяне отвѣчаютъ собственно передъ волостнымъ судомъ за опредѣленные проступки, обозначенные въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Но самыя наказанія за эти проступки опредѣляются и преобразованнымъ волостнымъ судомъ на тѣхъ же началахъ,—въ мѣрѣ, установляемой также мѣстными обычаями.

Ясно теперь, какое важное значеніе для личности крестьянина имѣетъ установленіе *предѣловъ* дѣйствія обычнаго уголовнаго права и дѣйствительной *юридической* силы обычныхъ карательныхъ началъ, пріемовъ и мѣръ. Каковы же эти пре-

---

для обузданія непослушныхъ".—Соотвѣтственныя картины рисуетъ и В. И Семевскій въ своихъ изслѣдованіяхъ о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ прошломъ. Передъ самымъ освобожденіемъ, положеніе дѣлъ измѣнилось очень мало въ этомъ отношеніи, такъ какъ закономъ 21 января 1846 г помѣщичьи наказанія были ограничены не достаточно, да и законъ этотъ, какъ и всѣ издававшіяся частныя гораничительныя постановленія, не получилъ особаго примѣненія.

дѣлы и условія? Вопросы эти тѣмъ существеннѣе, что попытки классификаціи и оцѣнки матеріаловъ по обычному уголовному праву, большей частію, носятъ на себѣ *особо* яркій отпечатокъ тѣхъ своеобразныхъ пріемовъ, которые примѣняются къ разработкѣ обычнаго права вообще· *въ нихъ особо-безпорядочно смѣшано право съ фактомъ; на степень юридическихъ нормъ возведены явныя нарушенія всякихъ законовъ и началъ порядка и справедливости, и, на основаніи отдѣльныхъ, единичныхъ случаевъ, къ области юридическихъ воззрѣній народа отнесено то, чему самъ народъ никоимъ образомъ не придаетъ юридическаго значенія*)... Попытаемся же, съ своей стороны, сдѣлать надлежащую оцѣнку нѣкоторыхъ явленій „обычнаго уголовнаго права“,—руководствуясь строго-объективными началами.

Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, волостной судъ 19-го февраля 1861 года, можно вообще и прежде всего сказать, что предѣлы дѣйствія обычнаго уголовнаго права крестьянъ, все же, не такъ широки, какъ ихъ представляютъ, когда касаются этого отдѣла обычнаго права, наименѣе разработаннаго, хотя онъ, безъ сомнѣнія,—одинъ изъ важнѣйшихъ. Въ самомъ дѣлѣ, для того чтобы получать примѣненіе, уголовные обычаи или должны быть, дѣйствительно, „хорошо извѣстны“ крестьянамъ, или же—они должны быть доказываемы, удостовѣряемы. Обычаемъ должно быть совершенно точно опредѣлено: что именно запрещено или предписано, равно въ какой точной мѣрѣ полагается наказаніе за нарушеніе запрещенія или за неисполненіе дѣйствительной обязанности. Коль скоро же этого нѣтъ,—очевидно, долженъ получать примѣненіе законъ,—сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ (въ прежнемъ волостномъ судѣ). Иного положенія невозможно принять. *Невозможно допустить, чтобы крестьянинъ только на судѣ узнавалъ, что содѣянное имъ запрещено или, что онъ не исполнилъ обязанности, на немъ лежавшей.* Невозможно, чтобы судъ въ каждомъ данномъ случаѣ разрѣшалъ эти вопросы какъ бы впервые и, такъ сказать, законодательствовалъ, создавая нормы уголовнаго права. Такое начало еще менѣе допустимо въ уголовныхъ дѣлахъ, чѣмъ въ дѣлахъ гражданскихъ,—почему и право толко-

*) Изъ числа авторовъ, касавшихся этого предмета, особенно выгодно отличается М. В Духовской „Имущественные проступки по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ“, Москва, 1891 г

ванія уголовныхъ законовъ ставится всегда въ болѣе узкіе предѣлы, чѣмъ право толкованія гражданскихъ законовъ. Въ противномъ случаѣ, произволъ суда былъ бы безграниченъ, и существеннѣйшія права личности совершенно необезпечены. Настало бы положеніе, рѣшительно противорѣчащее всѣмъ условіямъ государственнаго состоянія. Исчезли бы вполнѣ въ крестьянинѣ черты гражданина, въ силу которыхъ онъ можетъ дѣйствовать свободно въ извѣстныхъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ предѣлахъ. Такое положеніе могло быть при существованіи крѣпостной зависимости, въ томъ своеобразномъ маленькомъ государствѣ, устроенномъ и управлявшемся по обычаю, какимъ представлялось помѣщичье имѣніе. Ничего подобнаго не можетъ быть допущено нынѣ относительно всей массы сельскихъ обывателей, въ которую входятъ и крестьяне, всегда пользовавшіеся свободою.

Затѣмъ, въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ, необходимо признать, что *обычаи только тогда могутъ дѣйствовать въ качествѣ нормы права съ силою закона, т. е. быть юридическими,—когда они не противорѣчатъ нравственности, добрымъ нравамъ, общимъ началамъ права и порядка, равно законамъ, опредѣляющимъ предѣлы власти тѣхъ органовъ, которые могутъ примѣнять ихъ, и личнымъ правамъ крестьянъ*, которыя нынѣ слѣдуетъ признать,—по крайней мѣрѣ, по духу законовъ,—*общими*, въ существеннѣйшихъ отношеніяхъ, съ правами лицъ прочихъ сословій (при различіяхъ въ области *особенныхъ* правъ). Иного положенія, въ равной мѣрѣ, нельзя допустить, какъ безусловно противорѣчащаго необходимому положенію гражданъ въ государствѣ.

Такимъ образомъ, помѣщичьей юстиціи едва-ли извѣстно было уголовное совершеннолѣтіе, до наступленія котораго наказаніе или вовсе не примѣняется, или же значительно уменьшается. Весьма вѣроятно, что и у народа не существуетъ понятій объ этомъ предметѣ. Въ такомъ случаѣ должны, очевидно, примѣняться правила дѣйствующихъ уголовныхъ законовъ. Странно было бы видѣть дѣтей извѣстнаго возраста отвѣчающими въ полной мѣрѣ за маловажныя дѣянія *по обычаю*, въ то время какъ *по закону* они освобождаются отъ отвѣтственности за преступленія несравненно болѣе важныя. Точно также крестьянамъ можетъ вообще оказаться неизвѣстною невмѣняемость, и—подобный недостатокъ обычаевъ, въ равной мѣрѣ, долженъ признаваться подлежащимъ восполненію со стороны закона. (Уголовное совершеннолѣтіе и усло-

вія вмѣняемости и предусмотрѣны временными правилами о волостномъ судѣ 12 іюля 1889 г., предписывающими преобразованному волостному суду примѣнять въ этомъ отношеніи постановленія устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями).

Далѣе, если родъ и мѣра наказаній, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, могутъ мѣняться по его усмотрѣнію, въ примѣненіи къ тѣмъ или инымъ дѣяніямъ, то волостной судъ 19-го февраля 1861 года можетъ, однако же, располагать лишь четырьмя совершенно опредѣленными родами наказанія въ опредѣленныхъ размѣрахъ: штрафомъ, арестомъ, общественными работами и (до отмѣны въ 1904 г.) розгами; преобразованный же волостной судъ—лишь тремя первыми и еще выговоромъ. Всякія иныя наказанія, которыя оказались бы примѣняемыми на практикѣ, не могутъ быть отнесены къ праву и признаны юридическими обычаями.

Къ числу наказаній, входящихъ въ область обычнаго уголовнаго права, г. Березанскій („Обычное право крестьянъ тамбовской губ.“, 149), кромѣ указанныхъ выше, относитъ еще: присужденіе къ угощенію водкою; присужденіе къ испрошенію прощенія; лишеніе права быть на сельскомъ сходѣ; исключеніе изъ числа выборныхъ; удаленіе изъ селенія; отдача на заработки къ частнымъ лицамъ, и нѣкоторыя „осрамительныя“ наказанія. Въ свою очередь, Е. И. Якушкинъ указываетъ слѣдующія наказанія въ качествѣ „обычныхъ“ („Обычное право“, вып. I, XXXVI): смертная казнь, тюремное заключеніе; различные виды посрамленія; запряганіе въ повозку; напой; церковное покаяніе.—Но, не говоря уже о такомъ наказаніи, какъ смертная казнь противъ употребленія которой и государственною властью дѣлается множество возраженій,—ближайшее разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ этихъ обычныхъ наказаній показываетъ, что они не могутъ быть допускаемы и признаваемы юридическими не только потому, что не указаны въ законѣ, но и потому, что противорѣчатъ элементарнымъ требованіямъ современной уголовной политики, права и порядка (такъ же, кстати сказать, какъ и тѣлесное наказаніе, хотя оно и допускалось закономъ).

Осрамительныя наказанія, по описанію Якушкина, заключаются въ слѣдующемъ: „Вору, пойманному съ поличнымъ, связываютъ руки и надѣваютъ ему на шею или привязываютъ на спину украденную вещь: кусокъ полотна, снопъ хлѣба, живую курицу и т. п. Ежели онъ укралъ сѣно, его обвязы-

ваютъ сѣномъ, ежели укралъ овцу, на него надѣваютъ овечью шубу. Иногда на него надѣваютъ хомутъ, сдѣланный изъ соломы, или раздѣваютъ его до нага, обмазываютъ дегтемъ и обсыпаютъ перьями. Виновнаго водятъ по деревнѣ, въ сопровожденіи толпы; при этомъ играетъ музыка, бьютъ въ сковороды, ведра, заслонки, звонятъ колокольчиками и бубенчиками, стрѣляютъ изъ ружей и носятъ жерди съ привязанными къ нимъ платками. По своей обстановкѣ, *наказаніе это напоминаетъ торжественный приводъ плѣнника, захваченнаго враждебнымъ племенемъ или родомъ.* Можетъ быть, таково и было его историческое начало. Ежели въ воровствѣ попалась женщина, то ее или обнажаютъ, или подымаютъ ей подолъ и навѣшиваютъ на нее украденную вещь, и пр.“... Откуда явились такія наказанія, въ такой мѣрѣ попирающія личность, и этомъ отношеніи *далеко за собою оставляющія розги*, на которыя, наконецъ, обращено было особенное вниманіе до ихъ отмѣны? Проф. Духовской полагаетъ, что на развитіе осрамительныхъ наказаній оказала вліяніе *помѣщичья юстиція* („Имущественные проступки по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ“, 118). Данными, приводимыми у г.г. Семевскаго и Романовича, это предположеніе, дѣйствительно, и подтверждается. Оно представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что, по изслѣдованіямъ проф. Сергѣевскаго, и грубый XVII вѣкъ не обнаруживаетъ развитія осрамительныхъ наказаній въ предѣлахъ нашей государственной юстиціи („Наказаніе въ русскомъ правѣ“, 277). Какъ же можно придавать юридическое значеніе такимъ наказаніямъ въ настоящее время?

Наказаніе „напоемъ“ какъ названо оно Якушкинымъ, состоитъ, по его словамъ, въ томъ, что виновныхъ заставляютъ выставить извѣстное количество вина, которое тутъ же и выпивается стариками. „Ежели у виновнаго нѣтъ денегъ, то берутъ что-нибудь изъ его имущества и продаютъ для покупки вина или закладываютъ кабатчику“. Понятно, что такое наказаніе, развращающее самихъ судей, не можетъ имѣть юридическаго значенія).

---

*) „Напой и посрамленіе имѣютъ очень вредное нравственное вліяніе на народъ,—замѣчаетъ Якушкинъ во второмъ выпускѣ своего „Обычнаго права“ предисловіе, XXXII) Назначеніе напоя вызывается въ настоящее время не столько стремленіемъ примирить виновнаго съ потерпѣвшимъ, сколько желаніемъ воспользоваться даровой выпивкой. Посрамленіе есть жестокое наказаніе. Оно такъ сурово, что страхъ передъ нимъ побудилъ одну женщину къ самоубійству“. За-

„Обычай запрягать виновныхъ въ телѣгу или сани—говоритъ Якушкинъ — исполняется въ настоящее время въ немногихъ мѣстностяхъ". Это наказаніе составляетъ, очевидно, одинъ изъ видовъ осрамительныхъ наказаній, соединенный съ особою жестокостью, и еще менѣе можетъ получить наименованіе юридическаго.

Далѣе, не могъ быть признанъ юридическимъ указываемый г. Березанскимъ (175) обычай наказывать розгами въ размѣрѣ, превосходящемъ 20 ударовъ,—50-тью, 100 и большимъ числомъ ударовъ. Это недопустимо было даже по требованію отца, потому что статьею 21 Общаго Положенія, распространенною прямо и на крестьянъ, родителямъ предоставляются домашнія мѣры исправленія и право требовать заключенія неисправимыхъ дѣтей въ тюрьму, *но не публичное въ произвольныхъ размѣрахъ наказаніе розгами.*

Точно также, не можетъ быть признанъ юридическимъ обычай, описываемый въ программѣ для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ г. Харузина: „На Уралѣ власть старика очень велика. Выберутъ сына въ старшины, а волостью правитъ самъ старикъ. Сынъ хоть и волостной старшина, а пикнуть не смѣетъ супротивъ отца. Неравно отецъ выйдетъ на сходъ, поклонится старикамъ и *выпоретъ волостного-то*". Должностныя лица избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, и не только сходъ, вовсе не могущій его примѣнять, но и волостной судъ не могъ присудить къ нему должностное лицо, хотя бы по требованію отца.

Равнымъ образомъ, не можетъ быть признанъ юридическимъ не разъ наблюдавшійся обычай (Березанскій, 150) присуждать виновныхъ къ нѣсколькимъ наказаніямъ одновременно —къ штрафу и аресту или розгамъ. Обычай этотъ узаконенъ временными правилами 12 іюля 1889 года. Преобразованному волостному суду самимъ закономъ предоставлено налагать въ извѣстныхъ случаяхъ на виновныхъ смѣшанныя

мѣтимъ, кстати, что, если не идеализировать прошлаго—а для такой идеализаціи нѣтъ никакихъ основаній—то напой былъ и прежде не лучше, чѣмъ то, что представляетъ собою теперь. Нравы смягчились, понятія народа повысились. Теперь народъ смотритъ на выпивку, положительно, какъ на безобразіе и беззаконіе. Но думаемъ, что народъ и никогда не придавалъ напою юридическаго значенія,—значенія „обычно-правового наказанія",—какъ не придавалъ и не придаетъ онъ юридическаго значенія многому, на что изслѣдователи смотрятъ за него, какъ на „право"..

наказанія. Но по отношенію къ прежнему волостному суду подобный обычай и нынѣ не можетъ имѣть юридическаго значенія.

„Подвергаются ли до сихъ поръ женщины тѣлеснымъ наказанімъ по приговорамъ волостныхъ судовъ, или по распоряженію сельскихъ властей?“ —спрашиваетъ программа Харузина (274). Г.г. Березанскій и Пахманъ („Обычное гражданское право“) приводятъ случаи наказанія женщинъ розгами послѣ запретительнаго закона 1863 г. Значительное число такихъ случаевъ указано Якушкинымъ во второмъ выпускѣ его труда—„Обычное право“. Сколько бы, однако, ни послѣдовало такихъ случаевъ,—они не могли составить юридическаго обычая.

По обычаю, не могутъ быть наказываемы одни лица за другихъ. Наказаніе должно быть прилагаемо *лишь къ лицу, совершившему преступленіе*. Обратные случаи вызывали предположеніе о существованіи среди крестьянъ „семейной отвѣтственности“. Примѣненіе ея усматривается въ томъ, напримѣръ, что обычай караетъ мать или отца дѣвушки, вышедшей замужъ и оказавшейся лишенною невинности. По словамъ Якушкина, на отца такой новобрачной или на ея мать надѣвается иногда соломенный хомутъ за то, что они „не углядѣли“ за дочерью... Соотвѣтствующіе вопросы, предполагающіе существованіе „семейной отвѣтственности“, и заключаютъ въ себѣ программы для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ *). Г. Духовской, приведя нѣсколько рѣшеній волостныхъ судовъ, повидимому, выражающихъ „семейную отвѣтственность“, и разобравъ ихъ,—не находитъ, однако, возможнымъ признать, чтобы начала такой отвѣтственности, дѣйствительно, существовали (130—134). Но еслибъ даже они и существовали несомнѣнно, то примѣненіе ихъ отнюдь не могло бы составить юридическаго обычая въ настоящее время **).

---

*) „Не наказываетъ ли народъ однихъ лицъ за другихъ (напр., родителей за дѣтей, мужа за жену и т. п.)?“ спрашиваетъ, между прочимъ, программа географическаго общества (стр 53).

**) Семейная и общественная отвѣтственность могла существовать при крѣпостной зависимости. Попытка установленія ея встрѣчается даже въ предположеніяхъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ касательно мѣръ охраны помѣщичьихъ лѣсовъ. Такъ, орловскій комитетъ предполагалъ по этому предмету: „Мужья, отцы, матери, опекуны и хозяева отвѣтствуютъ за проступки женъ, дѣтей, малолѣтнихъ, состоящихъ въ опекѣ, неженатыхъ и незамужнихъ родствен-

Обычай точно также не можетъ наказывать за дѣянія, подлежащія разбирательству общихъ судебныхъ установленій. Таково незаконное сожительство неженатаго съ незамужнею и прелюбодѣяніе. Е. И. Якушкинъ („Обычное право", вып. I, предисловіе) разсказываетъ, что въ такихъ случаяхъ виновныхъ сажаютъ въ телѣгу и возятъ, ради смѣха, называя ихъ новобрачными, или же, *обнаживъ ихъ, водятъ по улицѣ,* при этомъ *виновной женщинѣ остригаютъ волосы и, почти всегда, сѣкутъ ее.* Обычай подвергаетъ также наказанію дѣвушку, которая по выходѣ замужъ оказалась лишенною невинности Она преслѣдуется рядомъ осрамительныхъ наказаній). Подобными мѣрами, однако, обычай не можетъ поддерживать строгость нравовъ. Съ другой же стороны, обычай не можетъ и объявлять не наказуемымъ то, что составляетъ явное нарушеніе непремѣнныхъ началъ порядка и нравственности. „Допускается ли между молодыми людьми обоего пола вольное обращеніе—спрашиваетъ программа г. Харузина (320)—

никовъ или родственницъ, живущихъ въ семействѣ ихъ" („Матеріалы", т. I, кн. 2 ,изд. 1, 1270). Попытка эта, однако, не удалась . Въ особой формѣ общественная отвѣтственность существуетъ, однако, нынѣ— въ силу финансовыхъ законовъ Въ мѣстностяхъ, гдѣ введена казенная продажа вина, обыватели селенія, въ которомъ сельскимъ обществомъ недозволена торговля питьями,—*какъ бы наказываются* тѣмъ, что въ такомъ селеніи питейная торговля дозволяется уже безъ разрѣшенія общества въ томъ случаѣ, если въ немъ обнаруживается тайная торговля виномъ. То же начало выразилось въ положеніи 19 февраля 1896 г. о введеніи казенной продажи вина въ губерніяхъ южныхъ и западныхъ. Подобное наказаніе питейнымъ заведеніемъ. . *не виновныхъ, а всѣхъ, кто живетъ въ селеніи,* не предусмотрѣно уголовнымъ законодательствомъ; но пьянство, которое можетъ отсюда проистекать, есть именно наказаніе,—по народнымъ воззрѣніямъ,—„божье наказаніе" и довольно тяжкое, даже и тогда, когда рѣчь идетъ о казенномъ питейномъ заведеніи, ибо въ прежнее время на дѣйствія казенной винной монополіи или, по выраженію Крижанича, „корчемнаго самоторжія"—бывали челобитныя, въ которыхъ говорилось, что „подлѣ государева кабака жить немочно". (Прыжовъ, „Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа", предисловіе и страницы 102, 115 и 124).

*) Весьма ярко рисуется это въ слѣдующихъ вопросахъ программы г. Харузина (306) „Когда окажется невѣста нецѣломудренною, какіе обряды совершаются? Какія пѣсни поются, чтобы ее осрамить? Какіе знаки и символы выставляются на показъ, чтобы возвѣстить о нецѣломудріи невѣсты? Составляетъ ли то обстоятельство, что невѣста оказалась нецѣломудренной, предметъ знанія только ближайшихъ родственниковъ, или о семъ громогласно возвѣщается во всеобщее свѣдѣніе всѣхъ гостей, всего сосѣдства, *всею міра?..* "

напримѣръ: сидѣнье молодого человѣка на колѣняхъ у дѣвушки, запусканье имъ руки за пазуху, поднятіе подола, поцѣлуй и вообще *нескромное заигрываніе*? Считается ли такое обращеніе обиднымъ, и бываютъ ли случаи судебнаго преслѣдованія за оное, или же оно считается столь обыденнымъ, столь употребительнымъ, столь дозволительнымъ, что на него никто не обращаетъ вниманія?" Очевидно, что какъ бы подобныя явленія ни были „обыденны", сколько бы признаковъ вполнѣ установившагося обычая ни заключали они въ себѣ,—тѣмъ не менѣе, они не могутъ быть отнесены къ обычному праву.

Оршанскій замѣтилъ, что наше „обычное право отличается тѣмъ, что допускаетъ въ значительной степени самоуправство съ преступниками" („Изслѣдованія", 142). „Строгость крестьянскаго самосуда—передаетъ Якушкинъ—всѣмъ извѣстна. опасный преступникъ, застигнутый на мѣстѣ преступленія, нерѣдко подвергается истязаніямъ, подобныя которымъ встрѣчаются только у дикарей и которыя часто кончаются смертью". Между прочимъ, засвидѣтельствовано существованіе обычая жестокой самовольной расправы съ базарнымъ воромъ (Духовской, 117),—то есть, кстати сказать, съ воромъ наименѣе опаснымъ... Сюда же относятся наблюдаемые обычаи, предоставляющіе обиженному —„право бить обидчика по щекамъ въ присутствіи суда" (Пахманъ, т. I, 374), вообще всѣмъ—„право бить по уважительнымъ причинамъ" (Духовской, 357) и—„право бить палкой три раза крестьянина за то, что у него не загорожена изгородь въ овсяное поле" (№ 17-й „Юридической Газеты" за 1894 г.: приговоръ шахновскаго волостного суда, по которому виновный въ нанесеніи за это трехъ ударовъ подвергся наказанію *только потому*, что они нанесены были—„вопреки мѣстному обычаю"—*не у самой изгороди, а посреди деревни*,—въ противномъ случаѣ, судъ оправдалъ бы его).

„Замѣчателенъ у крестьянъ порядокъ взысканія долговъ—писалъ одинъ мировой посредникъ кременчугскаго уѣзда полтавской губ (Духовской, 355): у нихъ существуетъ обычай „править" и „грабувать". Долгъ правится до тѣхъ поръ, пока должникъ не уплатитъ его деньгами, или тою вещью, какую онъ взялъ, или пока онъ не войдетъ въ соглашеніе о замѣнѣ одной вещи другою... „Грабуетъ", между прочимъ, кредиторъ, когда онъ, во дворѣ должника или въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, беретъ его вещь и уноситъ ее съ собою, и пр...

Оршанскій называетъ эти обычаи „самодѣятельностью“ кредитора (105). Но подобная „самодѣятельность“ и всѣ вообще описанные виды самоуправства и самосуда не могутъ, однако, составлять юридическихъ обычаевъ.

Программа г. Харузина ставитъ вопросъ (319): „Считается ли у народа брань на словахъ обидою, или она составляетъ столь обыденное явленіе, что къ судебному преслѣдованію и не прибѣгаютъ?“. Однако, если бы оскорбленія на словахъ и составляли самое „обыденное“ явленіе, и имѣли всѣ признаки установившагося обычая—отрицать чувство чести въ сельскомъ обывателѣ,—то и тогда всякій данный крестьянинъ не могъ бы быть лишенъ права признавать за собой извѣстную честь, считать брань ея нарушеніемъ, защищать свою честь, и судъ не могъ бы отказать ему въ своей охранѣ, ибо права личности, а въ томъ числѣ право личной чести, дарованы закономъ и принадлежатъ каждому крестьянину неотъемлемо.

Въ силу тѣхъ же общихъ правъ, женщина пользуется преимущественною, усиленною защитою чести. Поэтому, какой бы ни былъ собранъ обширный матеріалъ, въ видѣ отрицательныхъ отвѣтовъ на вопросъ той же программы:—„считается ли обида, нанесенная женщинѣ, болѣе тяжкою, чѣмъ таковая, нанесенная мужчинѣ?“—все-таки, крестьянская женщина, какъ и женщина всякаго иного сословія, не могла бы быть лишена обычаемъ права, безусловно предоставляемаго ей закономъ *).

Въ силу распространенія на крестьянъ многихъ общихъ постановленій гражданскихъ законовъ, уголовный обычай не

*) Изъ только что приведенныхъ соображеній вытекаютъ, между прочимъ, еще слѣдующіе выводы. Въ прежнихъ законахъ, изданныхъ еще при существованіи крѣпостной зависимости, нерѣдко можно было встрѣтить наименованіе крестьянскихъ женъ „жонками“, дѣвицъ—„дѣвками“. Едва ли подобныя наименованія умѣстны были въ законахъ и тогда . Тѣмъ болѣе странно встрѣтить названіе „дѣвка“ въ приложеніи къ дѣвушкѣ-казачкѣ, употребляемое въ ст. 140 т. X, ч. 1-ой даже и послѣдняго изданія 1900 г Слово „жонка“ и „дѣвка“—должны были быть давно исключены изъ Свода Законовъ, подобно тому какъ уже и въ первое его изданіе невошло наименованіе нѣкоторыхъ сословій и людей „подлыми“, „черными“... Названіе „дѣвка“ для крестьянской дѣвицы можетъ быть признано въ настоящее время обиднымъ въ особенности въ виду того, что оно прилагается нынѣ. къ проституткамъ, какъ въ жизни, такъ и въ самомъ законѣ (ст 158 т. XIV, Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступ., изд 1890 г). Это должны принять во вниманіе и составители программъ.

можетъ ни отвергать правъ, основанныхъ на этихъ законахъ, ни обезпечивать своею карательною санкціею обязанности, не вытекающія изъ нихъ. Такимъ образомъ, не можетъ быть признанъ юридическимъ наблюдаемый (Пахманъ, т. II, 84) обычай, въ силу котораго невѣста приговаривается къ извѣстному наказанію за отказъ *во вступленіи* въ бракъ. Бракъ, по закону, одинаковому для всѣхъ сословій, есть актъ, въ который вступаютъ добровольно, безъ тѣни какого-либо принужденія. Свобода вступленія въ бракъ охраняется и уголовнымъ закономъ, подвергающимъ наказанію не отказывающихся отъ предположеннаго союза, а принуждающихъ къ нему.

„Обыкновенно—указываетъ проф. Пахманъ (т. II, 102)—волостные суды внушаютъ женамъ, чтобы онѣ повиновались мужьямъ, и присуждаютъ ихъ, за неповиновеніе и непочтеніе, къ наказанію,—чаще всего къ аресту, а иногда и къ наказанію розгами“... Обычаи примѣненія наказаній въ такихъ случаяхъ, равнымъ образомъ, не могутъ быть признаны юридическими, ибо, хотя въ общихъ гражданскихъ законахъ, которымъ подчинены и крестьянскія семейныя отношенія, и предписывается женамъ повиновеніе и почтеніе мужьямъ, *но подобныя обязанности ихъ не обезпечены соотвѣтствующей уголовной санкціей, и уголовный обычай не можетъ оказывать свои услуги тамъ, гдѣ законъ предпочитаетъ умолчаніе,*

„Вслѣдствіе грубаго и часто жестокаго обращенія мужей съ женами—говоритъ г. Березанскій (232)—вслѣдствіи притѣсненій и непріятностей, испытываемыхъ женами отъ мужей и ихъ родителей, случается иногда, что жена оставляетъ домъ мужа и уходитъ или къ своимъ родителямъ, или нанимается къ кому-нибудь въ прислуги. Такой уходъ женъ отъ мужей не остается безнаказаннымъ: по заявленію ихъ мужьями или свекрами жалобъ въ волостной судъ, послѣдній подвергаетъ ихъ наказанію, чаще всего аресту, довольно продолжительному,—до семи дней“ и т. д. Подобные обычаи также

для собиранія юридическихъ обычаевъ, и лица, разрабатывающія матеріалы по обычному праву. Въ программахъ и опытахъ разработки обычнаго права также неумѣстно подобное названіе, однако, встрѣчающееся (Оршанскій, 40, 43, программа Харузина, 71). По тому же самому, долженъ быть признанъ противнымъ праву усвоенный земскими начальниками обычай обращаться къ крестьянамъ на „ты“.. (См. нашу статью. „Вы“ и „Ты“—напечатанную въ январской книжкѣ „Юридическаго Вѣстника“ за 1892 г. и вошедшую въ книгу „Юридическое положеніе крестьянъ“.

не могутъ быть признаны юридическими, ибо и обязанность супруговъ жить вмѣстѣ, возлагаемая на нихъ общими гражданскими законами, не имѣетъ уголовной санкціи.

По вопросу объ отношеніяхъ между мужемъ и женою проф. Пахманъ группируетъ слѣдующіе народные обычаи (т. II, 86): „Обязанность совмѣстнаго жительства, повидимому, есть обоюдная; но на самомъ дѣлѣ она относится преимущественно къ женѣ. Изъ массы дѣлъ, возникшихъ вслѣдствіе нарушенія этой обязанности, видно, что жена не только не вправѣ оставить своего мужа навсегда, но даже не должна и на время самовольно отлучаться изъ дома мужа, безъ его позволенія". Не смотря ни на какія причины къ отлучкѣ,—въ томъ числѣ и на жестокое обращеніе мужа,—жена, самовольно отлучившаяся, нерѣдко подвергается уголовному наказанію, иногда даже наказанію розгами. Но и подобные обычаи, въ свою очередь, не могутъ быть признаны юридическими не только по отсутствію въ законѣ уголовной санкціи, которою обезпечивалась-бы обязанность женъ отлучаться и на время отъ мужей не иначе, какъ съ ихъ дозволенія, но и потому, что изъ общихъ гражданскихъ законовъ нельзя вывести обязанности жены испрашивать и на временныя отлучки дозволеніе мужа.

По смыслу законовъ гражданскихъ, нарушеніе договоровъ влечетъ за собою лишь гражданскую отвѣтственность,—взысканіе убытковъ и условленнаго вознагражденія,—отнюдь не приводя къ отвѣтственности уголовной, къ наказанію. Законы уголовные, съ своей стороны, не угрожаютъ за это какою-либо карою. Новымъ точнымъ закономъ можетъ быть, конечно, установлено наказаніе за нарушеніе гражданскихъ договоровъ. Подобному закону могутъ быть подчинены и крестьяне. Но пока этого нѣтъ, пока въ то же время на крестьянъ распространены относящіяся сюда общія постановленія законовъ, —и они не могутъ быть вообще подвергаемы наказанію за нарушеніе гражданскихъ договоровъ. Отсюда незаконны, и не могутъ быть названы юридическими, обычаи, которые описываетъ проф. Пахманъ (т. I, 72): „Кромѣ послѣдствій гражданскихъ, съ неисполненіемъ обязательствъ связывается также нерѣдко и уголовная отвѣтственность. Сплошь и рядомъ встрѣчаются случаи, въ которыхъ подвергаются ей рабочіе за уклоненіе отъ исполненія договора; такая же отвѣтственность примѣняется болѣе или менѣе и ко всѣмъ другимъ договорамъ и обязательствамъ... Чаще всего уголовное преслѣдова-

ніе состоитъ въ наказаніи розгами... Неисправные должники отдаются также иногда въ общественныя работы или въ работники... Иногда налагаются и два наказанія сряду". Все это, какъ видно, рѣшительно несовмѣстно съ правами личности, признанными и за крестьяниномъ.—Довольно распространенная, разсмотрѣнная выше нами теорія, отвергающая примѣненіе къ крестьянамъ т. X, ч. 1-й и предпосылающая ихъ исключительно къ обычаямъ въ имущественныхъ дѣлахъ, не отрицаетъ, однако, съ своей стороны, юридическаго значенія за подобными обычаями, не замѣчая даже, что они относятся не къ гражданскому, а къ уголовному праву. Въ лицѣ Оршанскаго, теорія эта даже привѣтствовала наказаніе за неисполненіе гражданскихъ договоровъ. „Съ иного крестьянина—разсуждалъ названный авторъ („Изсл.", 97)—въ гражданскомъ порядкѣ ничего не возьмешь, по неимѣнію имъ никакой собственности; притомъ же обременять его взысканіями—значитъ, затруднять ему возможность пропитанія семьи и отбыванія повинностей"... При этомъ онъ находилъ, что наказаніе за неисполненіе гражданскихъ договоровъ, съ одной стороны соотвѣтствуетъ древне-русскому праву, съ другой же, означаетъ, что волостной судъ въ этомъ отношеніи ушелъ практически дальше Западной Европы, гдѣ, по его словамъ, въ настоящее время „законодательство, какъ и наука, все болѣе и болѣе склоняются въ пользу мнѣнія о необходимости уголовной наказуемости нарушенія договора найма (преимущественно со стороны фабричныхъ рабочихъ)"... Отмѣтимъ возраженіе, дѣлаемое Оршанскому проф. Духовскимъ („Имущест. преступки", 347): „Сфера уголовныхъ проступковъ—говоритъ изслѣдователь—не можетъ быть произвольно распространяема на дѣянія чисто гражданскаго свойства. Иначе это поведетъ къ несправедливости. Дѣйствительно, наказаніе, уже не говоря розгой, но даже и болѣе правильной человѣческой карательной мѣрой—рабочаго, не дожившаго до срока, должника, не заплатившаго долга, контрагента, не доставившаго запроданную вещь,—противорѣчитъ требованіямъ справедливости. Идя этимъ путемъ, мы не найдемъ границы и легко впадемъ въ грубый произволъ, какъ и дѣлаетъ волостной судъ... Уголовное наказаніе за нарушеніе личнаго найма объясняется, какъ мнѣ кажется, *у насъ остаткомъ крѣпостного права*, остаткомъ тѣхъ жизненныхъ условій и взглядовъ, на которые исторія поставила уже вѣчный крестъ"... Почти полное отсутствіе такихъ возраженій не поколебало, однако, господствующую

теорію даже и въ этомъ явномъ проявленіи ея несостоятельности, и она отразилась именно съ разсмотрѣнной стороны на законодательствѣ 12 іюля 1889 г. Какъ бы исходя изъ наличности такихъ „юридическихъ“ обычаевъ, соединяющихся съ отрицаніемъ обязательности для крестьянъ общихъ гражданскихъ законовъ,—временныя правила о волостномъ судѣ установляютъ наказаніе розгами и арестомъ рабочаго, нанятаго безъ договорнаго листа и не явившагося на работу или самовольно ушедшаго съ работы, недобросовѣстно, безъ отработка забранныхъ впередъ денегъ...)

Предоставляя обычаю опредѣленіе, въ указанныхъ предѣлахъ, преступныхъ дѣяній и до извѣстной степени наказаній за нихъ, *законъ естественно не допускаетъ, чтобы въ порядкѣ приведенія приговоровъ въ исполненіе, виновный крестьянинъ несъ сверхъ мѣры содѣяннаго,—чтобы присужденное ему наказаніе на дѣлѣ оказалось тяжелѣе, чѣмъ оно должно быть.* Вслѣдствіе этого, хотя закономъ вовсе не опредѣленъ собственно порядокъ примѣненія наказаній, присуждаемыхъ волостнымъ судомъ,—но отсюда еще отнюдь не слѣдуетъ, что все предоставлено въ этой области обычаю и что все, что бы ни практиковалось на дѣлѣ, было юридическимъ, имѣло юридическое значеніе. Такимъ образомъ, даже при существованіи крѣпостной зависимости, закономъ 21 января 1846 г. предписывалось помѣщику, приговаривающему крестьянина къ аресту въ предѣлахъ своей карательной власти,—содержать виновнаго въ сельской тюрьмѣ, „сообразно съ правилами вообще для тюремнаго заключенія постановленными“ (ст. 850—851 т. XV, ч. 2, изд. 1857 г.). Слѣдовательно, и тогда обычаи, относившіеся до приведенія помѣщичьихъ приговоровъ въ исполненіе, не должны были противорѣчить извѣстнымъ требованіямъ закона. Если же такъ ограждалась личность крѣпостного крестьянина, то тѣмъ болѣе должна ограждаться личность крестьянина свободнаго, въ особенности, съ успѣхами тюрьмовѣдѣнія. Законъ 21 января 1846 г., вѣроятно, остался на бумагѣ, какъ и многія другія частныя постановленія объ облегченіи участи помѣщичьихъ крестьянъ. Исполненіе его не было ничѣмъ обезпечено. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что мѣста заключенія въ помѣщичьихъ

---

*) См. объ этомъ наказаніи въ статьѣ нашей „Преобразованный волостной судъ“, вошедшей въ составъ книги—„Юридическое положеніе крестьянъ“.

имѣніяхъ улучшились со времени изданія указываемаго закона. Скорѣе всего, они остались въ томъ же положеніи, въ какомъ находились въ концѣ прошлаго столѣтія. А относительно этого времени г. Семевскій замѣчаетъ о нихъ („Крестьяне при Екатеринѣ II", 230): „Въ дѣлахъ екатерининскаго времени мы не нашли указаній на особыя тюрьмы въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; ихъ замѣняли, въ случаѣ надобности, амбары и сараи, и только у помѣщика Карташева мы встрѣчаемъ нѣчто вродѣ тюрьмы (особая изба съ заколоченными окнами)". Въ подобныхъ помѣщеніяхъ заключенные содержались безразлично и зимой и лѣтомъ,—слѣдовательно, зачастую должны были мерзнуть на сильномъ морозѣ. Это явно противорѣчило требованіямъ закона. Ничего подобнаго, тѣмъ болѣе, не должно быть по освобожденіи крестьянъ. Поэтому, прежде всего, долженъ быть признанъ неимѣющимъ юридическаго значенія порядокъ, въ силу котораго,—по замѣчанію Якушкина,—въ нѣкоторыхъ волостяхъ, вмѣсто особыхъ помѣщеній, арестуемыхъ „сажаютъ въ подполье". Равнымъ образомъ, недопустимо то, что говоритъ г. Березанскій (171) о волостныхъ помѣщеніяхъ для арестуемыхъ и о порядкѣ содержанія въ нихъ: „Арестантская обыкновенно находится въ томъ же зданіи, въ которомъ помѣщаются волостное правленіе и волостной судъ, и состоитъ, большею частью, изъ одной общей для мужчинъ и женщинъ свѣтлой и теплой комнаты. Только въ немногихъ волостяхъ имѣются двѣ арестантскія комнаты: одна лѣтняя, *безъ оконъ*, *темная*, а другая зимняя; иногда же, изъ двухъ комнатъ, одна назначается для женщинъ, другая для мужчинъ; но это рѣдко встрѣчается: обыкновенно особой арестантской комнаты для женщинъ не бываетъ... Лицамъ, приговореннымъ къ аресту, въ большей части волостей, *никакого продовольствія отъ волости не полагается*; пищу же имъ доставляютъ ихъ домашніе, которые иногда приносятъ имъ и водку". Содержаніе арестуемыхъ, какъ видно, не отвѣчаетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ закона, и пріобрѣтаетъ иногда характеръ мучительства.

Еще менѣе юридическаго элемента заключается въ обычаяхъ, которые предполагаются нижеслѣдующими вопросами программы г. Харузина и на которыхъ собственно вопросы эти основаны (274): „Въ какихъ помѣщеніяхъ содержатся лишенные свободы по приговорамъ волостныхъ судовъ? Устроены ли отдѣльныя избы, отапливаются-ли и освѣщаются-ли онѣ? Не употребляются-ли для содержанія лишенныхъ свободы по

приговорамъ сельскихъ властей какія-нибудь темныя конуры, подземелья, погреба, сараи, амбары? Не сохранились-ли въ употребленіи колодки, ошейники, особые стулья, цѣпи и т. п.?“ —Никакой преемственности, въ настоящемъ отношеніи, между временемъ крѣпостной зависимости и нынѣшнимъ временемъ, конечно, не можетъ быть. Обычаи содержанія арестуемыхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ должны соотвѣтствовать требованіямъ закона относительно приговариваемыхъ къ аресту прочими судебными властями. Иначе, лицо, свершившее маловажное дѣяніе, могло-бы нести на дѣлѣ наказаніе болѣе гяжкое, чѣмъ лицо, виновное въ гораздо болѣе важномъ преступленіи.

Наконецъ, относительно порядка примѣненія тѣлеснаго наказанія, также вовсе не опредѣленнаго закономъ, можно замѣтить слѣдующее· согласно съ общимъ характеромъ дѣяній, подчиненныхъ волостному суду, и тѣлесное наказаніе могло налагаться за маловажные проступки. Отсюда же, какъ равно и изъ того, что современное наказаніе не преслѣдуетъ цѣлей мучительства и причиненія напрасныхъ страданій, – не должно было имѣть такого характера и наказаніе розгами по приговорамъ волостныхъ судовъ. Поэтому, обычай, который дѣлалъ особенно жестокимъ наказаніе розгами, допуская, напримѣръ, соотвѣтствующія такой цѣли прутья, не былъ юридическимъ. Наоборотъ, было-бы совершенно согласно съ правомъ, если-бы обычай установлялъ наказаніе розгами, когда оно еще не было отмѣнено закономъ, и судъ имъ пользовался, *не по голому тѣлу, а поверхъ одежды.* Положеніе о крестьянахъ курляндской губ., утвержденное еще 25 августа 1817 года, именно требуетъ такого пріема (ст. 226). Затѣмъ, обычай не могъ допускать наказанія розгами лицъ, болѣзненное состояніе которыхъ дѣлало подобное наказаніе опаснымъ для нихъ и во всякомъ случаѣ превосходящимъ мѣру ими содѣяннаго. Такое заключеніе можно подтвердить ссылкою на приложеніе III къ ст. 88 уложенія о наказаніяхъ, освобождающее въ такихъ случаяхъ отъ тѣлеснаго наказанія и лицъ, виновныхъ въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, чѣмъ за какія присуждаетъ къ этому особому роду наказанія волостной судъ.

VII. Обычное процессуальное право.

По предложенію губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, судъ, подлежавшій образованію среди освобожденныхъ крестьянъ, долженъ былъ явиться судомъ обычнымъ, не стѣсненнымъ никакими правилами, формами и обрядами. 36 членовъ губернскихъ комитетовъ второго приглашенія, отличавшихся особо яркими крѣпостническими стремленіями, также, въ свою очередь, прямо и односложно предлагали для маловажныхъ дѣлъ судъ, разрѣшающій дѣла „на основаніи обычнаго права“ („Матеріалы“, изд. I, ч. XII, доклады адм. отд. по отзывамъ членовъ губ. ком., 106). Какого „обычнаго права?“ Очевидно, того „права“, которое существовало при крѣпостной зависимости и опредѣляло процессуальную дѣятельность самого помѣщика или его управляющаго.

Подобныя предложенія неизбѣжно вытекали изъ всѣхъ высказанныхъ помѣщиками, при составленіи законоположеній 19 февраля 1861 г., предложеній о неопредѣленіи точнымъ закономъ правъ и обязанностей крестьянъ, о предоставленіи имъ и въ области строго публичныхъ отношеній руководствоваться мѣстными своими обычаями. Судъ, руководствующійся обычаемъ, завершалъ желанія помѣщиковъ относительно осуществленія „срочно-обязаннаго состоянія“, въ которое вступали сначала освобожденные крестьяне. Права и обязанности освобожденныхъ оказывались неопредѣленными—и учрежденіе, призванное къ охранѣ и возстановленію правъ, также не должно было представлять необходимыхъ гарантій по отношенію къ порядку производства дѣлъ.

Какъ ни мало было юридическаго въ дѣятельности обычнаго суда, существовавшаго при крѣпостной зависимости, какъ ни ясно выступалъ смыслъ предложеній со стороны представителей помѣщичьихъ интересовъ, тѣмъ не менѣе, предположенія губернскихъ комитетовъ и депутатовъ отъ нихъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ получили, можно сказать, наиболѣе полное осуществленіе именно въ этой части. Волостной судъ 19 февраля 1861 г., дѣйствительно, явился судомъ *обычнымъ*. Существу его болѣе соотвѣтствовало наименованіе „расправы“. Правильно называется онъ иногда судомъ „домашнимъ“. Еще правильнѣе назвать его, придерживаясь установившейся научной терминологіи, судомъ „полицейскимъ“, въ противоположность суду въ точномъ и тѣсномъ смыслѣ слова, какъ уста-

новленію, обставленному извѣстными обрядами и формами, гарантирующими правильность его дѣйствій *).

Начала, которыми проникнута реформа судебныхъ и административныхъ учрежденій 12 іюля 1889 г., соединившая судъ съ администраціей, расширившая усмотрѣніе насчетъ закона, водрузившая судъ полицейскій на мѣсто суда съ надлежащими гарантіями,—не могла придать иного характера преобразованію волостного суда... Постановленія 19 февраля 1861 г. и восполнены ею, въ настоящемъ отношеніи, въ степени совершенно несоразмѣренной со значительнымъ расширеніемъ подсудности и подвѣдомственности волостного суда. Съ этой точки зрѣнія, разбирая уже далеко не „домашнія“ дѣла, волостной судъ въ губерніяхъ съ земскими начальниками представляется даже въ большей степени обычнымъ судомъ, чѣмъ волостной судъ 19-го февраля 1861 г. Во всякомъ случаѣ, о томъ и о другомъ судѣ можно говорить почти безразлично.

Однако, какъ ни широко предоставлено крестьянскому суду руководствоваться обычаемъ, тѣмъ не менѣе, общій смыслъ законовъ и права крестьянъ въ извѣстной степени установившіяся, съ обязательнымъ выкупомъ и прекращеніемъ временно-обязаннаго состоянія,—позволяютъ поставить въ необходимыхъ интересахъ личности крестьянина, цѣлый рядъ ограниченій обычаю, примѣнявшемуся названнымъ судомъ.

---

*) Установленная первоначально безаппелляціонность рѣшеній и приговоровъ волостного суда вытекала, между прочимъ, именно изъ того же—даже еще болѣе широкаго—значенія, которое предполагалось первоначально предоставить обычаямъ... По поводу возраженія Желѣзнова, въ одномъ изъ засѣданій общаго присутствія редакціонныхъ комиссій, противъ предполагавшейся безаппелляціонности рѣшеній и приговоровъ волостного суда, какъ опасной,—кн. Черкасскій замѣтилъ „Вѣдь, они будутъ рѣшать по своему, — не по закону писаному, а по ихъ обычаямъ. Гдѣ же имѣть въ виду рѣшеніе по закону? Притомъ, это—прибавилъ, по крайней мѣрѣ, князь, пишется на 5, 10 лѣтъ,—а тамъ видны будутъ потребности Правительство вынуждено будетъ сдѣлать во всемъ реформы“ (Семеновъ—„Освобожденіе крестьянъ“, томъ II, 486—487).—„Если допустить аппелляцію—сказалъ въ другой разъ Черкасскій--то не будетъ ли тутъ юридической ереси? Разборъ дѣлъ будетъ происходить тутъ по совѣсти“—„Допустить жалобу на рѣшеніе по обычному праву въ инстанцію, которая рѣшитъ на другомъ основаніи дѣйствующаго положительнаго закона, едва ли возможно,—прибавилъ тогда же Самаринъ. Эта вторая инстанція должна, слѣдовательно, судить на тѣхъ же основаніяхъ обычая Въ такомъ случаѣ, она и была бы—второй крестьянскій судъ. Почему же тогда на первый судъ полагаться меньше, чѣмъ на второй.“ Большинство членовъ общаго присутствія и оказались за недопущеніе обжалованія приговоровъ и рѣшеній волостного суда (Семеновъ,—томъ III ч 2, стр. 183—187). Для характе-

Въ этомъ отношеніи, прежде всего можно установить то существеннѣйшее положеніе, что *волостной судъ можетъ пользоваться довольно широко обычнымъ формальнымъ или процессуальнымъ правомъ, но отнюдь не можетъ расширять предѣлы, въ которыхъ практикуется примѣненіе и дѣйствіе среди крестьянъ обычнаго матеріальнаго права.* Предѣлы эти не измѣняются постановленіями *о производствѣ суда*,—не дѣлаются ни шире, ни уже, въ зависимости отъ того, какъ изложена та или иная статья судопроизводственнаго закона). Съ точки зрѣнія этого положенія, нельзя преувеличивать,—какъ это, однако, обыкновенно дѣлается,—смысла разсужденій государственнаго совѣта, приведенныхъ въ разъясненіи министерства внутреннихъ дѣлъ, состоявшемся 12-го октября 1891 г. относительно преобразованнаго волостного суда. Разсужденія эти изложены, притомъ, настолько точно, что тѣмъ болѣе странно наблюдать примѣненіе ихъ въ распространительномъ, ничѣмъ не оправдывающемся, смыслѣ. „По основной задачѣ своей—говоритъ Даниловъ (Пол. о сел. сост., ч. I, изд. 1894 г., 108)—и той постановкѣ, какая дана ему въ законѣ, волостной судъ 12 іюля 1889 г. является судомъ, учрежденнымъ для разрѣшенія простѣйшихъ дѣлъ, возникающихъ въ сельскомъ быту, и составляется изъ лицъ, для которыхъ даже не установлено требованіе грамотности.

ристики же господствовавшихъ среди членовъ редакціонныхъ комиссій понятій, столь странно звучащихъ нынѣ, не лишне замѣтить, что все это говорилось и постановлялось въ то самое время, когда по первоначальнымъ предложеніямъ и предположеніямъ—волостной судъ долженъ былъ рѣшать гражданскія дѣла на сумму до 300 руб. и присуждать къ тѣлесному наказанію въ размѣрахъ до 30 ударовъ... И именно кн. Черкасскій стоялъ и за строгость наказанія и за норму въ 30 ударовъ. „При уничтоженіи власти помѣщика—говорилъ онъ—я считаю необходимою строгость суда въ наказаніяхъ для усиленія той власти, которая должна замѣнить уничтожающуюся власть“ (Семеновъ,—томъ II, 474 и 477).—Гр Панинъ, далеко не сочувствовавшій освобожденію крестьянъ, и тотъ могъ сказать, во время разсужденій о недопущеніи обжалованія рѣшеній и приговоровъ волостныхъ судовъ: „Большинство тѣхъ, которые желаютъ, чтобы аппелляціи не было, говорятъ такъ, пока сами не проиграли дѣла.“ (Семеновъ,—т. III, ч 2, 181).

*) На этомъ положеніи основали мы свои—изложенныя выше—соображенія о предѣлахъ дѣйствія обычнаго гражданскаго права,—сомнѣніе въ юридической силѣ постановленія врем. правилъ о вол. судѣ объ уголовной отвѣтственности рабочаго, нанятаго безъ договорнаго листа и самовольно ушедшаго отъ хозяина, равно и возраженія противъ установившихся воззрѣній на предѣлы дѣйствія обычнаго матеріальнаго права

Соотвѣтственно сему, законъ ограничился изданіемъ для руководства волостныхъ судовъ небольшого числа простыхъ постановленій, изложенныхъ во временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ, а засимъ нашелъ возможнымъ обязать его руководствоваться сравнительно лишь немногими статьями общихъ узаконеній (Уст. о наказ., налаг. мир. судьями), и то только въ дѣлахъ о проступкахъ. Что же касается дѣлъ гражданскихъ, то, при разборѣ ихъ, волостной судъ не стѣсненъ никакими формальными требованіями, кромѣ заключающихся въ помянутыхъ правилахъ. Всякая вообще *регламентація подробностей* въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи этихъ дѣлъ признавалась, при изданіи сихъ правилъ, не отвѣчающею патріархальному характеру этого учрежденія, которому, напротивъ того, считалось необходимымъ предоставить широкій просторъ въ выборѣ *способовъ выясненія дѣйствительной сущности дѣла*, согласно мѣстнымъ обычаямъ и установившейся практикѣ".—Какъ видно, государственный совѣтъ говорилъ именно *о процессуальномъ* правѣ, *о регламентаціи производства дѣлъ, о способахъ опредѣленія и отысканія матеріальной правды,* но не о тѣхъ нормахъ права, которыми должны разрѣшаться данныя спорныя отношенія, словомъ, *не о матеріальномъ правѣ.* Указаніе на то, что судьями могутъ быть даже люди безграмотные, также не можетъ подавать повода къ слишкомъ широкому толкованію настоящихъ соображеній государственнаго совѣта. Матеріальныя права гражданъ не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ знанія или незнанія судьями грамоты или законовъ, отъ ихъ большаго или меньшаго развитія или нравственныхъ качествъ. Допущеніе неграмотности судей составляетъ ошибку судоустройства. При наличности этой ошибки въ данномъ случаѣ, лица, имѣющія дѣло съ судомъ, могутъ быть поставляемы въ необходимость указывать суду законы, которыхъ онъ можетъ не знать; но эта ошибка не можетъ лишать ихъ права жертвовать своими интересами ради недостатковъ развитія представителей суда, не можетъ освобождать послѣдній отъ обязанности принимать ихъ указанія относительно правовыхъ нормъ, подлежащихъ примѣненію къ даннымъ отношеніямъ.

Съ точки зрѣнія выставленнаго нами основного положенія, нельзя также предполагать за волостнымъ судомъ,—какъ прежнимъ, такъ и преобразованнымъ,—того широкаго права толкованія законовъ, которое усвоено впервые общимъ и мировымъ судебнымъ установленіямъ судебными уставами 20-го

ноября 1864 г. и предоставлено земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ правилами 29 декабря 1889 г. Волостной судъ не можетъ между прочимъ восполнять недостатки законовъ при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ. Упомянутое право толкованія можетъ, быть предоставлено только прямымъ постановленіемъ закона. Оно принадлежитъ, пока, вообще судебнымъ установленіямъ и также названнымъ „судебно-административными", но обставленнымъ, однако, въ судебной дѣятельности, извѣстными формами и обрядами. Ни одно чисто административное установленіе не располагаетъ упомянутымъ широкимъ правомъ толкованія закона. Не дано такого права и ни одному установленію характеромъ полицейскаго суда. Правомъ этимъ не могъ пользоваться, между прочимъ, и земскій начальникъ, когда, примѣняя ст. 61 Положенія 12 іюля 1889 г. (о взысканіяхъ, налагаемыхъ на подвѣдомственныхъ лицъ „безъ всякаго формальнаго производства", за неисполненіе его законныхъ распоряженій), онъ выступалъ въ роли полицейскаго судьи,—между тѣмъ, какъ ему предоставлено это право при производствѣ судебныхъ дѣлъ въ порядкѣ, установленномъ для такихъ дѣлъ правилами 29 декабря 1889 г. Волостной же судъ есть установленіе преимущественно административное,—судъ, главнымъ образомъ, полицейскій.

Указаніе государственнаго совѣта на „широкій просторъ" для волостного суда въ дѣлѣ выбора и примѣненія *способовъ* къ выясненію матеріальной правды также не можетъ быть принимаемо въ значеніи слишкомъ широкомъ, безусловномъ. Способы эти должны строго согласоваться съ личными правами крестьянъ и требованіями общаго порядка. Не всѣ способы этого рода могутъ получить примѣненіе. Иные изъ нихъ должны быть отвергаемы, другіе же—принимаемы, какъ обязательные.

Въ виду всѣхъ этихъ основаній, прежде всего, обычай не можетъ расширять или ограничивать подсудность и подвѣдомственность волостного суда насчетъ или въ пользу какихъ либо общихъ или особенныхъ—законныхъ или обычныхъ—судовъ. Всѣ явленія, отмѣчаемыя нѣкоторыми изслѣдователями въ этомъ смыслѣ, не могутъ имѣть значенія „юридическихъ обычаевъ".

Далѣе, лица, долженствующія стать передъ судомъ, въ особенности, обвиняемые и отвѣтчики, должны быть вызываемы такимъ образомъ, чтобы они могли отдавать себѣ ясный отчетъ о томъ поводѣ, по которому имъ подлежитъ являться

въ судъ. Иначе могли бы нарушаться самые существенные ихъ интересы. Поэтому, наблюдающійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай вызывать участвующихъ лицъ *не повѣстками* съ соотвѣтствующими точными свѣдѣніями, а приказами сельскимъ старостамъ, сотскимъ или десятскимъ—не можетъ быть признанъ въ значеніи юридическаго обычая. Въ повѣсткахъ долженъ быть, затѣмъ, точно обозначенъ часъ, къ которому необходимо явиться; если дѣлъ много, то всѣ участвующіе въ нихъ не могутъ быть вызываемы къ одному и тому же часу *). Съ другой стороны, приводъ какого-нибудь лица въ судъ составляетъ такую мѣру, которая не можетъ быть принимаема безъ особаго уполномочія со стороны закона.

По тому же самому, разбирательство всякаго рода дѣлъ должно быть *публичнымъ*. Нынѣ всѣ судебныя учрежденія предполагаются производящими дѣла гласно и публично, и для иного порядка необходимо точное предписаніе закона. Вопросъ 369-ый программы географическаго общества:—„могутъ-ли постороннія лица присутствовать при судебномъ разбирательствѣ"?—долженъ быть разрѣшаемъ по отношенію ко всякаго рода дѣламъ, безъ исключенія, въ положительномъ смыслѣ, и обычи, несогласные съ этимъ, не могутъ бытьи признаваемы въ значеніи юридическихъ.

„Можетъ-ли на судъ являться отецъ вмѣсто сына, мужъ вмѣсто жены, старшій родственникъ вмѣсто младшаго и т. п.?" —спрашиваетъ, между прочимъ, программа географическаго общества.—Но обычай не можетъ ни расширять, ни съужи-

*) Въ одномъ изъ преобразованныхъ волостныхъ судовъ мы наблюдали такіе обычаи,—не могущіе ,конечно, быть признанными въ значеніи юридическихъ

Всѣ участвующія лица вызываются къ одному и тому же времени, именно къ 10 час. утра. Но засѣданіе никогда не открывается ранѣе двухъ часовъ. Судьи, засѣдающіе всегда не иначе, какъ вчетверомъ, собираются крайне медленно; собравшись же, довольно долго пьютъ чай. Участвующимъ въ дѣлахъ приходится нерѣдко долго ждать до открытія засѣданія. Когда послѣднее открывается, явившіяся стороны вынимаютъ *жребій*, которымъ опредѣляется очередь разбирательства дѣлъ; дѣла же, въ которыхъ участвующія лица не явились къ открытію засѣданія, откладываются до другого раза,—даже еслибъ эти лица и пришли послѣ жребія Назначается по 10—15 дѣлъ; но судьи иногда и до поздняго вечера въ состояніи разобрать лишь 8—9 дѣлъ. Поэтому засѣданіе возобновляется на другой день, о чемъ и дѣлается заявленіе лицамъ, до которыхъ очередь не дошла и которыя безотлучно дежурятъ въ залѣ засѣданія суда, на лѣстницахъ волостного правленія и пр.,—обыкновенно голодныя...

вать представительства, точно установленнаго закономъ. На крестьянъ распространена прямо (ст. 21 Общ. Пол.) книга первая, части первой, тома X Законовъ Гражданскихъ, и—этимъ вполнѣ опредѣляются предѣлы настоящаго представительства. Что же касается, собственно, до судебнаго представительства постороннихъ лицъ, то обычай не могъ ограничивать его въ прежнемъ волостномъ судѣ, такъ какъ статьею 24 Общаго Положенія крестьянамъ положительно предоставлено было: „по дѣламъ *гражданскимъ*—отыскивать свои права, вчинять искиˌ и тяжбы и отвѣтствовать за себя, лично или чрезъ повѣренныхъ, а равно быть повѣренными какъ крестьянъ своего общества, такъ и лицъ посторонних; по дѣламъ *уголовнымъ и полицейскимъ*—подавать жалобы и охранять свои права всѣми дозволенными закономъ способами, лично и чрезъ повѣренныхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда участіе повѣренныхъ допускается въ дѣлахъ уголовныхъ". Затѣмъ, никакихъ ограниченій представительства относительно волостного суда въ законѣ не ставилось, и полное молчаніе по этому предмету въ постановленіяхъ о волостномъ судѣ вовсе не означало предоставленія его—опредѣленію со стороны обычая. Существовавшіе, однако, въ этомъ отношеніи ограничительные обычаи не имѣли, поэтому, юридическаго значенія. Но обычаи эти были до извѣстной степени воспроизведены постановленіями временныхъ правилъ о волостномъ судѣ 12 іюля 1889 г., и, слѣдовательно, представительство постороннихъ лицъ въ преобразованномъ волостномъ судѣ поставлено въ болѣе тѣсные предѣлы новаго закона.

Хотя о правѣ отвода судей въ Общемъ Положеніи не говорилось ничего, но обычай не могъ лишать крестьянъ этой естественнѣйшей гарантіи, и нѣсколько сенатскихъ разъясненій относительно первоначальнаго волостного суда лишили наблюдавшіеся мѣстами ограничительные обычаи юридическаго значенія. Временныя правила 12 іюля 1889 г., однако, воспроизвели до извѣстной степени именно ограничительные обычаи по этому предмету, и—отводъ судей въ преобразованномъ волостномъ судѣ опредѣленъ болѣе тѣсно новымъ закономъ. И въ первоначальномъ, и въ преобразованномъ волостномъ судѣ, отводъ судей, слѣдовательно, допускается, хотя и не въ одинаковыхъ предѣлахъ. Поэтому, отрицательные отвѣты на вопросъ программы географическаго общества:—„допускается ли отводъ судей въ народныхъ и волостныхъ судахъ?"—не составили бы указаній на существованіе *юридическихъ обычаевъ*.

„Допускаются ли и какъ производятся осмотры и домовые обыски, напримѣръ, при покражахъ,—то есть, ходятъ ли по всѣмъ избамъ подрядъ, или только по тѣмъ домамъ, на которые падаетъ подозрѣніе"?—спрашиваетъ, между прочимъ, программа географическаго общества. Обычай ходить по всѣмъ домамъ подрядъ, дѣйствительно, наблюдающійся,—не можетъ быть, однако, признанъ въ значеніи юридическаго. И при самыхъ важныхъ кражахъ, слѣдственная власть не пользуется такою широкою свободою вторженія въ частное жилище. Не можетъ принадлежать подобная свобода и крестьянскимъ властямъ въ тѣхъ, опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, когда они замѣняютъ слѣдователей по тѣмъ же важнымъ дѣламъ. Тѣмъ болѣе должны быть крестьяне признаны огражденными отъ указываемаго нарушенія ихъ существеннѣйшаго интереса въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ власти производятъ обыски и осмотры по поводу маловажныхъ дѣлъ, подсудныхъ волостному суду.

„Существуетъ ли,—спрашиваетъ также программа географическаго общества,—обычай представлять вора на судъ съ поличнымъ, привѣшеннымъ къ нему на шею или на плечи?" Но обычаями не могутъ быть установлены осрамительныя наказанія, не примѣняемыя и къ лицамъ осужденнымъ. Тѣмъ меньше можетъ быть признано юридическое значеніе за обычаемъ срамить лицъ, относительно виновности которыхъ судъ не высказалъ еще своего мнѣнія.

„Требуется ли представленіе доказательствъ, когда дѣло извѣстно всей общинѣ, всему міру?"—спрашиваетъ программа географическаго общества, имѣя въ виду обычаи, устраняющіе доказательства въ подобныхъ случаяхъ. *) Подобные обычаи не могутъ, однако, имѣть юридическаго значенія. Крестьянскій, какъ и всякій иной, судъ долженъ основывать свои приговоры и рѣшенія на положительныхъ данныхъ, непосредственно представляемыхъ ему при разбирательствѣ. Искъ, какъ и обвиненіе, должны быть доказываемы. Иной порядокъ—недопустимъ. „Между рѣшеніями волостныхъ судовъ тамбовской губ.,—замѣчаетъ, однако, г. Березанскій („Обычное право

*) „Если истецъ извѣстенъ суду, какъ человѣкъ хорошій, то судъ присуждаетъ половину требованій и безъ доказательствъ," замѣчаетъ, между прочимъ, г. Оршанскій (135), съ видомъ полнаго признанія такого порядка юридическимъ, и упуская изъ виду, что „хорошими людьми" въ деревнѣ называются люди богатые, большею частію, кулаки,—и что подобная „система" разрѣшенія дѣлъ ведетъ только къ развитію эксплуатаціи населенія.

крестьянъ тамбовской губ.", 197)—встрѣчаются такія, которыя обращаютъ на себя вниманіе своею оригинальностью судъ или налагаетъ наказаніе, повидимому, безъ всякой причины, или же освобождаетъ отъ наказанія тоже безъ причины... Напримѣръ, уваровскій судъ однажды постановилъ: крестьянъ В. и Л. признать виновными (въ кражѣ), такъ какъ они на судѣ не сознались и проситель на судъ для разъясненія по требованію не явился." Подобные случаи представляются изслѣдователю только „оригинальными", и онъ готовъ, кажется, и ихъ отнести къ обычному праву... Но, конечно, въ подобномъ нарушеніи общихъ непремѣнныхъ правъ личности нѣтъ ничего юридическаго. Крестьянинъ можетъ отвѣчать только за дѣйствительное, точно доказанное, преступленіе. По тому же самому, волостной судъ не можетъ „оставлять въ подозрѣніи", и случаи этого рода, приводимые г. Березанскимъ (153), не служатъ доказательствомъ существованія *юридическаго* обычая.

„Встрѣчается не мало дѣлъ,—говоритъ М. В Духовской („Имущественные проступки крестьянъ", 193),—гдѣ нѣтъ уже никакихъ доказательствъ, и вотъ тутъ-то выдвигаются различные пріемы, установленные самою жизнью, пріемы, которые не имѣютъ за себя и тѣни достовѣрности; между тѣмъ, на нихъ строится весь вопросъ о виновности..." Пріемы эти рисуются въ вопросѣ 406-мъ программы географическаго общества, основанномъ на значительномъ числѣ фактическихъ данныхъ: „Не прибѣгаютъ ли, для изобличенія преступниковъ, къ особымъ средствамъ открытія истины, каковы извѣстныя въ старину испытанія желѣзомъ и огнемъ, также испытаніе землею и водою, то есть, не заставляютъ ли пить воду и ѣсть землю, съ клятвою сказать правду, и т. п.?" Подобные обычаи, однако, не могутъ быть признаны юридическими,—какъ ни широкъ просторъ, предоставляемый волостному суду въ дѣлѣ отысканія и примѣненія способовъ выясненія матеріальной правды. Иначе пришлось бы признать юридическими обычаями и положительные отвѣты на вопросъ 383-й упомянутой программы,—вопросъ, основанный на имѣющихся фактическихъ данныхъ: „Не считается ли необходимымъ вынуждать признаніе?—Не бываетъ ли пристрастныхъ допросовъ, напримѣръ, не употребляются ли при этомъ побои, истязанія и т. п.?"

Итакъ, волостной судъ, съ одной стороны, обязанъ разрѣшать дѣла не иначе, какъ на основаніи опредѣленныхъ данныхъ, съ примѣненіемъ извѣстныхъ доказательствъ; съ другой же,—въ отношеніи самыхъ способовъ выясненія истины,—онъ по-

ставленъ въ условія, сообразныя съ общими правами личности, съ требованіями порядка и основными началами права.

Понятно, наконецъ, что коль скоро преступленіе доказано и можетъ быть вмѣнено въ вину, то должно послѣдовать и осужденіе виновнаго. Присяга, божьба и клятва не могутъ уничтожать всѣ установленныя основанія для обвинительнаго приговора. Но обычай,—какъ это засвидѣтельствовано, допускаетъ „очищеніе“ подобнымъ способомъ даже отъ вполнѣ доказаннаго обвиненія. Однако, общій порядокъ, элементарная уголовная политика допустить этого не могутъ. Отсюда—существующіе по этому предмету обычаи не должны быть признаваемы юридическими. *)

Отмѣтимъ, въ заключеніе, особую важность юридическаго изслѣдованія судопроизводственныхъ обычаевъ, необходимость оцѣнки ихъ съ точки зрѣнія извѣстныхъ непреложныхъ началъ права и порядка, и интересовъ личности. И при удовлетворительномъ состояніи матеріальнаго права, основывающееся на немъ положеніе лица можетъ существенно страдать отъ недостатковъ права формальнаго, отъ его неопредѣленности и неразвитости. Тѣмъ болѣе удручающее вліяніе на юридическое положеніе лица должны имѣть недостатки формальнаго права при той неопредѣленности права матеріальнаго, которая отличаетъ крестьянъ. Нельзя допускать, чтобы личность крестьянина не пользовалась и элементарными формальными гарантіями. Такъ или иначе, всѣ сельскіе обыватели пользуются нынѣ въ принципѣ правами сельскихъ обывателей. Это же обстоятельство, составляя весьма важное общее основаніе для толкованія вопросовъ матеріальнаго права крестьянъ,—не можетъ не получать извѣстнаго выраженія и въ вопросахъ ихъ формальнаго права.

---

*) По поводу данныхъ объ обычаяхъ этого рода, заключающихся въ „Трудахъ“ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, проф. Духовской замѣтилъ („Имущественные проступки по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ“ 125), что,—задавая вопросы о примѣненіи божьбы или присяги, члены комиссіи не выясняли, о какихъ дѣлахъ они говорятъ,—о гражданскихъ или уголовныхъ.“ Очень возможно поэтому, что большинство отвѣтовъ касалось дѣлъ гражданскихъ, противъ примѣненія къ которымъ присяги волостнымъ судомъ,—не иначе, однако, какъ съ прямого разрѣшенія закона,—можно было бы и ие возражать „Но что и въ уголовныхъ дѣлахъ присяга, божьба згинетъ роль, на это мы имѣемъ опредѣленныя указанія у многихъ слѣдователей“—говоритъ въ заключеніе названный авторъ

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Закономъ или обычаемъ должно опредѣляться положеніе крестьянъ?

I. Основныя задачи государства.

Въ предшествующихъ частяхъ книги очерчено значеніе закона и обычая въ историческихъ судьбахъ русскаго крестьянина и—проявляющееся въ цѣломъ рядѣ нынѣшнихъ публичныхъ и частныхъ отношеній крестьянъ—значеніе обычая, какъ дѣйствующей нормы права,—обычая, сохраненнаго 19 февраля 1861 г. для помѣщичьихъ крестьянъ и въ 1866 г. замѣнившаго въ нѣкоторой степени законъ для крестьянъ бывшихъ государственныхъ. Таково открытое для обычая вліяніе на личность крестьянина и на всѣ ея права. Такова, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность защищать эту личность и ея существеннѣйшія права закономъ,—за тѣми предѣлами, которые открыты въ извѣстныхъ отношеніяхъ для дѣйствія обычая.

Кажется, не представляетъ уже и теперь никакихъ затрудненій разрѣшеніе вопроса о томъ, чѣмъ же должно опредѣляться положеніе крестьянъ, въ существеннѣйшихъ интересахъ личности,—закономъ или обычаемъ. Если же мы обратимся, въ заключеніе, къ общимъ соображеніямъ о законѣ и обычаѣ, о современномъ значеніи той и другой формы права, о задачахъ государства, о послѣдствіяхъ допущенія обычая и пр.,—то увидимъ, что и на этой почвѣ настоящій вопросъ не можетъ получить иного разрѣшенія, какъ именно и безусловно въ пользу закона. И съ этой стороны не можетъ не обнаружиться также полнѣйшая шаткость тѣхъ основаній, которыя приводятся въ пользу обычая.

Въ распространенномъ у насъ, такъ сказать, любовномъ, сочувственномъ, идиллическомъ отношеніи къ обычному праву заключается, прежде всего, *крайній націонализмъ*, конечные,

но совершенно необходимые (логически слѣдующіе) выводы изъ котораго едва ли могутъ быть приняты. Въ самомъ дѣлѣ, стоять за отстраненіе народа отъ писанаго права, какъ якобы вообще ему чуждаго,—значитъ, тѣмъ болѣе стоять и за отстраненія его отъ всякихъ иныхъ пріобрѣтеній, дѣлаемыхъ государствомъ, въ особенности же, отъ всякаго заимствованія порядковъ и установленій, дѣйствующихъ среди другихъ народовъ. Логически идя въ этомъ направленіи, нужно стоять и за отстраненіе всей государственной жизни отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, за строжайшую національность во всемъ, за китайскую стѣну... Нужно отдѣлять народъ и отъ интеллигенціи, и надъ всѣмъ тѣмъ, что проникаетъ въ народъ, въ видѣ его умственной пищи,—учредить строжайшій надзоръ... Но каждый народъ изъ нынѣ существующихъ (какъ и сошедшихъ съ исторической сцены) что-либо заимствовалъ у другихъ. Его нынѣшнее достояніе не вполнѣ національно. Съ той, явно славянофильской точки зрѣнія, съ которой разсматривается, большею частію, обычное право, нужно отдѣлить свое отъ чужого и, оставшись при своемъ, возвратившись „домой“, начать новую жизнь... Но подбное отдѣленіе „самобытнаго“ отъ „заимствованнаго“ возможно лишь въ извѣстной степени. Многое остается внѣ предѣловъ человѣческаго знанія, внѣ науки. Что „свое“, „самобытное“?—что „чуждое“, „заимствованное“?—это бываетъ нерѣдко невозможно установить. Многое „заимствованное“ слишкомъ глубоко внѣдряется въ бытъ страны. То, что кажется „заимствованнымъ“, можетъ вытекать на дѣлѣ изъ общихъ условій существованія. Или національзмъ, въ его крайнемъ развитіи, выражающійся въ воззрѣніяхъ на обычное право, нужно приберечь именно для народа и условій его юридическаго быта? Но что такое народъ? Можно-ли, слѣдуетъ-ли отдѣлять интересы народа отъ интересовъ общества въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова? Можно-ли, въ особенности, уединять народъ отъ желаній и стремленій лучшей части общества,—интеллигенціи? Не зависитъ-ли прогрессъ въ государственной жизни отъ того, въ какой мѣрѣ всякій данный интересъ представляется общимъ, всенароднымъ,—въ какой степени не разъединены, а соединены между собою интересы различныхъ слоевъ населенія и въ какой мѣрѣ все населеніе проникнуто интересами, стремленіями и желаніями лучшей, образованнѣйшей части общества?

Къ этому и должно привести распространеніе и расширеніе народнаго образованія. Но образованіе, въ свою очередь,

должно привести къ разрушенію всѣхъ обычаевъ, развившихся въ народѣ на почвѣ пережитой имъ исторіи и нынѣшняго печальнаго положенія. К. Д. Кавелинъ справедливо и предпосылаетъ такую цѣль народному образованію у насъ: „Оно призвано —говоритъ онъ—пересоздать народныя привычки, понятія, вѣрованія,—все то, что въ народѣ выросло на почвѣ безличности, безправія и невѣжества, что сложилось подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ и условій, кореннымъ образомъ измѣнившихся и отшедшихъ въ область исторіи“ *).

Государственная жизнь выражается въ законахъ. Законы доказываютъ, что государственная власть слѣдитъ за отношеніями, возникающими въ средѣ населенія, и стремится направлять ихъ по началамъ правды и справедливости, насколько это возможно для нея, при данныхъ формахъ и способахъ выясненія его нуждъ, потребности и желаній, и насколько на законодательствѣ, при этихъ условіяхъ, можетъ отражаться вліяніе науки и опыта. Несовмѣстимо съ государственнымъ состояніемъ, когда законодательство страны занимается лишь интересами высшаго слоя населенія,—не всего, а только ограниченной части народа. Низшій слой, какъ наименѣе развитой, наиболѣе нуждается въ точномъ опредѣленіи его правъ и обязанностей, и въ огражденіи его интересовъ. Иначе возможны всякія злоупотребленія относительно его. Иначе его права, неясно выраженныя и надлежащимъ образомъ неогражденныя, могутъ быть постоянно нарушаемы. Мы видѣли, что изъ обычая и развилась у насъ крѣпостная зависимость.

Вообще, охранять личность и ея права, препятствовать попранію этихъ правъ, закрѣпощенію личности въ какой-бы ни было формѣ, возстановлять нарушенныя права,—законъ можетъ и долженъ всегда. Въ этомъ отношеніи дѣятельность его будетъ всегда успѣшна. Въ установленіи соотвѣтствующихъ юридическихъ мѣръ государственная власть можетъ не сообразоваться слишкомъ близко и съ условіями быта. **) Здѣсь

---

*) „Крестьянскій вопросъ“, изд. 1882 г., стр. 157

**) Березанскій („Обычное уголовное право“, 180), указывая на „обычай наказывать женщинъ розгами“ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приведя и примѣръ, когда волостной судъ, „примѣнясь къ обычному правилу, заведенному въ крестьянствѣ“, именно наказалъ розгами жену за обиду, нанесенную мужу,—готовъ поставить вопросъ о томъ, насколько соотвѣтствуетъ воззрѣніямъ крестьянъ законъ 8 апрѣля 1863 г., освободившій женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія Пусть и вовсе не соотвѣтствуетъ. Все же такой законъ былъ благодѣтеленъ, какъ благодѣтельна была бы тогда-же полная отмѣна тѣлеснаго наказанія, не взирая ни на какія воззрѣнія народа.

возможны широкія заимствованія. Лучшія формы, выработанныя народомъ, стоящимъ высоко на ступеняхъ развитія, дадутъ благотворные результаты и на худшей почвѣ, среди народа менѣе развитого.*) Другое дѣло *полицейскія* задачи государства. Онѣ должны быть въ большей мѣрѣ національны, конкретны, болѣе сообразны съ мѣстными особенностями и условіями. Здѣсь законъ долженъ воздерживаться отъ излишняго вмѣшательства. Это тѣмъ болѣе, что относительно всякаго даннаго государства долженъ быть возбуждаемъ, прежде всего, вопросъ,—обезпечило-ли оно юридическіе интересы гражданъ, опредѣлило-ли точно, ясно и удовлетворительно ихъ важнѣйшія права и обязанности, развило-ли собственные органы, установило-ли для себя возможность вѣрно знать истинныя потребности населенія, учредило-ли судъ правый, скорый и всѣмъ доступный... Лишь послѣ этого умѣстны вопросы о томъ, какія мѣры благоустройства и устроенія „счастья“ населенія надлежитъ ему принять. Изъ всѣхъ полицейскихъ задачъ только одну можно пріурочить къ каждому данному государству безусловно,—это учрежденіе общедоступнаго обученія (безъ всякаго, однако, вмѣшательства государства въ

*) Съ этой точки зрѣнія, можно только привѣтствовать и наиболѣе раннее внѣшнее вліяніе, отразившееся на нашемъ правѣ,—вліяніе договоровъ Олега съ греками. Въ нихъ греки ограничиваютъ обычное самоуправство русскихъ, ставятъ самооборону на мѣсто мести, назначаютъ удовлетвореніе за обиду лишь изъ имущества обидчика, вмѣсто обращенія его въ рабство, въ случаѣ несостоятельности, какъ принято было у русскихъ, и пр.—Съ этой же точки зрѣнія, нельзя, конечно, не пожалѣть и о томъ, что давно не выполнено у насъ то дѣло, въ предполагаемомъ покушеніи на которое, въ свое время, обвинялся М. М. Сперанскій современными ему сторонниками русскихъ обычаевъ и историческихъ устоевъ составленіе гражданскаго уложенія, путемъ широкаго заимствованія началъ и и правилъ лучшаго въ ту пору французскаго гражданскаго кодекса. Вмѣсто весьма неудовлетворительной части первой тома X, мы давно имѣли бы болѣе совершенное законодательство. Русская жизнь много выиграла и отъ появленія въ 1832 г. этой части первой тома X Свода Законовъ. Но еще больше выиграла бы она,—съ принятіемъ за четверть вѣка французскаго гражданскаго кодекса. Нынѣшніе наши націоналисты и сторонники обычаевъ считаютъ, впрочемъ, и часть I тома X, чуждою крестьянству, между прочимъ, потому, что подозрѣваютъ, что она заимствована изъ французскаго гражданскаго кодекса (и подозрѣваютъ, не безъ основаній, какъ показалъ г. Винаверъ въ № 10 „Журнала Министерства Юстиціи“ за 1895 г., заставивъ пожалѣть лишь о томъ, что заимствованія—не изъ одного французскаго права—были сдѣланы „урывками, безъ системы“, такъ какъ иначе Сперанскій и не могъ дѣлать заимствованій тогда,—при составленіи свода)...

дальнѣйшія ступени образованія). Но и эта задача, въ сущности, можетъ быть отнесена къ тѣмъ же незыблемымъ юридическимъ задачамъ государства, такъ какъ, требуя, чтобы граждане знали свои права и обязанности и невѣдѣніемъ закона никто не отговаривался, государство должно обезпечить гражданамъ ближайшее, существеннѣйшее условіе для ознакомленія съ правами,—грамотность. Послѣдняя дѣлается въ той же мѣрѣ и въ томъ же смыслѣ необходимою, какъ и кодификація права, или развитіе права на научныхъ, наиболѣе совершенныхъ началахъ, и облеченіе его въ формы и источники познанія всѣмъ доступные. Кодификація же права должна быть отнесена именно къ области юридической, а не полицейской дѣятельности государства.

Прошла тысяча лѣтъ отъ начала государственной жизни Россіи. Исторія страны отмѣчена значительнымъ развитіемъ законодательства. Государство развилось, и всѣ его многочисленныя установленія поддерживаются, большею частію, собственно на народныя средства Какимъ же образомъ, предоставляя высшимъ слоямъ населенія пользоваться различными выгодами благоустройства, результатами преимущественно его собственной, на общенародныя средства выполнявшейся *полицейской* дѣятельности, государство и *юридическою* дѣятельностію своею—по опредѣленію и охранѣ правъ—можетъ служить, главнымъ образомъ, лишь тому же высшему слою населенія? Какимъ же образомъ жизнь высшихъ сословій можетъ, хоть отчасти, регулироваться правомъ, возможно усовершенствованнымъ,—а народъ предоставленнымъ въ значительной степени собственнымъ обычаямъ? *) Какимъ образомъ такіе высшіе

*) Подобно тому, какъ уложеніе 1845 г не коснулось дѣяній, подлежавшихъ суду сельскихъ и волостныхъ расправъ, и лишь предположило пересмотръ соотвѣтствующихъ постановленій впослѣдствіи, —и вновь, черезъ 50 лѣтъ составленное уголовное уложеніе, равнымъ образомъ, не имѣетъ въ виду карательную дѣятельность крестьянскаго суда. Въ свою очередь, комиссія, составляющая проектъ гражданскаго уложенія, также, повидимому, предполагаетъ многое въ крестьянской средѣ предоставить, попрежнему, обычаю,—въ то-же время не собирая свѣдѣній о немъ и не выясняя его По крайней мѣрѣ, въ единственной изданной ею работѣ, касающейся частнаго вопроса обычнаго права (Мухинъ, „Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ“, 307, 314), рядомъ съ предположеніями о расширеніи юрисдикціи волостного суда, по дѣламъ о наслѣдованіи, выставляется необходимость принятія за „основное“ положеніе,—что къ „наслѣдованію послѣ лицъ крестьянскаго состоянія обязательно должны быть примѣняемы мѣстные крестьянскіе обычаи“...

слои населенія будутъ располагать судомъ, составленнымъ изъ лицъ юридически образованныхъ, пользующихся независимостью, несмѣняемостью и матеріальною обезпеченностью, а—народъ въ то-же самое время, въ массѣ своихъ повседневныхъ дѣлъ, предоставленныхъ суду, состоявшему изъ лицъ, „по возможности грамотныхъ“, матеріально необезпеченныхъ, содержимыхъ на тѣ же мѣстныя истощенныя крестьянскія средства и находящихся на всей волѣ ближайшаго начальства?..)

Изслѣдованіе юридическаго положенія крестьянъ, дѣйствительно, показываетъ, что народъ до сихъ поръ почти во всемъ руководствуется на дѣлѣ „обычаемъ“ (большею частію даже и безъ ограниченія его какими-либо предѣлами), что „обычаемъ“ руководствуется и власть въ отношеніи его,—словомъ, что народъ живетъ внѣ закона; что на всѣхъ его правахъ и обязанностяхъ и способахъ ихъ установленія и охраны—лежитъ отпечатокъ полнѣйшей неопредѣленности; что въ средѣ его царитъ произволъ; что по произволу разрѣшаются, большею частью, и всѣ его дѣла... Но—вѣдь, это значитъ, что государство, которое народъ, главнымъ образомъ, содержитъ и защищаетъ, не выполнило передъ нимъ своихъ обязанностей. Въ такомъ же случаѣ, нужно доказывать не то, что и впредь должно быть такъ, а то, что законъ долженъ заняться, наконецъ, народомъ, дать ему твердое юридическое положеніе.

Если сказать, что придетъ время, когда законы для всѣхъ сословій, и въ томъ числѣ для крестьянъ, будутъ одинаковыми, равными, не только по внѣшней своей силѣ, но и по внутреннему содержанію,—то никто, конечно, не признаетъ, что такое будущее нежелательно, и никто также въ томъ не усомнится, ибо таковъ явный юридическій смыслъ историческихъ явленій. Подобное будущее предполагаетъ сліяніе всѣхъ сословій въ одну общую массу „гражданъ“ съ равными правами,

---

*) Комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ, подобно комиссіямъ, составлявшимъ уголовное и гражданское уложенія, прямо говорила, что преобразованіе волостного суда ею не имѣется въ виду.. („Журналъ Министерства Юстиціи“, мартъ 1895 г, стр. 43).—Позднѣе, чрезъ Государственную Думу прошелъ, не безъ большихъ возраженій, проектъ, упраздняющій волостной судъ и распространяющій на крестьянъ дѣйствіе общихъ со всѣми другими сословіями судебныхъ установленій. Но старыя воззрѣнія живучи,—и вотъ, въ комиссіи Государственнаго Совѣта составляется, въ противовѣсъ этому, проектъ лишь преобразованія волостного суда.

обязанностями и интересами.*) Зачѣмъ же отдалять это для всѣхъ желательное будущее, не только сохраняя различіе въ законахъ для крестьянъ и прочихъ сословій, но подчиняя тѣхъ и другихъ даже различнымъ *формамъ права*,—оставляя крестьянъ въ значительной степени подъ дѣйствіемъ обычая, какъ чуть не главнѣйшей руководящей для нихъ формы права? Высшіе слои населенія не согласились бы, конечно, на то, чтобы ихъ имущественныя отношенія, уголовная отвѣтственность, разнообразныя публичныя отношенія, учрежденный для нихъ судъ и пр.—опредѣлялись обычаемъ. Наоборотъ, всѣ желанія сводятся здѣсь къ возможному усовершенствованію законодательства, къ кодификаціи права. Какъ-же можно поддерживать то обратное положеніе, въ которомъ находится крестьянство, при расширеніи вмѣстѣ съ тѣмъ предѣловъ дѣйствія обычая противъ тѣхъ, которые опредѣлены для него закономъ.

II. Послѣдствія допущенія юридическаго дѣйствія обычаевъ.

Установленіе практическаго значенія за обычнымъ правомъ—за пресловутыми „особенностями“, „простотою“ и „патріархальностью“ крестьянскаго быта—привело къ цѣлому ряду *слѣдствій*, дающихъ весьма тяжело чувствовать себя и противорѣчащихъ основнымъ потребностямъ населенія и задачамъ государства. При этомъ условіи не представилось нужнымъ заботиться *вообще объ устройствѣ юридическаго быта крестьянъ*, и—мы видимъ, какъ, дѣйствительно, мало вниманія обращено на этотъ бытъ,—и со стороны власти, и со стороны общества... Не оказалось, между прочимъ, надобности въ обезпеченіи надлежащимъ составомъ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Вмѣсто образовательнаго ценза, юридическаго развитія, знакомства съ законами, могло быть требуемо отъ представителей этихъ учрежденій—знакомство съ „мѣстными условіями“. Лучшими крестьянскими начальниками могли логически представляться мѣстные помѣщики, сохра-

*) Еще Екатерина II высказалась за необходимость осуществленія такого порядка. „Равенство всѣхъ гражданъ—говоритъ она въ своемъ Наказѣ—состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ-же законамъ“.

нившіе, по крайней мѣрѣ, усадьбы въ данныхъ районахъ... Вѣдь, не по закону, предполагалось, должны разрѣшаться многія крестьянскія отношенія!—По тому же самому, оказалось возможнымъ предоставить опредѣленіе многихъ крестьянскихъ отношеній *инструкціями* ближайшаго начальства. Вѣдь въ нихъ скорѣе всего могли быть приняты во вниманіе „мѣстные обычаи", „мѣстныя условія", „мѣстныя особенности"!—Не обнаружилось надобности и въ особомъ надзорѣ за мѣстными властями такого характера, поставленными надъ крестьянствомъ. Вмѣсто учрежденій, разрѣшающихъ дѣла по существу, подчиненныхъ обжалованію, могли развиться учрежденія съ дискреціонною властью, съ кассаціоннымъ характеромъ дѣятельности, да еще съ исключеніемъ нарушенія обычая, какъ повода къ кассаціи, ибо обычаи предполагались извѣстными однимъ крестьянамъ и ближайшимъ, стоящимъ надъ ними властямъ, и надзоръ въ этомъ отношеніи со стороны высшей власти признавался невозможнымъ. *) Мало того, дѣлаются возможными случаи оспариванія низшими мѣстными установленіями у выс-

*) Дѣйствительно, сторонники обычнаго права, въ лицѣ Оршанскаго, прямо и возражаютъ противъ примѣненія къ крестьянскому суду аппелляціоннаго порядка обжалованія его приговоровъ и рѣшеній. Крестьяне должны быть, по ихъ мнѣнію, лишены этого существеннѣйшаго способа защищать свои права, добиваться справедливаго разрѣшенія дѣла. Они должны и при реформѣ суда остаться при кассаціонномъ порядкѣ обжалованія. „Жалобы на волостной судъ—именно говорилъ Оршанскій („Изслѣдованія по русскому праву, обычному и брачному", 204)—должны быть, по-прежнему, допущены только кассаціонныя, если желательно сохранить независимость обычнаго права отъ вліянія чуждыхъ и вредныхъ для него элементовъ"... При этомъ онъ подразумѣвалъ, что нарушеніе обычая не должно служить кассаціоннымъ поводомъ (ибо оно вообще отвергается, какъ поводъ къ кассаціи, что выразилось и въ реформѣ волостного суда прибалтійскихъ губерній 9 іюля 1889 г.). Оршанскій не замѣчалъ, что такимъ путемъ, съ одной стороны, заранѣе значительно сокращаются поводы къ обжалованію и въ этомъ единственномъ предлагавшемся имъ порядкѣ, и что, съ другой стороны, это не соотвѣтствуетъ ни значенію обычая, какъ нормы права, дѣйствующей на ряду и въ равной силѣ съ закономъ, ни существу кассаціоннаго порядка обжалованія, какъ такого порядка, чрезъ который именно осуществляется надзоръ за точнымъ примѣненіемъ нормъ права вообще.—Замѣтимъ, кстати, что собственно закономъ не установлено въ точности именно „кассаціоннаго" порядка обжалованія приговоровъ и рѣшеній крестьянскихъ установленій Законъ никогда не употреблялъ самаго этого выраженія по отношенію къ названнымъ установленіямъ. Единственно практика, обычай—придали названіе и характеръ „кассаціоннаго" тому порядку обжалованія, который послѣдовательно водворялся со времени 19 февраля 1861 г. относительно крестьянскихъ установле-

шаго мѣстнаго кассаціоннаго учрежденія руководящаго значенія за его разъясненіями,—отчасти именно по тому значенію, которое придано обычаю, безъ точнаго выясненія отношеній между нимъ и закономъ. *) Съ другой стороны, по тому же самому, для крестьянства могло быть признаваемо излишнимъ *отдѣленіе суда отъ администраціи*,—такъ какъ строгое раз-

---

ній (см. объ этомъ въ книгѣ нашей „Юридическое положеніе крестьянъ“). Подобная же практика и предположенія покойнаго Оршанскаго не могутъ быть признаны основательными даже съ точки зрѣнія необходимости „бережнаго отношенія“ къ обычаю, его „неприкосновенности для внѣшнихъ вліяній“, охраненія „самостоятельности“ крестьянъ въ отношеніи примѣненія обычая и пр. Напротивъ того, при примѣненіи аппелляціоннаго и кассаціоннаго порядковъ обжалованія дѣйствій крестьянскихъ установленій, обычай именно и пріобрѣталъ бы дѣйствительное значеніе, приданное ему, какъ нормѣ права, и дѣлался бы извѣстнымъ, выяснялся со всѣхъ сторонъ. Вопросъ объ обычаѣ и получилъ нынѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ г. Леонтьевъ („Русское Богатство“ № 11 за 1894 г., статья „Въ поискахъ за обычнымъ правомъ“), особый интересъ и вызвалъ попытки къ его выясненію въ самарской и харьковской губ.,—именно благодаря приданію уѣзднымъ съѣздамъ характера и аппелляціонной и кассаціонной инстанцій по отношенію къ волостному суду (хотя именно, и опять таки, практика установляетъ въ значительной степени значеніе уѣзднаго съѣзда, какъ кассаціонной инстанціи по отношенію къ волостному суду: уѣздные съѣзды очень рѣдко постановляютъ приговоры и рѣшенія по существу, но ограничиваются отмѣною рѣшеній и приговоровъ крестьянскаго суда и передачею дѣлъ въ тотъ же судъ). Еще же большее значеніе для выясненія обычая имѣло бы прямое указаніе на нарушеніе, его какъ на поводъ къ кассаціи Отмѣтимъ, кстати, что вообще по вопросу о нарушеніи обычая, какъ поводѣ къ кассаціи, вопреки господствующему мнѣнію, тяготѣющему надъ крестьянствомъ, высказывается въ положительномъ смыслѣ въ новѣйшее время проф Шершеневичъ („Учебникъ русскаго гражданскаго права“, изд. I, 36).

*) Одно время передавался, по крайней мѣрѣ, въ газетахъ слѣдующій случай —„Волостной судъ, по просьбѣ крестьянки села Корневскаго, Дарьи Тарасовой, присудилъ въ ея пользу, по роспискѣ, съ крест. Ивана Рыжова 200 руб —Обжаловавъ это рѣшеніе волоколамскому съѣзду, отвѣтчикъ просилъ объ отказѣ въ искѣ Тарасовой на томъ основаніи, что росписка, по которой съ него взыскиваютъ деньги, подписана не имъ, а его сыномъ; что самъ онъ неграмотенъ, и документъ, подписанный кѣмъ-либо за неграмотнаго, только въ томъ случаѣ имѣетъ по закону силу долгового обязательства, когда подпись засвидѣтельствована въ полиціи.—Волоколамскій съѣздъ оставилъ жалобу Рыжова безъ послѣдствій и рѣшеніе волостного суда утвердилъ, мотивируя это существованіемъ „мѣстнаго“ обычая, по которому неотдѣленные сыновья расписываются за неграмотныхъ отцовъ на долговыхъ обязательствахъ, и послѣднія признаются мѣстнымъ судомъ дѣйствительными.—На рѣшеніе волоколамскаго съѣзда отвѣт-

дѣленіе *между органами власти* возможно лишь при совершенно точномъ установленіи дѣйствующихъ *нормъ права*, и иначе, въ особенности. при допущеніи обычая и растяжимости этой формы права, началу *цѣлесообразности* должно неизбѣжно отдаваться предпочтеніе передъ началомъ *законности* неразрывно связаннымъ, въ свою очередь, съ отдѣленіемъ суда отъ администраціи *).

При отстраненіи крестьянъ въ значительной степени отъ писанаго права, не могло быть также и рѣчи о *всесословной волости*,—тѣмъ менѣе о *всесословномъ сельскомъ обществѣ*. Крестьянскій міръ нужно было оберегать отъ всякихъ „тлетворныхъ“ внѣшнихъ вліяній **). Для того же, чтобы не изсушить „свѣтлый источникъ“ обычнаго права, не преградить пути его „живой струѣ“,—*кодификація обычаевъ* могла быть

чикъ принесъ жалобу въ московское губернское присутствіе, доказывая, что по отношенію къ долговымъ обязательствамъ существуетъ общій законъ, въ силу котораго подпись за неграмотнаго должна быть засвидѣтельствована установленнымъ порядкомъ. Соглашаясь съ доводами отвѣтчика, московское губернское присутствіе отмѣнило рѣшеніе волоколамскаго съѣзда и передало дѣло для новаго разсмотрѣнія въ клинскій съѣздъ, гдѣ рѣшеніе волостного суда также признано правильнымъ. Рѣшеніе клинскаго съѣзда, въ свою очередь, обжалованное губернскому присутствію, было также отмѣнено, и дѣло перешло въ звенигородскій съѣздъ, который, согласно съ рѣшеніями волоколамскаго и клинскаго съѣздовъ, утвердилъ рѣшеніе волостного суда. Дѣло, по жалобѣ отвѣтчика, вновь, въ третій разъ, поступило въ губернское присутствіе“ .. Къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ, сколько времени длилась еще эта волокита и чѣмъ окончилось это дѣло.

*) „Не нужно забывать—и разсудилъ, между прочимъ, Оршанскій (196)—что строгое разграниченіе судебной власти отъ административной, будучи благодѣяніемъ при нѣкоторыхъ довольно сложныхъ условіяхъ общественной жизни, неосуществимо и вредно при болѣе простыхъ формахъ общественности, вродѣ той, которую переживаетъ наше крестьянство“...

**) „Нечего и говорить—категорически высказался Оршанскій (205)—что существенныя измѣненія въ самомъ устройствѣ волостныхъ судовъ (устройство аппелляціонной инстанціи подъ предсѣдательствомъ мирового судьи, допущеніе мировыхъ судей или лицъ другихъ сословій вообще въ волостные судьи и тому подобные проекты), по нашему мнѣнію, были бы такъ-же вредны, какъ самая отмѣна ихъ· слишкомъ еще глубока пропасть, отдѣляющая высшія сословія отъ низшихъ относительно правовыхъ воззрѣній,—слишкомъ еще велико различіе между оффиціальнымъ и обычно правовымъ бытомъ для того, чтобы можно было допустить подобнаго рода прямое вліяніе оффиціальнаго права на народный бытъ“

признаваема ненужною, даже вредною... *) Ненужными оказывались и сколько-нибудь образованные, свѣдущіе въ законахъ и вообще достаточно подготовленные *волостные писаря*. Они являлись какъ бы принципіально вредными членами крестьянскаго суда и управленія. **) Отсюда же продолжительное оставленіе крестьянскаго суда безъ преобразованія,—въ то время какъ дѣятельность его особо затруднялась обязанностью примѣнять иногда обычай, иногда законъ, при отсутствіи точныхъ указаній, когда именно обычай и когда законъ, и, слѣдовательно, при самомъ неудобномъ положеніи между двумя формами права. ***) Вліяніемъ извѣстныхъ воззрѣній на

*) „Нельзя—говоритъ Оршанскій (152)—не согласиться съ Калачевымъ, когда онъ утверждаетъ, что всякая попытка внести въ кодексъ и дать опредѣленную форму крестьянскимъ обычаямъ уничтожила бы сразу живое начало примѣненія справедливости,—начало, которымъ руководствуется въ своей дѣятельности народный судъ".— Въ этомъ отношеніи, такимъ образомъ, наши позднѣйшіе сторонники обычаевъ ушли даже дальше помѣщиковъ губернскіе комитеты, предлагая удержаніе обычаевъ и по освобожденіи, въ ихъ, такъ сказать, безформенномъ видѣ, пояснили, понимая все же, что такъ дѣло не можетъ долго оставаться: „приведеніе обычаевъ въ извѣстность и правильную опредѣленность будетъ дѣломъ будущаго" („Матеріалы редакціонныхъ комиссій", т II, кн. I, изд. 2, стр 115).

**) „Въ своей собственной средѣ—замѣчаетъ Оршанскій (31)—волостные судьи имѣютъ рѣшительнаго противника данной имъ закономъ компетенціи Это волостной писарь. Какъ представитель письменности на волостномъ судѣ и нерѣдко единственный грамотный человѣкъ въ немъ, онъ часто является противникомъ обычаевъ и ревнителемъ законности". Отъ этого, конечно, недалеко и до нежелательности знанія грамотности для волостныхъ судей, до освобожденія крестьянскаго суда отъ всякой письменности... Отсюда же логически слѣдуетъ дѣятельное примѣненіе начальствомъ предоставленнаго ему права удаленія волостныхъ писарей „по неблагонадежности", хотя бы за ревнивое отношеніе къ законности Оршанскій обстоятельно и указываетъ (209) подлежащую статью закона, установляющую означенное право за мировыми посредниками (впослѣдствіи земскими начальниками, получившими то-же право),—упуская изъ вида, что безправное, беззащитное и безотвѣтное положеніе волостныхъ писарей и составляетъ причину ихъ неудовлетворительнаго состава, что оно-же дѣлаетъ невозможнымъ какое-либо его улучшеніе, несмотря на проектируемыя мѣры къ увеличенію имъ жалованья, —и что, наконецъ, нельзя допускать подобнаго положенія ни для какихъ элементовъ населенія, ни для какихъ должностныхъ лицъ

***) Въ редакціонныхъ комиссіяхъ, при составленіи положеній 19 февраля 1861 г., по поводу устройства судебной части среди освобождавшихся крестьянъ, велись слѣдующія разсужденія „Они (крестьяне) прежде обходились однимъ домашнимъ судомъ, разбирались по обычаю, часто извѣстному только одной деревнѣ.. Учредить для нихъ судъ немедленно на юридическихъ началахъ не было никакой воз-

обычное право объясняется отчасти неудачное преобразованіе волостного суда на основаніи временныхъ правилъ 12 іюля 1889 г.,—затруднявшее дѣятельность крестьянскаго суда въ указанномъ отношеніи еще болѣе, подчиненіемъ ему и нѣко-

---

можности, тѣмъ болѣе, что правительство уже сознавало тогда необходимость общаго преобразованія въ судебной части".. (Н. Семеновъ—„Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II", томъ I, часть I-ая, стр 3) Обычный, домашній судъ оставлялся, слѣдовательно, крестьянамъ, всетаки, лишь временно, впредь до общаго переустройства судебной части Но къ сожалѣнію, увлеченіе обычнымъ правомъ (можно вполнѣ употребить это выраженіе) какъ разъ совпало съ временемъ постановки на очередь преобразованія волостного суда. Это было въ семидесятыхъ годахъ, когда вышли „Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ". Существо явившагося тогда настроенія, до сихъ поръ тяготѣющаго надъ крестьянскими вопросами, можетъ быть вѣрно выражено словами С. И Заруднаго, находящимися въ выпущенной имъ вскорѣ же книжкѣ—„Законы и жизнь. Итоги изслѣдованія крестьянскихъ судовъ" (88). „По истинѣ—говорилъ онъ—можно выразить ту мысль, что легче было бы составить проектъ преобразованія даже кассаціоннаго сената, чѣмъ мѣстнаго суда, затрагивающаго всѣ струны народной жизни. Тамъ есть указанія науки, опытъ другихъ странъ, образцовые кодексы, наконецъ, ученые судьи; здѣсь же—одна ширь да гладь, въ которой никого и ничего не видно". Что же должно было послѣдовать съ волостнымъ судомъ, коль скоро для его преобразованія оказались неимѣющими никакого значенія—наука, опытъ другихъ странъ, ученые судьи? Конечно, онъ долженъ былъ остаться безъ преобразованія,—его оставалось предоставить собственной „шири" и „глади", въ которыхъ „никого и ничего не видно"... Такъ это и произошло. Были сдѣланы возраженія противъ примѣненія научныхъ понятій, пріемовъ, системы даже къ разработкѣ обычаевъ, собранныхъ комиссіей. Такимъ образомъ, г-жа Ефименко высказала въ статьѣ своей „Трудовое начало въ обычномъ правѣ" (сборникъ „Изслѣдованія народной жизни", 171), по поводу извѣстнаго труда С. В Пахмана „Намъ представляется очень неудобнымъ, когда къ обычному праву подходятъ, какъ сдѣлалъ это г. Пахманъ, съ научными юридическими нормами, извлеченными изъ фактовъ права культурнаго. Всякая попытка систематизировать народное право по нормамъ юридической теоріи—есть самое неблагодарное дѣло.. Намъ кажется, что еще рано систематизировать обычное право".. Вотъ даже гдѣ—въ области ученой разработки—слѣдовало „охранять" обычай отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній. – Слова Заруднаго повторяетъ въ новѣйшее время г. Леонтьевъ („Журналъ Спб Юридическаго Общества" № 1, 1895 г.,—статья „Желательная организація народнаго суда"). Между тѣмъ, задача устройства народнаго суда превосходно выполнена въ видѣ волостного судебнаго устава для Прибалтійскихъ губерній 9 іюля 1889 г. И какимъ путемъ? Путемъ обращенія, вмѣсто „шири и глади, въ которой ничего и никого не видно",—къ наукѣ, и ея указаніямъ,—къ наукѣ, которая только и заключаетъ въ себѣ данныя для устройства судебной части для крестьянъ, какъ и лицъ прочихъ мословій, иетъ ли рѣчь о верховномъ судилищѣ или о простѣйшемъ сельскомъ судѣ..

торыхъ лицъ не-крестьянскаго сословія, и создавшее крестьянскому суду положеніе между двумя формами права еще менѣе удобное) Наконецъ, при томъ значеніи, которое было придано обычаямъ, не оказалось особой надобности *въ ознакомленіи крестьянъ съ законами,*—что было бы необходимо связано съ опредѣленіемъ закономъ юридическаго положенія крестьянъ и что, конечно, имѣло бы большое значеніе для подъема *общаго правосознанія* въ странѣ. ¨) Дѣло и, такъ

---

x) Конечно, основною и важнѣйшею причиною неудачнаго преобразованія волостного суда, послѣдовавшаго въ новѣйшее время, послужило то, что реформа 12 іюля 1889 г. вообще не стремилась утвердить на законѣ управленіе крестьянскими дѣлами, не имѣла въ виду упроченія юридическаго положенія крестьянъ Но несомнѣнно также, и логически связано съ этимъ ея началомъ, отрицательное отношеніе этой реформы къ теоріи, доктринѣ, наукѣ, съ одной стороны, и благопріятное отношеніе къ обычаю, къ старому порядку вещей—съ другой стороны Съ тѣмъ же вмѣстѣ несомнѣнно и то, что нѣкоторыя начала „обычнаго права", поскольку они установлены, получили непосредственное выраженіе во временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ въ губерніяхъ съ земскими начальниками. Такъ, въ нихъ смѣшанъ процессъ уголовный съ гражданскимъ; допущено наказаніе за нарушеніе гражданскаго договора (наказаніе рабочаго, нанятаго безъ договорнаго листа и неявившагося на работу или самовольно оставившаго хозяина, безъ отработки забранныхъ впередъ денегъ); сокращено представительство; установлена широкая подсудность волостному суду крестьянскихъ наслѣдственныхъ дѣлъ; предоставлено налагать нѣсколько наказаній за одно и то же преступленіе; установлено довольно широкое примѣненіе тѣлеснаго наказанія, и т. п. Съ другой стороны, временными правилами исключены изъ подсудности волостному суду дѣла о лѣсопорубкахъ, вѣроятно, потому, что нѣкоторые изслѣдователи народныхъ обычаевъ приписали крестьянамъ воззрѣніе на чужой лѣсъ, какъ на свою собственность и тѣмъ какъ бы сдѣлали крестьянъ неспособными рѣшать надлежащимъ образомъ подобныя дѣла (хотя нужно замѣтить, новѣйшій изслѣдователь обычнаго уголовнаго права, проф. Духовской, снимаетъ съ крестьянъ это нареканіе: „Имуществен. проступки", 283).

**) Въ апрѣльской книжкѣ „Русскаго Богатства" за 1894 г.,—въ статьѣ, вошедшей потомъ въ составъ книги „Юридическое положеніе крестьянъ", мы показали, какъ велика юридическая безпомощность крестьянъ, равно указали ея коренныя причины и намѣтили нѣкоторыя средства къ устраненію. Говорилось, между прочимъ, о желательности образованія въ каждомъ періодическомъ изданіи отдѣла „отвѣтовъ редакціи" на юридическіе запросы народа. Довольно многочисленныя замѣчанія, сдѣланныя по поводу нашей статьи, обнаружили, съ одной стороны, общее признаніе юридической безпомощности крестьянъ, съ другой же, не менѣе широкое убѣжденіе въ томъ, что крестьянамъ, дѣйствительно, нужно помочь въ этомъ отношеніи .. Нетрудно видѣть, однако, что на пути удовлетворенія указанной потребности крестьянъ обычай стоитъ нынѣ преградою почти неодоли-

сказать, внѣшней юридической помощи крестьянамъ оказалось, отчасти по той же причинѣ, крайне затруднительнымъ,—въ то время, какъ нужда въ этой помощи стала подавляющею.

Таковы неизбѣжныя логическія и практическія послѣдствія допущенія дѣйствія обычая на крестьянскія отношенія. Какъ видно, на обычное право возложено очень много... Можно было бы подумать, что оно извѣстно во всѣхъ подробностяхъ, изслѣдовано со всѣхъ сторонъ. На дѣлѣ же, какъ мы знаемъ, не оказывается ничего подобнаго. Такимъ образомъ, не установлено въ точности даже то, что слѣдуетъ принимать въ качествѣ источника познанія обычнаго права. Очень часто высказывалось сомнѣніе, можетъ ли служить такимъ источникомъ дѣятельность волостного суда, вѣрно ли отражаются народныя юридическія воззрѣнія въ его приговорахъ и рѣшеніяхъ... Выражалось иногда отрицательное мнѣніе.... И если, въ концѣ концовъ, рѣшенія и приговоры волостныхъ судовъ, собранные комиссіею по преобразованію этихъ судовъ, признаны были источникомъ свѣдѣній объ обычномъ правѣ, то, можно сказать, лишь по отсутствію другихъ источниковъ. По крайней мѣрѣ, уже послѣ того, какъ вышли матеріалы упомянутой комиссіи, Н. В. Калачевъ, въ 1875 г.,

---

мою. Какъ разъяснять крестьянамъ законы, когда очень часто является вопросъ, не должны ли разсматриваемыя отношенія разрѣшаться по обычаю,—когда цѣлыя обширныя области законодательства объявляются непримѣнимыми къ крестьянамъ? Какъ, съ другой стороны, объяснять крестьянамъ ихъ обычаи, когда они предполагаются „хорошо“ извѣстными, и не собираются и не кодифицируются? И вотъ, „Сельскій Вѣстникъ“, на запросы крестьянъ, какъ поступить въ томъ или иномъ случаѣ, обнаруживающіе подчасъ глубокое трагическое положеніе дѣйствующихъ лицъ, полную неопредѣленность ихъ положенія,—очень часто отвѣчаетъ, что „крестьянамъ предоставлено въ этомъ отношеніи руководствоваться мѣстными своими обычаями“, или что объ этомъ нужно спросить у земскаго начальника Подобные же отвѣты, очевидно, должны ставить вопрошающихъ въ безвыходное положеніе, такъ какъ потому, то, конечно, они и обращались въ редакцію, что обычаи, предполагающіеся существующими и „хорошо извѣстными“ крестьянамъ, не разрѣшили ихъ затрудненій. Понятно, далѣе, что неопредѣленное значеніе законовъ для крестьянъ и возможность частаго обращенія къ обычаямъ затрудняютъ ознакомленіе образованнаго общества съ крестьянскими правами, а тѣмъ самымъ лишаютъ его возможности оказывать юридическую помощь крестьянамъ и предоставляютъ въ этомъ отношеніи особыя передъ нимъ преимущества деревенской адвокатурѣ, весьма неудовлетворительной по своему составу. Тѣ-же причины затрудняютъ, наконецъ, не только популяризацію крестьянскаго права, но и дѣло выпуска крестьянскихъ законовъ въ частныхъ дешевыхъ изданіяхъ..

говорилъ, что и теперь обычаи, управляющіе крестьянскимъ бытомъ, „мало извѣстны, или, лучше сказать, вовсе неизвѣстны"; что и упомянутые матеріалы собирались „весьма часто такъ, что нельзя пользоваться ими иначе, какъ съ самою осторожною критикою..." На этомъ основано и его предложеніе, сдѣланное въ съѣздѣ юристовъ: „собрать всѣ обычаи, которые могутъ быть названы юридическими, записать ихъ и комментировать, то-есть, обставить тѣми соображеніями, которыя оправдываютъ ихъ и разъясняютъ." До сихъ поръ, однако, этого не сдѣлано, и не выяснены даже тѣ отношенія, на которыя могутъ дѣйствовать обычаи, и тѣ условія, которыя должны быть соблюдены для того, чтобы обычай получилъ существеннѣйшій признакъ юридическаго значенія. *) Отсюда нерѣдко возбуждаются даже сомнѣнія въ самомъ существованіи *юридическихъ обычаевъ*... Тѣмъ естественнѣе выражающіяся также сомнѣнія въ существованіи въ народѣ *ясно сознанныхъ обобщенныхъ правовыхъ нормъ*...

Приведемъ нѣкоторыя заявленія, сдѣланныя по этому поводу: „Напасть на слѣдъ какого-либо юридическаго обычая въ чистомъ и сжатомъ значеніи этого термина—намъ ни разу не приходилось — говоритъ г. Обнинскій. — Юридическій обычай представляется намъ тѣмъ привидѣніемъ, которое кому то являлось, но котораго сами мы никогда не видали, о которомъ суевѣрные люди говорятъ очень много, очень доказательно, но въ которое всетаки отъ этого не вѣрится человѣку, суевѣріемъ еще нетронутому..." **)—Начальникъ одной

*) Калачевъ обставилъ, впрочемъ, предложенное имъ изслѣдованіе такими условіями, что трудно представить себѣ, кто бы могъ осмѣлиться оцѣнивать народные обычаи.. „Съ точки зрѣнія человѣка образованнаго, то есть, незнающаго крестьянскаго быта, и юриста, то есть, лица, знакомаго съ одними законами, говорилъ онъ („Первый съѣздъ русскихъ юристовъ", 125), рѣшенія волостныхъ судовъ должны казаться весьма часто не только несправедливыми, но и абсурдными... Вотъ, напримѣръ, рѣшеніе, постановленное, очевидно, послѣ обильной попойки (волостные судьи,—объясняетъ онъ, доказывая, что ему знакомъ крестьянскій бытъ,—какъ извѣстно, большею частью, вслѣдъ за произнесеніемъ своихъ рѣшеній, угощаются стороною оправданною, и даже обѣими, но иногда та и другая сторона ухитряются и до суда задобрить виномъ кого слѣдуетъ) Вотъ другое рѣшеніе, записанное такъ коротко, что даже не ясно, приговоренъ ли подсудимый къ наказанію за извѣстное дѣйствіе или только потому, что на него принесена извѣстная жалоба... А есть и такія рѣшенія, изъ коихъ даже очевидно, что никакого розысканія или даже спроса по жалобѣ произведено не было"...

**) № 2 „Журнала Гражд. и Уголовн. Права" за 1892 г.

изъ приволжскихъ губерній—сообщаетъ г. Д. Л. въ № 12 „Жур. Гр. и Угол. Пр." за 1893 г.—желая ознакомиться съ существующими въ его губерніи обычаями, затребовалъ отъ волостныхъ правленій губерніи свѣдѣнія о томъ, какіе обычаи, опредѣляющіе правовыя отношенія крестьянъ, существуютъ въ каждой волости, и на это отъ всѣхъ волостныхъ правленій получилъ отвѣтъ, что у нихъ *никакихъ обычаевъ не существуетъ,—и что крестьяне на сходкахъ высказывались, что они желаютъ судиться по законамъ, а не по обычаямъ ..*" *„Ни разу* втеченіе моей 25-лѣтней дѣятельности и, въ особенности, съ введеніемъ временныхъ правилъ о волостномъ судѣ 12 іюля 1889 г., не приходилось слышать отъ крестьянъ просьбы о разборѣ дѣла „по обычаю", самое слово, которое для нихъ и для ихъ судей въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ непонятно—говоритъ г. Путиловъ.)—Обыкновенно всѣ просьбы, какъ письменныя, такъ и словесныя, подаваемыя крестьянами въ волостные суды, и жалобы на рѣшенія этихъ судовъ оканчиваются ходатайствами о рѣшеніи дѣла „по закону" и лишь изрѣдка за все время службы моей въ учрежденіяхъ, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г., раза два не болѣе, приходилось встрѣчаться съ просьбами, въ которыхъ заявлялось ходатайство о разборѣ дѣла „по обычаю", причемъ эти просьбы предъявлялись не самими крестьянами, а ихъ повѣренными, въ интересахъ которыхъ разрѣшеніе дѣла по закону было невыгодно. Ходатайство о разборѣ дѣла „по закону", совершенное непримѣненіе обычая волостными судами тѣхъ уѣздовъ, съ которыми мнѣ приходилось ознакомиться, полнѣйшее непониманіе судьями даже самаго этого слова и неоднократныя заявленія ихъ при личныхъ бесѣдахъ о неимѣніи обычаевъ—указываютъ, что между крестьянами, подчиненными волостному суду, обычныхъ правовыхъ воззрѣній и понятій не существуетъ"—замѣчаетъ г. Путиловъ.—Весьма любопытныя замѣчанія сдѣлалъ по этому предмету г. Ефимовъ, въ статьѣ „Волостной судъ въ виду предстоящей реформы мѣстной юстиціи", напечатанной въ августовской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1896 г., стр. 589. *„Ни въ одномъ изъ рѣшеній*—говоритъ этотъ мѣстный судебный дѣятель—мы не встрѣтили ссылки на какой-либо ясно-формулированный обычай. Что же касается до выраженія „руководствуясь

*) № 7 „Журнала Юридическаго Общества" за 1895 г, статья „Замѣтки о временныхъ правилахъ о вол судѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ введены зем. начальники", стр. 67.

мѣстнымъ обычаемъ", то оно встрѣчается, по преимуществу, въ тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя представлялись явно-незаконными; случалось, что различное разрѣшеніе тождественнаго спора сосѣдними волостными судами, а иногда и однимъ и тѣмъ же судомъ, но въ разное время, одинаково опиралось на мѣстный обычай, причемъ, возражая противъ правильности рѣшенія приводили доказательства разрѣшенія судомъ такого же спора въ совершенно противномъ смыслѣ Не было ни одного случая, когда бы кто-нибудь изъ тяжущихся сослался на какой нибудь обычай, или же чтобы, по поводу заявленія аппеллятора объ отсутствіи обычая, противная сторона настаивала на существованіи обычая... Обыкновенно, по поводу выраженія: „руководствуясь мѣстнымъ обычаемъ", въ жалобахъ заявлялось, что ссылка на обычай есть выдумка волостного писаря. Требованія тяжущихся всегда сводились къ тому, чтобы споръ былъ разрѣшенъ по закону, который тяжущіеся, очевидно, противополагали произволу волостного суда."—Въ этомъ же смыслѣ сдѣланы были замѣчанія г г.: Н. Хараб., въ № 14 „Юридической Газеты" за 1896 г.; волостнымъ писаремъ г. Космынинымъ, въ № 81 „Биржевыхъ Вѣдомостей" за 1898 г.; „уѣзднымъ членомъ окружнаго суда", въ № 7 „Юрид. Газ." за 1896 г. Упомянувъ о законѣ, совѣсти и обычаяхъ, какъ основаніяхъ для рѣшеній волостного суда, послѣдній авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Остается обычай. Но гдѣ же онъ, гдѣ его искать? Мы должны признаться, что неоднократно, въ своей практикѣ, принимались за поиски, но пришли къ сознанію своей неудачи и почти убѣдились въ томъ, что обычаевъ, въ смыслѣ установившихся искони юридическихъ правоотношеній и нормъ, въ средѣ крестьянъ не существуетъ... Грустно, но необходимо сознаться—говоритъ въ заключеніе практикъ-юристъ—что отсутствіе закона, неуловимость совѣсти и шаткость обычаевъ, въ концѣ концовъ, полагаютъ въ основаніе рѣшеній волостного суда одинъ произволъ..." Мы можемъ съ полною категоричностью заявить—говоритъ г. Леонтьевъ *),—что въ народѣ нашемъ *сознанныхъ и обобщенныхъ правовыхъ нормъ не имѣется*.. Обычный отвѣтъ крестьянъ на вопросъ, чѣмъ они руководствуются въ судебныхъ, рѣшеніяхъ: рѣшаютъ „смотря по обстоятельствамъ", „глядя по человѣку..." Развѣ же такой отвѣтъ не указыва-

*) № 11 „Русскаго Богатства" за 1894 г., статья „Въ поискахъ за обычнымъ правомъ".

етъ на отсутствіе сознанія права вообще—все равно, обычнаго или не обычнаго?". На вопросы членовъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, крестьяне еще въ семидесятыхъ годахъ, большею частью, какъ указываетъ С. В. Пахманъ, отвѣчали: „мѣстныхъ обычаевъ мы не знаемъ;" „никакихъ обычаевъ у насъ нѣтъ"; „дѣлъ по обычаямъ мы не рѣшаемъ"; „особыхъ обычаевъ при обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ не соблюдается"; „мѣстныхъ обычаевъ почти не существуетъ" и т. п.) Въ то время, однако, подобные отвѣты крестьянъ объяснены были „недоразумѣніемъ..." Но—трудно уже дать такое объясненіе замѣчаніямъ г.г. Обнинскаго, Путилова, Ефимова, уѣзднаго члена или неудачной попыткѣ приволжскаго губернатора...

Обращаясь въ частности и, въ особенности, къ обычаямъ, относящимся къ гражданскому праву, которое—предполагается многими—дѣйствуетъ исключительно на крестьянскія отношенія,—видимъ слѣдующее:

Относительно обычаевъ по опекѣ, въ самыхъ редакціонныхъ комиссіяхъ было заявлено, напримѣръ, членомъ черниговскаго комитета, г. Марковичемъ, что въ черниговской губерніи „особыхъ опекунскихъ обычаевъ не существуетъ, и о малолѣтнихъ крестьянахъ всегда заботились ихъ помѣщики" („Матеріалы", ч. XII, изд. I, возраженія юридическаго отдѣленія на доклады по отзывамъ членовъ губ. комитетовъ, 22). Никѣмъ и ничѣмъ не было доказано, чтобы существовали какіе-либо опредѣленные обычаи по настоящему предмету въ другихъ губерніяхъ. Юридическое отдѣленіе само замѣтило, что—„по невозможности имѣть положительныя свѣдѣнія о сихъ обычаяхъ, нельзя судить, достаточно ли охраняютъ они права лицъ, подлежащихъ опекѣ..." („Матеріалы", т. II, кн. I, изд. II, стр. 27). Тѣмъ не менѣе, опекунское дѣло всюду предоставлено было въ значительной степени дѣйствію обычая, и—печальное положеніе его, составляющее въ настоящее время общее мѣсто,—несомнѣнно, находитъ здѣсь извѣстное объясненіе. **)

*) „Обычное гражданское право въ Россіи", т. I, стр. 390).

**) Весьма яркія и характерныя указанія, подтверждающія наше замѣчаніе, и даетъ „Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законовъ о крестьянахъ": Такъ, относительно тобольской губерніи говорится здѣсь, что—„мѣстный обычай (какъ извѣстная юридическая норма) совершенно отсутствуетъ въ дѣлахъ о опекахъ" (т. IV, 59).—„Крайне разнообразное выполненіе сельскими обществами возложенной на нихъ обязан-

Далѣе, ссылка закона о преслѣдованіи ростовщичества на мѣстные обычаи (см. глава отдѣленія второго—„Обычное гражданское право“) какъ бы узаконила недостойные того обычаи и, можно положительно сказать, парализовала самый этотъ законъ... Какъ мы указывали, уголовная санкція этого закона не распространяется на такія кредитныя сдѣлки, по которымъ хотя и взимается чрезмѣрный процентъ, но которыя не выступаютъ, однако, въ этомъ отношеніи, изъ предѣловъ, устанавливаемыхъ „мѣстными обычаями“. Но ростовщичество есть само по себѣ явленіе „обычнаго права“. Не забудемъ того, что, въ свое время, оно приводило крестьянъ къ юридическому рабству, основывавшемуся на обычаѣ,—при молчаніи со стороны закона и при слабости государственной власти. И въ настоящее время оно представляется особенно развитымъ среди крестьянскаго населенія. Послѣднее подвергается страшной

ности по дѣламъ объ опекахъ, обусловливаемое отсутствіемъ точныхъ и подробныхъ по этому предмету узаконеній, а также мѣстныхъ обычаевъ, особенно въ тѣхъ владѣльческихъ помѣстьяхъ, гдѣ попеченіе о личности и имуществѣ малолѣтнихъ сиротъ до освобожденія крестьянъ исключительно зависѣло отъ помѣщиковъ безъ участія міра, —давно подмѣчено минскимъ губернскимъ присутствіемъ“ (составившимъ, поэтому, приводимую въ „Сводѣ“ инструкцію опекунамъ, вмѣсто закона. Томъ II, 215).—„Можно почти безошибочно сказать, что до настоящаго времени у крестьянъ опеки въ настоящемъ смыслѣ не существовало,—и они и теперь еще не уясняютъ себѣ вполнѣ ея значеніе“,—говорится о псковской губерніи [томъ II, 336].—„Опека надъ сиротами, какъ необходимый институтъ гражданской жизни, до сихъ поръ еще не вошелъ въ сознаніе народа, и очень часто, какъ это обнаруживается при ревизіяхъ, совершенно игнорируется. Встрѣчаются волости, въ которыхъ за нѣсколько лѣтъ не было установлено ни одного опекунскаго управленія“,—говорится о саратовской губерніи (т. II, 346).—„Множество сиротъ остаются безпріютными и нищими не только тогда, когда у нихъ нѣтъ никакого имущества, но и тогда, когда имущество остается, ибо это послѣднее, нерѣдко, благодаря отсутствію всякой охраны, расхищается“,—приводятся данныя о смоленской губерніи (т. II, 351).—виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ, въ своемъ заключеніи, указываетъ на многочисленныя злоупотребленія опекуновъ, легко, по его словамъ, покрываемыя сельскими сходами,—„имѣющими всегда законную возможность сослаться на мѣстные обычаи, трудно поддающіеся точному опредѣленію, а потому, трудно поддающіеся и контролю“ (т. IV, 8). Всѣ же эти замѣчанія, касающіяся отдѣльныхъ губерній, подтверждаются общимъ замѣчаніемъ, дѣлаемымъ Е. И. Якушкинымъ во второмъ выпускѣ его „Обычнаго права“ (предисловіе, XXIV): „Вслѣдствіе отсутствія твердыхъ обычаевъ, относящихся къ опекѣ, говоритъ онъ, она бываетъ, большею частію, весьма неудовлетворительна“.

эксплуатаціи... Стоитъ припомнить картины, рисуемыя г. Сазоновымъ („Неотчуждаемость крестьянскихъ земель“ и „Ростовщичество-кулачество“). Мѣра роста, установляемая „мѣстными обычаями“, такъ высока, что трудно, кажется, ее перейти .. Это явствуетъ изъ разсужденій государственнаго совѣта, на которыхъ основано настоящее изъятіе въ пользу „мѣстныхъ обычаевъ“. *) Закону и надлежало установить точный предѣлъ роста отъ себя. Въ этомъ заключалось существо предстоявшей ему задачи. Коль скоро же этого сдѣлано не было,—то законъ неизбѣжно утрачиваетъ свое значеніе.

Наконецъ, относительно обычая по наслѣдованію даже трудно представить себѣ какой-нибудь порядокъ, какую-ни-

---

*) Приведемъ эти разсужденія, рисующія, кстати, „мѣстные обычаи“ и объясняющія, почему законъ остается мертвою буквою „Изъ правила о точномъ опредѣленіи цифры дозволенныхъ процентовъ,— разсуждалъ именно Государственный Совѣтъ („Законъ о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій, съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ онъ основанъ“, 9)—нельзя не сдѣлать исключенія по отношенію къ ссудамъ, совершаемымъ въ средѣ сельскаго населенія не деньгами, а хлѣбомъ или другими продуктами Обычныя условія такихъ ссудъ, по самому ихъ характеру, не поддаются процентному исчисленію, или допускаютъ его лишь съ большими трудностями. Если бы даже такое исчисленіе и было сдѣлано,—высокій процентъ роста, въ силу особенностей сельской жизни, оказался бы наименѣе пригоднымъ признакомъ для опредѣленія ростовщичества Нерѣдко своевременная ссуда, хотя бы и за большіе проценты, составляетъ для сельскаго обывателя не притѣсненіе, а напротивъ, помощь и благодѣяніе. Такъ, напримѣръ, весною, послѣ неурожайнаго года, крестьянинъ сочтетъ себя вырученнымъ изъ бѣды своимъ односельцемъ, который дастъ ему сѣмянъ на обсѣмененіе поля, съ обязательствомъ возвратить ихъ даже въ двойномъ количествѣ, причемъ, быть можетъ, въ свою очередь, заимодавецъ окажется ко времени расплаты въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ выведенный имъ изъ затрудненія должникъ его. ъ другой стороны, мѣстный землевладѣлецъ, ссужающій крестьянъ деньгами или продуктами, подъ условіемъ уплаты долга работою, въ цѣнность которой входитъ весьма высокій процентъ на капиталъ,—часто является отнюдь не утѣснителемъ заемщиковъ, а сосѣдомъ, спасающимъ ихъ отъ разоренія. Приведенные и подобные случаи, обусловленные особенностями деревенской жизни, конечно, ничего общаго съ ростовщичествомъ не имѣютъ . Но наряду съ такими обычными явленіями, существуетъ гнетъ настоящихъ злонамѣренныхъ ростовщиковъ, которые обратили ростовщичество въ промыселъ Противъ нихъ только и должно быть направлено уголовное преслѣдованіе“... Отсюда . „основаніями для наказуемости ростовщичества должны служить—крайняя, несоотвѣтствующая мѣстнымъ обычаямъ обременительность условій ссуды для должника и выразившееся въ дѣйствіяхъ заимодавца злонамѣренное пользованіе тягостнымъ положеніемъ заемщика“.

будь систему. Не только крестьянское имущество, но и сами крестьяне лично принадлежали помѣщикамъ, составляли какъ бы ихъ „собственность“. Помѣщики попирали несравненно болѣе существенныя права крестьянъ, нежели права имущественныя. Никакихъ имущественныхъ правъ, можно сказать, не имѣли крѣпостные крестьяне въ отношеніяхъ къ помѣщикамъ и при жизни. Какія же права посмертныхъ распоряженій объ имуществѣ могли они имѣть? Какія имущественныя права могли имѣть крестьяне малолѣтніе и несовершеннолѣтніе? Въ Западной Европѣ, при существовании крѣпостной зависимости, помѣщики имѣли родъ права наслѣдованія въ имуществѣ крестьянъ (Семевскій—„Крестьяне при Екатеринѣ II“, 295). То же самое существовало у насъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Поэтому, именно въ видахъ отмѣны соотвѣтствующихъ обычаевъ, ст. 54 Положенія о крестьянахъ лифляндской губерніи, при переходѣ земельнаго участка въ собственность члена крестьянскаго общества изъ владѣнія помѣщика-продавца, положительно воспрещала „предоставленіе сему послѣднему права обратнаго пріобрѣтенія (Wiede ranfall Recht) или какого-либо права на случай смерти (Mortuarium), по силѣ коего, при наслѣдовании участка, имѣетъ быть взимаема особая дань, или, за неоставленіемъ умершимъ собственникомъ законныхъ наслѣдниковъ, участокъ его возвращается продавцу.“ Наслѣдованіе помѣщиковъ въ имуществѣ крестьянъ или обычаи захвата „по праву сильнаго“—могли, конечно, существовать и во внутреннихъ губерніяхъ, въ виду общности условій. Такимъ образомъ, г Семевскій передаетъ разсказъ о бывшемъ крестьянинѣ гр. Шереметьева Сеземовѣ, завѣщаннаго которымъ имущества родственники долго не могли добиться отъ графа, и даже неизвѣстно, добились ли, наконецъ („Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, т. I, 174). Другіе такіе же случаи—присвоеніе опекунами одного изъ молодыхъ графовъ Шереметьевыхъ всѣхъ населенныхъ имѣній, пріобрѣтенныхъ на имя господина его крѣпостными, и присвоеніе гр. Шереметьевымъ ста пятидесяти тысячъ рублей, оставшихся въ ломбардѣ послѣ одного изъ его крѣпостныхъ,—передаетъ, по его словамъ, Н. Тургеневъ въ сочиненіи своемъ „La Russie et les Russes“. Подобныхъ случаевъ, конечно, могло быть очень много, въ особенности, со стороны мелкихъ помѣщиковъ. Какіе же могли тутъ образовываться обычаи?

Очевидно, что крестьяне подпадали крайней неопредѣленности съ этимъ правомъ руководствоваться обычаями въ по-

рядкѣ наслѣдованія, предоставленномъ имъ 19 февраля 1861 г. Неопредѣленность же эта могла сказаться немедленно послѣ освобожденія. Такъ, наслѣдники послѣ крестьянъ могли предъявлять къ помѣщикамъ иски о недвижимыхъ имуществахъ, пріобрѣтенныхъ ихъ наслѣдотелями на имя помѣщиковъ. Но при неопредѣленности и даже отсутствіи обычаевъ, кто могъ выступить тутъ со своими притязаніями? Не представлялись ли непреодолимыя затрудненія для предъявленія какихъ-либо правъ при такихъ условіяхъ? Самому помѣщику было, конечно, гораздо легче и объявить себя „наслѣдникомъ“, и доказать свои „наслѣдственныя“ права... А что наслѣдственные обычаи крѣпостныхъ крестьянъ были неразвиты—доказываетъ послѣдующее время. Казалось бы, послѣ освобожденія, начала наслѣдственныхъ обычаевъ, получивъ полную возможность примѣненія, могли бы развиться въ стройную и опредѣленную систему. Тѣмъ не менѣе, разрабатывая матеріалъ, собранный комиссіею по преобразованію волостныхъ судовъ и относящійся къ семидесятымъ годамъ, Пахманъ („Обычное гражданское право въ Россіи“) и Мухинъ („Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ“)—затрудняются дѣлать опредѣленные выводы относительно наслѣдственнаго права крестьянъ. Нѣкоторыя осторожныя попытки, однако же, они предлагаютъ въ этомъ смыслѣ. Но при этомъ они, по обыкновенію, говорятъ безразлично о крестьянахъ бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ государственныхъ. Смѣшивать же тѣхъ и другихъ отнюдь невозможно. Одни всегда пользовались свободою и жили самостоятельною жизнью, другіе же были освобождены только за десять лѣтъ передъ тѣмъ, какъ стали собираться матеріалы, дающіе основанія для извѣстныхъ заключеній названнымъ изслѣдователямъ. Конечно, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ и могли образоваться опредѣленные, сообразные съ ихъ бытомъ, обычаи въ настоящемъ отношеніи. Весьма вѣроятно даже, что именно и только матеріалы, относящіеся до бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и помогли Пахману и Мухину предложить свои осторожныя попытки начертанія обычнаго порядка наслѣдованія у крестьянъ, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ обычаевъ. Этимъ же, надо полагать, объясняется и тотъ секретъ, что Оршанскій, сознавшись, что „крѣпостное право, повидимому, вытѣснило также всѣ обычаи, относящіеся къ наслѣдству“ („Изслѣдованія по русскому праву“, 157), находитъ возможнымъ давать довольно смѣлыя, по принятому имъ пріему, заключенія о наслѣдствен-

номъ правѣ крестьянъ... Во всякомъ случаѣ, упомянутое объясненіе можно положительно дать относительно г-жи Ефименко. Ея изслѣдованія по обычному праву относятся къ архангельской губ. По исчисленіямъ же г. Тройницкаго, здѣсь, по 10-й народной переписи, произведенной въ 1858 г., считалось всего 6 человѣкъ дворовыхъ мужчинъ и 14 дворовыхъ женщинъ, а всего 20 человѣкъ дворовыхъ, и ни одного крестьянина („Крѣпостное населеніе Россіи по десятой народной переписи", 26). Въ новѣйшее время указанія на наслѣдственныя права даетъ „Харьковскій Сборникъ", 1893 г. Указанія эти дѣлаются по разнымъ деревнямъ отдѣльно. При этомъ, хотя приводимая здѣсь же программа для собиранія свѣдѣній объ обычаяхъ предписываетъ изслѣдователямъ указывать въ точности разрядъ крестьянъ, среди котораго записываются данные обычаи,— тѣмъ не менѣе, въ самыхъ матеріалахъ, собранныхъ по этой программѣ, по обыкновенію, не поясняется вовсе, о какихъ крестьянахъ идетъ рѣчь въ каждомъ данномъ случаѣ, о бывшихъ помѣщичьихъ или о бывшихъ государственныхъ. Оттого приходится пользоваться косвенными данными для выясненія этого столь важнаго обстоятельства. Приэтомъ оказывается, что особенно часто упоминаемая слобода Дергачи (какъ видно по стр. 22 статьи г. Иванова „Современная деревня", помѣщенной въ томъ же „Сборникѣ"), равно слобода Большіе Проходы (какъ видно по стр. 20 той же статьи) и слобода Липцы (какъ можно заключить по упоминанію относительно ея о „добросовѣстныхъ",—а такъ назывались судьи, члены сельскихъ расправъ, (существовавшихъ среди государственныхъ крестьянъ), населены бывшими государственными крестьянами. Можно даже усмотрѣть почти полное тождество излагаемыхъ здѣсь обычаевъ касательно наслѣдственныхъ правъ крестьянскихъ вдовъ съ дѣйствовавшими прежде относительно государственныхъ крестьянъ законами (ст. 165, т. XII, ч. 2, устава о благоустр. въ казенныхъ селеніяхъ, изд. 1857 г.). Обычаи являются какъ-бы воспроизведеніемъ закона, въ видѣ нѣкоторыхъ „переживаній" (survivals). Вслѣдствіе неблагопріятности условій для образованія наслѣдственныхъ обычаевъ, опредѣленную систему по матеріаламъ „Харьковскаго Сборника" установить, во всякомъ случаѣ, невозможно. Относительно обычаевъ, здѣсь помѣщенныхъ и собранныхъ членами харьковскаго уѣзднаго съѣзда, обнаруживается еще слѣдующее обстоятельство, указываемое въ хроникѣ № 59 „Юридической Газеты" за 1894 г., со словъ „Харьковскихъ Губ. Вѣдом.":

„Способъ собиранія обычаевъ состоитъ въ томъ, что съѣздъ, признавъ необходимымъ при разрѣшеніи какого-либо гражданскаго дѣла справиться съ существующимъ обычнымъ правомъ крестьянъ по затронутому дѣломъ вопросу, поручаетъ сдѣлать это мѣстному земскому начальнику, который обязанъ спросить объ обычаѣ мѣстный сельскій сходъ. Но дѣло въ томъ, что тяжущимся уже на съѣздѣ объявляется о томъ, что земскому начальнику поручается установить по ихъ дѣлу мѣстный обычай, и вотъ, и истецъ и отвѣтчикъ, задолго до пріѣзда земскаго начальника, начинаютъ просить своихъ родственниковъ и знакомыхъ (а у каждаго изъ нихъ тѣхъ и другихъ, по крайней мѣрѣ, полъ-деревни), чтобы они на сходѣ показали „въ пользу“ того или другого. И вотъ, когда земскій начальникъ спрашиваетъ сельскій сходъ о томъ, какой у нихъ существуетъ по извѣстному правоотношенію обычай, то сходъ раздѣляется обыкновенно на двѣ партіи, и каждая изъ нихъ преподноситъ земскому начальнику свой „обычай“. Изумленному земскому начальнику приходится констатировать, что въ селѣ по одному и тому же вопросу существуютъ два діаметрально противоположныхъ, исключающихъ другъ друга, обычая. Все это земскій начальникъ добросовѣстно заноситъ въ протоколъ и предоставляетъ уже самому съѣзду признать, по своему вкусу, одинъ изъ этихъ обычаевъ истиннымъ...“

Въ упомянутой уже интересной статьѣ, „Въ поискахъ за обычнымъ правомъ“, г. Леонтьевъ констатируетъ, въ свою очередь, почти полную невозможность установленія и выясненія обычаевъ въ самарской губерніи. Въ настоящее же время передъ пишущимъ настоящія строки, въ ярославской губерніи, разыгрывается слѣдующее: Умираетъ девяностолѣтній старикъ-нищій крестьянинъ-собственникъ, бывшій государственный, оставляя девяностолѣтнюю же старуху-жену, больную, неспособную не только снискивать трудомъ пропитаніе, но даже и ходить „по міру“. Послѣ умершаго оказывается, вдругъ, книжка сберегательной кассы на 170 руб. Несчастный, промышлявшій самой жалкой торговлей (ходилъ съ маленькимъ коробкомъ, продавая спички, тесемочки, иголки, булавки, крестики) или, лучше, подъ видомъ торговли, собиравшій милостыню,—очевидно, берегъ эти деньги на то время, когда не будетъ уже въ силахъ и ходить. (Умеръ, однако, сразу, простудившись во время одного изъ обходовъ своего околотка). И—вотъ, на наслѣдство предъявляютъ права—жена и племянница... Кто выиграетъ? „Ловкіе“ люди, оче-

видно, имѣя въ виду возможность удостовѣренія извѣстнымъ путемъ какого угодно „обычая“, даютъ нищей старухѣ совѣтъ: „нужно поскорѣй угостить сусѣдей; кто изъ васъ успѣетъ сдѣлать это раньше, тотъ и будетъ счастливъ...“ *)

Довольно трудно, значитъ, довѣрять тому, что выдается иногда за обычаи. Можетъ быть, обычаи по наслѣдованію существуютъ, а, можетъ быть, и нѣтъ. Послѣднее даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно вѣроятно. По крайней мѣрѣ, „Сельскій Вѣстникъ“, за все время своего существованія разъясняющій постоянно, что крестьяне, въ порядкѣ наслѣдованія, руководствуются мѣстными своими обычаями, ни разу не указалъ ни одного такого обычая. Его корреспонденты сообщаютъ объ обычаяхъ справлять дорогія свадьбы,

---

*) На основаніи матеріаловъ, собранныхъ въ семидесятыхъ годахъ комиссіею по преобразованію волостныхъ судовъ, г. Мухинъ, [„Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ“, 269] находитъ возможнымъ установить существованіе въ то время обычая, въ силу котораго бездѣтная вдова является полною и единственною наслѣдницею послѣ мужа, съ устраненіемъ всякихъ другихъ родственниковъ. Казалось бы, такое правило, какъ безусловно справедливое и подходящее ко всѣмъ мѣстностямъ, и слѣдовало давно ввести въ законъ. Не вездѣ, вѣдь, могутъ существовать такіе обычаи, а тамъ, гдѣ они существуютъ, недостаточно или вовсе необезпечено ихъ примѣненіе, и не устраняется возможность вторженія въ эту область несправедливаго закона съ его указными долями или же совершенно произвольнаго разрѣшенія дѣлъ о наслѣдованіи въ такихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, очень можетъ быть, что несчастная старуха, о которой мы говоримъ, проиграетъ дѣло, что мѣстный сельскій сходъ удостовѣритъ существованіе обычая, неблагопріятнаго для вдовъ, или что волостной судъ примѣнитъ законъ,—и она, лишившись наслѣдства, останется на попеченіи самого этого схода... По крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ той же волости, большую долю имущества отсудилъ отъ старухи-вдовы племянникъ ея мужа, причемъ указываемый случай представлялся тѣмъ болѣе возмутительнымъ, что эта вдова собственно и была „наживщицей“, такъ какъ мужъ былъ пьяницей, да отъ вина и умеръ.. Лица, склонныя къ быстрымъ обобщеніямъ перваго представляющагося случая, отвѣчающаго ихъ привычнымъ воззрѣніямъ, могутъ сказать по поводу этого случая: „вотъ они,—гражданскіе законы“... Но, кажется, дѣло велось со ссылкою именно на „мѣстные обычаи“,—то есть, болѣе вѣрнымъ путемъ, устраняющимъ отмѣну рѣшенія суда... При ссылкахъ на обычаи, съѣзды, большею частью, не провѣряютъ основательности такихъ указаній, и—утверждаютъ рѣшенія. Но если въ упоминаемомъ случаѣ все основывалось и на законѣ, если вообще люди недостаточно „ловкіе“ обращаются въ такихъ случаяхъ къ закону,—то, вѣдь, о значеніи гражданскихъ законовъ для крестьянъ нельзя судить по нѣсколькимъ невыгоднымъ слѣдствіямъ, вытекающимъ изъ несомнѣнныхъ недостатковъ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ.

устраивать большія праздничныя попойки, щеголять и т. п., но никогда и ни одинъ изъ нихъ не сообщитъ о какомъ-либо обычаѣ касательно порядка наслѣдованія, и—запросы по этому предмету нисколько не уменьшаются оттого, что вопрошающихъ весьма категорически предпосылаютъ къ обычаямъ .. *)

III. О существѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ.

При такихъ условіяхъ представлялось бы весьма затруднительнымъ опредѣленно говорить о *существѣ* обычнаго права. Затрудненія увеличивались тѣмъ, что изслѣдователи указываютъ *на крайне неблагопріятную* обстановку, въ которой проявляются народныя юридическія воззрѣнія.—„Рѣшенія волостного суда (напримѣръ, въ дѣлахъ о наслѣдствахъ, раздѣлахъ, выдѣлахъ, убыткахъ и пр.) весьма часто объясняются не столько юридическими, сколько хозяйственными соображеніями относительно исправности въ платежѣ податей, пьяной или трезвой жизни и т. п.“—говоритъ Зарудный („Законы и жизнь“, 189). —„Почти нѣтъ дѣла въ практикѣ волостного суда—еще категоричнѣе замѣчаетъ Оршанскій (205),—гдѣ

*) Характерныя данныя имѣются по настоящему предмету въ „Сводѣ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законовъ о крестьянахъ“: Такъ, свидѣтельствуя о существованіи болѣе или менѣе опредѣленнаго порядка наслѣдованія подворно-наслѣдственными участками среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ,—витебское губернское совѣщаніе продолжаетъ (какъ излагаются его замѣчанія въ „Сводѣ“): „Что же касается бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ четырехъ инфляндскихъ уѣздовъ, получившихъ землю также въ подворно-наслѣдственное пользованіе, то никакого опредѣленнаго обычнаго порядка наслѣдованія у нихъ нѣтъ и не могло быть, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ полноправнымъ распорядителемъ не только личныхъ, но и имущественныхъ правъ являлся помѣщикъ, вслѣдствіе чего волостными судами допускается полный произволъ при разсмотрѣніи дѣлъ о наслѣдствѣ“ (Т, 279).—„Для бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ—говоритъ ковенское губернское совѣщаніе—воля помѣщика была выше всякаго обычнаго порядка наслѣдованія. Могъ бы выработаться таковой у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, но и на это нѣтъ положительныхъ фактическихъ данныхъ, такъ какъ составляемые сельскими сходами, для представленія въ судебныя мѣста, приговоры даже одного и того же общества неодинаково констатируютъ мѣстный обычай“.

онъ могъ бы руководствоваться исключительно правовыми соображеніями: *вездѣ главную роль играютъ финансово-общинныя, совершенно посторонніе соображенія,* мѣшающія дѣлу правосудія...“ Тяжесть разсмотрѣнныхъ нами выше условій, на которыхъ произошло надѣленіе крестьянъ землею, не могла не сказаться подобнымъ образомъ... — „Крѣпостное право,— указывалъ Оршанскій въ другомъ мѣстѣ (156),— имѣло *вредное вліяніе* на развитіе артельной организаціи труда, а также на все семейное и наслѣдственное право, ибо крестьянинъ никогда не могъ располагать своею свободною личностью и имуществомъ...“—„Въ ряду условій, подъ вліяніемъ которыхъ складывались понятія крестьянъ объ имущественныхъ правахъ,— замѣтилъ также проф. Пахманъ (т. I, 2),—прежде всего слѣдуетъ отмѣтить то явленіе, которое, независимо отъ низкаго уровня народной культуры вообще, служило *существеннымъ препятствіемъ* развитію правосознанія.—мы говоримъ о состояніи крѣпостномъ...“

Если принять во вниманіе, что изслѣдованія этихъ условій, обстоятельствъ и явленій, при разработкѣ матеріаловъ по обычному праву, все же, не производится; что этими замѣчаніями и ограничиваются указанія изслѣдователей на крѣпостную зависимость; что въ самыхъ матеріалахъ обыкновенно вовсе не отмѣчается, въ средѣ какихъ крестьянъ они собраны, бывшихъ помѣщичьихъ или бывшихъ государственныхъ; что различіе въ положеніи тѣхъ и другихъ нерѣдко совершенно забывается; что финансовый и полицейскій строй оказывалъ значительное вліяніе на юридическія воззрѣнія и обычаи также и государственныхъ крестьянъ; что условія, дѣйствовавшія на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ при крѣпостной зависимости, далеко не отмѣнены до сихъ поръ всѣ и цѣликомъ; что освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ 19 февраля 1861 г. не было проведено вполнѣ и не закончено; что со времени ихъ освобожденія, измѣнилось и положеніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ, въ смыслѣ подчиненія ихъ неполнымъ и несовершеннымъ условіямъ юридическаго существованія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ,—если принять все это во вниманіе, то, казалось бы, обобщенія, а тѣмъ болѣе разсужденія о высокихъ достоинствахъ народныхъ юридическихъ обычаевъ—прямо *невозможны...*

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые авторы передъ этимъ не останавливались.

„Обычаи,—говорилъ, между прочимъ, проф. Кистяковскій („Первый съѣздъ", 146),—заключаютъ въ себѣ необыкновенно практическій, глубокій, справедливый народный умъ, которому мы должны поучиться"... Откуда это, какимъ образомъ?—когда общее мѣсто составляетъ мнѣніе, что и въ образованномъ обществѣ нашемъ крайне слабы юридическія представленія, когда право развивается медленно и на низшей ступени не можетъ быть, по своему существу, выше, чѣмъ на высшей и, такимъ образомъ, не устраняетъ того, что во всѣхъ первоначальныхъ обществахъ—существуетъ рабство, месть, право жизни и смерти мужа надъ женою и дѣтьми и пр.?... Однако, ни явныя натяжки и несообразности, ни печальная необходимость мириться съ тѣмъ, что противно всякимъ понятіямъ о правѣ и справедливости,—не удерживали обыкновенно нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей отъ заключеній о высокихъ качествахъ обычнаго права... Такъ, приведенными словами Кистяковскій и началъ и окончилъ свои замѣчанія относительно принятой въ обычномъ правѣ системы разрѣшенія дѣлъ по правилу: „грѣхъ пополамъ"... „Укажу на формулу: „грѣхъ пополамъ"—говорилъ онъ,—обычай, существующій во всей Россіи. Что такое „грѣхъ пополамъ"?—Это рѣшеніе вопроса, когда нельзя опредѣлить, кто болѣе виноватъ"... Чему же, однако, тутъ учиться? Не отвергается-ли безусловно подобная „система" доказательствъ наукою и практикою, и что сказалъ бы покойный профессоръ, если-бы къ нему самому примѣнили-бы подобную формулу?... Нельзя же было соблазниться примѣромъ, который онъ при этомъ привелъ: „Крестьянинъ крестьянину продаетъ лошадь. Ударили по рукамъ (это символическій знакъ заключенія договора). Заключивши такой договоръ, взявъ малую часть денегъ, задатокъ,—торговецъ вмѣстѣ съ покупателемъ идутъ пить могарычъ. Въ это время украли лошадь... Кто долженъ отвѣчать? Долженъ-ли продавецъ лишиться платы или долженъ покупатель заплатить все? Народъ,—заключаетъ Кистяковскій,—рѣшаетъ: „грѣхъ пополамъ"... Но, вѣдь, такъ можетъ рѣшить въ подобномъ случаѣ не одинъ народъ, и не одинъ народъ разрѣшаетъ такъ нѣкоторыя спорныя отношенія добровольно, съ общаго согласія. Если смѣшать право съ моралью, то интеллигенція можетъ, конечно, указать требованія, несравненно болѣе высокія,—да на высшей ступени развитія право, конечно, и ближе къ морали. Однако, нельзя, вѣдь, допускать здѣсь полное смѣшеніе,—щадя существеннѣйшіе интересы самаго на-

рода, обезпечивая ему необходимый жизненный порядокъ. За всѣмъ же тѣмъ настоящій случай не можетъ имѣть рѣшающаго значенія по отношенію къ разсматриваемой формулѣ. Нужно принять во вниманіе, что по формулѣ „грѣхъ пополамъ"—присуждаются крестьянскимъ судомъ въ половинномъ размѣрѣ недоказанные иски, налагаются наказанія за преступленія, въ которыхъ лица не признаются окончательно виновными, и т. п. *) Гдѣ же тутъ мѣсто сочувствію подобной формулѣ? Какъ можно учиться такому процессуальному правилу? Никто вообще не пошлетъ къ народу учиться географіи, астрономіи, математикѣ, медицинѣ и пр. Какимъ же образомъ такъ категорически предлагается проникаться „правовыми" воззрѣніями народа,—его взглядами на государство, власть, лучшее общественное устройство, мѣры охраны и возстановленія правъ?

Предложеніе Кистяковскаго „учиться" у народа,—судя по примѣру, непосредственно относилось къ формальному гражданскому обычному праву. Можно предполагать, однако, что онъ имѣлъ при этомъ въ виду и уголовные обычаи, какъ криминалистъ и составитель программы для собиранія свѣдѣній по обычному уголовному праву. Вступительныя же приведенныя слова его имѣли, несомнѣнно, общее значеніе. Между тѣмъ, вотъ что высказалъ о воззрѣніяхъ народа изъ области публичнаго права проф. Духовской, стоявшій на строго научной почвѣ и съ наибольшимъ спокойствіемъ изслѣдовавшій обычное право,—можно даже сказать, впервые изслѣдовавшій народные юридическіе обычаи такъ и въ томъ смыслѣ, въ какомъ и какъ давнымъ давно желательно было, чтобы они изслѣдовались („Имущественные проступки", стр. 3): „Воззрѣнія крестьянъ на личность и ея права, свободу, тѣлесную неприкосновенность, честь и цѣломудріе, проводимыя въ рѣшеніяхъ волостного суда, по большей части, таковы, что ихъ стоитъ знать *только для иллюстраціи крестьянской жизни.* Законодатель можетъ, повидимому, получить тутъ данныя только *отрицательнаго характера*"... Если принять во вниманіе, что это высказано на основаніи матеріала, который былъ извѣстенъ и Кистяковскому, то предложеніе послѣдняго „учиться" у народа представится тѣмъ болѣе страннымъ... Въ виду именно указаннаго проф. Духовскимъ свойства народныхъ обычаевъ

*) Пахманъ „Обычное гражданское право", т. I. 427; Березанскій—„Обычное право", 108 и др.

и воззрѣній на личность и ея права,—къ этимъ обычаямъ и воззрѣніямъ обращаются тогда, когда требуется доказать необходимость какого-либо подавленія личности. По словамъ г. Семевскаго, въ 1891 году, В. П. Безобразовъ, рекомендуя въ засѣданіи московскаго земскаго собранія крайнюю осторожность въ вопросѣ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, указывалъ по этому поводу, именно на „необходимость уваженія къ обычаямъ народной жизни“ („Русская Мысль“, мартъ 1896 года, статья—„Необходимость отмѣны тѣлеснаго наказанія“, стр. 52).

Въ частности, въ отношеніи обычаевъ, входящихъ въ область гражданскаго права, при тѣхъ свойствахъ, которыя они представляютъ (и которыя разсмотрѣны нами въ отдѣленіи второмъ, главѣ „Обычное гражданское право“), крайне трудно, казалось-бы, говорить о какихъ-либо ихъ преимуществахъ передъ писанымъ правомъ и отстаивать неприкосновенность крестьянскихъ отношеній для закона, хотя-бы то новаго, лучшаго, при несомнѣнной неудовлетворительности закона существующаго. Тѣмъ не менѣе, у насъ господствуютъ воззрѣнія, весьма благопріятныя для народныхъ обычаевъ, въ особенности, по гражданскому праву, которое, главнымъ образомъ, и имѣется въ виду изслѣдователями, и вмѣшательство закона здѣсь обыкновенно особенно горячо отвергается. Замѣтимъ, однако, слѣдующее: Изслѣдователи, на основаніи прежнихъ матеріаловъ, довольно единодушно установляютъ существованіе среди крестьянъ обычая, въ силу котораго сестра при братьяхъ вовсе не участвуетъ въ наслѣдованіи даже послѣ родителей, но на братьяхъ лежитъ обязанность выдать ее замужъ и снабдить приданымъ,—обязанность, однако, ничѣмъ необезпеченная и тѣмъ легче могущая подвергаться нарушенію, что въ интересахъ всякаго брата дольше удерживать у себя даровую работницу... (Извѣстно же, вѣдь, что ранніе браки заключаются у крестьянъ нерѣдко въ видахъ пріобрѣтенія работницъ). Быть можетъ, дѣйствительно, и ограничиваются такъ наслѣдственныя права крестьянской женщины. Такой порядокъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ея угнетенному положенію, о которомъ изслѣдователи свидѣтельствуютъ съ еще большимъ единодушіемъ... Но, въ такомъ случаѣ, выходитъ, что крестьянская женщина еще болѣе обдѣлена обычаемъ, нежели женщина другого сословія закономъ. Законъ предоставляетъ сестрѣ при братѣ, по крайней мѣрѣ, хоть восьмую часть изъ движимаго и четырнадцатую часть изъ недвижимаго имущества послѣ роди-

телей; обычай же не даетъ ей ничего. Законъ несовершенъ, и въ настоящее время прошелъ черезъ Государственную Думу вопросъ объ измѣненіи его въ смыслѣ уравненія наслѣдственныхъ правъ мужчинъ и женщинъ. Сторонники народныхъ обычаевъ должны-бы, кажется, желать хотя нѣкотораго улучшенія въ несравненно худшемъ положеніи крестьянской женщины относительно обычая.

Говорятъ, что наслѣдованіе въ имуществѣ крестьянъ опредѣляется трудовымъ началомъ. Но—крестьянская женщина трудится не меньше мужчины. Цѣлый рядъ указаній въ этомъ смыслѣ приводитъ г. Мухинъ (стр. 15—19). Въ новѣйшее время такія указанія даетъ г. Красноперовъ, основывая на нихъ свой общій выводъ, что—„находясь въ угнетенномъ положеніи, женщина уже тѣмъ самымъ обречена (даже) на тяжелыя работы“ („Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, т. I, 271). На какомъ же основаніи она обдѣлена такъ обычаемъ въ имущественномъ отношеніи? Только на томъ, очевидно, что она находится „въ угнетенномъ положеніи“, что надъ нею можетъ быть проявлено „право сильнаго“...

Какъ же можно возражать противъ вмѣшательства закона, обязаннаго ограждать слабаго противъ сильнаго, бѣднаго противъ богатаго?

IV. Объ основаніяхъ, приводимыхъ въ пользу сохраненія юридическаго значенія за крестьянскими обычаями.

Вообще, господствующее отношеніе къ обычаю противорѣчитъ основнымъ началамъ государственности, даетъ цѣлый рядъ слѣдствій, крайне неблагопріятныхъ для порядка и интересовъ народа, и не имѣетъ самаго важнаго и необходимаго основанія—несомнѣннаго существованія обычаевъ, какъ ясно сознанныхъ правовыхъ нормъ. Вмѣсто же того, оно утверждается на такихъ основаніяхъ, которыя едва-ли можно принять,—на основаніяхъ подчасъ мнимыхъ, несуществующихъ.

Весьма крупное вліяніе на извѣстное, такъ сказать, идиллическое отношеніе къ обычному праву оказалъ Е. И. Якушкинъ, въ особенности первымъ выпускомъ своего „Обычнаго права“. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ,

какъ это случилось, какимъ образомъ соединилось съ этимъ почтеннымъ именемъ такое совершенно опредѣленное отношеніе къ обычаю... Быть можетъ, Е. И. Якушкинъ именно даетъ оцѣнку народнымъ юридическимъ обычаямъ и указываетъ на ихъ превосходство передъ писанымъ правомъ? Быть можетъ, онъ доказываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что народъ нужно оставить при его обычаяхъ, даже учиться у него юридическимъ представленіямъ? Ничуть не бывало! Всѣ четыре—вышедшіе теперь—выпуски „Обычнаго права“ Якушкина суть не что иное, какъ „матеріалы для библіографіи обычнаго права“. Отъ себя этотъ въ высшей степени осторожный изслѣдователь говоритъ очень мало,—и то лишь въ предисловіяхъ къ нѣкоторымъ выпускамъ своего труда. Да и то, что онъ говоритъ здѣсь, носитъ на себѣ характеръ строго объективный. Якушкинъ оцѣниваетъ здѣсь только *матеріалы по обычному праву, но не существо самыхъ обычаевъ*. Ни симпатій, ни антипатій его къ обычному праву здѣсь не видно. И менѣе всего можно усматривать въ его разсужденіяхъ симпатіи къ народнымъ юридическимъ обычаямъ и воззрѣніямъ. Въ такомъ случаѣ пришлось-бы признать, что онъ, констатируя существованіе извѣстныхъ фактовъ, сочувствуетъ самосуду, самоуправству, сожженію вѣдьмъ и колдуновъ, жестокому обращенію мужа съ женою, дѣтоубійству, отцеубійству, мужеложству, скотоложству, даже людоѣдству. Изъ того, что онъ заноситъ всѣ такіе факты въ свои матеріалы по „обычному праву“,—отнюдь не слѣдуетъ даже, что онъ считаетъ ихъ проявленіями обычнаго „права“ для какого-бы ни было времени. Какое же это „право“!? Лучшимъ указаніемъ на то, что цѣль Якушкина совершенно иная, служитъ приведеніе имъ цѣликомъ мелкихъ фактовъ этого рода — преимущественно случаевъ убійства конокрадовъ, позорящихъ наказаній, сожженія и убійства вѣдьмъ и колдуновъ и пр.—во второмъ выпускѣ „Обычнаго права“. Картина обычаевъ получается ужасная. Нельзя не остановиться съ глубокимъ отвращеніемъ передъ фактами, приводимыми на нѣкоторыхъ страницахъ. *)

*) Приведемъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ наудачу изъ цѣлой массы.

„Жена одного зажиточнаго крестьянина кременецкаго уѣзда, подольской губерніи. обратилась въ волостной судъ съ жалобой на своего мужа, обвиняя его въ безконечныхъ побояхъ и истязаніяхъ, состоявшихъ въ томъ, что мужъ морилъ ее голодомъ и холодомъ, привязывалъ раздѣтую донага къ столбу на улицѣ и просилъ проходящихъ бить жену, а въ случаѣ отказа, билъ самъ; иногда онъ клалъ

Тутъ невозможно ставить вопросъ о симпатіяхъ Е. И. Якушкина къ тому, на что онъ указываетъ. Совершенно ясно, что изслѣдователь вовсе не говоритъ своими трудами: „учитесь у народа“. Нѣтъ, онъ очень выразительно говоритъ: „учите народъ“. Общій же смыслъ его трудовъ таковъ: „изучайте народъ,—изучайте съ любовію, несмотря на всю его дикость, на весь ужасъ до сихъ поръ еще проявляющихся въ его воззрѣніяхъ и обычаяхъ историческихъ наслоеній; изучайте и не смѣйтесь; вотъ, я вамъ облегчаю это“. Можно ли иначе понимать труды Е. И. Якушкина?

„Что касается—говоритъ проф. Петражицкій объ обычномъ правѣ въ Особомъ Совѣщаніи о нуждахъ сельско-хоз. промышленности („Протоколы по крест. дѣлу“, № 4, стр. 32)—знаменитой литературы объ обычномъ правѣ, описывающей его такъ, какъ если бы оно не только существовало, но и было весьма богато и развито, то въ основѣ здѣсь лежитъ смѣшеніе обычнаго права съ существенно-отличнымъ отъ него психическимъ явленіемъ—интуитивнымъ правомъ, то есть, такъ

ее связанною на землю и сверху наваливалъ цѣлыя груды бревенъ и камней, послѣдствіемъ чего у нея оказалась сломанною рука. Мужъ потерпѣвшей къ разбору дѣла не явился и, несмотря на это, волостной судъ призналъ мужа невиновнымъ, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ соображеніемъ, что мужъ билъ свою жену,—имѣя на то право, такъ какъ нельзя же допустить, чтобы жена не знала надъ собою власти мужа Этимъ процессъ не кончился. На слѣдующій день мужъ принесъ въ тотъ же судъ жалобу на жену и, по приговору его, несчастную женщину высѣкли тутъ же, на судѣ, публично, нещаднымъ образомъ“...

„Собрались *судцы*—разсказывается на стр 63 изъ практики уже не волостныхъ судовъ, а „судилищъ по обычному праву“—привели и подсудимаго съ украденнымъ ульемъ. Долго судили и рядили и, наконецъ, присудили виновнаго къ слѣдующимъ четыремъ наказаніямъ: во-первыхъ, уплатить штрафъ въ размѣрѣ 30 р.; во-вторыхъ, украденный улей, какъ вещественное доказательство преступленія, пронести по всему селу на шеѣ; въ-третьихъ, подвергнуть подсудимаго тѣлесному наказанію въ размѣрѣ пяти ударовъ розгами на каждой улицѣ и возлѣ сельской корчмы, и въ-четвертыхъ, купить *громади* и *судцамъ* ведро водки“...

„Крестьянка слободы Каменки—разсказывается на стр. 65—въ отсутствіе мужа, ушедшаго на заработки, вступила въ связь съ однимъ парнемъ Нѣкоторые крестьяне слѣдили за ней и застали ее на свиданіи съ парнемъ. Парень ушелъ, его не преслѣдовали; но отъ женщины потребовали выкупа Взяли съ нее рубль, пропили его; но этимъ не удовлетворились. Подпившіе парни вернулись, схватили ее, раздѣли донага, обмазали дегтемъ и обсыпали придорожною пылью. Сельское начальство повело несчастную женщину въ волостное правленіе За нимъ слѣдовала громадная ревущая толпа поселянъ, глав-

называемое „обычное право“ выражаетъ, собственно, не нормы, опирающіяся на какой-либо внѣшній авторитетъ (напримѣръ, массовое поведеніе другихъ, главнымъ образомъ, предковъ), а правовыя убѣжденія. При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ находится крестьянство и его судъ—продолжалъ онъ (стр. 34)—можно было бы заранѣе предсказать, что „и интуитивное право не находится въ блестящемъ положеніи. Хорошаго развитія интуитивнаго права, (не могущаго замѣнить позитивнаго права, но составляющаго вообще цѣнное дополненіе къ нему), можно достигнуть вообще лишь путемъ надлежащаго воспитательнаго руководства со стороны хорошаго и культурнаго позитивнаго права и надлежащей юстиціи.“

А. А. Риттихъ, въ Особомъ Совѣщаніи о нуждахъ сель-

ное ядро которой составляли дѣти, подростки и женщины. Вся эта крайне возбужденная, какъ бы опьянѣвшая, ватага кричала, свистала, гикала на бѣдную женщину. Болѣе рьяные и назойливые протискивались сквозь толпу и щипали арестованную, плевали ей въ лицо и засыпали глаза придорожною пылью. Особенною яростью и криками отличались женщины“ ..

Подобная же картина рисуется на стр 71. „Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, крестьяне села Т. всѣ вышли къ корчмѣ, чтобы позѣвать на позорную казнь молодой крестьянки, уворовавшей у сосѣда курицу, собственно для того „щобъ оскоромиця“, т. е., чтобы хотя въ праздничный день поѣсть скоромныхъ щей, такъ какъ она, при бѣдности своей, не имѣла средствъ на покупку сала. И вотъ, по распоряженію старосты, этой крестьянкѣ повѣсили на шею живую курицу и повели съ тріумфомъ по селу. Слѣдомъ за ней шла вся молодежь и своимъ буйнымъ крикомъ и свистомъ оглашала воздухъ. Къ этимъ крикамъ присоединялись еще удары палками въ доски, кружки и т. п. и крикъ курицы, висѣвшей на шеѣ у несчастной“..

На стр 91 описывается обычное наказаніе, называемое „проведеніемъ подъ ледъ“. „Во льду прорубаются два отверстія на разстояніи десяти шаговъ одно отъ другого. Затѣмъ, берется веревка и протягивается подъ ледъ такъ, чтобы въ каждомъ отверстіи было по концу. Къ одному изъ этихъ концовъ привязываютъ виновнаго и бросаютъ его въ прорубь, а въ сосѣдней проруби, за другой конецъ, вытаскиваютъ его Весьма часто случается, что веревка недостаточно крѣпка,—и тогда осужденный идетъ ко дну“ .. Именно такой случай, при примѣненіи описаннаго наказанія за одно покушеніе на кражу, и разсказывается на стр 92.

„Недавно—передается, далѣе на стр. 95—въ с. Кобылкѣ виницкаго у., былъ такой случай крестьянинъ, поймавъ ночью въ клунѣ вора, выбилъ ему нѣсколько зубовъ, откусилъ мягкія части носа и послѣ этого отпустилъ домой“..

Этихъ и имъ подобныхъ примѣровъ приведено Е. И. Якушкинымъ весьма большое число—конечно, не для освященія выражающейся въ нихъ „власти тьмы“ словомъ „право“, а въ доказательство необходимости бороться съ нею.

ско-хозяйственной промышленности („Протоколы по крест. дѣлу“, № 6, стр. 27) о матеріалахъ по обычному праву, въ видѣ трудовъ комиссіи сенатора Любощинскаго, замѣтилъ: „Хотя этотъ матерьялъ представляетъ собою семь томовъ, по 600—800 страницъ каждый,—но знакомство съ нимъ не представляетъ непреодолимой трудности,—и я рѣшаюсь высказать, что на основаніи этого матеріала можно, въ лучшемъ случаѣ, придти только къ заключенію, что мы совершенно не знаемъ обычнаго права нашего крестьянства.“

Допущеніе дѣйствія обычаевъ среди инородцевъ основано прямо на ихъ крайней неразвитости и дикости ихъ состоянія. Дотолѣ именно, „доколѣ нравы ихъ образованіемъ не смягчатся“, не найдено было въ свое время возможнымъ примѣнить къ нимъ даже общіе уголовные законы, касающіеся довольно важныхъ преступленій (приложеніе 5 къ ст. 168 уложенія о наказ.). *) Значеніе обычая у насъ, въ крестьянской средѣ, Оршанскій, не изслѣдовавшій условій, при которыхъ, при освобожденіи крестьянъ, былъ допущенъ, попрежнему, обычай, объясняетъ также низкою ступенью развитія, на которой стоятъ крестьяне (не замѣчая, какое грубое противорѣчіе заключается между этимъ соображеніемъ и идеализаціею обычая, которою онъ занимался). По словамъ изслѣдователя, —„какъ германцы временъ Тацита, нашъ простолюдинъ до сихъ поръ находится на той ступени развитія, когда личность всецѣло поглощается обществомъ, и никто не помышляетъ еще о возможности критически относиться къ общепринятымъ правиламъ жизни, нравамъ и обычаямъ“ („Изсл.“, 162). Въ другомъ мѣстѣ Оршанскій даже говоритъ, будто „народная масса, у насъ живущая по обычному праву, находится въ такомъ же

*) Въ №№ 7 и 8 „Журнала Юридическаго Общества“ 1897 г. интересныя замѣчанія дѣлаетъ объ обычномъ „правѣ“ киргизовъ г. Н. Максимовъ что рѣшенія, присуждающія за неисполненіе обязательствъ или за обиду къ штрафу въ пользу обиженнаго, въ видѣ дѣвицы,—говоритъ онъ -„вполнѣ согласны съ правовыми воззрѣніями киргизовъ, служитъ доказательствомъ сообщеніе Султана Анпасова въ № 5 „Киргизской Степной Газеты“ за 1896 г. о томъ, что ростовщики, сартъ С. и чалоказакъ Д., за долги взяли за безцѣнокъ самыхъ красивыхъ въ задолжавшемъ родѣ дѣвушекъ“.. По этому и другимъ основаніямъ, г. Максимовъ высказывается за признаніе поводомъ къ отмѣнѣ рѣшеній инородческаго киргизскаго суда—„нарушенія основныхъ принциповъ нравственности и справедливости“. „Бояться, что отмѣной такихъ рѣшеній будутъ нарушены обычаи киргизовъ, нечего,—продолжаетъ г. Максимовъ.—Жизнь идетъ впередъ,—и обычаи также. Если, подъ вліяніемъ суда будутъ измѣнены варварскіе обычаи, не

отношеніи по Своду Законовъ и общей судебной практикѣ, какъ масса индусовъ къ англійской юстиціи и англійской юриспруденціи" (186).

Допустимъ, что это такъ. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что массу „русскихъ индусовъ" нужно держать въ положеніи, при которомъ она еще и долго не будетъ „помышлять о возможности критически относиться къ общепринятымъ правиламъ жизни, нравамъ и обычаямъ"?... А такой результатъ является неизбѣжно изъ воздержанія отъ критическаго отношенія къ обычаямъ со стороны общественной мысли и изъ воздержанія со стороны закона отъ вмѣшательства со своими опредѣленіями въ крестьянскія отношенія. Вѣдь, ужъ самому народу критика становится при такихъ условіяхъ совершенно непозволительною,—да и затруднительною. Какъ можетъ онъ осмѣлиться быть недовольнымъ собственными обычаями, когда ему старательно внушается, что обычаи его превосходны, что ихъ-то и нужно ему держаться, и что—не нужно ему никакихъ законовъ?... Съ другой стороны, не такъ же и дики ужъ наши крестьяне, какъ говоритъ о нихъ изслѣдователь. Конечно, выше нѣкоторыхъ инородцевъ стоятъ даже бывшіе помѣщичьи крестьяне. Нечего и говорить о государственныхъ крестьянахъ, жившихъ почти тридцать лѣтъ подъ дѣйствіемъ замѣчательнаго законодательства,—да и ранѣе того, пользовавшихся охраною со стороны хотя и менѣе совершенныхъ законовъ. Притомъ, многія начала обычнаго права вошли въ законодательство, и между нынѣшними обычаями и закономъ, можно полагать, нѣтъ той непроходимой пропасти, которую усматривали нѣкоторые изслѣдователи. Это показалъ С. В. Пахманъ по отношенію къ области гражданскаго права. То же самое слѣдуетъ изъ изысканій М. В. Духовского по отношенію къ области уголовнаго права. Послѣдній авторъ, въ

значитъ ли это, что народъ идетъ къ прогрессу?.. Уже въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія предполагалось исключить изъ народныхъ обычаевъ киргизовъ все дикое, жестокое и несообразное съ закономъ· но и въ девяностыхъ годахъ этого еще не сдѣлано.."

Упоминаемое здѣсь предположеніе, нужно замѣтить, сдѣлано было въ созданныхъ по проектамъ М М Сперанскаго законахъ объ управленіи сибирскими губерніями и областями.

Другой авторъ—бар. Дельвигъ—въ майской книжкѣ „Ж М Юст." за 1910 г. замѣчаетъ объ обычномъ „правѣ" киргизовъ (отрицая его существованіе) „Ссылки на обычное право въ рѣшеніяхъ народныхъ судовъ нерѣдко, какъ намъ лично приходилось констатировать, поражаютъ не только отсутствіемъ однообразія, но и прямымъ, съ точки зрѣнія юриста, безстыдствомъ" (стр. 133).

своемъ трудѣ „Имущ. проступки“, именно снялъ нѣсколько обвиненій, взведенныхъ на народъ нѣкоторыми слишкомъ усердными, спѣшившими съ обобщеніями, сторонниками обычнаго права (40, III, 281 и др.). При строгомъ отдѣленіи собственно юридическихъ обычаевъ изъ массы явленій, происходящихъ въ крестьянской средѣ, созданная между закономъ и обычаемъ пропасть должна уменьшиться весьма значительно. Нужно только называть вещи ихъ именами и не придавать юридическаго значенія тому, что составляетъ нарушеніе понятій о правѣ.

Не иного отношенія къ обычаю требуетъ наука. Обычай, какъ и законъ, одинаково нуждается въ критикѣ, въ оцѣнкѣ его высшею мѣрою. Критика есть вопросъ жизни права во всѣхъ его формахъ. Освобожденіе обычнаго права отъ критики составило бы для него привилегію столь же несправедливую, сколько и вредную. Отсюда же можно вывести рядъ ограниченій относительно значенія и дѣйствія обычая. Ограниченія эти и ставятся, по явной въ томъ необходимости. Покойный проф. Майеръ положительно выставилъ для признанія обычая—условіе, въ силу котораго онъ „не долженъ противорѣчить нравственности“. „Впрочемъ,—пояснилъ онъ еще притомъ („Русское гражд. право“, изд. 3, 18)—это условіе заключается уже въ томъ, что обычай долженъ содержать въ себѣ юридическое воззрѣніе, которое есть не что иное, какъ проявленіе нравственнаго закона въ примѣненіи къ общежитію“. Аренсъ, съ своей стороны, также требуетъ („Юридическая Энциклопедія“, 52)—„чтобы обычай не возникалъ вопреки добрымъ нравамъ, вопреки разуму и изъ ложнаго пониманія дѣйствующаго права“. „Современныя общества—замѣтилъ, между прочимъ, проф. Сергѣевичъ („Лекціи и изслѣдованія“, 90)—не только не могутъ жить и развиваться путемъ однихъ обычаевъ, но они положительно не въ правѣ принимать тѣ начала обычнаго права, которыя не соотвѣтствуютъ новымъ требованіямъ жизни“.

При всемъ томъ же, ни на какой дикости населенія нельзя основывать доказательства того, что крестьянъ необходимо оставить при ихъ обычаяхъ. Никакая дикость быта не можетъ также оправдать иныхъ обычаевъ, придать имъ юридическое значеніе, сдѣлать излишнимъ вмѣшательство закона. А. П. Никольскій, въ Особомъ Совѣщаніи о нуждахъ сел.-хоз. промышленности („Протоколы по крестьянскому дѣлу, № 6, стр. 44), замѣтилъ: „Такого положенія вещей, чтобы $^{8}/_{10}$ на-

селенія было поставлено въ наибольшей части своего гражданскаго оборота внѣ положительнаго закона,—чтобы у сотни милліоновъ населенія всѣ правовыя отношенія опирались лишь на вѣрѣ въ добросовѣстность сторонъ и волостного суда, судящаго „по обычаю“, который въ точности никому неизвѣстенъ,—такого положенія вещей напрасно было бы искать въ какомъ-нибудь другомъ культурномъ государствѣ. Этотъ порядокъ характеризуетъ первобытный патріархальный складъ жизни, чрезъ него прошли всѣ народы; но только у насъ онъ доселѣ сохранился для ста милліоновъ крестьянскаго населенія“. Есть извѣстныя права, которыя государство должно ограждать безусловно; равно существуютъ условія порядка, которыя должны быть соблюдаемы во всякомъ случаѣ, при всякихъ обстоятельствахъ. Вмѣшательство закона и власти можетъ повести къ смягченію быта,—смягченію всегда желательному, необходимому. Отъ невмѣшательства закона и власти возникла крѣпостная зависимость. Отъ вмѣшательства закона въ ихъ отношенія къ крестьянамъ старались уклониться помѣщики. Власть послѣднихъ отстаивалась, какъ мы видѣли выше (отд. первое, гл. III), главнымъ образомъ, ссылками на „священное“ значеніе обычая, съ одной стороны, и на то, съ другой, что крестьяне еще не дозрѣли до свободы, слишкомъ дики для нея,—что нужно подождать улучшенія нравовъ и быта... Соображенія эти не были, однако, обязательны для государственной власти, и очень хорошо, что, въ концѣ концовъ, она перестала имъ внимать. Они были неосновательны даже и тогда, когда крестьяне были, дѣйствительно, дики. При существованіи крѣпостной зависимости, они и не вышли бы еще долго изъ дикаго состоянія, дававшаго столь печальныя слѣдствія для нихъ и для государственнаго порядка. Если, вообще, ждать измѣненій быта, то долго придется оставаться съ недостаточно удовлетворительными законами...

Другимъ, кромѣ дикости народа, существеннѣйшимъ основаніемъ къ предоставленію дѣйствія обычаю въ крестьянской средѣ выставляются, обыкновенно, недостатки законодательства. „При всѣхъ своихъ капитальныхъ недостаткахъ,—закончилъ Оршанскій свою статью о народномъ судѣ и обычномъ правѣ („Изслѣд.“, 210)—волостной судъ представляетъ безусловно меньшее зло, сравнительно съ подчиненіемъ крестьянства общему суду и общему праву“... Въ сущности, однако, онъ говоритъ даже больше и менѣе условно оцѣниваетъ обычное право,—не находя при этомъ ни одного достоинства за дѣйствующимъ

законодательствомъ, не придавая, повидимому, никакого значенія для крестьянъ и началамъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. и съ особой охотой проводя сравненіе между русскими обычаями и древне-русскимъ правомъ, равно между иностранными законодательствами и французскими или германскими народными обычаями. *) Главнымъ образомъ, Оршанскаго, безъ сомнѣнія, и имѣетъ въ виду покойный Юзовъ-Кабицъ, выставляя, въ своихъ „Основахъ народничества“ (изд. 2, 308), положеніе: „самые компетентные изслѣдователи признаютъ превосходство народныхъ началъ права передъ началами Свода Законовъ“... Но—мы видѣли, какимъ обычаямъ придавали изслѣдователи юридическое значеніе. Стоитъ только посмотрѣть на программы для собиранія юридическихъ обычаевъ, для того чтобы признать сомнительнымъ это превосходство. **) Юзову нужно было выдвинуть его, для того чтобы доказать, что „надежда интеллигенціи двигать русскую жизнь по пути прогресса собственными силами есть грубое самомнѣніе съ ея стороны“. Лишенное же подобной предвзятой точки зрѣнія разсмотрѣніе обычаевъ, какъ они квалифицированы въ программахъ и изслѣдованіяхъ, заставляетъ, наоборотъ, дорожить возможностью мѣрять обычаи наукою права и закономъ, оцѣнивать обычаи съ точки зрѣнія права, закона, и признавать личность крестьянина огражденною такъ же, какъ ограждена личность представителя всякаго иного сословія, отвергая юридическое значеніе за обычаемъ, попирающимъ очень часто права личности.

Едва ли и основательно было ожиданіе проф. Кистяковскаго, выраженное имъ въ предисловіи къ программѣ по обычному уголовному праву,—что изслѣдованіе народныхъ обычаевъ должно „спасать“ отъ такъ называемой „ломки народной жиз-

---

*) Отмѣтимъ вообще, въ качествѣ характернаго обстоятельства, то видимое удовольствіе, съ которымъ нѣкоторые изслѣдователи указываютъ случаи совпаденія между нынѣшними народными обычаями, съ одной стороны, и древнимъ русскимъ правомъ и, въ частности, Русскою Правдою, съ другой стороны,—какъ будто въ прошломъ заключается „золотой вѣкъ“ для крестьянства, какъ будто „Русская Правда“, такъ основательно разработавшая институтъ рабства, кодифицируя обычаи, составляетъ для него благодѣтельнѣйшій древній законъ...

**) Въ виду метода, примѣняющагося къ составленію программъ и указаннаго нами выше,—онѣ, дѣйствительно, служатъ однимъ изъ средствъ къ ознакомленію съ обычнымъ правомъ, какъ послѣднее понимается и квалифицируется составителями

ни", постройки ея „по теоретическимъ шаблонамъ". Вовсе нельзя, кажется, сказать, чтобы къ народу слишкомъ часто примѣнялись „теоретическіе шаблоны"; съ другой же стороны, не особенно, кажется, выигрываетъ онъ отъ реформъ, не менѣе категорически отвергающихъ теорію, доктрину,—вродѣ реформы 12 іюля 1889 г. Не слишкомъ-ли, напротивъ того, ощутителенъ недостатокъ этой „ломки" именно въ области спеціальныхъ изслѣдованій покойнаго профессора-криминалиста? Не подавлена-ли личность крестьянина совершенно обычными условіями, опредѣляющими его уголовную отвѣтственность? „Законъ—и дѣлаетъ проф. Духовской категорическій выводъ изъ своихъ изслѣдованій обычнаго угол. права („Имущественные проступки")—долженъ выставить мѣры въ охраненіе попираемыхъ нѣкоторыми рѣшеніями правъ личности и справедливости, въ интересахъ болѣе правильнаго отправленія правосудія".—Что же касается до мысли, которую выражаетъ въ упомянутомъ предисловіи проф. Кистяковскій и которою пользуются вообще нѣкоторые изслѣдователи обычнаго права, —мысли о томъ, что нужно устраивать народную жизнь съ знаніемъ дѣйствительныхъ ея потребностей, прислушиваться къ голосу народа, то эта мысль отнюдь не составляетъ ихъ принадлежности и вовсе не находится въ неразрывной связи съ ихъ отношеніемъ къ народнымъ обычаямъ. Это—истина азбучная, составляющая общее достояніе. Сами они, однако, отказываются руководствоваться ею въ существеннѣйшемъ отношеніи,—не придавая никакого значенія тому, напримѣръ, что народъ категорически выражаетъ желаніе, чтобы его отношенія, права и обязанности опредѣлялись закономъ, а не обычаемъ.

Оршанскій, при всемъ своемъ благодушномъ отношеніи къ обычаямъ и ихъ существу,—признаетъ, впрочемъ, косвенно,— однако, весьма ясно—необходимость разбираться въ нихъ. Не говоримъ о томъ, что онъ не излагаетъ матеріалы по обычному праву безъ всякаго выбора,—что, напротивъ, онъ строитъ свою систему обычнаго права на явленіяхъ, вообще не стоящихъ въ явномъ противорѣчіи съ правомъ, въ противоположность нѣкоторымъ другимъ изслѣдователямъ, что вообще, онъ гораздо разборчивѣе и можетъ скорѣе заслужить упрекъ въ умолчаніяхъ о нѣкоторыхъ обычаяхъ, наблюдающихся въ народѣ... Особенно же характерно то, что онъ дѣлаетъ выборъ между самыми источниками познанія обычнаго права.

Съ точки зрѣнія сторонника народныхъ юридическихъ воззрѣній, казалось-бы, систему обычнаго права нужно строить на данныхъ, относящихся до дѣятельности обычныхъ формъ суда, —той „цѣлой массы судилищъ, совершенно игнорируемыхъ закономъ“, на которую указываетъ г. Скоробогатый („Устройство крестьянскихъ судовъ“). Вѣдь, эти, „судилища“ ближе всего выражаютъ народныя правовыя воззрѣнія, дѣйствуя внѣ всякихъ сторонніхъ вліяній. Сельскіе сходы, напримѣръ, по словамъ Е. И. Якушкина („Обычное право“, вып. I, XXXVIII), „нестѣсняемые никакимъ закономъ, сѣкутъ жестоко и мужчинъ и женщинъ“... При разбирательствѣ дѣлъ такими „судилищами“, не бываетъ ни волостного старшины, ни волостного писаря. *) Нѣтъ никакой опасности, что писарь, къ ужасу сторонниковъ обычнаго права, прочтетъ „законъ“ и подтасуетъ обычай. Послѣдній, наоборотъ, долженъ выступать въ обычныхъ судахъ во всей своей чистотѣ и неприкосновенности. Другое дѣло—волостной судъ. Тутъ—волостной старшина (по обычаю присутствующій, хотя законъ воспрещалъ это ему по отношенію къ вол. суду 19 февраля 1861 г.), волостной писарь и пр.... Гдѣ же тутъ выразиться „подлинному“ обычаю,—если даже къ писарямъ еще чаще стала бы примѣняться начальствомъ, вспоминаемая Оршанскимъ, власть удаленія ихъ „по неблагонадежности“?.. Однако, Оршанскій предпочитаетъ основывать свои заключенія именно на данныхъ дѣятельности волостного суда. Мало того, онъ склоненъ даже одобрять то, что „вообще волостной судъ относится отрицательно къ разнаго рода обычаямъ,—въ случаѣ жалобъ“; что, напримѣръ, обычай срамить вора выходитъ изъ употребленія именно вслѣдствіе того, что „виновные не желаютъ ему подвергаться и заводятъ жалобы“; что волостной судъ понимаетъ недостатки существующаго обычая, въ силу котораго браки устраиваются по преобладающей волѣ родителей, а не самихъ брачущихся, и старается, насколько возможно, противодѣй-

*) „Волостные суды—указывалъ Калачовъ („Сборникъ государственныхъ знаній“ т. VIII, стр. 147),—опутываются, съ одной стороны, разборомъ дѣла и вставочными рѣчами волостного старшины, а съ другой,—ссылками писаря на статьи вода Законовъ, изъ которыхъ онъ приводитъ тѣ или иныя по своему усмотрѣнію и надобности. Волостной старшина, не имѣющій, собственно, никакихъ правъ по суду, царитъ въ его засѣданіяхъ, защищаетъ или обвиняетъ подсудимыхъ и направляетъ дѣла къ рѣшенію по своему усмотрѣнію... Судьи—эти смѣтливые и толковые разборщики дѣлъ на сельскихъ судахъ—на волостномъ судѣ молчатъ, устремляя взоръ на писаря“ ..

ствовать такому обычаю; что точно также онъ относится отрицательно къ обычаю, присвоивающему парубкамъ „право гулять со всѣми дѣвушками въ своемъ селѣ“ и бить осчастливливаемыхъ расположеніемъ дѣвицъ парубковъ изъ другихъ деревень; что, равнымъ образомъ, въ личныхъ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ волостной судъ „вообще является чаще противникомъ, чѣмъ поборникомъ домостроевскихъ началъ“ (160, 41, 43, 57).

Очень утѣшительно, если это такъ. Не болѣе-ли же благотворно было бы критическое отношеніе не только къ обычаю, какъ продукту дѣятельности обычныхъ формъ крестьянскаго суда, но и къ обычаю, какъ продукту дѣятельности оффиціальнаго волостного суда? Вѣдь, по существу тутъ не можетъ быть большого различія. Изслѣдователь не замѣчаетъ, однако, противорѣчія, въ которое впадаетъ. Онъ упускаетъ изъ вида и то, что упоминаемые обычаи, вызывающіе отрицательное отношеніе къ себѣ со стороны волостного суда, выходятъ изъ употребленія, большею частью, именно подъ вліяніемъ закона и лучшихъ понятій, такъ или иначе проникающихъ въ крестьянскую среду со стороны и полагаемыхъ въ основаніе защиты существенныхъ правъ личности...

Сторонники обычая, исходящіе изъ сознанія недостатковъ писанаго права, производятъ обыкновенно немалое впечатлѣніе слѣдующимъ разсказомъ, передаваемымъ г. Никитинымъ („Общественныя и законодательныя погрѣшности“, 158): „Мировой судья по жалобѣ крестьянина, по одному дѣлу опредѣлилъ: взыскать въ его пользу съ отвѣтчика по домашней роспискѣ 10 р. и взыскать вмѣстѣ съ тѣмъ съ обѣихъ сторонъ по 3 р. 75 к.—штрафа за употребленіе не гербовой бумаги. Выслушавъ это рѣшеніе, истецъ обратился къ судьѣ съ такого рода рѣчью: „Если есть такой законъ,—поберегите его для другихъ, а мнѣ отдайте росписку. Авось, отвѣтчикъ одумается, и безъ суда отдастъ мнѣ 10 руб.“...

Случай этотъ, при всей его картинности, казалось бы, не представляетъ особаго значенія для рѣшенія вопроса о законѣ и обычаѣ. Не нужно, вѣдь, сопоставленія закона съ обычаемъ и доказательствъ превосходства послѣдняго надъ первымъ, для того, чтобы признать крайнюю обременительность нашихъ постановленій о гербовомъ сборѣ. Все равно, кстати, никакой обычай не можетъ освободить отъ гербоваго сбора и штрафа, и если волостной судъ, подобно всякому административному установленію, не приговариваетъ своею собственною властью

къ гербовому штрафу, если ему не дано такого права, по непризнанію его въ значеніи судебнаго мѣста,—то онъ, какъ и прочія административныя учрежденія, обязывается передавать документъ, не оплаченный или невполнѣ оплаченный гербовою пошлиною, въ казенную палату, которая и можетъ по самому незначительному иску наложить довольно высокую сумму штрафа на цѣлый рядъ лицъ...)

Было-бы, значитъ, совершенно неосновательно и ненаучно дѣлать широкіе выводы изъ описаннаго случая. Тѣмъ не менѣе, у насъ нерѣдко придается этому случаю несоотвѣтствующее значеніе,—и не разсудокъ, а непосредственно вызываемое приведеннымъ разсказомъ чувство—рѣшаетъ иногда вопросъ о значеніи закона и обычая для крестьянъ... Законы плохи—замѣчаютъ по этому поводу,—и потому, нужно оставить крестьянъ при обычаѣ... Положимъ, что это такъ,—что законы вообще неудовлетворительны. Но, во-первыхъ, настоящій вопросъ есть вопросъ принципіальный, подлежащій разрѣшенію совершенно независимо отъ свойствъ даннаго законодательства, —и мы сами не исходимъ въ настоящихъ разсужденіяхъ изъ признанія большаго совершенства за нашими законами; во-вторыхъ, если нынѣшніе законы неудовлетворительны,—то рѣчь должна идти только о замѣнѣ несовершенныхъ законовъ хорошими и объ осуществленіи необходимыхъ для этого гарантій, формъ и условій,—и ни о чемъ болѣе. Такъ было и до появленія народнаго представительства. Такъ, тѣмъ болѣе, должно быть съ учрежденіемъ хотя-бы и несовершеннаго народнаго представительства въ видѣ Государственной Думы. *)

---

*) Волостной судъ прибалтійскихъ губерній, какъ поставленный, по закону 9 іюля 1889 г., вполнѣ удовлетворительно и признаваемый именно судебнымъ установленіемъ,—непосредственно, собственною властью, приговариваетъ, въ подлежащихъ случаяхъ къ гербовому штрафу, въ предѣлахъ своей компетенціи.

**) Дѣлая докладъ по вопросу объ обычаяхъ въ СПБ. юрид. обществѣ 27 марта 1910 г., въ то время, какъ въ Думѣ происходило обсужденіе проекта судебной реформы, членъ Думы г. Аджемовъ (извлеченіе изъ этого доклада въ № 20 „Права“ за 1910 г.,) замѣчаетъ: „Вопросъ объ обычномъ правѣ въ связи съ реформой мѣстнаго суда—(и сказали-бы мы, вообще, въ связи съ разрѣшеніемъ какихъ-либо вопросовъ о крестьянахъ, въ виду широты дѣйствія обычнаго права)—есть вопросъ неизмѣримой важности, отъ правильнаго разрѣшенія котораго зависитъ сохраненіе и укрѣпленіе въ народномъ сознаніи здоровыхъ началъ и истиннаго уваженія къ правосудію. Для народнаго представительства правильное разрѣшеніе настоящаго вопроса есть вопросъ достоинства и, быть можетъ, будущаго самого представительства; для насъ же, юристовъ,—это вопросъ чести“..

Отдѣлять же юридическіе интересы народа отъ интересовъ высшихъ сословій и мириться съ различными условіями правового существованія для двухъ неравныхъ половинъ населенія,—очевидно, совершенно неосновательно и вредно. Что-нибудь изъ двухъ одно: или обычай составляетъ форму права, придающую лицу достаточно твердое юридическое положеніе, —и тогда не одному народу должно быть предоставлено право имъ руководствоваться; или же законъ болѣе обезпечиваетъ права личности и интересы гражданъ,—и тогда онъ долженъ единственно опредѣлять положеніе каждаго лица, его права и обязанности. Вѣдь, только при послѣднемъ условіи, только тогда, когда законъ имѣетъ общее для всего населенія значеніе, тогда лишь онъ можетъ и вырабатываться со всею строгостію и вниманіемъ,—только тогда можетъ быть серьезно поставленъ и вопросъ о необходимыхъ для этого условіяхъ, формахъ, гарантіяхъ. Но, конечно, въ настоящее время невозможно обращеніе къ обычаю, какъ общей для всѣхъ нормѣ права. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ европейскихъ государствахъ, пользующееся политическими правами населеніе требуетъ отъ правительства улучшенія законовъ и осуществленія законности,—точнаго соблюденія законовъ существующихъ; правительство же, въ свою очередь, пользуется всякимъ случаемъ, для того чтобы завѣрить населеніе въ своихъ стремленіяхъ къ улучшенію законовъ и чтобы обѣщать ему законность дѣйствій, непреложное исполненіе законовъ существующихъ. Значеніе закона, какъ нормы права, единственно обезпечивающей частные и общественные интересы,—можетъ почитаться общепризнаннымъ, возвращеніе же къ обычаю— невозможнымъ. Такъ думаютъ и привилегированные слои нашего населенія, когда заходитъ рѣчь объ ихъ юридическихъ интересахъ, о гарантіи и развитіи ихъ правъ. Не иначе думаютъ сами наши крестьяне. Это засвидѣтельствовано многочисленными данными, и—нужно удивляться, какимъ образомъ, сторонники обычаевъ, желающіе оставаться вѣрными воззрѣніямъ народа, проглядѣли подобное важнѣйшее его воззрѣніе, или, зная о существованіи его (въ чемъ едва-ли можно сомнѣваться), нашли возможнымъ не придавать ему значенія... Здравый смыслъ и горькій историческій и нынѣшній опытъ ясно говорятъ крестьянамъ, что для твердости правъ и для правильной охраны интересовъ, словомъ, для обезпеченности ихъ положенія,—необходимо, чтобы послѣднее точно и ясно опредѣлялось закономъ, который для всѣхъ обязателенъ и къ

основываемымъ на которомъ правамъ можно требовать уваженія отъ всѣхъ и каждаго; что собственные обычаи, вырабатывавшіеся безъ участія науки, подчиняющіеся постоянно произвольнымъ, случайнымъ, неопредѣленнымъ вліяніямъ, не могутъ быть ни удовлетворительны по своему существу и содержанію, ни обезпечены въ отношеніи исполненія. Имъ кажется, что оно должно, прежде всего, позаботиться, и даже позаботилось, объ опредѣленіи закономъ всѣхъ ихъ правъ и обязанностей, всѣхъ ихъ отношеній... Отъ закона,—явившагося результатомъ истинно-государственнаго начала, ставшаго необходимымъ съ развитіемъ общественнаго мнѣнія, подготовлявшагося расширеніемъ вліянія со стороны правильныхъ научныхъ и философскихъ юридическихъ понятій и привлекавшаго сочувствіе и поддержку со стороны лучшей части общества,—получили бывшіе крѣпостные крестьяне свою свободу. И полнаго и окончательнаго устройства своего быта ждутъ они также отъ закона, обставляемаго надлежащими условіями соотвѣтствія правдѣ, справедливости, общимъ интересамъ и дѣйствительнымъ потребностямъ,—а не отъ обычая, улучшить который сами они не въ состояніи, по сознаваемой ими собственной „темнотѣ"...*) Какъ можно не идти навстрѣчу этимъ истинно-гражданскимъ стремленіямъ русскаго крестьянства?

---

*) Изъ отвѣтовъ крестьянъ, которые приходилось получать при собираніи свѣдѣній объ обычномъ правѣ говоритъ, между прочимъ, г. Леонтьевъ („Въ поискахъ за обычнымъ правомъ"—„Русское Богатство", № 11 за 1894 г.)—„видно глубокое убѣжденіе крестьянъ, убѣжденіе, часто выражаемое ими и на судѣ, въ съѣздѣ, въ томъ, что законъ все предусмотрѣлъ, что въ немъ есть отвѣты на всѣ вопросы, задаваемые ихъ крестьянскою жизнью, и что люди, знающіе законы, должны знать, какъ рѣшать всѣ ихъ споры и тяжбы. Безпрестанно приходится слышать отъ крестьянъ: „разсудите насъ по закону", „законъ то знаетъ, какъ надо", и т. п. Крестьяне совсѣмъ не признаютъ противорѣчія закона и жизни и не противопоставляютъ свою правду „обычая" правдѣ закона. О своемъ обычаѣ они, повидимому, неважнаго мнѣнія. „Да что нашъ обычай,—мы не знаемъ, какъ надо,—вамъ виднѣе". И это не есть напускныя слова смиренія предъ „начальствомъ". Нѣтъ. Ихъ приходится слышать при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ о такомъ стимулѣ не можетъ быть и помину. Такое мнѣніе есть результатъ глубокаго уваженія къ „закону" среди крестьянства, наивно вѣрующаго, что въ немъ есть всѣ отвѣты на требованія жизни"..

„Защищать неприкосновенность обычно-правового строя крестьянской жизни—говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ („Журналъ Спб Юридическаго Общества", № 11 за 1894 г., статья—„Волостной

Говорятъ о какомъ-то особомъ творчествѣ обычая,—и въ немъ видятъ даже преимущество обычая передъ закономъ. Но, въ сущности, обычай, какъ юридическое начало, которому подчиняются всѣ въ силу молчаливаго соглашенія, творитъ менѣе всего, и, главнымъ образомъ, утверждаетъ то, что создается въ народной жизни само собою. Потому-то, обычай утверждаетъ и худое, и хорошее, безразлично; потому-то, и разбираться въ немъ нужно особенно старательно; потому-то, съ точки зрѣнія дѣйствительнаго юридическаго творчества, съ точки зрѣнія умозрительной,—многіе обычаи и не могутъ быть признаваемы юридическими... Наоборотъ, дѣйствительное творчество принадлежитъ закону. Послѣдній въ большей мѣрѣ продуктъ умозрѣнія, работы мысли,—возникающій вслѣдствіе сознательнаго примѣненія къ отношеніямъ людей въ обществѣ идеи права, справедливости. Законъ не всегда таковъ, но онъ всегда можетъ быть такимъ. Въ этомъ смыслѣ право, если разсматривать его въ формѣ закона, не имѣетъ того, приписываемаго ему назначенія, которое состоитъ въ томъ, чтобы не создавать отношенія между людьми, не устраивать ихъ извѣстнымъ образомъ, по началамъ правды и справедливости, а только формулировать отношенія уже сложившіяся и такъ, какъ они именно сложились сами собою. Если право иногда и формулируетъ отношенія уже сложившіяся, то оно должно это дѣлать въ томъ только смыслѣ и случаѣ, если эти отношенія сами собою сложились удовлетворительно, безъ нарушенія правды и справедливости. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно быть. Въ этомъ дѣйствительное назначеніе права. Оно должно формулировать отношенія такъ, какъ это дѣлается необходимымъ, предписывается идеею справедливости, общей пользы, государственнаго блага. Оттого нормы закона, какъ заключающія въ себѣ извѣстную общую идею, и однообразны. Наоборотъ, оттого, что обычай разнообразенъ и неопредѣленъ,—онъ и не заключаетъ и не можетъ заключать въ себѣ регулированія отношеній по началу

судъ и обычное право"), будто способнаго пошатнуться отъ болѣе близкаго открытаго и опредѣленнаго воздѣйствія интеллигентныхъ силъ въ томъ случаѣ, если онѣ получатъ участіе въ народномъ судѣ, или способнаго потерпѣть ущербъ отъ удовлетворенія настоятельнѣйшей потребности крестьянской жизни въ претвореніи неписанаго обычнаго права въ писаный, ясно формулированный законъ—защищать его могутъ только лица, незнакомыя съ современнымъ правовымъ положеніемъ крестьянства".

правды и справедливости, по требованіямъ извѣстной общей идеи.

Сторонники обычаевъ возражаютъ еще противъ примѣненія закона къ крестьянской средѣ съ точки зрѣнія якобы заключающагося въ самой сущности его стремленія къ мелочной регламентаціи жизни, къ обставленію ея мертвыми формами, къ широкому вмѣшательству государства въ бытовыя отношенія народа, къ бюрократизму. Но,—во-первыхъ, степень вмѣшательства государства въ бытовыя отношенія гражданъ зависитъ вовсе не отъ отношеній между закономъ и обычаемъ,—она коренится въ политическихъ формахъ, въ системѣ управленія; законность сама по себѣ не предполагаетъ широкаго вмѣшательства государства въ народную жизнь,—и на западѣ личность земледѣльца, подчиненная общимъ законамъ, представляется много болѣе свободною, чѣмъ у насъ, гдѣ предоставляется крестьянамъ въ цѣломъ рядѣ отношеній руководствоваться мѣстными своими обычаями. Во-вторыхъ, отсутствіе опредѣленій со стороны закона для нѣкоторыхъ существенныхъ отношеній, предоставленіе дѣйствія обычаю на эти отношенія ведетъ только къ особо широкому, уже не законодательному, а административному вмѣшательству въ народную жизнь,—что именно и наблюдается какъ разъ на этой почвѣ у насъ, въ области крестьянской жизни; законность есть лишь гарантія для гражданъ, предѣлъ для вмѣшательства, безъ котораго администрація дѣлается всесильною, безконтрольною и безотвѣтственною. Въ-третьихъ же, наконецъ, по самому существу своему и происхожденію, какъ продуктъ, до извѣстной степени, безсознательнаго творчества, какъ—очень часто—остатокъ глубокой старины, лишенный дѣйствительнаго значенія для современныхъ отношеній, удерживающійся чисто-механически,—обычай съ его вытекающими отсюда символизмомъ и обрядностью, именно стремится обставить жизнь мертвыми формами, регулировать ее самымъ мелочнымъ образомъ. Вспомнимъ хотя наши свадебные обряды и обычаи. Обычай тѣмъ болѣе опутываетъ личность и лишаетъ ее свободы, что при всемъ томъ остается неизвѣстнымъ, нарушается часто невольно,—подвергая жесточайшему преслѣдованію и такія нарушенія своихъ нормъ. Нужны ли примѣры? Но ихъ такъ много,—ими изобилуетъ не одна крестьянская жизнь...

Въ пользу предоставленія юридической силы мѣстнымъ обычаямъ крестьянъ выставляютъ еще существованіе якобы большаго числа „особенностей“ въ крестьянскомъ быту, дѣ-

лающихъ будто бы невозможнымъ созданіе здѣсь общихъ нормъ права безъ нарушенія справедливости въ примѣненіи къ разнообразію частныхъ случаевъ. Но, во-первыхъ, законъ можетъ предусмотрѣть и эти особенности. Во-вторыхъ же, въ крестьянской средѣ „мѣстныхъ особенностей", безъ сомнѣнія, даже меньше, чѣмъ въ средѣ другихъ сословій, подчиняемыхъ закону. Крестьянская жизнь—однообразна, сѣра, буднична, малоподвижна. Можно ли утверждать противное? Въ такомъ случаѣ, общія нормы права приложимы именно къ крестьянской средѣ съ наименьшимъ нарушеніемъ справедливости въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ.

Съ этой же точки зрѣнія, и при несомнѣнной, вопіющей необходимости огражденія личности крестьянина общими законами, если даже и допустить на нѣкоторое время (которое, однако, уже окончилось и во всякомъ случаѣ не можетъ продолжаться съ изданіемъ гражданскаго уложенія) дѣйствіе обычая въ области частнаго права, въ каковой области обычай вообще удерживается дольше всего,—то нельзя сдѣлать то же самое ни въ какомъ случаѣ по отношенію къ области права публичнаго. Послѣдняя, имѣющая въ виду особо важныя отношенія, подчиняется, прежде всего, закону,—и должна быть опредѣлена ясными, точными, общеизвѣстными и общеобязательными нормами. А между тѣмъ, у насъ, какъ мы видѣли (отд. второе), предоставлено весьма широкое поле дѣйствія обычаю—именно на публичныя отношенія крестьянъ. Отсюда, а равно и вообще по причинѣ уединенія крестьянъ отъ дѣйствія общихъ законовъ, — возникаетъ совершенно своеобразное, исключительное юридическое положеніе крестьянъ, напоминающее о существованіи для нихъ постоянной суспензаціи необходимыхъ правъ и гарантій, какъ бы непрерывнаго дѣйствія относительно ихъ особыхъ законовъ объ усиленной или даже чрезвычайной охранѣ...

Итакъ, законъ является единственною формою права, на которой можно обосновывать дѣйствительно твердое и удовлетворительное юридическое положеніе всѣхъ слоевъ населенія. *)

Какая же роль должна быть предоставлена обычаю, въ концѣ концовъ? Очевидно, обычай долженъ быть выясненъ,

*) Вопросъ объ обычаѣ и законности и не есть, собственно говоря, вопросъ чисто-крестьянскій. Жизнь и прочихъ сословій, въ цѣломъ рядѣ существенныхъ отношеній, регулируется у насъ также обычаемъ,—подъ видомъ административнаго усмотрѣнія.

оцѣненъ и—претворенъ въ законъ, въ тѣхъ своихъ положеніяхъ, которыя того заслуживаютъ. *) Не нужно увлекаться достоинствами историческаго права, въ образованіи котораго принималъ такое большое участіе обычай, для того, чтобы видѣть необходимость—и при настоящихъ условіяхъ неизбѣжность—такого пути для будущаго права,—для права, по крайней мѣрѣ, ближайшаго будущаго. Но во всякомъ случаѣ, творчеству закона, а съ нимъ наукѣ права, должна быть предоставлена свобода, достаточная для того, чтобы общая для всѣхъ норма права отвѣчала въ возможной степени требованіямъ идеи права, правдѣ, справедливости.

---

*) Можно было искренно привѣтствовать изслѣдованіе обычаевъ, предпринятое со стороны отдѣленія обычнаго права спб. юридическаго общества (впрочемъ, кажется, прекратившееся). Но, во-первыхъ, изслѣдованіе обычаевъ должно быть мѣстнымъ, основываемымъ не на одномъ бумажномъ матеріалѣ, которымъ, къ сожалѣнію, пользуется отдѣленіе; во-вторыхъ, оно должно охватывать весь юридическій бытъ народа,—выяснять всѣ дѣйствующія среди него нормы права, законъ, какъ и обычай, всѣ юридическія отношенія крестьянъ. Наконецъ, для производства изслѣдованія, необходима соотвѣтствующая широкая программа. Это послѣднее условіе имѣетъ особую важность, какъ бы ни было узко или широко поставлено изслѣдованіе. По совершенно справедливому замѣчанію П. П. Семенова,—„правильная постановка вопросовъ и составленіе вполнѣ удовлетворительной программы могутъ уже быть признаны за осуществленіе изслѣдованія почти на половину“... („Сборникъ матеріаловъ для изученія русской поземельной общины“ томъ 1, стр. 38).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе I.

Программа мѣстнаго изслѣдованія юридическаго положенія крестьянъ.

Съ точки зрѣнія всего изложеннаго въ настоящей книгѣ и въ видахъ выясненія современнаго положенія личности крестьянина, которое лучше всего можетъ убѣдить въ безусловной необходимости скорѣйшаго его преобразованія, такъ, чтобы всѣ вообще крестьяне оказались, наконецъ, обладающими извѣстною полнотою человѣческихъ правъ, безъ которой немыслимо процвѣтаніе многомилліонной части населенія, безъ которой положеніе крестьянъ неизбѣжно и во всѣхъ отношеніяхъ будетъ становиться хуже и хуже,—предлагается нижеслѣдующая *программа мѣстнаго изслѣдованія правового положенія крестьянъ*, для выясненія дѣйствующихъ среди нихъ подлинныхъ нормъ права,—программа, логически слѣдующая изъ предшествующаго изложенія и имъ обосновываемая.

I. Нѣкоторые общіе вопросы.

Изслѣдованіе юридическаго положенія крестьянъ для указанной цѣли должно быть преимущественно мѣстное и непосредственное. Оно должно совершаться путемъ объѣзда возможно большаго числа селеній, въ особенности, тѣхъ, въ которыхъ находится крестьянское управленіе, и путемъ бесѣдъ съ волостными и сельскими должностными лицами, при случаѣ—съ сельскими и волостными сходами. Затѣмъ, бесѣда съ каждымъ крестьяниномъ или лицомъ, знакомымъ съ деревнею, можетъ давать нужныя свѣдѣнія, при всякихъ условіяхъ и при всякой обстановкѣ. У насъ не развиты эти опросы деревенскихъ людей, съ которыми приходится сталкиваться постоянно,—не принято входить въ разсужденія о деревнѣ и ея порядкахъ

съ прислугою, швейцарами, дворниками, извозчиками и прочимъ деревенскимъ людомъ, проживающимъ въ городѣ. А между тѣмъ, эти лица бываютъ въ состояніи сообщить много интереснаго какъ по части фактовъ, такъ и въ отношеніи собственныхъ юридическихъ воззрѣній. Большею частью, они оказываются далеко непорвавшими связей съ деревнею; часто они болѣютъ ея недугами, живутъ ея интересами, имѣютъ дома въ деревнѣ, какія-нибудь дѣла, подчасъ сильнѣйшимъ образомъ ихъ угнетающія, и хранятъ массу воспоминаній, разсказовъ, впечатлѣній о деревенскихъ порядкахъ, о сельской крестьянской жизни, объ ея правовыхъ условіяхъ. Словомъ, не слѣдуетъ пренебрегать никакими источниками, но всегда и всюду имѣть въ виду тотъ или иной вопросъ программы.

Въ каждомъ данномъ пунктѣ изслѣдованія и при каждомъ случаѣ, удобномъ для собиранія свѣдѣній, подлежатъ выясненію, прежде всего, нѣкоторые общіе вопросы, условія и явленія, сами по себѣ многообѣщающіе и служащіе основой, на которой разрѣшаются вопросы, поставленные въ дальнѣйшихъ главахъ:

Къ какому разряду принадлежатъ жители даннаго селенія или волости: бывшіе ли они крестьяне помѣщичьи, государственные, удѣльные, или инородцы? Если помѣщичьи, то вышли ли они на выкупъ съ 1883 г. (обязательно) или ранѣе по выкупнымъ актамъ и договорамъ? Что составляетъ занятіе жителей земледѣліе, промыслы,—мѣстные, отхожіе, кустарные, фабричные? Насколько распространена грамотность? Далеко ли городъ, пароходная пристань, желѣзнодорожная станція, камера земскаго начальника или какой-либо промышленный или торговый центръ? Какой характеръ имѣетъ поселеніе, въ которомъ находится волостное правленіе: велико ли оно, развита ли въ немъ торговля или промышленность? Какъ устраиваются селенія, не составляющія сельскихъ обществъ, по обычаю? Какія права предоставляетъ имъ обычай? Какъ дѣйствуютъ ихъ сходы, и какъ отражается на нихъ ихъ крайне шаткое и неопредѣленное юридическое положеніе?

II. Государственное право.

По смыслу основныхъ законовъ, страна управляется на твердомъ основаніи законовъ. Такъ должно управляться и крестьянство,—съ тѣми изъятіями, которыя указываются въ

Общемъ Положеніи и которыми предоставляется равная или даже преимущественная сила мѣстнымъ обычаямъ и правиламъ, принятымъ въ крестьянскомъ быту. Этими началами указывается совершенно ясно направленіе желательнаго мѣстнаго изслѣдованія юридическаго положенія крестьянъ.

Подъ юридическими обычаями нужно разумѣть такія правила, которыя, не будучи выражены въ законѣ, исполняются какъ обязательныя, постоянно, однообразно и, въ случаѣ надобности принудительно. Для того, чтобы признать данное положеніе юридическимъ обычаемъ, нужно, чтобы оно не противорѣчило нравственности, не являлось явнымъ нарушеніемъ порядка, согласовалось съ юридическими принципами, не допускающими никакихъ исключеній.

Два рода мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ имѣются въ виду здѣсь, какъ предметъ изслѣдованія:

Во-первыхъ, имѣются въ виду тѣ обычаи, существованіе которыхъ допускаетъ законъ, —обычаи, дѣйствующіе по велѣнію самого закона, рядомъ съ нимъ, въ равной или даже преимущественной силѣ. Это, такъ сказать, строго юридическіе обычаи,—*юридическіе обычаи, по закону существующіе* и имѣющіе соотвѣтствующую силу.

Область дѣйствія такихъ обычаевъ указана въ статьяхъ Общаго Положенія, изд. 1876 г. 21 (прим.), 38, 47, 56, 79, 58 (п. II), 51 (п. II), 67 (п. 4 и 8), 93, (прим. 2), 99, 107, 130 (п. I, прим.), 171, 175, 184, 186; также въ ст. 112 мѣстнаго положенія губерній великор., малорус. и бѣлорус.,—и въ соотвѣтствующихъ этимъ статьямъ статьяхъ положеній о сельскомъ состояніи, изд. 1902 г. *)

Во-вторыхъ, такъ какъ законы о крестьянахъ заключаютъ въ себѣ много недомолвокъ и неясностей, и, кромѣ того, выражены нерѣдко весьма кратко,—то и предусматриваемые и непре-

*) Здѣсь и въ дальнѣйшемъ мы сохраняемъ и дѣлаемъ ссылки на законы о крестьянахъ (Особое Приложеніе къ т. IX) какъ въ изданіи 1876 г., такъ (въ скобкахъ) и въ изданіи 1902 г. Дѣло въ томъ, что изданіе 1902 г. далеко не имѣетъ еще того распространенія, какое получило офиціальное изданіе 1876 г. и воспроизводившія его частныя изданія. Въ массѣ литературныхъ работъ дѣлаются ссылки на изд. 1876 г. Лицамъ, интересующимся крестьянскими законами и литературою крестьянскаго вопроса, и желающимъ изслѣдовать юридическое положеніе крестьянъ, придется очень часто имѣть дѣло съ прежнимъ изданіемъ Особаго Приложенія, вслѣдствіе недостатковъ самаго изданія 1902 г. (см о немъ нашу статью въ „Юридической Газетѣ“, №№ 73 и 74 за 1904 г.), трудно обойтись безъ прежняго изданія.

дусматриваемые закономъ предметы и явленія въ дѣйствительности управляются также во многихъ случаяхъ правилами, пріобрѣвшими значеніе *юридическихъ* обычаевъ,—постольку, поскольку они не противорѣчатъ общимъ началамъ права и таковымъ же началамъ собственно русскаго дѣйствующаго законодательства. Это, такъ сказать, *юридическіе обычаи фактически существующіе*,—иногда подтверждаемые въ ихъ законной силѣ прямыми постановленіями компетентной власти или же опровергаемые ею,—а до тѣхъ поръ дѣйствующіе именно какъ мѣстные юридическіе обычаи.

Поводъ къ образованію такихъ обычаевъ даютъ статьи Общаго Положенія, изд. 1876 г. 49, 51 (пп. 2, 4, 6, 12, 13), 58 (пп. 1, 7, 10, 12), 64, 73, 78 (пп. 5, 6 и 7), 83 (п. 1), 84 (пп. 1 и 8), 86, 87, 96, 102, (прим. I), 103 (прим. 2), 114, 115, 116, 119 и пр.—и соотвѣтствующія имъ статьи Положенія о сельскомъ состояніи, изд. 1902 г.

Вопросы, возникающіе изъ тѣхъ и другихъ статей, могутъ быть, для большей систематичности, соединены въ группы, соотвѣтствующія отраслямъ юридической науки: *1, государственное право; 2, финансовое право, 3, полицейское право; 4, судоустройство и судопроизводство; 5, уголовное право; 6, гражданское право.*

Обычай составляетъ правило, которымъ крестьяне должны руководствоваться лишь по исключенію, теоретически предполагается,—въ строго опредѣленныхъ случаяхъ; для крестьянъ остаются, поэтому, обязательными и различные общіе и особо касающіеся ихъ законы.

Такимъ образомъ, во всѣхъ положеніяхъ о крестьянахъ дѣлаются ссылки и указывается необходимость имѣть подъ руками, по крайней мѣрѣ, въ волостныхъ правленіяхъ, почти всѣ томы и части дѣйствующаго Свода Законовъ. На тотъ же Сводъ дѣлаются ссылки и указывается необходимость имѣть его также во всѣхъ распоряженіяхъ, которыя сообщаются крестьянамъ, равно какъ и въ разъясненіяхъ, печатающихся въ спеціальной народной правительственной газетѣ—„Сельскій Вѣстникъ“. Единственно въ подлежащихъ статьяхъ дѣйствующаго Свода Законовъ содержатся и указываются нѣкоторыя особыя права и обязанности крестьянъ.

Слѣдовательно, обладаніе всѣми этими законами, какъ одно изъ важнѣйшихъ условій полнаго и правильнаго усвоенія крестьянами всѣхъ возложенныхъ на нихъ правъ и обязанностей, составляетъ первѣйшій предметъ, подлежащій выясненію

при изслѣдованіи вопросовъ юридическаго положенія крестьянъ. Представляется, поэтому, необходимымъ, прежде всего, опредѣлить:

Имѣются ли въ волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ положенія о сельскомъ состояніи? Имѣются ли, затѣмъ, прочіе томы и части Свода Законовъ? Въ какихъ изданіяхъ имѣются законы,— правительственныхъ или частныхъ,—а равно, въ изданіяхъ какихъ годовъ? Имѣются ли также продолженія, издаваемыя къ Своду Законовъ, и какія именно? Въ какомъ состояніи находятся имѣющіеся изъ этихъ источниковъ правъ и обязанностей крестьянъ, и гдѣ и какъ хранятся? Часто-ли и какъ ими пользуются?

Какія юридическія періодическія изданія получаются въ волостныхъ правленіяхъ и не выписываются ли они частными лицами? Кто выписываетъ такія изданія?

Послѣдовательно должно быть признано весьма существеннымъ выясненіе примѣненія п. 1, ст. 83 (100) Общаго Положенія,—по которому волостной старшина обязанъ, по предписаніямъ полиціи, объявлять законы и распоряженія правительства.

Какимъ порядкомъ это совершается? Указывается ли таковой порядокъ въ соотвѣтствующихъ предписаніяхъ? При наличности ли только такого предписанія объявляются старшиною законы и распоряженія правительства или же это дѣлается постоянно, по обычаю? Обезпечиваетъ ли принятый способъ достаточное распространеніе свѣдѣній о законахъ, въ особенности, о тѣхъ, которые касаются крестьянъ?

Въ этомъ же отношеніи могъ сложиться извѣстный порядокъ и образоваться извѣстные обычаи подъ прямымъ вліяніемъ прежнихъ законовъ о нѣкоторыхъ разрядахъ крестьянъ. Дѣйствительно, такого рода моментъ въ обнародованіи закона въ отношеніи крестьянъ удѣльнаго вѣдомства предусматривался, напримѣръ, въ ст. 5693, тома II, части I, изд. 1857 г., даже въ томъ смыслѣ, что голова приказа обязывался „обнародовать узаконенія, до свѣдѣнія крестьянъ относящіяся, съ приличнымъ истолкованіемъ сущности и цѣли оныхъ". Вліяніе такого постановленія могло прямо отразиться на другихъ разрядахъ крестьянъ и сохраниться среди нихъ до сихъ поръ.— Этотъ же моментъ, въ отношеніи крестьянъ государственныхъ, когда они состояли въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, опредѣлялся также весьма широко. Именно, согласно ст. 225 т. XII, ч. 2, устава о благоустройствѣ въ

казен. селеніяхъ, Высочайшіе указы и предписанія начальства объявлялись государственнымъ крестьянамъ при церквахъ, по окончаніи обѣдни и на мірскихъ сходкахъ. Принимались затѣмъ различныя мѣры къ снабженію законами волостныхъ правленій. Оттого въ волостныхъ правленіяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ до сихъ поръ можно находить цѣлыя юридическія библіотеки, создавшіяся въ прежнее время и по старой памяти пополняемыя.

По словамъ Н. М. Астырева, — „дѣйствительные законы совершенно неизвѣстны народу: онъ знаетъ одинъ законъ,— это то, что говоритъ и приказываетъ начальство, какое бы оно ни было· урядникъ, писарь, мировой судья или судебный слѣдователь...“ Насколько же это вѣрно? Не произошло ли въ послѣднее время какихъ-либо измѣненій въ этомъ отношеніи? *)

Далѣе, интересно выяснить: имѣются ли и въ какомъ видѣ, обязательныя постановленія губернскаго земскаго собранія о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ и о постройкахъ въ селеніяхъ, издаваемыя на основаніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ?

Постановленія эти—слѣдуетъ замѣтить—затрагиваютъ весьма существенные интересы крестьянъ при составленіи плановъ для новыхъ построекъ послѣ пожара. Въ этихъ случаяхъ происходитъ множество злоупотребленій, въ смыслѣ неправильнаго увеличенія однимъ и уменьшенія другимъ усадебныхъ участковъ, состоящихъ,—по закону,—въ неприкосновенномъ потомственномъ пользованіи проживающихъ на нихъ семействъ. А такъ какъ постановленія эти весьма трудно добыть и они остаются малоизвѣстными,—то изслѣдованіе должно обнаружить много невыгодныхъ явленій именно по этой причинѣ,—произволъ, злоупотребленія.

Имѣются ли инструкціи или руководства волостнымъ и сельскимъ обществамъ и должностнымъ лицамъ относительно исполненія возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей, издаваемыя уѣздными съѣздами на основаніи закона 12 іюля 1889 г.? Чего касаются эти инструкціи? Не возбуждалось ли вопросовъ о несоотвѣтствіи этихъ инструкцій закону, и чѣмъ разрѣшались эти вопросы?

Въ связи съ этимъ находятся вопросы объ источникахъ и формахъ, такъ сказать, внутреннихъ распоряженій и дѣйствій

*) Въ волостныхъ писаряхъ“, изд. 1, стр 192

по волостному и сельскому управленію крестьянъ, именно требуемыхъ закономъ:

Имѣется ли при сельскомъ управленіи книга для записыванія приговоровъ сельскаго схода, согласно ст. 57 (69) Общаго Положенія? Имѣется ли книга приказовъ, согласно требованію ст. 90 (108) для записыванія приказаній, объявляемыхъ волостнымъ старшиною правленію или отдѣльнымъ должностнымъ лицамъ правленія, если таковой записи потребуетъ самъ старшина или лицо, получившее приказаніе, и для записыванія также рѣшеній волостного правленія? Имѣется ли отдѣльная или общая книга для записыванія рѣшеній волостныхъ и третейскихъ судовъ? Имѣется ли книга сдѣлокъ и договоровъ, согласно ст. 91 (109)? Есть ли особая книга о рожденіи и смерти сектантовъ.? Не исполняютъ ли, слѣдовательно, волостныя правленія обязанности по заключенію гражданскаго брака между сектантами, каковое значеніе имѣютъ записи въ упоминаемыя книги? И существованіе такихъ книгъ въ волостномъ правленіи не свидѣтельствуетъ ли о существованіи въ данной мѣстности сектантовъ, могущихъ придавать извѣстную характеристику мѣстному населенію? Имѣется ли книга для записи взысканій, налагающихся на крестьянъ волостными старшинами и сельскими старостами? Какія еще книги и записи ведутся въ волостныхъ и сельскихъ управленіяхъ и по чьимъ требованіямъ?

Выясненіе размѣровъ дѣлопроизводства и письмоводства въ волостныхъ правленіяхъ представляется вообще весьма важнымъ. Еще при образованіи нынѣшняго крестьянскаго управленія, выражалось опасеніе, какъ бы волостное правленіе не сдѣлалось канцеляріею, обременяемою громадною перепискою, по правильнымъ и неправильнымъ требованіямъ разныхъ лицъ и мѣстъ. Опасенія эти, какъ извѣстно, и оправдались. Н. Астыревъ, на стр. 32 своей книги, между прочимъ, живописуетъ: „И какая же масса разношерстнѣйшихъ вѣдомствъ и начальствующихъ лицъ обращается въ волостное правленіе съ требованіемъ немедленнѣйшаго исполненія своихъ приказаній! Уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, уѣздная и губернская земскія управы, воинское присутствіе, училищный совѣтъ, дворянская опека, полицейское управленіе, казенная палата, губернское правленіе, палата государственныхъ имуществъ, казначейство, мировой съѣздъ, мировые судьи, исправникъ, непремѣнный членъ, становой, судебный слѣдователь, судебный приставъ, губернскій статистическій комитетъ, агентъ земскаго страхованія и пр.— все это и всѣ эти пишутъ „немедлен-

но доставить", „безотлагательно распорядиться", „съ нарочнымъ донесть", „лично явиться", разыскать, составить, оцѣнить, выслать, описать, изслѣдовать, „имѣть наблюденіе", и т. д. до безконечности"... У меня,—говоритъ Астыревъ—вначалѣ въ глазахъ зарябило, и я отчаялся когда-либо понять всю эту премудрость... Съ укоромъ глядѣлъ я на статьи 90 и 91 Общаго Положенія, въ которыхъ говорится о четырехъ книгахъ, имѣющихъ быть въ волостномъ правленіи, и—сравнивалъ эту ничтожную цифру съ тѣми 38 книгами, которыя велись въ нашемъ правленіи, и въ числѣ коихъ однихъ денежныхъ было шесть"...—Инструкція волостнымъ и сельскимъ обществамъ и должностнымъ лицамъ, утвержденная 1 іюля 1877 г. владимірскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, прямо требовала также отъ всѣхъ волостныхъ правленій губерніи веденія 24 книгъ...—Г. Беэръ, авторъ книги „Комментаріи новыхъ провинціальныхъ учрежденій 12 іюля 1889 г., перечисляетъ 43 книги, которыя, по его мнѣнію, должны вестись въ волостныхъ правленіяхъ, и указываетъ на 15 срочныхъ представленій, которыя обязываются дѣлать эти учрежденія...

Насколько вообще развито письменное дѣлопроизводство въ волостныхъ правленіяхъ? Въ какой мѣрѣ волостныя и сельскія управленія служатъ интересамъ лицъ другихъ сословій, кромѣ крестьянъ, и общеправительственнымъ?

Выясненіе послѣдняго вопроса представляетъ особую важность съ точки зрѣнія поставленныхъ ниже вопросовъ обычнаго финансоваго права, размѣровъ мірскихъ сборовъ, ихъ распредѣленій и расходованія,—равно какъ и съ точки зрѣнія необходимости преобразованія крестьянскаго самоуправленія на началѣ всесословности.

Выше разсмотрѣнъ вопросъ, возбуждаемый статьею 83, п. I (100-ою,) изъ группы, относящейся къ государственному праву,—вопросъ объ обнародованіи волостными старшинами законовъ и распоряженій правительства.

Изъ всѣхъ статей той-же группы должна почитаться возбуждающею важнѣйшіе вопросы—статья 47 (57) Общаго Положенія и примѣчаніе третье къ ней. На основаніи этой статьи, —„сельскій сходъ составляется изъ крестьянъ-домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскаго общества, и, кромѣ того, изъ всѣхъ назначенныхъ по выбору сельскихъ должностныхъ лицъ. Не воспрещается домохозяину, въ случаѣ отлучки, болѣзни и вообще невозможности лично явиться на сходъ, прислать вмѣсто себя кого-либо изъ членовъ своего семейства,

съ дворовъ же многотягольныхъ дозволяется присылать на сходъ двухъ или болѣе крестьянъ, если сіе согласно съ мѣстнымъ обычаемъ".

Итакъ, рѣчь идетъ здѣсь о законномъ составѣ сельскаго схода. Сельскій же сходъ есть тотъ „міръ", которымъ, главнымъ образомъ, управляется крестьянство. Очевидно, что отъ того или иного состава его могутъ исходить тѣ или иныя рѣшенія и что ходъ сельскаго управленія зависитъ въ большой степени отъ того, какъ и при какихъ условіяхъ приходится сходамъ отправлять свою дѣятельность, настолько ли ясно опредѣлены ихъ права и обязанности, чтобы они, дѣйствительно, могли оказываться самостоятельными.

Право на участіе въ сходѣ имѣетъ каждый крестьянинъ-домохозяинъ. Кто-же именно—прямо и точно—долженъ почитаться домохозяиномъ, участникомъ сельскаго схода? Выраженія эти не представляются ясными и возбуждающими однообразныя представленія. Оттого и условія, предоставляющія право участія въ сходѣ, опредѣляются болѣе обычаемъ и различными произвольными вліяніями, нежели закономъ.

Предоставляется ли право участія въ сельскомъ сходѣ лицу совершеннолѣтнему (что именно требуется дополнительными правилами о крестьянахъ закавказскихъ) или и несовершеннолѣтнему? Долженъ ли домохозяинъ имѣть только усадебную осѣдлость или также непремѣнно и полевыя угодья? Допускаются ли въ качествѣ домохозяекъ къ участію въ сельскомъ сходѣ женщины? Допускаются ли онѣ въ качествѣ простыхъ представительницъ своихъ дворовъ вмѣсто мужей, братьевъ и пр.? Какими правами онѣ пользуются и каково ихъ положеніе на сходахъ? Являются ли женщины безучастными зрительницами происходящаго на сходахъ, или же принимаютъ достаточно дѣятельное участіе въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ?

Та же статья 47 (57) предоставляетъ прямо опредѣленію обычаемъ какъ представительства многотягольнаго двора не однимъ лицомъ на сходѣ, такъ и опредѣленіе самаго числа такихъ представителей.—Далѣе, примѣчаніе 2 къ ст. 47 (57) указываетъ на то общее ограниченіе въ правахъ домохозяина, которое сопряжено съ наказаніемъ по ст. 43 уложенія о наказаніяхъ. Между тѣмъ, существуютъ и другія ограниченія. Такимъ образомъ, п. 2 ст. 51 (61) предоставляется сельскому сходу устраненіе отъ участія въ сходѣ на время не далѣе какъ на три года даже.—Наконецъ, прим. 3 къ ст. 47 (57) допускаетъ передовѣріе права своего голоса извѣстнымъ по-

рядкомъ своимъ однообщественникамъ тѣми домохозяевами, которые, отлучаясь болѣе, нежели на полгода, не имѣютъ въ своихъ семьяхъ лицъ, „могущихъ, по ст. 47, замѣнить ихъ на сельскомъ сходѣ."

На всѣхъ этихъ основаніяхъ представляется возможнымъ поставить нижеслѣдующіе вопросы, какъ разрѣшаемые больше юридическими обычаями, по закону и по житейской необходимости существующими.

Допускаются ли къ участію въ сходѣ женщины? Если допускаются, то при какихъ условіяхъ и съ какими правами? Съ тѣми ли правами, какъ и мужчины, или ограниченными, и въ чемъ именно? Не приглашаются ли онѣ лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса, а не рѣшающаго? При участіи женщинъ, въ качествѣ полноправныхъ членовъ схода, въ какую форму отлилось ихъ отношеніе къ службѣ по избранію? Не замѣняетъ ли на сходѣ вдову, пользующуюся надѣломъ и принявшую мужа,—этотъ послѣдній, если надѣлъ и не переданъ ему установленнымъ порядкомъ? Или и въ этомъ случаѣ женщина продолжаетъ сама пользоваться правами члена сельскаго схода? Не замѣняютъ ли вдову подростающія дѣти мужского пола? Не передаются ли имъ ею всѣ права на землю и права, соединенныя съ содержаніемъ земли за собою? Если передаются, то съ какого возраста и какимъ порядкомъ? Не начинаетъ ли уже въ такихъ случаяхъ мать представлять сына, которому перешли, по обычаю, эти права? А въ случаѣ женитьбы сына, не переходитъ-ли представительство, силою обычая, къ его женѣ, съ устраненіемъ матери, прежней домохозяйки и полноправной участницы схода? Или, наоборотъ, силою обычая, представительство сохраняется за матерью? Не замѣчается ли вообще разницы между прежнимъ и новѣйшимъ временемъ въ отношеніи допущенія женщины къ участію въ сельскомъ сходѣ? Не представляются ли дворы многотягольные, по обычаю, болѣе, нежели однимъ участникомъ на сходѣ? Какое именно наименьшее число тяголъ допускаетъ усиленное представительство двора? Въ какомъ числѣ и отъ какого числа тяголъ допускается наибольшее представительство двора? При лишеніи домохозяевъ, наказанныхъ по ст. 43 уложенія, права участія на сходѣ,—не представляются ли интересы принадлежащаго имъ двора другими членами ихъ семейства? И если представляются, то кто именно выбираетъ такихъ представителей двора? Всякаго ли, безъ исключенія, члена семьи, по своему личному произволу, или же при участіи схода—

посылаетъ домохозяинъ вмѣсто себя, при невозможности быть самому? Можетъ ли онъ, по обычаю, возлагать свои права на пріемыша или подкидыша, не приписаннаго еще къ семейству? Не опредѣляетъ ли обычай, кого именно можетъ онъ и кого не можетъ посылать вмѣсто себя на сходъ? Не требуется ли отъ участниковъ схода за домохозяина какихъ-либо доказательствъ полученнаго по довѣренности права? Въ какихъ именно случаяхъ и для какихъ дѣлъ домохозяинъ не можетъ воспользоваться правомъ передачи своего голоса члену своего семейства и долженъ, отлучаясь болѣе, чѣмъ на полгода, совершить таковую передачу, въ порядкѣ примѣч. 3 ст. 47 (57) своему однообщественнику? Совершается ли передача права голоса установленнымъ примѣчаніемъ 3 порядкомъ, то есть, заявленіемъ и запискою въ книгу сдѣлокъ и договоровъ, въ случаяхъ отлучекъ, длящихся болѣе полугода? Или въ такихъ случаяхъ передача совершается другимъ порядкомъ, основаннымъ уже на обычаѣ? Если отлучка вышла продолжительнѣе, чѣмъ предполагалось,—то въ какомъ состояніи остается передача? Совершается ли передача голоса однообщественнику за плату или безъ всякой платы, и если за плату, то въ какомъ размѣрѣ? По какимъ причинамъ сельскіе сходы устраняютъ кого-либо отъ участія въ своихъ совѣщаніяхъ? Въ какихъ видахъ примѣняется ими это право? Какимъ порядкомъ постановляются и исполняются приговоры этого рода? Распространяется ли лишеніе крестьянина права на участіе въ сходѣ на весь тотъ дворъ, къ которому онъ принадлежитъ?

Здѣсь необходимо также постановить вопросы о примѣненіи крестьянами права удаленія изъ своей среды порочныхъ членовъ. Право это приводитъ ко множеству злоупотребленій.

Часто ли составляются приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ?

Какія именно порочныя свойства признаются достаточными со стороны крестьянъ и губернскихъ присутствій?

Какими обстоятельствами сопровождается вообще примѣненіе подобной мѣры крестьянами къ своимъ однообщественникамъ?

На основаніи п. I. ст. 58 (74), сельскій староста „созываетъ и распускаетъ сельскій сходъ и охраняетъ должный порядокъ“; въ ст. же 49 (59) указано, что онъ созываетъ сходъ „смотря по надобности“.

Какимъ образомъ созываются сельскіе сходы старостами? Не зависятъ ли способы эти отъ величины сельскаго общества? Лично ли созываетъ староста сельскій сходъ, или поручаетъ это кому-либо? Не существуетъ ли особыхъ способовъ объявленія о предстоящемъ сходѣ и о предметахъ, подлежащихъ его обсужденію?

По учрежденію управленія казенныхъ крестьянъ 1805 г. (т. II, изд. 1832 г., ст. 1100), „когда надобно учинить сходъ, то каждый разъ извѣщаются о томъ поселяне, по распоряженію вол. головы или сельскаго старосты, за недѣлю, въ приходскихъ церквахъ, по окончаніи богослуженія во время дней праздничныхъ, и тутъ же дается имъ знать о предметахъ будущихъ разсужденій.“

Новѣйшее по-реформенное законодательство о крестьянахъ вовсе не касается этого предмета. Оно предоставляетъ его дѣйствію обычая. На практикѣ же, во многихъ мѣстахъ, какъ намъ извѣстно, и не создалось такого порядка объявленія о сходахъ, при которомъ заинтересованныя лица дѣйствительно узнавали бы о нихъ; о предметахъ сужденія члены схода и вовсе не увѣдомляются заблаговременно; они узнаютъ о нихъ только по открытіи схода. Отсюда необходимость слѣдующихъ вопросовъ:

Обезпечиваетъ ли примѣняемый способъ достаточное распространеніе свѣдѣній о предстоящемъ сходѣ между всѣми домохозяевами, имѣющими право на участіе въ сходѣ? Знаютъ ли члены сходовъ заранѣе о томъ, что придется имъ обсуждать? Гдѣ собираются сельскіе сходы? Собирается ли сходъ, коль скоро надобность въ созывѣ его сознана нѣсколькими домохозяевами, но не признается старостой? Считаетъ ли староста себя обязаннымъ присутствовать на такомъ сходѣ, безъ чего самый сходъ не будетъ законенъ, въ виду ст. 52 (64)? Гдѣ обыкновенно собирается сельскій сходъ? Какъ считаются прибывшіе и не провѣряются-ли ихъ права? Существуетъ ли очередь между желающими говорить на сходѣ?

Согласно ст. 76 (92), волостной сходъ созывается въ опредѣленные сроки, назначаемые мировымъ посредникомъ, или—гдѣ нѣтъ посредниковъ—уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, земскимъ начальникомъ, по представленію волостного старшины; въ случаѣ же необходимости созыва схода въ другое время,—это дѣлается „съ вѣдома и согласія“ тѣхъ же лицъ. Затѣмъ, на основаніи п. I ст. 84, (101), волостной

старшина созываетъ и распускаетъ сельскій сходъ и охраняетъ должный на ономъ порядокъ

Какимъ порядкомъ созывается волостной сходъ? Являются ли члены въ извѣстные имъ сроки сами, или получаютъ о томъ, равно какъ и о подлежащихъ обсужденію предметахъ, предварительное увѣдомленіе? Если надобность въ волостномъ сходѣ сознана лишь нѣкоторыми членами его, то обращаются ли они къ земскому начальнику за разрѣшеніемъ непосредственно или черезъ волостного старшину? Часто ли бываютъ волостные сходы? Какъ опредѣляется законность состава схода? Существуетъ ли запись являющихся и какъ они считаются въ виду необходимости присутствія на немъ не менѣе $^2/_3$ членовъ? Въ какомъ порядкѣ происходятъ засѣданія волостного схода?

На основаніи ст. 56 (68), голоса на сельскомъ сходѣ собираются—„или раздѣленіемъ схода на двѣ стороны и счетомъ голосовъ на каждой сторонѣ стоящихъ, или же инымъ способомъ, по существующему въ каждомъ обществѣ обычаю“. И тотъ же порядокъ указанъ статьею 79 (96) для волостного схода.

Какой же именно порядокъ счета голосовъ примѣняется въ каждомъ данномъ сельскомъ или волостномъ обществѣ? Не приняты ли для этого различные способы въ зависимости отъ свойствъ обсуждаемыхъ предметовъ и постановляемыхъ приговоровъ? Существуетъ ли закрытая подача голосовъ? Въ какой формѣ она примѣняется? Когда и по какимъ предметамъ прибѣгаютъ къ закрытой подачѣ голосовъ? Какъ производятся выборы на должности по волостному и сельскому управленію? Не происходятъ ли выборы нынѣ въ присутствіи земскаго начальника? Намѣчаются ли при выборахъ кандидаты заранѣе и какимъ способомъ? Подаются ли голоса при выборахъ закрытымъ или открытымъ способомъ? Понятно, что вопросы о порядкѣ выборовъ имѣютъ весьма важное значеніе въ юридической жизни сельскихъ обывателей. Какъ же они разрѣшаются, въ виду полнаго молчанія закона и возможности отсюда всякихъ внѣшнихъ посягательствъ... хотя молчаніе закона явно означаетъ предоставленіе этого предмета дѣйствію обычая?

Какое вліяніе производитъ на личность крестьянина участіе въ сходѣ? Вѣрно ли слѣдующее—впрочемъ, нѣсколько противорѣчивое—замѣчаніе, сдѣланное въ опытѣ разработки матеріала по вопросу объ юридическомъ положеніи крестьянъ

въ книгѣ кн. Тенишева „Административное положеніе русскаго крестьянина“ (стр. 33): „Разница въ поведеніи крестьянина, когда онъ одинъ и когда онъ на сходѣ, констатируется всѣми матеріалами,—и если сводить всѣ данныя въ одно, то едва-ли будетъ ошибкой сказать, что разница эта сводится къ приниженію и ухудшенію его нравственнаго облика на сходѣ. Такъ, крестьяне, склонные въ частныхъ разговорахъ къ благимъ начинаніямъ, на сходахъ обыкновенно робѣютъ открыто высказываться и поддаются вліянію крикуновъ,—враговъ всякаго культурнаго начинанія (напр. новгородская губ., тихвинскій у.); другіе крестьяне, наоборотъ, боятся начальства, когда они одни, а на сходахъ держатся самоувѣренно и крикливо, чувствуя силу „міра“ за собой, игнорируютъ начальство „уже не считаютъ нужнымъ прикрываться маской лицемѣрія и охотно примыкаютъ къ оппозиціоннымъ мнѣніямъ по тѣмъ именно вопросамъ, въ разрѣшеніи которыхъ вполнѣ соглашались ранѣе въ разговорѣ съ начальствомъ“ (вятская губ., яранскій у.; нижегородская губ., макарьевскій у.). Впрочемъ, боязнь передъ начальствомъ и на сходѣ нерѣдко сказывается“.

Какъ составляются и подписываются приговоры сельскаго и волостного сходовъ?

Не представляются ли приговоры сельскаго схода для засвидѣтельствованія или приложенія печати въ волостное правленіе, что требуется, по закону, только въ нѣкоторыхъ точно опредѣленныхъ случаяхъ?

Явленіе это наблюдается весьма часто и на широкомъ пространствѣ. Засвидѣтельствованіе приговора волостнымъ правленіемъ считается во многихъ случаяхъ непремѣннымъ условіемъ законности и дѣйствительности самаго приговора сельскаго схода. Любопытно выяснить, откуда именно возникло это неправильное убѣжденіе—изъ инструкцій-ли уѣздныхъ присутствій, издаваемыхъ въ 1875 г., или изъ того, что еще, по самому раннему устройству государственныхъ крестьянъ, именно по статьѣ 1105 тома II, перваго изданія (1832 г.) Свода Законовъ, требовалось предъявленіе приговора отъ селенія старостою или выборнымъ въ волостное правленіе... „для приложенія печати“. Вліяніе же этихъ постановленій не только могло сохраниться среди государственныхъ крестьянъ, но и перейти къ бывшимъ помѣщичьимъ. Во всякомъ случаѣ, это составляетъ одно изъ доказательствъ необходимости сообразоваться при изслѣдованіи крестьянской жизни и съ весьма

давними постановленіями, сохраняющимися, какъ извѣстнаго рода „переживанія“.

Точно также учрежденіе управленія государ. крестьянами, созданное гр. Киселевымъ, устанавливало особый способъ объявленія приговоровъ схода во всеобщее свѣдѣніе,—въ приходской церкви сельскаго общества, въ первый праздничный день (ст. 5019 т. II, ч. I, изд. 1857 г.). Отсюда также можно поставить вопросъ·

Не существуетъ ли какого особаго способа объявленія приговоровъ сельскаго и волостного сходовъ во всеобщее свѣдѣніе?

На основаніи ст. 114, въ должности по выбору не могутъ быть назначаемы, между прочимъ, „люди, оставленные судомъ въ подозрѣніи“. А такъ какъ судъ, образованный по уставамъ 20 ноября 1864 г., не оставляетъ болѣе въ подозрѣніи, но или обвиняетъ или оправдываетъ, то, вѣроятно, потому, въ соотвѣтствующей этой статьѣ, въ статьѣ 2226 т. II, ч. I, изд. 1876 г., приведенныя слова замѣнены другими: „неоправданными судебнымъ приговоромъ“. Замѣна эта, произведенная, надо полагать, въ кодификаціонномъ порядкѣ, также неудачна. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, извѣстныя положенія не устанавливались вполнѣ опредѣленно и примѣнялись, поэтому, весьма разнообразно, какъ по тому II, такъ и по Общему Положенію. Въ послѣднемъ изданіи Общ. Пол. разсматриваемыя слова соотвѣтствующей--182 ст. замѣнены другими: „состоящія подъ судомъ и слѣдствіемъ“, что, однако, тоже не соотвѣтствуетъ точному смыслу первоначальнаго закона. Вообще, ст. 114 возбуждаетъ разныя недоразумѣнія. Для разъясненія ея имѣется нѣсколько сенатскихъ рѣшеній. Но по свойству ея, и самыя эти рѣшенія—противорѣчивы.

Изъ настоящихъ обстоятельствъ, естественно, рождаются вопросы:

Какъ часты случаи неутвержденія волостныхъ старшинъ въ должности, и по какимъ поводамъ? Часто-ли приносятся на это жалобы и какъ разрѣшаются? Какъ понимаются выраженія: „оставленные въ подозрѣніи“ или „неоправданные судебнымъ приговоромъ“? Что именно въ этомъ отношеніи, по понятіямъ самихъ крестьянъ, служитъ препятствіемъ къ избранію того или другого лица? Не устраняются ли лица, подвергавшіяся аресту по рѣшенію судебныхъ мѣстъ?

Въ той же ст. 114 (183) препятствіемъ къ избранію выставляется „завѣдомо развратное поведеніе“. Въ какомъ смыслѣ понимается это выраженіе? Какое поведеніе почитается развратнымъ и что придаетъ ему свойство завѣдомаго? Какія вообще причины и обстоятельства подаютъ сельскимъ и волостнымъ сходамъ поводъ устранять отъ избранія извѣстныхъ лицъ на должности, замѣщаемыя не иначе, какъ по выбору? Кого сельскіе и волостные сходы предпочтительно избираютъ на должности? Охотно ли избираемыя лица слѣдуютъ желаніямъ обществъ? Не встрѣчается ли случаевъ стремленія уклониться отъ службы именно вслѣдствіе сопряженной съ нею крайней зависимости отъ уѣзднаго начальства? Какъ часты случаи неутвержденія избранныхъ, и по какимъ поводамъ? Какое жалованье обыкновенно присваивается должностнымъ лицамъ сельскаго и волостного управленія? Долго ли обыкновенно служатъ старшины? Какъ часто избираются волостные старшины и сельскіе старосты въ (до 5 октября 1906 г. въ кандидаты гласные земскихъ собраній? Какъ вліяютъ подобныя избранія на ходъ земскихъ и крестьянскихъ дѣлъ?

Статья 119 (189), указывая три условія—(возрастъ свыше 60 лѣтъ, трехлѣтняя служба по выборамъ и сильные тѣлесные недуги)—при которыхъ лицо, избранное обществомъ на какую-либо должность, можетъ отъ нея отказаться,—предоставляетъ сходу увольнять избранныхъ отъ службы—„и по другимъ причинамъ, кои признаетъ уважительными“.

По какимъ еще причинамъ избираемые и увольняются сходами въ порядкѣ ст. 119 (189)?

Между прочимъ, положеніями о крестьянахъ закавказскихъ предоставляется избранному право отказываться отъ должности также въ томъ случаѣ, „если, по роду своихъ занятій и хозяйственныхъ дѣлъ, не можетъ имѣть постояннаго пребыванія въ сельскомъ обществѣ“.

За исключеніемъ должностей сельскихъ и волостныхъ писарей, законъ въ ст. 115 (185) не указываетъ никакихъ препятствій къ назначенію тѣхъ или другихъ лицъ на другія должности, замѣщаемыя и по найму. Относительно ихъ требуется только положительное условіе—„хорошее поведеніе“. Какія создались въ обществѣ понятія о причинахъ, препятствующихъ занятію и должностей по найму? Почему въ отношеніи должностей, замѣщаемыхъ и по выбору и по найму, согласно желаніямъ самого общества,—крестьяне прибѣгаютъ именно къ тому или другому способу?

Въ отношеніи должностей, замѣщаемыхъ и по найму въ сельскихъ обществахъ, въ законѣ нѣтъ указанія на то, кѣмъ именно онѣ замѣщаются. По статьѣ 89 (107), волостныя должностныя лица, служащія по найму, назначаются волостнымъ правленіемъ. Отсюда являются вопросы:

Сельскимъ старостою или сельскимъ сходомъ назначаются служащіе въ сельскихъ обществахъ по найму? Не принимаетъ ли на себя волостной сходъ замѣщенія должностей по найму? Или не даетъ ли сходъ, по крайней мѣрѣ, указаній по этому предмету волостному правленію? Въ какомъ смыслѣ понимается выраженіе ст. 115 (183)—„опороченіе по суду"—какъ препятствіе къ назначенію на должность сельскаго писаря? Какъ понимается также и относительно писарей „завѣдомо-развратное поведеніе?" Каковы вообще условія замѣщенія должностей волостныхъ и сельскихъ писарей? Съ трудомъ или легко отыскиваются кандидаты на нихъ? Не назначаются ли волостные писаря прямо земскими начальниками и другими начальствующими лицами?

Изъ общаго смысла ст. 113 (182) усматривается, что для замѣщенія должностей по найму законъ предпочитаетъ мѣстныхъ жителей лицамъ постороннимъ.

Не предпринимаются-ли самими крестьянами какія-либо мѣры къ тому, чтобы и замѣщать должности по найму мѣстными жителями? Не приспособляются-ли, напримѣръ, для должностей сельскихъ и волостныхъ писарей ученики начальныхъ народныхъ училищъ?

Ст. 116 (185) не допускаетъ—„ни подъ какимъ предлогомъ"—соединенія должностей волостного старшины съ какою-либо иною должностью. Соединеніе же всѣхъ прочихъ должностей предоставляется усмотрѣнію общества.

Какія именно должности и совмѣщаются? Не совмѣщаются ли должности по выбору съ должностями по найму?

Ст. 89 (107) перечисляетъ дѣла, подлежащія не иначе какъ „рѣшенію правленія, единогласному или по большинству голосовъ наличныхъ членовъ".

Въ какомъ составѣ принято считать засѣданіе волостного правленія правильнымъ? Требуется ли присутствіе трехъ наличныхъ членовъ? Происходятъ ли засѣданія волостного правленія въ отсутствіи старшины или заступающаго его мѣсто? Какъ предлагаются, обсуждаются и рѣшаются дѣла въ волостныхъ правленіяхъ?

III. Полицейское право.

Сельскимъ и волостнымъ обществамъ предоставлены и вмѣнены въ обязанность разныя мѣры благоустройства, благосостоянія и безопасности.

Существуютъ ли и на какихъ основаніяхъ сельскія и волостныя училища? Не имѣется ли школъ грамотности? Не имѣется ли общественныхъ библіотекъ и не устроена ли продажа дешевыхъ народныхъ изданій? Какъ обезпечивается народное продовольствіе,—денежными капиталами или запасами зерна? Въ какомъ они состояніи и исправно ли содержатся и пополняются хлѣбозапасные магазины? Не превращены ли хлѣбные запасы въ деньги? Какой способъ наиболѣе обезпечиваетъ продовольствіе, по мнѣнію крестьянъ,—запасы хлѣба въ натурѣ или запасы, превращенные въ деньги? Не производятся ли общественныя запашки? Не оказываетъ ли общинное землевладѣніе какого-либо задерживающаго вліянія на развитіе хозяйства? Или, наоборотъ, не облегчаетъ ли оно введеніе хозяйственныхъ улучшеній соединенными усиліями? Какъ устроено общественное призрѣніе? Какія возбуждались ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и обученіи грамотѣ? Не существуетъ ли сельскихъ банковъ, кооперативныхъ обществъ, ссудо-сберегательныхъ товариществъ? Какъ происходитъ дѣятельность кредитныхъ учрежденій? Не сдѣлано ли покупокъ земли съ помощью крестьянскаго поземельнаго банка и къ чему онѣ привели?

Часто ли происходили семейные раздѣлы прежде, при существованіи закона 18 марта 1886 г., и теперь, съ отмѣною указомъ 5 октября 1906 г. обязательнаго разрѣшенія раздѣла сходамъ?

Нѣтъ ли винныхъ лавокъ въ селеніяхъ, гдѣ находится волостное и сельское управленіе? На какомъ разстояніи онѣ отъ волостныхъ правленій, школъ и проч.? Какъ смотрятъ крестьяне на пьянство и какія мѣры желательны, по ихъ мнѣнію, для борьбы съ нимъ? Какое вліяніе оказываетъ на нравственность населенія казенная продажа питей—тамъ, гдѣ она введена? Не возникаютъ-ли мѣстами ходатайства о закрытіи казенныхъ заведеній съ продажею крѣпкихъ напитковъ? Насколько обезпечивается населеніе отъ пожарныхъ убытковъ земскимъ страхованіемъ? Какія есть орудія для тушенія пожаровъ? Какія учреждены мѣры предупрежденія пожарныхъ бѣдствій?

На основаніи п. 10 ст. 58 (п. 9 ст. 74), сельскій староста желающимъ отлучиться крестьянамъ выдавалъ удостовѣренія о неимѣніи къ тому препятствій (до указа 5 октября 1906 г.).

Дѣйствовалъ ли онъ тутъ самостоятельно, или рѣшающее значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ сельскій сходъ? Какъ разрѣшались дѣла объ отлучкахъ, коль скоро по вопросу о нихъ сельскій староста расходился со сходомъ? Въ свою очередь, волостные старшины дѣйствуютъ ли самостоятельно при выдачѣ паспортовъ или совѣтуются съ волостными правленіями? Не взимается ли какихъ-либо особыхъ сборовъ съ отлучающихся по паспортамъ?

Какъ удовлетворяется потребность населенія въ юридической помощи?

IV. Финансовое право.

Финансовое значеніе общины общепризнано и общеизвѣстно. Выражается мнѣніе, что самая община и первоначально въ значительной степени была создаваема и поддерживаема государственною властью, въ финансовыхъ видахъ, какъ даровой органъ финансоваго управленія, дѣйствовавшій весьма успѣшно въ отношеніи раскладки и взиманія податей. Вполнѣ естественно, поэтому, отнесеніе именно въ настоящій отдѣлъ нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся и къ другимъ областямъ.

Пунктомъ 6 ст. 51 (п. 8 ст. 68) Общаго Положенія сельскому сходу предоставлены „дѣла, относящіяся до общиннаго пользованія землею, какъ-то: передѣлъ земель, накладка и скидка тяголъ, окончательный раздѣлъ общинныхъ земель на постоянные участки и т. п.“

Возникающіе отсюда вопросы, собственно, обслѣдованы достаточно. Но община переживаетъ въ настоящее время особое состояніе. Такъ, сильное воздѣйствіе получили на нее финансовыя мѣры: обязательный выкупъ помѣщичьихъ земель, облегченіе въ выкупныхъ платежахъ, распространеніе общаго выкупа земель на государственныхъ крестьянъ, наконецъ, уменьшеніе съ 1906 г. выкупныхъ платежей на половину, а съ 1907 г. и полное сложеніе этихъ платежей, равно какъ и, въ особенности, указъ 9 ноября 1906 г., превратившійся въ законъ 14 іюня 1910 г.

Какъ часто происходили общіе передѣлы земли? Какими причинами они вызывались? Давно ли произведенъ былъ по-

слѣдній таковой передѣлъ? Не существуетъ ли предположенія о новомъ передѣлѣ? Не встрѣчается ли какихъ препятствій къ осуществленію передѣла? Не затрудняется ли совершеніе общаго передѣла тѣмъ, что статья 47 (57) допускаетъ—по обычаю—усиленное представительство многотягольнаго двора, т. е. двора, обыкновенно заинтересованнаго существующимъ распредѣленіемъ земли? Не болѣе ли дорожатъ теперь крестьяне землею? Происходятъ ли и часто ли переверстки земли? Часто ли и на кого накидываются тягла и съ кого скидываются? Какое положеніе занимали прежде и занимаютъ теперь въ отношеніи земли женщины? Не бываетъ ли случаевъ отобранія полевыхъ надѣловъ и усадебъ на основаніи пункта 6 ст. 188 (353), въ видахъ взысканія недоимокъ? Часто ли примѣняется подобная мѣра въ отношеніи неисправныхъ плательщиковъ? Часто ли происходили выкупы по ст. 165 положенія о выкупѣ? Чѣмъ они вызывались? Отводились ли выкупленные надѣлы къ одному мѣсту? Насколько уменьшилось число выкуповъ по ст. 165 съ изданіемъ закона 14 декабря 1893 г., поставившаго выкупъ въ зависимость отъ согласія общества и среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ? Каково вообще положеніе выкупившихъ? Не было ли случаевъ отчужденія выкупленныхъ отдѣльно усадебъ и полевыхъ надѣловъ добровольно или по какимъ либо взысканіямъ? Остались ли выкупившія свои земли лица въ обществѣ или перешли въ другія сословія? Какое вліяніе имѣетъ выдѣлъ и выкупъ земли на благосостояніе домохозяевъ, которыми совершенъ? Есть ли случаи выдѣла подворныхъ участковъ среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ и погашенія оброчной подати? Владѣютъ ли лица, погасившія оброчную подать, своими участками чрезполосно или участки имъ, дѣйствительно, выдѣлены къ одному мѣсту?

Тѣ же вопросы по примѣненію указа 9 ноября 1906 г. или закона 14 іюня 1910 г. Какъ велико число лицъ, укрѣпляющихъ за собою участки въ собственность, также переходящихъ на хутора? Каковы условія жизни выдѣляющихся изъ общины? Каково отношеніе къ выдѣляющимся изъ общины со стороны остающихся въ ней и пр?

Примѣчаніемъ къ пункту 1 ст. 130 (208) установлено: „порядокъ и сроки сдачи увольняемыми крестьянами участковъ земли опредѣляются *мѣстными обычаями*; а если возникаетъ по сему предмету недоразумѣніе, то таковые сроки окончательно назначаются уѣзднымъ міровымъ съѣздомъ.“

Какой именно порядокъ примѣнялся въ этомъ отношеніи въ данномъ обществѣ? Въ какіе сроки сдавались надѣлы? Кому продавались постройки? Давался ли особый срокъ на сносъ построекъ?

Установившаяся практика въ этомъ отношеніи представляетъ большой интересъ и значеніе для характеристики того положенія, которое создается теперь, съ указомъ 9 ноября 1906 г.—закономъ 14 іюня 1910 г., облегчающимъ выходъ изъ общины съ сохраненіемъ надѣльной земли. Не встрѣчается ли примѣненіе этого указа съ препятствіями, коренящимися въ прежнихъ постановленіяхъ по этому предмету?

Пунктомъ 11 ст. 51 (п. 14 ст. 62) на сельскій сходъ возлагается: „раскладка всѣхъ лежащихъ на крестьянахъ казенныхъ податей, земскихъ и мірскихъ денежныхъ сборовъ, равно какъ земскихъ и мірскихъ натуральныхъ повинностей, и—порядокъ веденія счетовъ по означеннымъ податямъ и сборамъ." Согласно же ст. 243 изд. 1902 г., окладные листы составляются „отдѣльно на каждое селеніе или часть селенія, имѣющія отдѣльное владѣніе надѣльною землею." Съ другой стороны, пунктомъ 7 ст. 94 волостному сходу также предоставляется „назначеніе и раскладка мірскихъ сборовъ и повинностей, относящихся до цѣлой волости."

Какъ удовлетворяются мірскія волостныя и сельскія повинности? Какую сумму составляютъ, въ качествѣ мірского волостного капитала, денежныя взысканія, налагаемыя волостнымъ судомъ? Какую сумму составляютъ денежныя взысканія, налагаемыя въ дисциплинарномъ порядкѣ на крестьянъ сельскими старостами, волостными старшинами, а прежде (до указа 5 октября 1906 г.) и земскими начальниками? Какую сумму составляетъ плата не свыше 10 коп., взимаемая за внесеніе сдѣлокъ и договоровъ въ соотвѣтствующую книгу? Какую сумму составляетъ плата не свыше 20 коп., взимаемая за внесеніе въ книгу сдѣлокъ и договоровъ—условій о наймѣ, согласно ст. 20 положенія о наймѣ на сельскія работы? Не имѣется ли какихъ либо другихъ особо составленныхъ волостныхъ мірскихъ капиталовъ и оброчныхъ статей? Какая сумма волостного сбора раскладывается обыкновенно на сельскія общества? Какое основаніе принимается при этомъ во вниманіе: ревизскія души или какія либо другія условія даннаго сельскаго общества? Какъ производится раскладка сборовъ въ данномъ сельскомъ обществѣ? Раскладывается ли однообразно общая сумма всѣхъ сборовъ, кромѣ мірскихъ, или различаются

сборы земскіе отъ казенныхъ? Что принимается въ основаніе при раскладкѣ казенныхъ и земскихъ сборовъ: земля, дворы, работники, ревизскія или наличныя души мужескаго пола? Не устанавливается ли какихъ либо частныхъ сроковъ для взноса податей и сборовъ? Какіе сборы вносятся раньше? Какой именно порядокъ веденія счетовъ предписанъ каждымъ сельскимъ обществомъ? Не установленъ ли особый порядокъ для каждаго сбора или тѣхъ и другихъ сборовъ? Какія именно натуральныя повинности исполняются по найму?

Пунктомъ 8 ст. 67 (82) на сборщика податей возлагается: „раздача всѣмъ домохозяевамъ окладныхъ книжекъ или другихъ какихъ либо знаковъ, для помѣтъ о полученіи сборщикомъ денегъ, согласно съ принятымъ въ обществѣ порядкомъ."

Какіе именно знаки служатъ для расчетовъ между сборщиками и плательщиками? Обезпечиваетъ ли данный порядокъ правильность взиманія и расчетовъ по сборамъ?

Ст. 171 (230) сельскому обществу предоставляется опредѣленіе порядка храненія собранныхъ суммъ и статьею 67 (82) собственно на сборщика податей возлагается: „храненіе поступившихъ съ крестьянъ сборовъ и оброковъ, впредь до представленія куда слѣдуетъ, въ томъ мѣстѣ и тѣмъ порядкомъ, которые будутъ опредѣлены сходомъ."

Гдѣ именно и какъ установлено хранить сборы? Насколько обезпечивается при этомъ цѣлость суммъ?

На основаніи пункта 11 ст. 58 (п. 10 ст. 74), сельскій староста „завѣдываетъ въ порядкѣ, установленномъ обществомъ, мірскимъ хозяйствомъ и мірскими суммами."

Въ чемъ выражается это завѣдываніе, и какой именно порядокъ завѣдыванія установленъ? Насколько самостоятельно распоряжается въ этомъ дѣлѣ староста? Не происходитъ ли отсюда какихъ либо затрудненій?

Пунктомъ 12 ст. 51 (п. 15 ст. 62) возлагается на сельскій и—п. 6 ст. 76 (п 7 ст. 94) на волостной сходъ—повѣрка и учетъ должностныхъ лицъ. Ст. 175 (235) повторяетъ: „установленіе порядка учета старосты и сборщика въ собранныхъ ими и внесенныхъ въ казначейство суммахъ, предоставляется самому обществу." И ст. 184 (367) устанавливаетъ: „порядокъ счетоводства по мірскимъ сборамъ, храненія оныхъ, употребленія по назначенію и учета опредѣляются по усмотрѣнію сходовъ, сельскаго или волостного по принадлежности."

Какъ устроена учетная часть въ сельскихъ и волостныхъ обществахъ? Кто производитъ учетъ? Избираются ли учет-

чики или учетъ производится всѣмъ сходомъ? Сколько разъ дѣлается учетъ въ теченіе года? Существуютъ ли опредѣленные сроки для учета? Не производятся ли повѣрка и учетъ также внезапно? По какимъ поводамъ? Какимъ порядкомъ производится самый учетъ? Какъ часты бываютъ растраты должностными лицами ввѣряемыхъ имъ суммъ? Возмѣщаются ли онѣ и насколько? Чѣмъ объясняются растраты?

Какъ часто обществамъ приходилось отвѣчать круговою порукою за своихъ членовъ? Не возникали ли такіе случаи чаще изъ дурного веденія счетовъ по сборамъ и вслѣдствіе растратъ? Какой разрядъ односельцевъ оказывается наименѣе исправнымъ? Какія обыкновенно принимаются мѣры понужденія для взысканія недоимокъ? Какъ возмѣщали общества свои уплаты по круговой порукѣ? Какъ принимавшіяся мѣры отражались на личности крестьянина?

V. Гражданское право.

Въ виду предоставленія закономъ широкаго примѣненія обычаямъ въ гражданскомъ правѣ, весьма интереснымъ представляется изслѣдованіе какъ этихъ обычаевъ въ ихъ теперешнемъ состояніи, такъ и того вліянія, которое въ дѣйствительности принадлежитъ писаному гражданскому праву, на частно-правовыя отношенія крестьянъ, какъ оно выражается въ ихъ бытѣ и въ рѣшеніяхъ суда, образованнаго по закону или по обычаю.

Относящіеся къ настоящему отдѣлу вопросы могутъ быть представлены такъ:

Не существуетъ ли рукописнаго сборника обычнаго гражданскаго права крестьянъ? Какимъ порядкомъ и способомъ выводятся и доказываются или удостовѣряются положенія народно-обычнаго права? Обезпечиваетъ ли данный порядокъ и способъ правильное выясненіе обычныхъ частно-правовыхъ отношеній? Какъ часто и въ какихъ случаяхъ руководствуются крестьяне гражданскими законами въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и волостные суды въ разрѣшеніи дѣлъ? Какъ часто основываются, между прочимъ, на писаномъ гражданскомъ правѣ сдѣлки, являемыя въ волостномъ правленіи? Не обнаруживается ли стремленія основывать отношенія на томѣ X, ч. I, и чѣмъ оно объясняется?

На сколько лѣтъ допускается личный наемъ и наемъ недвижимыхъ имуществъ? Какъ разрѣшаются дѣла по займамъ въ отношеніи роста? Не существуетъ ли роста, опредѣленнаго обычаемъ? Не существуетъ ли опредѣленныхъ формъ довѣренности, установленныхъ обычаемъ? Что можетъ быть исполняемо по довѣренности? Какъ уничтожаются довѣренности?

Право руководствоваться мѣстными своими обычаями предоставлено крестьянамъ ст. 38 (13) Общаго Положенія. Тамъ же приведена ст. 39 (14), говорящая объ имуществѣ, поступающемъ въ пользу подлежащихъ сельскихъ обществъ. И именно изъ этихъ статей возбуждается одинъ весьма важный вопросъ: Какъ понимать выраженіе: „выморочное имущество“? Имѣется ли въ виду имущество, оставшееся послѣ крестьянъ, умершихъ безъ наслѣдниковъ вообще или только безъ тѣхъ наслѣдниковъ, которые допускаются народно-обычнымъ правомъ? Или тутъ разумѣется имущество, къ которому наслѣдники не указываются ни народно-обычнымъ, ни писанымъ гражданскимъ правомъ? Вообще, имѣется ли здѣсь въ виду выморочное имущество, признаваемое таковымъ по закону или по обычаю?

Каковы общія положенія обычнаго права наслѣдованія? Какъ составляются крестьянами духовныя завѣщанія? Что такое выморочное имущество съ точки зрѣнія обычнаго гражданскаго права? Признаются ли наслѣдниками усадебныхъ участковъ лица другихъ селеній и другихъ званій, принадлежавшія къ семействамъ, проживавшимъ на этихъ участкахъ? Не бывало ли случаевъ столкновенія обычнаго права съ писанымъ, которое могло выставляться заинтересованными лицами? Какъ и какими учрежденіями разрѣшались подобные случаи? Не разрѣшались ли они различно тѣми и другими учрежденіями? Сколько времени длились подобныя дѣла? Какъ поступали съ постройками, возведенными на отсужденной усадьбѣ? Принимаются ли мѣры охраны имущества собственно сельскими или волостными властями? Всегда ли учреждается опека надъ малолѣтними, независимо отъ того, осталось имъ какое-либо имущество послѣ родителей, или нѣтъ? Различаются ли возрасты несовершеннолѣтнихъ, согласно ст. 213 т. X, ч. I зак. гр.? Не принадлежатъ ли какія-либо распорядительныя дѣйствія до схода сельскому старостѣ? Кого обыкновенно сельскій сходъ назначаетъ опекунами и попечителями? Какія качества требуются обыкновенно отъ опекуновъ и попечителей? Какъ и кѣмъ сдается опекуну имущество малолѣтняго? Не дается-ли

опекуну отъ схода какого-либо наставленія? Устанавливается ли для опекуна какая-либо отчетность? Существуетъ ли и въ чемъ выражается надзоръ за дѣйствіями опекуна? Въ какихъ случаяхъ опекуны устраняются? Получаютъ ли опекуны вознагражденіе? Въ какомъ порядкѣ опека снимается? Не снимается ли она ранѣе достиженія опекаемымъ или находящимся подъ попечительствомъ гражданскаго совершеннолѣтія, т. е. 21 года? Какъ часты растраты опекунами имущества опекаемыхъ? Какъ часто вчинаются иски вышедшими изъ опеки къ опекунамъ? Какъ часто вообще возбуждаются жалобы по дѣламъ объ опекахъ и какъ разрѣшаются? Пріостанавливается ли теченіе давности для малолѣтнихъ въ гражданскихъ дѣлахъ? Какъ учреждается опека надъ личностью и имуществомъ малолѣтнихъ, оставшихся послѣ крестьянъ, приписанныхъ къ волости, а не къ сельскому обществу?

VI. Уголовное право.

Насколько волостные суды, дѣйствовавшіе по Общему Положенію, руководствовались сельскимъ судебнымъ уставомъ для государственныхъ крестьянъ? Не ограничивались ли они только разбирательствомъ дѣлъ о тѣхъ проступкахъ, которые именно предусмотрѣны названнымъ уставомъ? Или же волостные суды только примѣнялись къ нему въ отношеніи мѣры наказанія за тѣ или иные проступки, объявлявшіеся наказуемыми по обычаю? Какъ часто примѣнялось тѣлесное наказаніе и за какіе проступки? Каковы были воззрѣнія крестьянъ на эти наказанія и какъ эти воззрѣнія мѣнялись? Существовало ли раздѣленіе проступковъ на такіе, дѣла по которымъ начинались не иначе какъ по жалобамъ частныхъ лицъ, и на другіе, преслѣдуемые общественною властью, независимо отъ воли частныхъ лицъ? Существовало ли раздѣленіе запрещенныхъ дѣяній на умышленныя, неосторожныя и случайныя? Какъ разсматривалось опьяненіе? На какихъ основаніяхъ примѣнялись наказанія къ малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ? Принимались ли во вниманіе увеличивающія и уменьшающія вину обстоятельства? Примѣнялась ли какая-либо давность къ проступкамъ? Примѣнялось ли сложеніе или совокупность при наложеніи наказанія за два или болѣе дѣянія одновременно? Какъ часто постановлялись преобразованнымъ волост-

нымъ судомъ приговоры о тѣлесномъ наказаніи,—и при какихъ условіяхъ и за какіе проступки? Какая судьба постигаетъ эти приговоры,—утверждалось ли или замѣнялось арестомъ тѣлесное наказаніе со стороны земскаго начальника или уѣзднаго съѣзда? Въ какой мѣрѣ волостной судъ 12 іюля 1889 г. примѣняетъ къ подсуднымъ ему дѣяніямъ предоставленныя его власти наказанія?

VII. Судоустройство и судопроизводство.

Если обычный судъ существовалъ, то прекратилъ ли онъ свое существованіе со введеніемъ временныхъ правилъ о вол. судѣ 12 іюля 1889 г., не допускающихъ уже этого суда, или ранѣе?

Не существуетъ ли теперь вообще обычнаго суда въ селеніяхъ? Не является ли такимъ судомъ—по обычаю сельскій сходъ? Какимъ образомъ сельскій сходъ созывается въ такихъ случаяхъ и какія дѣла предпочтительно имъ разсматриваются? Не существуетъ ли также суда стариковъ, какъ постояннаго явленія? Какъ, кѣмъ и какія именно дѣла возбуждаются передъ такимъ судомъ? Не дѣйствуетъ ли судъ стариковъ или сосѣдей и сельскаго схода только въ порядкѣ примирительномъ и при добровольномъ обращеніи къ нему сторонъ, въ какихъ случаяхъ только онъ и можетъ имѣть юридическое значеніе? Не существуетъ ли особыхъ формъ производства дѣлъ и исполненія рѣшеній и приговоровъ суда, образованнаго по обычаю?

На основаніи п. 7 ст. 58 (74), сельскій староста „понуждаетъ къ исполненію условій и договоровъ крестьянъ между собою, а равно заключенныхъ съ помѣщиками и посторонними лицами, когда такіе договоры не оспариваются самими крестьянами.“

Въ чемъ выражалось и выражается такое понужденіе? Какъ дѣйствовалъ тутъ староста, — самостоятельно или при участіи сельскаго схода? Не возникло ли отсюда обычнаго суда сельскаго старосты? Не выработалось ли опредѣленныхъ формъ третейскаго по совѣсти суда? Кто по преимуществу избирается въ волостные судьи? Охотно ли крестьяне идутъ въ волостные судьи? Не совмѣщается ли должность вол. старшины съ должностью предсѣдателя вол. суда? Грамотны ли судьи, и если грамотны, гдѣ учились? Не встрѣчается ли

омнѣній относительно подсудности вол. суду? Существуетъ ли пріемъ словесныхъ прошеній и жалобъ? Часто ли обращаются къ сод. вол. суда лица, непринадлежащія къ крест. сословію и необязанныя къ нему обращаться, но имѣющія на это факультативное право? Часто ли волостной судъ собирается? Сколько приблизительно разбирается имъ дѣлъ, —уголовныхъ и гражданскихъ? Какія отношенія существуютъ между волостнымъ судомъ, съ одной стороны, и волостными старшинами и сельскими старостами, съ другой,— въ виду того, что старшинамъ и старостамъ предоставлено право дисциплинарнаго взысканія за маловажные проступки? Въ какихъ случаяхъ и при какихъ обстоятельствахъ волостн. старшины и сел. старосты примѣняютъ свою карательную власть? Не обращаются ли крестьяне добровольно къ разбирательству волостного старшины, сельскаго старосты или волостного суда—въ уголовныхъ дѣлахъ? Какимъ порядкомъ налагаетъ волостной старшина личныя взысканія на крестьянъ? Приглашаетъ ли онъ кого-либо для присутствованія при отдачѣ такихъ распоряженій? Не составляется ли при этомъ какой-либо актъ? Обжалуются ли дѣйствія волостного старшины по наложенію взысканій собственною властью? Не соблюдается ли особый порядокъ при примѣненіи карательной власти, предоставленной волостному старшинѣ надъ волостными должностными лицами статьею 126 (201)?

Разсматриваются ли волостнымъ судомъ дѣла, основанныя на домашнихъ сдѣлкахъ? Не разрѣшаются ли имъ также дѣла, основанныя на актахъ, явленныхъ у нотаріусовъ младшихъ или и утвержденныхъ старшими? Какъ понимается выраженіе постановленій о волостномъ судѣ о подлежащихъ волостному суду спорахъ и тяжбахъ—„о недвижимомъ и движимомъ имуществѣ въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла“? Какія имущества считаются входящими „въ предѣлы крестьянскаго надѣла“? Какія имущества считаются, наоборотъ, „внѣ надѣла“?

Существуетъ ли охранительное судопроизводство,—утвержденіе духовныхъ завѣщаній къ исполненію и утвержденіе въ правахъ наслѣдства, или утвержденіе правъ давностнаго владѣнія?

Въ отношеніи волостного суда весьма важными представляются два вопроса: 1) о публичности засѣданій, и 2) о повѣренныхъ.

Законоположенія о волостномъ судѣ 19 февраля 1861 г. вовсе не касаются подобныхъ предметовъ. Въ нихъ нѣтъ отвѣта на эти вопросы. Но если ставить ихъ въ связь съ

дѣйствовавшими среди государственныхъ крестьянъ сельскою и волостною расправами, то вопросы эти получаютъ, хотя косвенно, то или иное разрѣшеніе. Едва ли зато можно останавливаться положительно на отвѣтахъ, обосновываемыхъ подобнымъ образомъ. Ибо, во-первыхъ, самая связь между тѣмъ и другимъ судомъ нигдѣ не опредѣлена и не указана; во-вторыхъ, между волостнымъ судомъ и расправами существуетъ весьма большое различіе, и, въ-третьихъ, со времени дѣйствія расправъ, судопроизводство потерпѣло у насъ большія измѣненія.

1) Въ отношеніи вопроса о публичности и гласности засѣданій—ст. 5418, т. II, ч. I, изд. 1857 г. прямо постановляла: „постороннія лица, не участвующія въ дѣлахъ, разбираемыхъ сельскою расправою, не впускаются въ оную во время ея засѣданій". Но это было общее правило тогдашняго судопроизводства. Послѣ же изданія Судебныхъ Уставовъ оно было отмѣнено и для прежнихъ судебныхъ мѣстъ закономъ 11 октября 1865 г. Надо полагать, что оно было отмѣнено тогда же и для домашняго суда государственныхъ крестьянъ на тѣ три мѣсяца, которые оставались, до передачи госуд. крестьянъ, на основаніи закона 18 января 1866 г., въ вѣдѣніе учрежденій, образованныхъ для бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, съ распространеніемъ на нихъ правилъ о волостномъ судѣ. Не сталъ ли законъ предполагать также гласность и за волостнымъ судомъ съ этого же времени? По крайней мѣрѣ, въ положеніи о башкирахъ прямо постановлялось. „всѣ дѣла производятся въ волостномъ судѣ словесно, причемъ не воспрещается находиться и постороннимъ"? Такъ же разрѣшалъ этотъ вопросъ и и обычай, насколько извѣстно. Публичность организованнаго крестьянскаго суда, несомнѣнно, опредѣлялась и тѣмъ, что среди государственныхъ крестьянъ (и также казаковъ) нѣкоторыя судебныя дѣла разрѣшались прежде сходами,—какъ установленіями, всегда и вездѣ дѣйствующими гласно и публично. Вопросъ о публичности также не разрѣшается прямо временными правилами о волостномъ судѣ 12 іюля 1889 г., почему публичность въ судѣ на практикѣ мѣстами и нарушается, хотя по указываемымъ основаніямъ она полагается необходимою.

2) Что касается повѣренныхъ, то изъ смысла правилъ о производствѣ дѣлъ въ сельской и волостной расправѣ, можно заключить, что они допускались. Прямымъ основаніемъ къ этому заключенію служитъ также ст. 923 т. X, ч. 2, 1857 г., которою постановлялось: „государственные крестьяне, по про-

изводству дѣлъ ихъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, могутъ употреблять вмѣсто себя повѣренныхъ".—Но если въ статьяхъ о волостномъ судѣ нѣтъ указаній ни положительныхъ, ни отрицательныхъ по этому предмету, то 19 февраля 1861 г. вообще было распространено на крѣпостныхъ крестьянъ общее право употребленія вмѣсто себя повѣренныхъ, и въ отношеніи волостного суда никакихъ ограниченій сдѣлано не было (п. 1 и 2 ст. 24 Общаго Пол.).

Наконецъ, вопросъ объ участіи повѣренныхъ временныя правила о волостномъ судѣ 12 іюля 1889 г. въ мѣстностяхъ съ земскими начальниками разрѣшаютъ такъ (ст. 23): Для лицъ, подвѣдомственныхъ волостному суду, личная явка обязательна. Но изъ этого общаго правила дѣлаются нѣкоторыя исключенія. Лица, проживающія внѣ предѣловъ волости или далѣе пятнадцати верстъ отъ мѣста нахожденія волостного суда, могутъ замѣнять себя повѣренными изъ числа своихъ родственниковъ, домашнихъ или односельцевъ, если только послѣдніе не занимаются ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ за вознагражденіе. По причинамъ, препятствующимъ личной явкѣ и признаннымъ волостнымъ судомъ уважительными, такая замѣна можетъ быть разрѣшена волостнымъ судомъ и другимъ лицамъ. Затѣмъ, лица, неподвѣдомственныя волостному суду (то есть, необязанныя судиться въ волостномъ судѣ и обращающіяся къ его содѣйствію добровольно), могутъ замѣнять себя управляющими, приказчиками, старостами и другими лицами, завѣдующими у нихъ хозяйствомъ.

Такимъ образомъ, производство дѣлъ въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ существенныхъ отношеніяхъ, какъ въ прежнемъ, такъ и въ преобразованномъ волостномъ судѣ, опредѣляется въ весьма большой степени обычнымъ правомъ. Отсюда же можно поставить слѣдующіе—въ значительной мѣрѣ общіе для того и другого суда—вопросы:

Въ какомъ порядкѣ происходятъ засѣданія волостного суда? Бываютъ ли они публичными, или дѣла разсматриваются при закрытыхъ дверяхъ? Не дѣлятся ли дѣла на разбираемыя публично и при закрытыхъ дверяхъ? Допускаются ли повѣренные въ гражданскихъ дѣлахъ? Не допускаются ли повѣренные также въ какихъ-либо уголовныхъ дѣлахъ? Не допускаются ли повѣренные только со стороны лицъ другихъ сословій?

Какія причины преобразованный волостной судъ признаетъ уважительными,—освобождающими отъ личной явки и допу-

скающими замѣну повѣренными? Не примѣняется ли, какъ переживаніе прежняго порядка судопроизводства, очистительная присяга къ дѣламъ о проступкахъ? Не примѣняется ли присяга въ гражданскихъ дѣлахъ? Въ какой формѣ и кому дается присяга? Существуетъ ли отводъ судей или свидѣтелей и по какимъ поводамъ? Примѣняется ли приводъ? Не наказываются ли какъ-либо свидѣтели за неявку? Получаютъ ли они вознагражденіе? Уплачиваются ли стороною, проигравшею дѣло, судебныя издержки? Постановляются ли заочные приговоры или рѣшенія? Какъ поступаетъ судъ въ случаѣ неявки истца? Какое положеніе занимаетъ въ судѣ волостной писарь? Какъ ведется разбирательство дѣлъ? Удаляются ли свидѣтели въ другую комнату? Какъ и кѣмъ они допрашиваются? Какъ постановляется и объявляется рѣшеніе? Существуетъ ли предварительное исполненіе въ дѣлахъ гражданскихъ? Ожидается ли мѣсячный срокъ для приведенія въ исполненіе приговоровъ и рѣшеній вообще, въ виду мѣсячнаго срока на обжалованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ? Какія установились—по обычаю—правила для приведенія въ исполненіе рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, независимо отъ 384—407 ст. устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ? Не продаются ли выкупленные отдѣльными домохозяевами усадебные участки и полевые надѣлы въ удовлетвореніе частныхъ долговъ? Не продается ли имущество женъ въ удовлетвореніе долговъ мужей (что было бы неправильно, ибо на крестьянъ распространено дѣйствіе книги первой т. X, ч. 1 Зак. Граж.)? Въ какихъ помѣщеніяхъ и какъ содержатся арестуемые?

Приложеніе II.

Краткій указатель литературы по крестьянскому вопросу (преимущественно касающейся юридическаго положенія народа).

Аграрный вопросъ. Сборникъ статей. Изд. кн. Долгорукова и Петрункевича. Спб. 05. 2 р.

Алексѣевъ. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ XVIII—XIX вв. Спб. 02. 2 р. 50 к.

Астыревъ. Въ волостныхъ писаряхъ. Изд. 2. Москва. 05. 1 р. 50 к.

Базановъ. Основныя черты гражданско-правового строя крестьянъ, по положенію 19 февраля 1861 г. и послѣд. узаконеніямъ. Томскъ. 02. 40 к.

Бородинъ. Крестьянскій вопросъ наканунѣ созыва народныхъ представителей. Спб. 05. 1 р.

Боровиковскій. Отчетъ судьи. Томъ III. Дѣла мужичьи. Спб. 94. 75 к.

Бржескій. Очерки юридическаго быта крестьянъ. Спб. 02. 2 р.

Бѣляевъ. Крестьяне на Руси. Изд. 4. М. 03. 2 р.

В. В. Крестьянская община. 92.—Прогрессивныя теченія въ крест. хозяйствѣ. Спб. 92.

Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе Сытина. Редакція *Дживелегова, Мельгунова и Пичета.* 1911 г. 6 томовъ.

Витте. Записка по крестьянскому дѣлу. 05. 50 к.

Волконскій. Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. Рязань. 93.

Высочайше утвержденный 29-го мая 1911 года, одобренный Госуд. Сов. и Госуд. Думой *Новый законъ о землеустройствѣ,* съ приложеніемъ изданнаго 19 іюня 1911 г. Наказа землеустроительнымъ комиссіямъ по примѣненію Положенія о землеустройствѣ, закона 14 іюня 1910 г. (бывш.

Высоч. Указъ 9 ноября 1906 г.) и съ приведеніемъ статей дѣйствующаго Свода Законовъ, циркуляровъ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ и другихъ законоположеній и правительственныхъ распоряженій, на которыя имѣются ссылки въ текстахъ Положенія о землеустройствѣ и Наказа. Подъ редакціей В. И. Бафталовскаго. 1 руб.

Горемыкинъ. Сводъ узаконеній и распоряженій объ устройствѣ сельскаго состоянія и учрежденій по крестьян. дѣламъ. Изд. 5. 03. 7 р.

Громовъ. Укрѣпленіе и переходъ въ личную собственность надѣльной земли. 11 г.

Гуляевъ. Вопросы частнаго права въ проектахъ законоположеній о крестьянахъ. Кіевъ. 04. 1 р. 50 к.

Гурвичъ. Экономическое положеніе русской деревни. 97.

Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. Изд. 6. 2 р. 50 к.

Довнаръ-Запольскій. Матеріалы для исторіи крѣпостного права въ Россіи въ XVIII—XIX вв. Вотчинное законодательство. К—въ. 05. 2 р.

Дроздовъ, Крестьянскіе законы. Вып. 1. Права крестьянъ на землю. М. 10. 10 к.—Вып. II. Личныя, семейныя и наслѣдственныя права крестьянъ. М. 11. 10 к.—Около земли. Очерки по землеустройству. 40 к.

Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ. Спб. 97. 2 р.—Очерки крестьянской общественной жизни. 04. 1 р. 50 к.—Новое сельское общество. Изд. 3. 50 к.—Сельскій староста. Изд. 4. 10 к.—Волостное правленіе и волостной старшина. Изд. 4. 20 к.—Волостной сходъ. 04. 25 к.—Общепонятное законовѣдѣніе. Изд. 3. 1 р.—Крестьяне-граждане. 06. 20 к.

Дьяконовъ. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Спб. 10. Изд. 3. 2 р. 75.

Евреиновъ. Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Изд. 2. Спб. 04. 1 р.

Заблоцкій-Десятовскій. Графъ Киселевъ и его время. 4 тома. 1882 г.

Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Изд. 2. 03. 2 р. 50 к.

Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Изд. 2. 10 г. 1 р. 25 к.

Ильинъ Экономическіе этюды и статьи. 98.—Развитіе капитализма въ Россіи. 00. 2 р. 50 к.

Кауфманъ. Крестьянская община въ Россіи. Спб. 97 г.

Ключевскій. Курсъ русской исторіи.

Корниловъ. Крестьянская реформа. Спб. 05. 1 р. 50 к.— Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. Спб. 05. 2 р.

Кофодъ. Крестьянскіе хутора на надѣльной землѣ. 2 тома. Спб. 05. 2 р.

Кочаровскій. Русская община.

Крестьянскій строй. Сборникъ статей. Изд. кн. Долгорукаго и гр. Толстого. Спб. 05. 2 р. 50 к.

Леонтьевъ. Крестьянское право. Спб. 09. 2 р.

Лосицкій. Выкупныя операціи. 06. 30 к.

Лохтинъ. Къ вопросу о реформѣ сельскаго быта крестьянъ. М. 02. 1 р. 25 к.

Мануйловъ. Очерки по крестьянскому вопросу. Два выпуска. М. 04 и 05. 3 р.

Масловъ. Объ условіяхъ крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Спб. 02.

Мелкая земская единица. Сборникъ статей. Изд. кн. Долгорукаго и Шаховского. 2 р. 50 к.

Наказъ земскимъ начальникамъ. 30 к.

Наказъ землеустроительнымъ комиссіямъ. 50 к.

Никольскій. Земля, община и трудъ. Особенности крестьянскаго правопорядка. Спб. 02. 1 р.

Никоновъ. Крестьянскій правопорядокъ и его желательное будущее. Х. 06. 1 р.

Новиковъ. Записки земскаго начальника.

Нужды деревни. По работамъ комитетовъ о нуждахъ с.-х. промышленности. Сборникъ статей. Два тома. 6 р.

Общее положеніе о крестьянахъ. Изд. Земскаго Отдѣла 10. 3 р.

Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы. Изд. „Научнаго Слова". 1911 г. 3 р.

Освобожденіе крестьянъ. Сборникъ журнала „Жизнь для Всѣхъ". 1911 г. 85 к.

Освобожденіе крестьянъ на Западѣ. Изд. Водовозовой. 97. 1 р. 50 к.

Павловъ-Сильванскій. Феодализмъ въ удѣльной Руси. 10. 2 р. 50 к.

Пахманъ. Обычное гражданское право въ Россіи. Юридическіе очерки. 2 тома. Спб. 79. 15 р.

Пестржецкій. О преподаваніи узаконеній о крестьянахъ. Спб. 05. 30 к.

Положенія объ установленіяхъ, завѣдывающихъ крестьянскими дѣлами. Изд. 4-ое Земскаго Отдѣла м. в. д. съ Особымъ Дополненіемъ по 1 марта 1911 г. 3 р.

Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. 04. 2 р.

Протоколы по крестьянскому дѣлу. (Труды особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности).

Пѣшехоновъ. Земельныя нужды деревни и основныя задачи аграрной реформы. 05. 70 к.

Риттихъ. Крестьянскій правопорядокъ. 05.—Зависимость крестьянъ отъ общины и міра. 03. 3 р.

Рожковъ. Сельское хозяйство въ XVI вѣкѣ. 99.

Романовичъ-Славатинскій. Исторія дворянскаго сословія въ Россіи. 70 г.

Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о сельскомъ состояніи. Изд. Земскаго Отдѣла м. в. д. 1908 г. 2 р. 50 к. Дополненіе къ этому сборнику „Положенія объ установленіяхъ, завѣдывающихъ крестьянскими дѣлами". 50 к.

Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по пересмотру законовъ о крестьянахъ. 3 тома. 97 г. 11 р. 50 к.

Семевскій. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Спб. 03. 2 тома. 8 р. 50 к.

Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. 3 тома. Спб. 89—91 гг. 25 р.

Скребицкій. Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. 4 тома. 62—68 г. 20 р.

Страховской. Крестьянскія права и учрежденія. 1 р. 50 к.

Тальбергъ. Организація сельскаго управленія. По поводу проекта комиссіи мин. вн. дѣлъ. К—въ. 04. 50 к.

Тенишевъ. Административный строй русскаго крестьянина. 08. 1 р.—Правосудіе въ русскомъ крестьянскомъ быту. 07. 1 р.

Тернеръ. Крестьянское законодательство и движеніе его за послѣдніе десять лѣтъ. 01.

Тройницкій. Крѣпостное населеніе Россіи по 10-ой народной переписи Спб. 01.

Тютрюмовъ. Законъ 14 іюня 1910 г. объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій о крест. землевладѣніи. 11. 1 р. 50 к.

Ходскій. Земля и земледѣлецъ. Спб. 91. 5 р.

Хотунскій. Около волости. М. 02. 75 к.

Цытовичъ. Сельское общество, какъ органъ мѣстнаго управленія. Кіевъ. 1911 г. 1 р. 60 к.

Чернышевскій. Статьи по крестьянскому вопросу. 05 Вып. I. 80 к.

Чупровъ. Крестьянскій вопросъ. 1 р. 20 к.

Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Пер. съ нѣм. Шерръ. 00. 1 р.

СИБ. ... Коммун. ...ной